

ВОСТОЧНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

تاجهان بود از سر آدم فراز کس نبود از راه دانش بی نیاز
مردمان بخرد اندر زمان راه دانش را بهر گونه زبان

С тех пор как существует мирозданье,
Такого нет, кто б не нуждался в знанье.
Какой мы ни возьмем язык и век,
Всегда стремился к знаньям человек.

Рудаки

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В.ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

ВОСТОЧНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

*К 80-летию
Ю.А.Рубинчика*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2003

УДК 8
ББК 81
В78

Ответственный редактор
В.М.Алпатов

Составитель
С.Э.Талыбова

Восточное языкознание : К 80-летию Ю.А.Рубинчика / Отв. ред.
В78 В.М. Алпатов ; Сост. С.Э. Талыбова. — М. : Вост. лит., 2003. —
ISBN 5-02-018377-6 (в пер.).

В сборник включены статьи по различным восточным языкам, прежде всего по иранским — основной специальности доктора филологических наук Ю.А.Рубинчика, юбилею которого посвящена эта книга. Статьи объединены общей тематикой — актуальные проблемы лексики, грамматики, фразеологии, составления словарей.

ББК 81

ISBN 5-02-018377-6

© Российская академия наук
Издательская фирма
«Восточная литература», 2003

Слово о юбиляре

10 ноября 2003 г. исполняется 80 лет доктору филологических наук, профессору **Юрию Ароновичу Рубинчику**.

Иранистам нашей страны — молодым и не очень, начинающим путь в науку и умудренным опытом научной и педагогической деятельности, студентам и профессорам — хорошо известно это имя.

Юбилей ученого — повод подвести итоги его деятельности, оценить его вклад в науку. К этой дате Ю.А.Рубинчик подошел с научным багажом, который он копил всю свою сознательную жизнь. Ему была и остается присущей «одна, но пламенная страсть» — любовь к персидскому языку, к Ирану, к его народу, творцу этого языка, не случайно называемого «сладкозвучный фарси», «французский язык Востока», «второй язык ислама» и т.д. Огромное количество статей, целый ряд монографий, работа над редактированием двухтомного персидско-русского словаря, многочисленные выступления на конференциях и симпозиумах, целый отряд кандидатов наук, подготовивших и защитивших диссертации под его руководством, многочисленные ученики, работающие преподавателями в разных вузах, — вот что составляет итог многогранной деятельности на протяжении почти 60 лет.

В эти дни иранистическая общественность воздает должное научному подвижничеству ученого, в котором удачно воплощается талант исследователя, педагога и гражданина, принципиального и в высшей степени культурного и трудолюбивого человека. Все знающие Юрия Ароновича, знакомые с его работами отмечают широту его взглядов и охвата проблем персидского языка. Практически нет ни одного важного раздела персведения, в котором наш юбиляр не сказал бы своего весомого слова, не внес свой неоценимый вклад.

Ю.А.Рубинчик родился в 1923 г. в Москве в семье служащих. В июне 1941 г. окончил школу и в августе был призван в армию, при-

нял участие в обороне Москвы. В том же году он был зачислен на военный факультет Московского института востоковедения, впоследствии вошедший в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА), *alma mater* целой плеяды замечательных ученых: лингвистов, литературоведов, историков.

С октября 1945 г., после окончания ВИИЯ, Ю.А.Рубинчик вошел в состав его преподавателей, и с этого момента началась его научно-педагогическая деятельность. В 1953 г. закончил адъюнктуру и за успешную защиту диссертации был награжден командованием ВИИЯ именными часами.

Свой первый научный труд Ю.А.Рубинчик создал в ВИИЯ вместе с другим известным иранистом, тогда еще молодым преподавателем, Г.А.Восканяном. Это был «Вводный курс современного персидского языка» [1951], в котором впервые были изложены новые, систематизированные взгляды на фонетику современного персидского языка, описаны его фонемный состав и артикуляционная база персидских звуков.

Первой самостоятельной монографией Ю.А.Рубинчика стала написанная на основе его кандидатской диссертации, защищенной в 1953 г., книга «Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке» [1959]. Уже в этой работе автор показал себя тонким и вдумчивым исследователем, пришел к важным и интересным выводам.

Во-первых, Ю.А.Рубинчик дает четкую классификацию определительных придаточных предложений: это — собственно определительные и определительно-изъяснительные предложения. При характеристике структуры первых было введено понятие «местоименные подчинительные слова». Эти слова употребляются в сочетании с универсальным подчинительным союзом *ke* ('который', 'что', 'чтобы'...) и вместе с ним вводят придаточное предложение, определяющее имя: *nāte-yi ke dar ān...* 'письмо, в котором...' (букв. 'письмо, которое в нем...'). В функции подчинительных слов выступает ряд местоимений. При характеристике же определительно-изъяснительных придаточных вводится понятие «соотносительное слово», употребляемое в главном предложении вместе с указательными местоимениями *in* или *an* и обычно обозначающее отвлеченные понятия (акты мысли, речи, чувства и т.п.): *nokte* 'мысль', *towzu* 'вопрос, тема', *mas'ale* 'проблема' и др.

Во-вторых, весьма важным было впервые введенное понятие «выделительный артикль», что внесло наконец определенность в понимание значения и функции энклитического форманта *-i*, ибо до этого времени традиционно он рассматривался как сигнал обозначения разных значений, придаваемых имени (определенность, неопределен-

ность, единичность и указательность). Таким образом, артикль есть показатель грамматической категории имени — категории выделенности. Следует отметить, что эту мысль как новое слово в иранистике поддержал известный французский иранист Ж.Лазар (в 1966 г.), подтвердив приоритет отечественной иранистики в этом вопросе.

В связи с переходом в 1956 г. в Институт востоковедения АН СССР Ю.А.Рубинчик полностью отдается научно-исследовательской работе. При этом он никогда не оставался кабинетным ученым, всегда занимал активную жизненную позицию.

Второй монографией Ю.А.Рубинчика стала книга «Современный персидский язык» [1960] из серии «Языки зарубежного Востока и Африки». Это также была по-своему этапная работа, в сжатой форме дававшая описание фонетики, грамматического строя и словарного состава персидского языка и написанная на уровне языкознания и иранистики того времени. В 1971 г. эта книга с некоторыми изменениями и дополнениями была переведена на английский язык.

В последующие годы начался новый период в научной работе Ю.А.Рубинчика, ставшего руководителем коллектива составителей большого персидско-русского словаря. Именно благодаря настойчивости и твердости руководства Ю.А.Рубинчика коллектив смог создать столь необходимый и ожидаемый всеми иранистами словарь, известный среди специалистов как «Словарь Рубинчика», который выдержал три издания. Во втором издании (1983) словарь пополнился приложением новых слов и новым списком географических названий, составленными его редактором. К слову сказать, в 70-е годы словарь был одним из номинантов госпремии.

Отличительной особенностью словаря стали хорошо разработанная система построения статей, применение нужных помет, обилие иллюстративного материала, наличие большого числа фразеологизмов, а также приложений: географических названий, имен собственных, солнечного и лунного календарей, иранских единиц измерения. Наиболее важным приложением словаря стал «Грамматический очерк персидского языка», написанный Ю.А.Рубинчиком. Эта работа также явилась серьезным научным трудом уже приобретшего авторитет ученого.

Опыт работы над словарем и кропотливый и точный анализ словарного богатства персидского языка вполне закономерно и естественно вылились в работу над персидской фразеологией. Венцом этой работы стала монография «Основы фразеологии персидского языка» [Рубинчик 1981]. Этот капитальный труд, написанный на основе докторской диссертации, дает четкую картину состава и особенностей персидской фразеологии, структурно-семантическую характеристику фразеологических единиц (ФЕ).

Впервые в иранистике дается системное, научно обоснованное и достаточно полное описание фразеологии персидского языка. Используя работы отечественных иранистов в области фразеологии, исследования иранских ученых, Ю.А.Рубинчик создал стройное учение о персидской фразеологии. Несмотря на древнюю лексикографическую культуру Ирана, на широкое использование фразеологизмов в художественной литературе и повседневной речи иранцев, ни в самом Иране, ни в других странах не было создано столь всеобъемлющего и основополагающего труда, давшего, кстати сказать, толчок к дальнейшим исследованиям, и при опоре на теорию, созданную Ю.А.Рубинчиком, уже защищены несколько диссертаций по фразеологии персидского языка.

Значение работы Ю.А.Рубинчика тем более важно, что в персидском языке, языке аналитического типа, ФЕ играют огромную роль, выступая в функции частей речи, о чем будет сказано ниже.

В своем исследовании Ю.А.Рубинчик обосновывает необходимость широкого понимания объема фразеологии как в семантическом, так и в структурном плане, позволяющего включать в число ФЕ словосочетания, предложения, составные термины, моделированные образования, структурно представленные такими типами фразеологизмов, как именные, глагольные ФЕ и ФЕ-предложения. Разумеется, к фразеологизмам относятся и многочисленные пословицы и поговорки. На основе структуры фразеологизмов определены и их функции в языке: ФЕ-словосочетания выполняют **номинативную**, а ФЕ-предложения — **коммуникативную** функцию (хотя некоторые ФЕ с предикативной структурой типа *be har vasile-yi ke bud* 'во что бы то ни стало' не являются ФЕ коммуникативного типа). В то же время, как указывает Ю.А.Рубинчик, семантические взаимоотношения компонентов ФЕ позволяют выделить три вида фразеологического значения: **немотивированное**, например: *gorg-e bārān dide* 'стреляный воробей' (букв. 'волк, вымокший под дождем'); **частично мотивированное**: *sar-aš šāne nadārad* 'он не причесан' (букв. 'голова его расчески не имеет'); **мотивированное**: *došman-e dānā beh az nādān-e dust* 'умный враг лучше невежественного друга'.

В основу описания ФЕ в работе положен структурный признак, прежде всего описываются **именные** ФЕ: их лексический состав, семантико-грамматическая типология, средства связи компонентов. Это изафетные, предложные, копулятивные ФЕ, ФЕ с примыкающей и комбинированными видами связи и т.д.

Особое внимание уделяется **глагольным** фразеологизмам, этому посвящена самая большая часть (III) работы. И это не случайно, ибо глагольные ФЕ — сложные глаголы (СГ) и многочленные глагольные фразеологизмы (МГФ) — составляют основную массу персидских

глаголов. Выявление фразеологической природы сложных глаголов явилось кардинальным заключением, расставившим все на свои места, позволило правильно оценить место и функции в системе персидского языка этих ФЕ, возникших как результат его типологической эволюции — от синтеза к анализу. Именно фразеологическая природа СГ и близких к ним МГФ позволяет понять функционирование в речи их частей: именной части (ИЧ) и компонирующего глагола (КГ).

Особое место при анализе глагольных фразеологизмов — СГ и МГФ — уделяется такому характерному для персидского языка явлению, как рамочная конструкция (РК) глагольных фразеологизмов, в которой компоненты глагольного фразеологизма — ИЧ и КГ — располагаются либо в непосредственном контакте (*bar yax neveštan* 'толочь воду в ступе'), либо дистантно; при этом образуется «рамка», внутри которой располагаются второстепенные члены предложения: *vāred-e oṭāq šodan* 'войти в комнату' (СГ — *vāred šodan*), причем рамочными могут быть и МГФ.

Особенность рамочных конструкций заключается в том, что одни из них являются облигаторными, другие же — факультативными. Касаясь РК в другой своей работе, «Грамматика современного персидского литературного языка», Ю.А.Рубинчик отмечает, что дистантное расположение компонентов — это не просто свободное построение глагольной ФЕ. Факультативная РК позволяет гибко и дифференцированно выражать различные оттенки высказывания, она используется как средство стилистического и логического выделения второстепенных членов предложения [Рубинчик 2001, с. 447–448].

Логическим продолжением работы Ю.А.Рубинчика над словарем явилась монография «Лексикография персидского языка» [1991] — первая работа по иранским языкам, посвященная проблемам теории и практики составления словарей. В книге даются краткая история персидской лексикографии, ведущей свое начало еще с первых веков нашей эры, характеристика современных словарей, излагаются принципы лексикографического отбора слов и разработки фразеологии, структура словарной статьи, а также лексикографические проблемы орфографии, фонетики и транскрипции.

В промежутках между выходом монографий Ю.А.Рубинчик публикует множество статей, выступает с докладами по различным вопросам теории персидского языка, однако все они так или иначе находят отражение в более крупных работах. Таким образом, ученый работает целенаправленно, стремясь заполнить лакуны в персведении и иранистике.

Таким обобщающим и фундаментальным трудом явилась уже упомянутая «Грамматика современного персидского литературного языка» (далее — «Грамматика»), вышедшая в 2001 г. Обобщающим —

потому что в ней подытоживаются разработки как самого автора, так и других исследователей; фундаментальным — потому что затрагиваются и получают научное освещение кардинальные вопросы персидского языка в целом. Хотя главными в книге являются вопросы грамматики: морфологии и синтаксиса, однако в ней обсуждаются и вопросы фонетики, лексико-грамматической структуры слова, морфонологии, фразеологии и отчасти стилистики, и это логично, ибо язык — целостная система, где все взаимосвязано.

В вопросах фонетики Ю.А.Рубинчик полемизирует с теми иранистами, которые настаивают на признании в качестве дифференциального признака гласных фонем количественного критерия — долготы/краткости; он согласен с теми, кто ставит во главу угла качественный признак — устойчивость/неустойчивость, фактор, с которым согласны большинство исследователей и который подтверждается экспериментально. В отношении консонантизма Ю.А.Рубинчик считает необходимым признать наличие не 22 фонем, как полагают некоторые фонетисты, а 23, в частности, по его мнению, помимо традиционно признаваемых следует учесть и фонему (‘), обозначаемую на письме буквами «ейн» или «хамза». Наличие такой фонемы подтверждают и простые наблюдения за речью иранцев-дикторов радио и телевидения.

Пятая глава ч. I «Грамматики» («Фонетическая и морфологическая структура персидского слова») посвящена вопросам морфонологии, что связано с морфологической и словообразовательной структурой персидского слова. Опираясь на учение Н.С.Трубецкого и исследования К.И.Полякова, В.Б.Иванова, Б.Я.Островского (в области близкородственного дари) и других ученых, Ю.А.Рубинчик дает обобщенную концепцию роли и значения эпентических вставок как главного средства морфонологических изменений на стыке морфем, изафетных конструкций и словообразовательных дериватов, что важно с точки зрения восприятия реципиентом структуры слова и словосочетания, учитывая определенную «расшатанность» персидского слова. Главной эпентезой на стыке морфем в персидской морфонологии является эпентеза -у- (йот) как важнейший пограничный сигнал между морфемами. Автор формулирует четкие правила употребления этой эпентезы (10 правил), а также и других эпентез.

Для персидского языка, сугубо аналитического, актуальна проблема выделения именных частей речи, которой почти не касались ни иранские, ни западные лингвисты, хотя частично ее затрагивали в свое время В.С.Расторгуева, И.К.Овчинникова и особенно Л.С.Пейсиков. Используя их работы и собственные наблюдения, Ю.А.Рубинчик дает в «Грамматике» на основе семантического, морфологического и словообразовательного критериев следующую градацию имен:

— имена с субстантивным значением, существительные типа *miz* 'стол', *fil* 'слон';

— имена со значением качества и свойства предметов: *sorx* 'красный', *delčasp* 'привлекательный';

— имена с нерасчлененной семантикой (значение и признака, и носителя признака): *zir* 'низ', 'нижний', *irāni* 'иранский', 'иранец'.

Имена последней группы получают семантико-грамматическую конкретизацию лишь в контексте, и их огромное множество. Это связано с особой типологией языка, для которого характерна легкая проникаемость частей речи друг в друга, что находит выражение в транспозиции: полной, частичной или окказиональной субстантивации, адъективации и адвербиализации.

К этой проблеме примыкает и вопрос о роли фразеологизмов в персидском языке. Ввиду ограниченности морфологических средств в языке фразеологизмы нередко выступают в функции различных частей речи: существительных (*sandug-e ra'y* 'урна для голосования'), прилагательных (*maqrun-e be sarfe* 'экономичный'), наречий (*dar yek češm bar ham zadan* 'в мгновение ока') и др. Выше уже говорилось, что большую часть глаголов персидского языка составляют ФЕ — сложные глаголы и многочленные глагольные фразеологизмы. Эти ФЕ, выполняя функции соответствующих частей речи, в данном случае глагола, приобретают в речи (в предложении) и соответствующие грамматические категории. Все эти свойства фразеологизмов позволили Ю.А.Рубинчику сделать вывод фундаментального характера о значении в грамматике персидского языка фразеологизмов, функционирующих наравне с соответствующими лексемами, а именно признать за персидским языком статус особого, фразеологического языка.

Отметим другие существенные моменты и новые идеи в области морфологии и синтаксиса, разрабатываемые в «Грамматике».

Автор всесторонне анализирует части речи, особенно существительное и глагол. Касаясь категорий имени, он развивает дальше теорию постпозитивного выделительного артикля, показывая своеобразие этого форманта, претерпевшего длительную эволюцию от числительного *aiva* 'один' в древнеперсидском к *ē* (*ēv*) в среднеперсидском и к *ē* в новоперсидском. Подробно излагая функции артикля как дейктического средства, автор указывает 11 основных случаев его употребления, из чего можно прийти к выводу о расширении его функций в современном персидском языке.

Впервые в персидском автор «Грамматики» вводит понятие грамматической категории одушевленности/неодушевленности существительного. Данная категория выражается в современном персидском языке различно: по способу образования множественного числа

(разные суффиксы), по способу образования изафетного словосочетания с прилагательным с суффиксом *-āne*, по способу согласования сказуемого с подлежащим во множественном числе, по возможности замены существительных на соответствующие личные или указательные местоимения. Отметим, что в персидском языке понятие одушевленности может связываться помимо живых существ и с именами, семантически приравненными к ним: странами, континентами, городами, правительствами, министерствами, организациями, партиями и с некоторыми собирательными понятиями типа *mardom* 'народ', *matbuāt* 'печать, пресса', с которыми сказуемое согласуется во множественном числе. Грамматические показатели этой категории не всегда выявляются четко и регулярно, а порой наблюдается вариантное согласование/ несогласование в числе глагольных форм сказуемого и подлежащего, однако факт наличия этой категории в «Грамматике» доказывается вполне определенно.

Детальному и глубокому анализу подвергнута в книге весьма разветвленная система персидского глагола, его разнообразные структурно- и лексико-грамматические классы, его неличные формы — причастие и инфинитив. Пожалуй, ни в одной грамматике персидского языка не давалось столь полного научного описания глагола.

В связи с уже отмеченной большой ролью фразеологизмов, в особенности глагольных — СГ и МГФ, нельзя не остановиться на характере их функционирования при выражении ими различных грамматических категорий. Это хорошо видно на примере категории залога. Как известно, простые и префиксальные переходные глаголы образуют пассивную форму с помощью вспомогательного глагола *šodan*: *sāxtan* 'строить' и *sāxte šodan* 'строиться'. Что касается сложных глаголов, то часть из них могут образовывать пассивную форму: *taškil dādan* 'организовывать' → *taškil dāde šodan*, однако существует и непереходная пара этого же глагола — ФЕ *taškil yāftan*, т.е. в нем заменен компонирующий глагол, причем пассивное значение этого глагола (и других подобных) наиболее полно выражается на синтаксическом уровне. «Именно здесь, — указывает Ю.А.Рубинчик, — получает лексико-грамматическое выражение соотношение формы глагола сказуемого с субъектом, объектом и адресатом действия» [Рубинчик 2001, с.261].

Предложения, в которых логический субъект выражается описательно, с помощью агентивных предлогов *az taraf-e* 'со стороны', *be vasile-ye* 'посредством', *be dast-e* 'рукой' и т.д., по сути, являются пассивными конструкциями, в которых непереходный СГ может приобретать пассивное значение. Например, активная конструкция: *vazir namāyešgāh-ra eftetāh kard* 'министр открыл выставку'; пассивная: *namāyešgāh tavassot-e vazir eftetāh yāft* 'выставка открыта министром'.

В непереходном глаголе произошла замена КГ, при этом оба КГ от-дельно не соотносятся как переходный и непереходный (*kardan* 'де-лать' — *yāftan* 'находить'). В то же время регулярности в замене КГ при образовании пассивных конструкций (и формировании переход-ных и непереходных СГ) не наблюдается, что свидетельствует о фразеологической природе СГ (и МГФ) и определенной узуальности в компоновке ИЧ и КГ в составе СГ (и МГФ).

Почти половина содержания «Грамматики» посвящена вопросам синтаксиса. Несмотря на наличие ряда работ по синтаксису персид-ского языка (А.К.Арендса, Л.С.Пейсикова, А.М.Шафаи и др.), до сих пор не было достаточно полного и целостного освещения синтаксиса, если не считать весьма краткого описания синтаксиса самим Ю.А.Рубинчиком в упомянутых выше работах. Совершенно неполно освеще-ны вопросы синтаксиса и в трудах иранских лингвистов, которые обычно ограничивались анализом простого предложения. Ю.А.Рубин-чик, обобщив труды предшественников, добавил много нового в опи-сание синтаксиса персидского языка, кое-что подвергнув пересмотру и корректировке. Отметим наиболее существенные, на наш взгляд, моменты.

В «Грамматике» детально излагается теория словосочетаний в персидском языке. Ю.А.Рубинчик рассматривает словосочетания с точки зрения принадлежности их стержневого (главного) слова к той или иной части речи или грамматической форме: именные, инфинитив-ные, причастные, наречные и местоименные словосочетания. Кроме того, словосочетания в «Грамматике» классифицируются и по способу связи. Одна из этих классификаций связана с отношениями между членами словосочетания — сочинительными и подчинительными. Остановимся на первых из них. В заголовок этого раздела автор вы-носит вопрос: «Возможны ли сочинительные словосочетания?». Во-прос задан не случайно. Некоторые иранисты, в частности Л.С.Пей-сиков, полагают, что сочинительные словосочетания в персидском языке отсутствуют. Ю.А.Рубинчик, полемизируя с Л.С.Пейсиковым, показывает, что в персидском языке возможны сочинительные слово-сочетания копулятивного типа. Особенностью этих словосочетаний является наличие в них синонимичных слов, обычно парных, реже с тремя-четырьмя синонимами, соединенными союзом *va/o*: *sa'y-o kušeš* 'старание', *qasd-o hadaf* 'цель', 'намерение'. И хотя Ю.А.Рубин-чик считает, что такие словосочетания бытуют в персидском языке в виде небольшой группы, однако недавно защищенная под его руко-водством диссертация С.Э.Талыбовой показывает, что такие свобод-ные копулятивные сочинительные словосочетания широко использо-ются в художественной литературе и публицистике, причем они име-ют четкие признаки, отграничивающие их от копулятивных сложных слов и фразеологизмов.

По другой классификации, основанной на подчинительной связи между словами в словосочетании, Ю.А.Рубинчик выделяет изафетные словосочетания, словосочетания, построенные на примыкании, предложные словосочетания. Автор полемизирует с некоторыми иранистами (Л.С.Пейсиков, В.И.Миколайчик) по поводу так называемых словосочетаний с местоименной связью в предложениях типа: *ami zan-aš bimār šod* 'жена дяди заболела' (букв. 'дядя, жена его заболела'). В частности, Л.С.Пейсиков рассматривает комплекс *ami zan-aš* как словосочетание с местоименной связью, в котором, по его мнению, энклитика *-aš* — средство связи.

Однако на основании синтаксического и интонационного анализа этих сочетаний слов Ю.А.Рубинчик доказывает, что это не словосочетания, а комплекс в составе предложения; кроме того, в отличие от словосочетания с изафетной связью *zan-e ami* 'жена дяди', произносимого как единая синтагма, в сочетании *ami zan-aš* каждое слово произносится с повышением тона на последних слогах, а между ними возникает пауза. Таким образом, первое слово — антецедент — является обособлением, а сказуемое согласуется со вторым словом с энклитикой: *zan-aš*, а не с антецедентом.

В главах, посвященных предикативным структурам, также имеется ряд идей, позволяющих более четко классифицировать и характеризовать простые и сложные предложения.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют безличные предложения — односоставные предложения, в которых подлежащее как грамматическое выражение субъекта отсутствует. Главный член в персидском безличном предложении выражается простыми глаголами, специальными синтаксическими конструкциями, глагольными фразеологизмами и безличными фразеологизмами-предложениями (ФП). Последние, как указывает Ю.А.Рубинчик, — одна из наиболее распространенных структурных форм выражения синтаксической категории безличных предложений в персидском языке; например: *xande nadārad* 'не смешно', *kerāye nemikonad* 'не стоит', 'невыгодно' и др. Интересно, что многие ФП различаются по наличию/отсутствию слитных местоимений, обозначающих субъект, как **бессубъектные** (*farq nemikonad* 'безразлично') или **субъектные** (*sorfe-aš gereft* 'он закашлялся').

Наконец, в зависимости от степени устойчивости конструкции безличные предложения делятся на **свободные безличные предложения** (пять разновидностей и шесть подвидов) и **фразеологизированные безличные предложения** (четыре разновидности). В анализе безличных ФП Ю.А.Рубинчик успешно использовал свои исследования по фразеологии.

III раздел «Граматики» — «Сложное предложение» — представляет собой изложение целостной концепции синтаксиса сложного предложения.

Прежде всего автор убедительно показывает, что нет резкой границы между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. Дело в том, отмечает он, что в сложносочиненных предложениях помимо отношений сочинения или противительности могут выражаться и другие смысловые отношения: причинно-следственные, временная зависимость, определительные отношения: например, *mosenn šode-bud va un kār barāye u xeyli moškel minemud* 'Он постарел, и эта работа казалась ему очень трудной'.

Ю.А.Рубинчик впервые в истории персоведения дает подробнейшую структурно-семантическую характеристику сложносочиненных предложений и перечисляет основные виды семантико-синтаксических отношений и все средства связи между ними (союзы). Такой же детальный анализ приводится и в отношении сложноподчиненных предложений — союзных (всего 15 видов) и бессоюзных.

Последним посвящена заключительная глава III раздела, в которой анализируется этот малоизученный вопрос. Автор устанавливает три основные разновидности бессоюзных сложных предложений: бессоюзные сложносочиненные, бессоюзные сложноподчиненные и предложения, не имеющие соответствия ни в тех ни в других. Эти бессоюзные предложения получают обстоятельную характеристику в «Грамматике».

Следует особо подчеркнуть, что ни в нашей стране, ни в Иране и других странах не давалось столь детального и целостного освещения основных проблем синтаксиса, и хотя по отдельным вопросам синтаксиса имеется немало работ, но в России они не публиковались уже многие годы, а в других странах им не уделялось столь пристального внимания.

Вот почему можно с полным правом утверждать, что новый капитальный (надо полагать, не последний) труд Ю.А.Рубинчика — это квинтэссенция всей науки о строе и особенностях персидского языка. В статье невозможно изложить все богатство идей и новаций, которые изложены автором «Грамматики» с глубоким знанием дела, с четкостью и скрупулезностью, присущими подлинному ученому. Право же, специалисту лучше читать эту книгу, получая истинное удовольствие.

Хотелось бы, однако, упомянуть проблемы, которых мы здесь не коснулись, но которые получили отражение в книге: вопросы орфографии и орфоэпии, статус и роль арабских элементов в персидском языке, многие вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса, лексики и фразеологии. По каждому из этих вопросов Ю.А.Рубинчик сказал свое самобытное слово, излагая свои мысли как всегда четко, ясно и определенно, на прекрасном русском языке, подкрепляя их добротным материалом. В конкурсе работ сотрудников Института востоковедения РАН за 2001 год монография Ю.А.Рубинчика «Грамматика современного персидского литературного языка» заняла первое место.

Еще одна особенность ученого — умение ставить вопросы и указывать на нерешенные проблемы.

Ю.А.Рубинчик наравне с научной ведет активную педагогическую деятельность: преподает в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова и в Московском государственном лингвистическом университете, где читает лекции студентам разных курсов по теории грамматики персидского языка. В течение шести лет (1995–2000) был председателем государственной экзаменационной комиссии ИСАА по филологии.

Ю.А.Рубинчик поддерживает контакты с учеными-филологами Ирана. Еще в период напряженной работы над двухтомным персидско-русским словарем проводились консультации с П.Ханляри, С.Кия, Дж.Шахида, М.Абульгасеми, А.Тафаззоли, М.Батэни и многими другими. Он опубликовал ряд статей и рецензий на персидском языке в иранских журналах, неоднократно участвовал в научных конференциях по проблемам персидского языка, проходивших в Тегеране.

Все мы, знающие Ю.А.Рубинчика многие годы, всегда ощущали его доброжелательность, умение дать нужный совет, щедро поделиться своими мыслями с коллегами и многочисленными учениками.

Возраст юбиляра — солидный, сделано много, и все это — вклад в золотой фонд науки о персидском языке. Но деятельная натура подвижника науки не дает ему покоя, и он полон планов создания новых ценных трудов.

Пожелаем же уважаемому Юрию Ароновичу здоровья и новых свершений на благо науки, на благо отечественной и зарубежной иранистики.

Литература

- Арендс 1941 — *Арендс А.К.* Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М., 1941.
- Арсланбеков 1980 — *Арсланбеков А.И.* Категория залога в современном персидском языке и языке дари Афганистана (опыт сопоставительного анализа грамматической категории в двух близкородственных языках). Канд. дис. М., 1980.
- Белицын 1969 — *Белицын А.П.* Безличные предложения в современном персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Веретенников 1993 — *Веретенников А.А.* Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М., 1993.
- Восканян, Рубинчик 1951 — *Восканян Г.А., Рубинчик Ю.А.* Вводный курс современного персидского языка. М., 1951.
- Иванов 1996 — *Иванов В.Б.* Вокализм и просодика в персидском языке и дари. Автореф. докт. дис. М., 1996.
- Миколайчик 1980 — *Миколайчик В.И.* Основы теоретической грамматики персидского языка. Курс лекций. М., 1980.

- Островский 1969 — *Островский Б.Я.* Вопросы морфонологической системы разговорного языка кабули (чередования и дистрибуция алломорф). Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Пейсигов 1959 — *Пейсигов Л.С.* Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
- Пейсигов 1973 — *Пейсигов Л.С.* Очерки по словообразованию персидского языка. М., 1973.
- Пейсигов 1975 — *Пейсигов Л.С.* Лексикология современного персидского языка. М., 1975.
- Поляков 1988 — *Поляков К.И.* Персидская фонетика. М., 1988.
- Расторгуева 1953 — *Расторгуева В.С.* Краткий очерк грамматики персидского языка // *Миллер Б.В.* Персидско-русский словарь. 2-е изд. М., 1953.
- Рубинчик 1959 — *Рубинчик Ю.А.* Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке. М., 1959.
- Рубинчик 1960 — *Рубинчик Ю.А.* Современный персидский язык. М., 1960.
- Рубинчик 1981 — *Рубинчик Ю.А.* Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
- Рубинчик 1985 — *Рубинчик Ю.А.* Грамматический очерк персидского языка // Персидско-русский словарь. В 2-х томах / Под ред. Ю.А.Рубинчика. 3-е изд. М., 1985.
- Рубинчик 1991 — *Рубинчик Ю.А.* Лексикография персидского языка. М., 1991.
- Рубинчик 2001 — *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Талыбова 2002 — *Талыбова С.Э.* Копулятивные словосочетания в персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 2002.

*Ю.А.Рубинчик —
видный ученый-иранист*

С Юрием Ароновичем Рубинчиком судьба свела меня в Москве, в Военном институте иностранных языков Красной Армии, когда в 1948 г., после окончания этого учебного заведения, я был прикомандирован в качестве преподавателя персидского языка к кафедре арабского, персидского и афганского языков, возглавляемой в то время Л.С.Пейсиковым, впоследствии известным ученым-иранистом.

На кафедре царила деловая, творческая обстановка, стимулировавшая активное включение молодых преподавателей в научно-педагогическую деятельность. Мы присматривались к своим старшим товарищам. Ю.А.Рубинчик сразу же обратил на себя мое внимание, хотя и не относился к числу преподавателей со стажем.

Работая преподавателем на кафедре всего несколько лет, он уже четко определился в отношении своей будущей научно-педагогической деятельности. Меня поразили его глубокий интерес к научному поиску, целеустремленность в достижении поставленных задач. Естественно, это был хороший пример для подражания, и не воспользоваться им было невозможно.

В те годы Ю.А.Рубинчик много внимания уделял совершенствованию учебной базы и созданию дидактических пособий на кафедре. Не будет преувеличением сказать, что он явился инициатором подготовки такого нелегкого труда, как Учебник по фонетике персидского языка. Позже к этой работе был подключен и автор этих строк.

С высоты современных достижений в области фонетики иранских языков в целом и персидского языка в частности трудно представить, с какими трудностями столкнулись авторы при написании указанного учебника. В то время, кроме разрозненных сведений о звуках персидской речи, не было никаких пособий по данному предмету, не говоря

уже о наличии описания фонемного состава этого языка. Авторам пришлось, основываясь на своих знаниях звуковой стороны персидского языка и других опытных преподавателей, определить фонемный состав и дать характеристику звуков, описать системы их артикуляции. Естественно, без изучения и усвоения научных трудов по фонетике, созданных отечественными учеными, достичь намеченной цели было невозможно. Поэтому при написании Учебника авторы широко использовали труды А.В.Щербы, М.И.Матусевич и др. по общим вопросам фонетики. По вопросам методики преподавания фонетики были использованы учебники и работы А.Л.Трахтерова, В.Н.Выготской, О.А.Норк и др. По специальным вопросам использовалась в основном диссертация Л.С.Пейсикова «Опыт фонетическо-грамматической характеристики персидского (тегеранского) просторечия», а также работы В.С.Сokolовой «Фонетика таджикского языка» и некоторые другие.

Данная работа впервые предусматривала в практике преподавания персидского языка одновременное изучение звукового состава и письменности, а также элементов грамматики. Это позволило построить Учебник в соответствии с новыми требованиями методики обучения звукам иностранного языка. Новизна этого метода заключалась в том, что он позволял отрабатывать правильное произношение не на отдельных словах, порой малоупотребительных, а в потоке речи, на базе коротких осмысленных текстов. Это, в свою очередь, позволяло прививать навыки интонирования простейших предложений.

Как показала практика преподавания по «Вводному курсу», такой методический подход был вполне оправдан и создавал хорошие возможности для усвоения учащимися предъявляемого материала. Существовало этому и то, что характеристика персидских звуков давалась в сравнительном плане с русским языком, а также и то, что в учебнике содержались методические рекомендации и указывались пути предотвращения интерферирующего влияния родного языка.

Совместная и довольно тесная работа с Ю.А.Рубинчиком над «Вводным курсом» дала мне возможность обратить внимание на его черты как ученого: его научную добросовестность, пытливость, стремление глубоко проникнуть в суть изучаемого явления, что, естественно, положительно влияло на работавших с ним коллег. Дальнейшие научные исследования Ю.А.Рубинчика еще больше подтвердили правильность моих суждений.

Важным этапом в научной работе кафедры стала подготовка Ю.А.Рубинчиком курса лекций по грамматике персидского языка. Отсутствие сколько-нибудь цельных и обобщающих работ в данной области серьезно затрудняло работу автора. Ему пришлось буквально по крупицам собирать и обобщать необходимую информацию, заниматься исследованием многих нерешенных проблем морфологии

и синтаксиса персидского языка. Курс лекций, подготовленный им, в течение многих лет успешно использовался при чтении лекций по теоретической грамматике.

Значительным личным творческим успехом Ю.А.Рубинчика и серьезным вкладом в иранистику следует считать его кандидатскую диссертацию «Сложное предложение с придаточными определительными в современном персидском языке», защищенную в 1953 г.

Ценность этой работы заключается в том, что в ней впервые подробно рассматриваются вопросы синтаксиса сложного предложения в персидском языке. В то время эта проблема не была разработана в достаточной степени, и основные вопросы теории сложного предложения оставались нерешенными.

Что касается непосредственно темы диссертации, то вопросы, поднятые и исследованные в ней, настолько обширны и многогранны, что рассматривать их в данной статье не представляется возможным. Укажем лишь, что четкий анализ структуры сложного предложения с придаточным определительным, выделение в нем двух типов предложений (собственно-определительных и определительно-изъяснительных), рассмотрение в несколько иной, чем ранее, плоскости выделительного артикля, союза *ke*, способов подчинения придаточного с использованием местоименных подчинительных слов и исследования и выводы по другим вопросам явились ценным вкладом как в теорию персидского языка, так и в практику его преподавания.

В 1960 г., к 25-му съезду востоковедов, выходит в свет работа Ю.А.Рубинчика «Современный персидский язык». После внесения добавлений и изменений это произведение было опубликовано в 1971 г. на английском языке.

Значительное место в исследованиях Ю.А.Рубинчика занимают вопросы фразеологии персидского языка. Как в докторской диссертации, так и в монографии, посвященных этой проблеме, опираясь на большой фактический материал, он обстоятельно формулирует главные признаки фразеологических единиц; их функционирование в речи имеет большое теоретическое и практическое значение. Трудно себе представить составление любого словаря без четкого знания правил оформления фразеологических единиц, их структуры и семантики.

В работах, связанных с персидской фразеологией, анализируется целый ряд важных, злободневных проблем, с которыми сталкиваются как ученый-исследователь, так и практический работник. К ним можно отнести такие понятия, как «сложный глагол», «рамочная конструкция», многочленные глагольные фразеологизмы. Несомненно, что их рассмотрение и предложенные выводы способствуют дальнейшему изучению этой сложной темы и повышению эффективности преподавания персидского языка.

Можно с уверенностью сказать, что эти исследования, основанные на обширном языковом материале и опирающиеся на известные теоретические работы по данному вопросу в других языках, принесут пользу для дальнейшей разработки общетеоретических проблем фразеологии.

Фундаментальные работы Ю.А.Рубинчика в области фразеологии стали отправным моментом в приобщении исследователей к этой проблематике. Они послужили толчком для дальнейшего изучения проблем глагольной фразеологии персидского языка А.А.Веретенниковым, фразеологии таджикского языка С.В.Хушеновой, фразеологии персидского языка в роли различных частей речи Г.А.Коганом, для написания серии статей по данной теме.

Трудно переоценить значение исследований Ю.А.Рубинчика в области персидской лексикографии. В статьях и монографии, посвященных этому вопросу, поднимаются актуальные проблемы, решение которых, несомненно, способствует четкому представлению о принципах лексикографического отбора слов и их функционально-стилистической характеристике. Учитывая своеобразие персидской фразеологии по структуре и семантике, Ю.А.Рубинчик уделяет этой проблеме большое внимание, разрабатывает такие вопросы, как способы размещения фразеологии в словаре, структурные типы фразеологизмов и выделение опорного слова, лексико-структурные варианты именных фразеологизмов, место архаичной, заимствованной лексики и неологизмов в словарной статье, основные виды глагольных фразеологических единиц и критерии их разграничения в словаре.

Решение этих и других проблем позволило коллективу авторов, в числе которых можно отметить таких знатоков персидского языка, как Дж.Х.Дорри, М.Н.Османов, Л.Н.Киселева и другие, создать под руководством Ю.А.Рубинчика фундаментальное произведение — «Персидско-русский словарь» (в двух томах), выдержавший несколько изданий в нашей стране и за рубежом. Теоретические разработки по лексикографии персидского языка, проведенные Ю.А.Рубинчиком, получили четкое отражение в этой работе, придали ему научный характер и сделали его лучшим произведением иранской лексикографии.

Заметным явлением в лексикографии стало второе издание указанного словаря, подготовленное Ю.А.Рубинчиком. Взяв на себя этот нелегкий труд, он в известной степени переработал первое издание, включил в него дополнительные материалы, неологизмы и новые географические названия. Прделанная работа была сопряжена с многочисленными трудностями вследствие отсутствия в то время систематизированных, лексикографически зафиксированных неологизмов персидского языка, разноголосицы в трактовке значений отдельных лексических единиц.

Рассматривая научную деятельность Ю.А.Рубинчика, нельзя не отметить его заметную роль в подготовке молодых кадров ученых, успешно защитивших диссертации по актуальным вопросам иранистики. Он осуществил научное руководство работами около двадцати соискателей, многие из которых продолжают трудиться в различных областях иранистики.

Хотелось бы также отметить постоянные контакты и творческую связь Ю.А.Рубинчика со многими востоковедными научными и учебными заведениями, в том числе Военным университетом, где он выступает с докладами, сообщениями перед преподавателями. Будучи участником Великой Отечественной войны и видным ученым, он делится своим жизненным опытом с учащимися, что имеет немаловажное значение для воспитания молодого поколения.

Вся творческая деятельность Ю.А.Рубинчика, его неустанный труд во имя развития науки, значительные научные достижения, существенный вклад в иранистику снискали ему уважение научной общественности в нашей стране и в Иране и поставили в ряд видных ученых. Иранские ученые с большим уважением относятся к Ю.А.Рубинчику, отдают должное его вкладу в развитие иранистики. Свидетельством этого являются неоднократное награждение его призами и приглашения в качестве почетного гостя в Иран для участия в конференциях, постоянное общение с иранскими учеными.

В 2001 г. вышел в свет капитальный труд Ю.А.Рубинчика «Грамматика современного персидского литературного языка», явившийся плодом его многолетней исследовательской работы. Это произведение стало серьезным вкладом в современную иранистику. В нем исследованы многие актуальные проблемы персидского языка, приведены в строгую научную систему вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса, и он, несомненно, обогатит наши знания как в теоретическом, так и в практическом отношении. Естественно, такой солидный труд нуждается в более подробном и детальном рассмотрении, что не позволяют сделать рамки этой статьи.

Будем надеяться, что Ю.А.Рубинчик порадует нас новыми работами, решением насущных проблем, которые постоянно выдвигаются им самим и которые ставит жизнь.

Биобиблиографическая справка

Литература о жизни и трудах Ю.А.Рубинчика

- Рубинчик Ю.А.* — Библиография Ирана. Ссылка на 14 работ. М., 1967, с. 371.
Список основных научных трудов доктора филологических наук Ю.А.Рубинчика.
(К 60-летию со дня рождения). Сост. С.Д.Милибанд. — Народы Азии и Африки. 1984, № 1, с. 212–213 (Хронологический перечень 40 книг и статей за 1951–1982 гг.).
- Рубинчик Ю.А.* — Таджикиская советская энциклопедия. Душ., 1986, с. 421–422 (на тадж. яз.).
- Рубинчик Ю.А.* — Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. II. М–Я. М., 1995, с. 335–336.
- Рубинчик Ю.А.* — Энциклопедия ведущих языковедов мира. М., 2000.

Основные труды Ю.А.Рубинчика

Монографии, учебники

- Вводный курс современного персидского языка (совместно с Г.А.Восканяном). М., 1951. 180 с.
- Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке. М., 1959. 218 с.
- Современный персидский язык. М., 1960. 140 с.
- Грамматический очерк персидского языка. Приложение к «Персидско-русскому словарю». Т. 2. М., 1970, с. 793–847.
- Персидско-русский словарь. В 2-х т. Отв. редактор и руководитель авторского коллектива. М., 1970. Т. 1. 782 с. / Т. 2. 848 с. (2-е изд., 1983, с приложением новых слов и географ. названий, составленным Ю.А.Рубинчиком. 3-е изд., 1985).
- The Modern Persian Language. М., 1971. 134 p.
- Основы фразеологии персидского языка. М., 1981. 275 с.
- Лексикография персидского языка. М., 1991. 222 с.
- Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001. 600 с.

- О двух видах придаточных определительных предложений в современном персидском языке. — Труды Военного института иностранных языков. М., 1955, № 1.
- Природа и функции персидского подчинительного союза *ke*. — Краткие сообщения Института востоковедения. 1959, № 36.
- К характеристике персидских имен существительных *kas* и *čiz* (о характере сочетания имя существительное + артикль). — Краткие сообщения Института востоковедения. 1961, № 40.
- Образование устойчивых словосочетаний в современном персидском языке на основе сложных предложений с придаточными определительными. — Иранский сборник. М., 1963.
- Структурно-семантические свойства сложносочиненных предложений с союзом *va* в современном персидском языке. — Иранский сборник. М., 1963.
- Некоторые принципы составления персидско-русского словаря. — Краткие сообщения Института народов Азии. 1963, № 72.
- Основные виды бессоюзных сложных предложений в персидском языке. — Индийская и иранская филология. М., 1964.
- О характере фонетических изменений арабских заимствований в персидском языке. — Семитские языки. М., 1965, вып. 2 (ч. 2).
- Рецензия на: *Моин М.* Толковый словарь персидского языка. [Б.м., б.г.] — Народы Азии и Африки. 1965, № 4.
- Некоторые особенности произношения арабских слов в персидском языке. — Сохан (на перс. яз.). Тегеран, 1968, № 3.
- Современное состояние персидской орфографии. — Народы Азии и Африки. 1969, № 2.
- Языковые проблемы современного Ирана. — Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970.
- Персидский сложный глагол как разновидность глагольных фразеологизмов. — Индийская и иранская филология. Вопросы лексики. М., 1971.
- Сложный глагол в персидском языке — слово или фразеологизм? — Вопросы фразеологии. V, ч. II, 1972. — Труды Самаркандского государственного университета им. А.Навои. Вып. 219.
- Рецензия на: *Парвиз Ханляри.* История персидского языка. Структура глагола. [Б.м., б.г.]. — Народы Азии и Африки. 1972, № 2.
- Рамочная конструкция и структурно-семантическое единство фразеологизмов (на материале персидской фразеологии). — Народы Азии и Африки. 1973, № 4.
- К значению пословиц и поговорок. — Вопросы семантики индоевропейских языков, 1973. — Труды Самаркандского государственного университета им. А.Навои. Новая серия. Вып. 246.
- Фразеологизмы-предложения и их место в составе фразеологии персидского языка. — Народы Азии и Африки. 1974, № 3.
- Некоторые вопросы семантической структуры фразеологизмов. — Проблемы семантики. М., 1974.
- Именные фразеологические единицы персидского языка. — Известия АН Тадж. ССР. Отдел общественных наук. Душ., 1975, № 3.

- О грамматической и семантической структуре именных фразеологизмов в персидском языке. — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
- Персидский сложный глагол и вопросы образования рамочной конструкции. — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
- Типы семантических изменений арабских заимствований в персидском языке. — Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976.
- Определение объема фразеологии и вопросы включения фразеологизмов в словарь персидского языка. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981.
- Явление факультативности во фразеологии персидского языка. — Труды Тбилисского университета. Тб., 1983, вып. 241.
- Некоторые особенности формирования и развития лексики современного персидского языка (период до революции 1979 г.). — Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период). М., 1985.
- Новая лексика персидского языка и пути ее пополнения. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1981. М., 1985.
- О соотношении персидского литературного и обиходно-разговорного языка. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1982. М., 1987.
- Problems of Lexicographic Elaboration of Phraseology in Dictionaries of the Persian Language. — Linguistics, A Soviet Approach. Calcutta. April, 1988.
- Особенности функционирования форм арабского ломаного множественного числа. — Иранско-афразийские языковые контакты. Вып. 2. М., 1991.
- Языки и письменности. — Современный Иран. Справочник. М., 1993.
- Нормализационные процессы в современном персидском литературном языке. — Языковая норма. Типология нормализационных процессов. Институт языкознания РАН. М., 1996.
- Участие арабских заимствований в персидском словообразовании. — Исследования по иранской филологии. Вып. 1. МГУ. ИСАА. Кафедра иранской филологии. М., 1997.
- Некоторые особенности развития персидского языка в Исламской Республике Иран. — Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.
- Структурные типы арабских заимствований в персидском языке. — Общее и восточное языкознание. Сб. научных трудов, посвященных 70-летию чл.-кор. РАН В.М.Солнцева. М., 1999.
- Некоторые проблемы совершенствования персидского языка в конце XX в. — Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее и будущее. М., 1999.
- Явления морфонологии в современном персидском языке. — Исследования по иранской филологии. Вып. 2. МГУ. ИСАА. Кафедра иранской филологии. М., 2000.
- Лексико-грамматическая структура персидского слова. — Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М., 2000.
- Проблема согласования главных членов предложения в персидском языке. — Исследования по иранской филологии. Вып. 3. МГУ. ИСАА. Кафедра иранской филологии. М., 2002.

Общее количество публикаций — более 130.

Какие наклонения существуют в японском языке?

Одной из категорий глагола, традиционно выделяемых в описательных грамматиках конкретных языков, является наклонение. Впрочем, в отношении японского языка этот термин распространен преимущественно в отечественных работах. В западной японистике последних десятилетий его стараются не употреблять, а формы глагола чаще перечисляют списком, без попыток вскрыть системные отношения в парадигме [Block 1970, с. 6–7; Miller 1967, с. 316–317]. Японская традиционная лингвистика описывает соответствующие явления в иных терминах, о наклонениях говорят лишь наиболее европеизированные лингвисты, в том числе испытывавшие влияние советского языкознания [Suzuki 1972; Takahashi 1979]. Показательно, что сам термин *muudo* представляет собой заимствование.

Те же японисты, прежде всего у нас, которые говорят о наклонениях, по-разному понимают как объем категории, так и конкретный состав категориальных форм. Автор первой русской грамматики японского языка выделял шесть наклонений: изъявительное, повелительное, условное, уступительное, вероятное, желательное [Смирнов 1890, с. 30]. Н.И.Конрад писал всего о трех наклонениях: повелительном, желательном и дубитативном [Конрад 1937, с. 285–292], однако в другом месте его книги сказано и о существовании изъявительного наклонения [Конрад 1937, с. 345]. Н.И.Фельдман находила шесть наклонений; их список близок списку Д.Д.Смирнова, но вместо вероятного там имеется долженствовательное [Фельдман 1960, с. 45–46].

Принципиально иная точка зрения у Е.М.Колпакчи, признававшей в японском языке изъявительное, отрицательное, повелительное, запретительное, вероятное, отрицательно-вероятное (дубитативное) и желательное наклонения [Колпакчи 1956, с. 144–145]. Со специальной

статьей, обосновывающей выделение предположительного (вероятного) наклонения, выступил И.В.Головнин [Головнин 1955]. Позже в своей грамматике он выделил две группы категории наклонений: в первую группу включены изъявительное, или наклонение нейтральной достоверности, предположительное, или наклонение проблематической достоверности, и категорическое, или наклонение подчеркнутой достоверности; во вторую группу — положительно-повелительное, или наклонение позитивного повеления, и отрицательно-повелительное, или наклонение негативного повеления [Головнин 1986, с. 141].

Наиболее детальная и подробно обоснованная классификация была предложена Н.А.Сыромятниковым: он выделил изъявительное, отрицательное, повелительное, запретительное, желательное, нежелательное, вероятно-пригласительное, дубитативное, желательно-вероятное, нежелательно-вероятное [Сыромятников 1971, с. 24]; в другом месте той же статьи вероятно-пригласительное наклонение разделено уже на два: вероятное и пригласительное [Сыромятников 1971, с. 37]. Судзюки Сигэюки нашел в японском языке лишь четыре наклонения: изъявительное, предположительное, повелительное, пригласительное [Suzuki 1972, с. 133]. По-видимому, такая же точка зрения у С.Э.Мартина, хотя он избегает термина «наклонение»: упомянуто, что герундии, в его терминологии, на *-te* не имеют собственного значения наклонения и повторяют значение финитного глагола, после чего даны примеры, соответствующие этим четырем наклонениям [Martin 1975, с. 485]. Нитта Ёсио выделяет две категории: наклонения оценки и наклонения передачи сообщения, что в основном соответствует классификации И.В.Головнина [Nitta 1983, с. 20–21]. Общий пункт всех точек зрения — противопоставление изъявительного и повелительного наклонений, остальное расходится. Расхождения сводятся к различиям в подходе к двум проблемам: 1) сколько грамматических категорий выявляется при анализе этих различий и как эти категории соотносятся между собой? 2) какую из выделенных категорий следует называть наклонением? Эти проблемы касаются, конечно, не только японского языка (их рассмотрение в общетеоретическом плане см. [Храковский, Володин 1986, с. 54–88]).

Общие определения наклонений тут не всегда помогают. Вот, например, такие определения: «Наклонение — грамматическая категория глагола, выражающая отношение содержания к действительности» [Ахманова 1966, с. 248], «Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом» [Виноградов 1947, с. 581] или даже, казалось бы, более точная формулировка Р.Якобсона: «Наклонение характеризует отношение между сообщаемым фактом и его участниками в связи с участниками факта сообщения» [Якобсон 1972, с. 101].

Все эти определения дают возможность подвести под них едва ли не все наклонения, выделявшиеся для японского языка. Н.А.Сыромятников вполне справедливо писал, что они позволяют выделить отрицательное или долженствовательное наклонение и др., если только в соответствующем языке эти значения выражены морфологически [Сыромятников 1971, с. 14–15]; он же отмечает, что определение изъявительного наклонения в «Академической грамматике русского языка» [Грамматика 1952, с. 473–474] выделяет фактически два значения — утверждения и отрицания, которые в русистике не принято различать лишь по морфологическим соображениям [Сыромятников 1971, с. 11]. Иногда определения наклонения предельно широки: «Модальности, выражаемые особыми глагольными формами, называются наклонениями» [Исаченко 1960, с. 470].

Такие определения, по сути, не столько определяют нечто, сколько описывают свойства некоторых уже известных явлений. В истории европейской лингвистической традиции обычно сначала на интуитивной основе выделялись некоторые единицы языка и отношения между ними, которые затем, также на интуитивной основе, подвергались классификации; на последнем этапе ученые пытались объяснить все то, что было получено ранее. Такие попытки, разумеется, были тесно связаны с типологическими особенностями европейских языков. В отношении наклонения важно было прежде всего отграничить эту категорию от других категорий европейского глагола. Между тем «некоторые понятия могли бы с одинаковым успехом относиться к классам модальных, видовых и временных значений... При семантическом анализе этих (неевропейских. — В.А.) языков следует выделять больше разграничений, чем это обычно делают, основываясь лишь на системе формальных морфологических и синтаксических противопоставлений, именуемых „временем“, „наклонением“ и „видом“» [Лайонз 1978, с. 335].

Само понятие наклонения восходит к античности, получив привычную трактовку в александрийский период [История 1980, с. 219, 227]. Греческие ученые выделяли пять наклонений: изъявительное, повелительное, желательное, сослагательное и неопределенное. В Риме число наклонений сократили до четырех, поскольку желательного наклонения в латыни не было. Латинская схема с некоторыми модификациями была перенесена на новые европейские языки: в русском варианте традиции принято исключать инфинитив из числа наклонений, а в ряде западноевропейских ее вариантов неопределенное наклонение сохраняется; в некоторых вариантах традиций в число наклонений добавлено условное.

Основным наклонением принято считать изъявительное. Объем содержания этого понятия обычно сложностей не вызывает, тогда как

его определение представляет большую трудность. Семантически мы имеем значительный разброс мнений: от признания изъявительного наклонения по семантике нулевой категорией [Пешковский 1936, с. 354] до отказа считать изъявительное наклонение наклонением вообще [Цыдендамбаев 1979, с. 135]. В.С.Храковский и А.П.Володин подробно обосновали точку зрения, согласно которой время и наклонение — единая грамматическая категория, а формы изъявительного наклонения — то же самое, что формы времен [Храковский, Володин 1977, с. 42–44; Храковский, Володин 1986, с. 62–68].

Однако на практике все исследователи достаточно легко опознают формы изъявительного наклонения в самых различных по строю языках. К тому же, как правильно заметил Н.А.Сыромятников, морфологическая немаркированность не обязательно свидетельствует о семантическом нуле [Сыромятников 1971, с. 13]. По-видимому, изъявительное наклонение семантически может быть охарактеризовано как повествование, передача информации в чистом виде. Соответствующие формы — норма в сообщениях, в которых отсутствует позиция говорящего; ср. исторический план в противоположность речевому плану у Э.Бенвениста [Бенвенист 1974, с. 270–272]. Из этого не следует, что данная функция обязательно единственная: см., например, и в европейских языках, и в японском языке использование тех же форм в функции вопроса. Однако такие функции явно выступают как вторичные (так же как и функция повествования в примерах вроде рус. 'А он возьми да скажи' вторична для форм императива). Об изъявительном наклонении нельзя говорить лишь в тех случаях, когда функции повествования, вопроса, побуждения и др. никак формально не дифференцированы или дифференцированы лишь интонацией.

Формам с повествовательным значением противопоставляются в первую очередь формы повелительного наклонения, недаром выделение именно этого наклонения обычно также не вызывает сомнений: «Из косвенных наклонений обязательной формой является, по-видимому, только императив. Известны описания языков, где категория наклонения включает только индикатив и императив... Число других косвенных наклонений варьирует от языка к языку, и, следовательно, в общем случае их можно рассматривать как необязательные формы» [Храковский, Володин 1986, с. 54]. Отличие функции повеления от функции повествования очевидно. Ядром функции повеления является повеление ко 2-му лицу, однако достаточно распространено в различных языках и специальное выражение повеления к 1-му и 3-му лицу. Типология способов выражения указанных значений повеления теоретически обоснована в книге [Храковский, Володин 1986], а затем исследована на материале ряда языков в коллективной работе [Типология 1992].

Итак, ядро категории наклонения составляет противопоставление повествовательных (изъявительных) и повелительных форм глагола. Представляется наиболее целесообразным применять традиционный термин «наклонение» именно в таком смысле, что, как нам кажется, составляет и его первичное значение. Иная точка зрения содержится в [Храковский, Володин 1977; Храковский, Володин 1986, см. также Ермолаева, 1977]. Здесь данный термин применяется в ином смысле: в отношении противопоставления форм со значением реальности и нереальности (при этом указывается на неразрывность ее с категорией времени), а противопоставление повелительных и неповелительных форм рассматривается отдельно. Такая система терминов, безусловно, возможна, хотя, как нам кажется, меньше соответствует традиции.

Встает вопрос о других традиционно выделяемых наклонениях. По-видимому, ядром повествовательных высказываний являются высказывания о событиях, представляемых как реальные; недаром понятие изъявительного наклонения связывается прежде всего с формами, употребляемыми в таких высказываниях. События могут также представляться как гипотетические, нереальные, желательные, подчеркнуто категорические и т.д. Для выражения этих значений в ряде языков могут использоваться особые грамматические формы. Противопоставление этих форм по семантике отличается от противопоставления изъявительных и повелительных форм. Поэтому, например, в русском языке некорректно говорить об изъявительном, повелительном и сослагательном наклонениях как членах одного противопоставления.

В связи с этим встает вопрос: сколько вообще может выделяться грамматических категорий? Традиционные трактовки наклонений исходят из того, что наклонение — единая категория. В.С.Храковский и А.П.Володин видят здесь по крайней мере две категории. Фактически та же точка зрения и у И.В.Головнина, хоть он и сохранил единый термин «наклонение». Если исходить из семантической неоднородности, описанной выше, то разумнее говорить о двух, а то и более категориях. Однако выражение разных грамматических значений может оказываться регулярно совмещенным. См., например, систему времен в ряде европейских языков, где совмещаются временные и видовые значения. В таких случаях принято говорить о единой категории.

При решении вопроса «одна категория или несколько категорий» принято (явно или неявно) руководствоваться требованием однородности. «В любой словоформе одна и та же категория может быть представлена только одной формой, выражающей одну определенную грамему... Именно благодаря этому требованию практически не встречаются словоформы, в состав которых входили бы одновременно морфы, выражающие, например, грамемы 1-го и 2-го лица, совершенного и несовершенного вида, прошедшего и будущего време-

ни, действительного и страдательного залога, и т.п.» [Храковский, Володин 1986, с. 57]. С этой точки зрения нельзя говорить, например, об отрицательном наклонении в русском языке. Дело даже не в том, что русский показатель отрицания принято считать служебным словом: формы сослагательного наклонения в этом языке также аналитические. Важно то, что если бы мы признали отрицательное наклонение, то оказалось бы, что в одну форму одновременно входят значения отрицательного и любого другого наклонения: *не читаю, не читай, не читал бы*. Отрицание — явно особая категория. В то же время выделение традиционных трех наклонений, как к нему ни относиться (весьма вероятно, что оно представляет собой реликт переноса на русский язык латинских категорий), не противоречит принципу однородности.

Отметим также, что частое требование считать формой глагола лишь синтетическую форму (см., например, [Сыромятников 1971, с. 27]) представляется нам слишком жестким, исторически связанным с греко-римским происхождением многих базовых понятий европейской лингвистики. Скорее можно согласиться с В.С.Храковским и А.П.Володиным: «Мы не видим никакой принципиальной разницы между синтетическими и аналитическими формами императива, однако лингвисты обычно очень не любят включать аналитические формы в императивную парадигму» [Храковский, Володин 1986, с. 30]; сказанное, разумеется, относится не только к императиву.

Теперь обратимся к фактам японского языка. Мы будем анализировать японскую глагольную систему поэтапно, двигаясь от центра к периферии. Как уже говорилось, общепринято выделение изъявительного и повелительного наклонений; при этом о повелительном наклонении (императиве) обычно говорят лишь в смысле императива 2-го лица. К изъявительному наклонению всегда относят повествовательные (они же вопросительные) формы двух времен; например, для глагола со значением *брать* — форма настоящего-будущего времени *toru* и форма прошедшего времени *totta* (условно вне контекста мы будем переводить первые формы формами 3-го л. ед.ч. наст. вр., вторые — формами ед.ч. м.р. прош. вр.). Форм повеления ко 2-му лицу достаточно много: среди них есть как синтетические (от того же глагола — *tore, o-tori, totte*), так и аналитические (*tori nasai, o-tori nasai, totte kudasai, o-tori kudasai, totte kudasaime* и др.).

Все эти формы употребляются в позиции сказуемого и противопоставлены своими окончаниями; если в позиции сказуемого используется аналитическая форма с одним или несколькими вспомогательными глаголами, то противопоставлены окончания последнего из вспомогательных глаголов; если форма императива сама является аналитической, то императивный вспомогательный глагол всегда завершает сказуемое. Многочисленность форм императива объясняется

их противопоставленностью по категории адрессива, социального отношения говорящего к собеседнику; традиционно эти различия описываются как разная степень вежливости, но точнее здесь говорить не о вежливости, а об этикете ([Храковский, Володин 1986, с. 224–225]; подробнее о системе японского императива 2-го лица см. [Алпатов 1992]; там же примеры).

По-видимому, противопоставление этих классов форм можно считать эталонным, для японского языка оно составляет ядро категории наклонения. Далее необходимо выяснить, какие еще японские формы могут рассматриваться в пределах той же микросистемы. При этом следует исходить из двух принципов. Во-первых, это — упомянутое выше требование однородности. Во-вторых, это «синтаксический критерий», предложенный Н.А.Сыромятниковым: «Все формы, принадлежащие к разным наклонениям, надо сравнивать в одинаковой синтаксической позиции» [Сыромятников 1971, с. 16]. При этом для каких-то форм эта позиция может быть и не единственной. Поскольку в ядерной части противопоставление наблюдается в позиции сказуемого (императив 2-го лица возможен только в ней), далее речь будет идти лишь о формах, способных в ней употребляться.

Не вызывает сомнения прежде всего принадлежность к категории наклонения форм с окончанием *-yoo/-oo*: от глагола *toru* это *toroo*. Такие формы входят в единую систему с формами, упомянутыми выше: они употребляются только в позиции сказуемого, имеют особое окончание (в данном случае оно всего одно, а значение адрессива выражается, как и в индикативе, отдельным показателем); семантика также естественным образом входит в единую систему с индикативом и императивом 2-го лица: это императив 1-го лица, в терминологии В.С.Храковского и А.П.Володина, причем в обоих выделенных ими значениях — совместного действия и 1-го л. ед.ч. [Храковский, Володин 1986, с. 24]. Примеры: *Soko de o-machi site imasyoo, ka?* [МК, с. 35] ‘Давайте, /я вас/ здесь подожду?’; *Yoshi, kekkon-saseyoo* [ID, с. 10] ‘Хорошо, давайте выдадим /её/ замуж’. Традиционный в нашей японистике термин «пригласительное наклонение» принимает во внимание лишь их использование в значении совместного действия. Аналогичный смысл имеет и предложенный С.Э.Мартинот термин «гортатив» [Martin 1975, с. 605]

Отметим, что специальных форм повеления к 3-му лицу вроде латинского *vivat* ‘пусть живет, да здравствует’ в японском языке нет, соответствующие значения передаются только описательно. В типологии императивных парадигм [Храковский, Володин 1986, с. 27–55] японский язык образует одну из самых простых парадигм, состоящую из двух членов. Буквально такой парадигмы в книге нет, но очень похоже, что двучленная парадигма II, представленная в классификации

типологически близким корейским языком, фактически и есть японская парадигма: корейский язык охарактеризован как язык без форм 1-го л. ед.ч. [Храковский, Володин 1986, с. 41], но скорее это — результат неполноты использованного в типологических целях описания этого языка (японский язык также часто описывается подобным образом). О сходстве японской и корейской парадигм сказано и в другом месте книги [Храковский, Володин 1986, с. 71].

Против выделения императива 1-го лица в японском языке может говорить тот факт, что формы повеления к 1-му лицу образуются не от всех глаголов, а от глаголов действия (нестативных). На этот факт обращал внимание Н.А.Сыромятников [Сыромятников 1971, с. 37]. Однако здесь мы имеем дело с семантическими ограничениями, наличие которых обычно не препятствует считать некоторое значение грамматическим: скажем, немалое число русских глаголов не употребляется в формах 1-го и 2-го лица, что фиксируется в некоторых словарях, но это не влияет на признание лица грамматической категорией. К тому же от японских стативных глаголов не образуются также и формы императива 2-го лица. Затрудненная сочетаемость форм императива со стативными по значению глаголами — достаточно естественное явление, хотя ограничения в разных языках могут быть неодинаковыми: по-русски можно сказать *Будь героем*, а в японском языке глагол бытия здесь невозможен.

Между японским императивом 1-го и 2-го лица есть, однако, одно различие, касающееся стативных глаголов. Формы императива 2-го лица от таких глаголов просто не употребляются. Формы же императива 1-го лица от них вполне употребительны, но имеют иное значение, а именно значение предположения. Такие синтетические формы образуются как от собственно стативных глаголов, так и от качественных глаголов («предикативных прилагательных»), которые по семантике всегда стативны, и от связок: *Sore ijoo no shiawase wa kyokuryoku nozomanai koto ni shite, saitei no sen o mamotte ikite ikoo* [ID, с. 109] '/Я/, наверно, буду жить, ничуть не желая никакого другого счастья, сохраняя самое минимальное'; *Yokaroo* [МКа, с. 87] '/Это/, наверно, хорошо'; *Ano Hayakawa Kyooko wa nantoiuu zannin na onna deshoo* [ID, с. 87] 'Эта Хаякава Кёко, наверно, жестокая женщина'. Как и формы индикатива, но в отличие от форм императива обоих лиц эти формы изменяются по временам. Примеры на настояще-будущее время приведены выше, пример на прошедшее время: *Boku no itta toori no jikan dattaroo?* [МКа, с. 241] '/Это/ было, наверно, время, о котором я говорил?'.

Кроме указанного синтетического способа образования предположительных форм имеется и аналитический. В этом случае к глаголу в форме, совпадающей с индикативом того или иного времени, при-

соединяется связка в описанной в предыдущем абзаце синтетической форме. Связка в связи с этикетными значениями может иметь разные варианты: *daroo, deshoo, de aroo, de arimashoo, de gozaimashoo* (два последних редки). Такие формы могут образовываться от глаголов и качественных глаголов (но не от связок), чаще всего от активных глаголов, для которых это единственный способ образования форм с данным значением. Примеры: *Niteru daroo?* [MS, с. 187] ‘Они/, наверно, похожи?’; *Sonna hitsuji nado, furansu de mo mata deshoo?* [Е, с. 159] ‘Таких овец /ты/, наверно, видел и во Франции?’.

Таким образом, нестативные глаголы и связки имеют один способ образования предположительных форм, а стативные и качественные глаголы — два, между которыми не обнаруживается семантических различий. По семантике предположительные (презумптивные, по терминологии С.Э.Мартина) формы также являются повествовательными и противопоставлены изъявительным как маркированные члены: формы на *-ru, -ta* также могут обозначать предполагаемые события, поскольку имеются и другие способы обозначения предположения: послеглагольные концовки, модальные частицы, лексика.

Могут обсуждаться три точки зрения на эти формы (все они реально высказывались): существуют особое предположительное наклонение и особое пригласительное (повелительное 1-го лица) наклонение (Судзуки Сигэюки; вероятно, С.Э.Мартин), имеется единое вероятно-пригласительное наклонение (Н.А.Сыромятников) и две разные грамматические категории (Нитта Ёсио, И.В.Головнин). Говорить о вероятно-пригласительном наклонении, видимо, нерационально, поскольку для огромного числа глаголов имеется строгое противопоставление типа *toru daroo* ‘наверно, берет’ — *toroo* ‘давай-ка возьму; давайте-ка возьмем’. Н.А.Сыромятников исходил из того, что аналитические формы находятся вне системы категорий, тогда как синтетические формы могут иметь два значения. Однако мы считаем исключение аналитических форм из рассмотрения слишком жестким ограничением.

Каждая из двух других точек зрения имеет свои плюсы и минусы. Однако точка зрения, выделяющая единую категорию (которую естественно назвать наклонением), кажется нам предпочтительной. Во-первых, признание двух категорий потребует выделения большого количества нулей. Во-вторых, при выделении единой категории наклонения более единообразно рассматривается система заключительных (используемых в позиции сказуемого) форм глагола: их окончание всегда имеет значение того или иного наклонения; при этом принцип однородности не нарушается: ни одна из форм не обозначает два наклонения. При альтернативной же точке зрения окончания оказываются разнородными по характеру, включая и материально совпадающие *-yoo/-oo* императивное и презумптивное.

Окончания индикатива и синтетических форм презумптива имеют также и значение времени, тогда как в аналитических формах презумптива время выражается окончанием глагола, предшествующего связке. Идти еще дальше и объединять для японского языка время и наклонение вряд ли целесообразно. Дело здесь не в семантике: семантическая аргументация В.С.Храковского и А.П.Володина, предлагающих объединять эти категории (правда, без императива) в одну, вполне приемлема. Но в японском языке выделяется квадрат и по семантике, и по форме: *aru* 'есть' — *ata* 'был' — *aroo* 'наверно, есть' — *atta-roo* 'наверно, был', что свидетельствует о наличии двух оппозиций. Еще одна априорно возможная трактовка: выделять (наряду с двумя повелительными) «наклонение настояще-будущего времени» и «наклонение прошедшего времени», разделяя далее в их составе достоверные и предположительные формы, — вряд ли приемлема семантически и типологически; недаром ее никто не предлагал.

Итак, в японском языке можно выделить четыре наклонения: изъявительное (индикатив), предположительное (презумптив), повелительное 2-го лица (императив) и повелительное 1-го лица (гортатив).

Остается рассмотреть другие явления, относимые в некоторых работах к наклонениям. Исходя из ранее сформулированных критериев, ряд форм сразу же можно исключить из этой сферы. Так, нельзя говорить об условном и уступительном наклонениях: соответствующие формы — деепричастные и не могут быть сказуемыми. Здесь мы согласны с Н.А.Сыромятниковым [Сыромятников 1971, с. 17–20].

Теперь рассмотрим вопрос об отрицательном наклонении. Сравним формы *toranai* 'не берет', *toranakatta* 'не брал', *toranai daroo* 'наверно, не берет', *toranakatta daroo* 'наверно, не брал', *toranaide* 'не бери!'. Каждая из этих форм по семантике отличается ровно на один компонент — отрицание — от соответствующих форм разных наклонений и времен: *toru*, *totta*, *toru daroo*, *totta daroo*, *totte*. Везде присутствует одна и та же морфема *-ana/-na-*, имеющая отрицательное значение (мы в статье отвлекаемся от проблем морфемного чтения, см. об этом [Алпатов 1979, с. 49–59]). Так что к формам разных наклонений здесь просто присоединяется показатель другой грамматической категории. Правда, имеются и некоторые дополнительные сложности. Показатель отрицания в гортативе невозможен, а для передачи соответствующих комбинаций значений требуются перифрастические конструкции; он также не сочетается и с рядом форм императива. Кроме того, после показателя отрицания окончание настояще-будущего времени индикатива не *-ru*, а *-i*, т.е. то же, что и в качественном глаголе («предикативном прилагательном»). Отрицательные формы глагола морфологически (но не синтаксически) имеют в японском языке свойства качественных глаголов. Нельзя согласиться с тем, что в формах типа *toru* и *toranai* «общим является только корень» [Сиро-

мятников 1971, с. 22]: показатели *-ru* и *-i*, материально различаясь и находясь в отношении дополнительной дистрибуции, семантически тождественны. Таким образом, и этот аргумент не свидетельствует в пользу существования особого отрицательного наклонения.

То же самое можно сказать и про желательное наклонение. Как известно, такое наклонение, выделяемое в древнегреческом языке, с давних пор известно в европейской традиции. Однако желательные формы по структуре очень похожи на отрицательные, только место показателя *-ana/-na-* занимает показатель *-ita/-ia-*: *toritat* 'хочет взять', *toritakatta* 'хотел взять', *toritai daroo* 'наверно, хочет взять', *toritakatta daroo* 'наверно, хотел взять'. Разница с отрицанием лишь в том, что показатель желания превращает соответствующий глагол в стативный, поэтому в сочетании с ним не бывает не только гортатива, но и императива.

Однако есть и явления, осложняющие систему. Мы уже перечислили большую часть синтетических форм глагольного сказуемого. Но есть еще несколько: *Sake mo nomanu* [KW, с. 48] 'Не буду пить и сакэ'; *Baka, nakuna* [S74, с. 177] 'Дура, не плачь!'; *Sonna koto mo arumai* [E, с. 79] 'Такие дела тоже вряд ли возможны'. Здесь в отличие от случаев, разобранных выше, отрицание выражено тем же аффиксом, что и наклонение (*nu* допускает членение на аффиксы *-n-* и *-u*, но имеется и равнозначная форма *noman*, где членение уже невозможно). Формы на *-n* (*u*) помимо отрицания имеют значение индикатива настоящего-будущего времени, формы на *-una* — значение (грубого) императива, формы на *-runai/-umai* — значение презумптивного (соответствующие формы со значением гортатива отсутствуют).

Это дает основание выделять особые отрицательное, запретительное, дубитативное наклонения (когда в литературе речь идет о запретительном и дубитативном наклонениях, обычно имеются в виду именно эти формы). Однако все эти формы в системе японского языка (по крайней мере стандартного литературного языка) занимают периферийное положение. Формы на *-n(u)* хоть и допускаются нормой, но часто воспринимаются как диалектные или по крайней мере региональные (западнояпонские). Формы на *-una* противопоставлены наиболее грубым из утвердительных форм императива и в пределах стандартного языка употребляются лишь в командах и лозунгах. Формы на *-runai/-umai* обладают низкой частотностью, имея также дополнительную коннотацию нежелательности данного события для говорящего. Единственное, впрочем, важное исключение — отрицательные формы этикета по отношению к собеседнику с суффиксом *-imas/-mas*: вместо *torimasana* употребляется *torimasen*, где выражение значений индикатива, настоящего-будущего времени и индикатива также неразложимо. Такие формы весьма частотны.

Если отвлечься от последнего случая, то можно говорить, что значение времени и значение наклонения допускают в японском языке и раздельное, и совместное выражение, причем раздельные формы будут более

частотными, а по семантике менее маркированными. Выделение трех дополнительных наклонений здесь лишь усложнит описание: придется считать, что в японском языке есть и отрицание как особая категория, и отрицание как компонент категории наклонения.

Можно отметить и еще одну альтернативную трактовку [Suzuki 1983, с. 54]. По мнению Судзуки Сигэюки, *-en* в формах на *-masen* выражает лишь отрицание, а наклонение и время выражены нулем. В пользу такой точки зрения могут служить противопоставления типа *torimassen* 'не берет' — *torimassen deshita* 'не брал', в последней форме наклонение и время выражены окончанием связки. Однако, во-первых, здесь опять-таки оказывается много нулей, особенно если мы будем аналогичным образом трактовать формы на *-ima* и *-rimai-umai*. Во-вторых, формы типа *torimassen deshita* для современного языка считаются устаревшими [Алпатов 1973, с. 20]; вместо них в прошедшем времени употребляются формы типа *toranakatta desu*, где значения выражены раздельно.

Поэтому мы предпочитаем считать, что в перечисленных выше случаях мы имеем дело с единым («склеенным») выражением разных грамматических категорий: времени, наклонения и отрицания (или только наклонения и отрицания). Такое «склеивание» происходит и в некоторых других случаях: адрессив (этикет к собеседнику) выражается раздельно в индикативе, презумптиве и гортативе, но «склеенно» в императиве.

Что касается долженствования, тоже иногда рассматриваемого как одно из наклонений, то формы с соответствующим значением образуются двумя способами. Формы типа *toranakereba naranai* 'должен брать' не связаны с категорией наклонения уже потому, что их компоненты не потеряли исходного значения: буквально 'если не брать, то не годится'; здесь мы согласны с Н.А.Сыромятниковым [Сыромятников 1971, с. 7]. Синтетические же формы с тем же значением, вроде *torubeki*, не стоят в одном ряду с формами перечисленных наклонений с точки зрения единства синтаксической позиции: они употребляются сами по себе в позиции определения, а в позиции сказуемого требуют после себя связку, которая изменяется по временам и наклонениям (индикатив-презумптив). Таким образом, и здесь нет особого наклонения.

Наконец, особого разговора требует категорическое наклонение у И.В.Головнина. С точки зрения семантики оно может рассматриваться как противопоставленное (как бы с противоположной стороны) формам презумптива. Однако оно входит в иную микросистему. Так называемые концовки типа «глагол в индикативе того или иного времени + служебное слово + связка в форме настоящего-будущего времени индикатива» широко распространены в японском языке, и концовки со служебным словом *no* далеко не единственный класс. Ряд концовок такого рода связан с той или иной категоричностью высказывания, и концовкам с *no* противопоставлены скорее концовки со служебными словами *yoo*, *soo*, выражающие некатегорич-

ность разного рода; об этих противопоставлениях писал еще А.А.Холодович [Холодович 1949, с. 666–702] (подробнее об этом [Алпатов, в печати]). Здесь мы имеем дело с двумя системами: системой наклонений и системой категоричности, выраженной особыми синтаксическими конструкциями; их надо различать.

Итак, нет оснований для выделения в японском языке особых отрицательного, запретительного, дубитативного, желательного, долженствовательного, категорического, условного и уступительного наклонений. Наклонений в японском языке всего четыре, тем самым наша точка зрения оказывается сходной с точками зрения Судзуки Сигэюки и С.Э.Мартина. Однако мы специально постарались обосновать ее правомерность.

Список сокращений

- Е — *Enji Fumiko*. Onnazaka. Tokyo, 1964.
ID — *Ishikawa Tatsuzoo*. Doro ni mamirete. Tokyo, 1972.
KW — *Kobayashi Hideo*. Watashi no jinseikan. Tokyo, 1951.
MK — *Matsumoto Seichoo*. Kyuukei no areno. Tokyo, 1969.
MKa — *Matsumoto Seichoo*. Kage no chitai. Tokyo, 1973.
MS — *Matsumoto Seichoo*. Shingan no mori. Tokyo, 1982.
S74 — *Nenkan-daihyoo-shinario-shuu*. Tokyo, 1974.

Литература

- Алпатов 1973 — *Алпатов В.М.* Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.
Алпатов 1979 — *Алпатов В.М.* Структура грамматических единиц в современном японском языке. М., 1979.
Алпатов 1992 — *Алпатов В.М.* Императив в современном японском языке // Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
Алпатов в печати — *Алпатов В.М.* Эвиденциальность в современном японском языке // Типология эвиденциальности, в печати.
Ахманова 1966 — *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
Виноградов 1947 — *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1947.
Головнин 1955 — *Головнин И.В.* Предположительное наклонение в современном японском языке // Труды ВИИЯ, № 9. М., 1955.
Головнин 1986 — *Головнин И.В.* Грамматика современного японского языка. М., 1986.
Грамматика 1952 — Грамматика русского языка, т. 1. М., 1952.
Ермолаева 1977 — *Ермолаева Л.С.* Типология системы наклонений в современных германских языках // ВЯ. 1977, № 4.
Исаченко 1960 — *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2. Братислава, 1960.
История 1980 — История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.

- Колпакчи 1956 — *Колпакчи Е.М.* Очерки по истории японского языка. М.—Л., 1956.
- Конрад 1937 — *Конрад Н.И.* Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937.
- Лайонз 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Пешковский 1936 — *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1936.
- Смирнов 1890 — *Смирнов Д.* Руководство к изучению японского языка. СПб., 1890.
- Сыромятников 1971 — *Сыромятников Н.А.* Система наклонений новояпонского языка // Вопросы японского языка. М., 1971.
- Типология 1992 — Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Фельдман 1960 — *Фельдман Н.И.* Японский язык. М., 1960.
- Холодович 1949 — *Холодович А.А.* Очерки по строю японского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1949.
- Храковский, Володин 1977 — *Храковский В.С., Володин А.П.* Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
- Храковский, Володин 1986 — *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
- Цыдендамбаев 1979 — *Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Якобсон 1972 — *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Block 1970 — *Bernard Block on Japanese.* New Haven—London, 1970.
- Martin 1975 — *Martin S.E.* A Reference Grammar of the Japanese. New Haven—London, 1975.
- Miller 1967 — *Miller R.A.* The Japanese Language. Chicago—London, 1967.
- Nitta Yoshio 1983 — *Nitta Yoshio.* Asupekuto no bunseki, kijutsu ni mukete // Kokugogaku-kenkyuu, 23. Sendai, 1983.
- Suzuki 1972 — *Suzuki Shigeyuki.* Bumpoo to bompoo-shidoo. Tokyo, 1972.
- Suzuki 1983 — *Suzuki Shigeyuki.* Dooshi no keitairontekina kata no naibu koozoo ni tsuite, 1. Yokohama, 1983.
- Takahashi 1979 — *Takahashi Taroo.* Muudo-bunseki no itogushi. Tokyo, kokuritsu-kokugo-kenkyuujo, 06.06.1979.

Типологическое сравнение островных и полуостровных языков Юго-Восточной Азии. Проблемы структуры слова

1. Регион Юго-Восточной Азии в лингвистическом понимании охватывает (А) островной мир, включая Океанию на востоке и Мадагаскар на западе, и (Б) Индокитайский полуостров Азиатского континента, который нередко именуют континентальной Юго-Восточной Азией¹.

Если сотни и сотни островных языков принадлежат практически к одной — австронезийской (АН) семье, то языки полуострова, которых гораздо меньше (примерно одна сотня), распределены по нескольким семьям: аустроазиатской (АА), тайской, тибето-бирманской, австронезийской. Основные подразделения, о которых здесь пойдет речь, — это вьет-мыонгское и мон-кхмерское подразделения АА семьи, тайская семья [Морев 1991] и малочисленная чамийская группа малайских АН языков. По интенсивности языковых контактов и вариативности смешения этот полуостров на юго-востоке Азии напоминает полуостров на юго-востоке Европы — Балканский.

Вся масса языков региона демонстрирует огромное разнообразие структурных типов — от полностью аналитических, лишенных синтетических средств в грамматике и деривации, до высоко синтетических структурных типов с богатой агглютинацией и другими средствами словоизменения; конечно, наличествуют многочисленные промежуточные и смешанные варианты. Представляется, что по мере того, как

¹ Соответственно говорят о континентальных языках, что явно таит в себе некоторый сдвиг в масштабе. Можно отметить также, что лингвисты часто пишут: «языки Юго-Восточной Азии», имея при этом в виду только языки полуострова.

внутри этого, прежде разделенного границами колониальных монополий региона будут расширяться и активизироваться связи между государствами и народами, предполагающие и взаимное изучение национальных языков, будет расти потребность в синхронно-лингвистических сопоставлениях между существующими здесь структурными разновидностями.

2. Основная масса языков островной ЮВА — это языки АН семьи. Они имеют некоторое число общих признаков структуры в фонетике, фонологии, морфонологии, в морфемике: двусложность знаменательных морфем и агглютинация с преобладанием префиксации. В то же время между ними есть существенные различия по уровням синтетизма — аналитизма и связанные с этим различия в средствах выражения грамматических связей, особенно предикатно-актантных отношений, которые составляют ядро структуры предложения. Эти особенности отражены в различии структурных типов АН языков, которых можно выделить по крайней мере три: филиппинский тип (ФТ), малайский тип (МТ), океанийский тип (ОТ).

На полуострове положение иное. Здесь мы рассматриваем один структурный тип — индокитайский (ИТ), объединяющий в себе системные черты, свойственные ряду языков, сходных по структуре, хотя и различающихся генетически, относящихся к семьям аустроазиатской (вьет-мыонгские, мон-кхмерские), тайской, кадайской, АН (ча-мийская группа). В большинстве своем это высокоаналитические моносиллабические языки.

Тибето-бирманские языки имеют особую структуру, в ИТ они не входят и здесь не затрагиваются.

3. Нельзя отрицать, что в области изучения генетических связей языков этого региона, в частности с применением методов сравнительно-исторического языкознания (возможности которого здесь отнюдь не широки ввиду малочисленности письменных памятников), были созданы значительные исследования и предложены интересные идеи (краткий обзор см. в [Сирк 1982; 1983]). Среди них есть отдельные работы, охватывающие и островные, и полуостровные языковые семьи, хотя преобладают, естественно, такие, которые рассматривают те и другие по отдельности.

В сопоставительных исследованиях синхронно-структурного характера внимание лингвистов было направлено в первую очередь на фонетико-фонологические проблемы, и преимущественно на такие явления, как музыкальные тоны и регистры, преглоттализация, пре- и постаспирация, структура моносиллабической морфемы в языках Индокитая. Относительно АН языков, которые, как правило, не имеют подобных сложных фонетических явлений, лингвисты занимались

и занимаются установлением фонологических и лексических соответствий между подгруппами этих языков, этимологией и, конечно, специфической проблемой носовых фонем, поскольку преназализация и назализация согласных на границах морфем представляют собой важную характерную черту морфонологии АН языков.

В основе моих исследований по сравнению языков Юго-Восточной Азии, отраженных в данной статье, лежит та работа по описанию, научному анализу и типологическому сопоставлению языков Азиатско-Тихоокеанского региона, которая в течение нескольких десятилетий проводилась высококвалифицированными специалистами Отдела языков Института востоковедения РАН; нельзя не отметить при этом выдающуюся роль в организации всей работы ныне покойных Г.П.Сердюченко, В.М.Солнцева, И.Ф.Вардуля.

Изучение языков Юго-Восточной Азии было совершенно новой областью для российского и советского языкознания, и ему было уделено особое внимание.

4. Имея это в виду, представляется полезным на начальном этапе разработать общие представления об основных структурных языковых типах, и это позволит более системно давать описания и сравнения.

Важно подчеркнуть, что тип — это не просто набор некоторого числа сходных явлений языковой структуры; тип представляет собой их объединение в систему органично связанных уровней и единиц, следовательно, речь идет о **типах языковых систем**.

Сопоставление островных и полуостровных языков ЮВА — это сопоставление по системно релевантным чертам структурных уровней трех АН типов между собой и с индокитайским типом. Этот общий, начальный этап сравнительного исследования будет представлен в данной статье рассмотрением одной проблемы, несомненно имеющей принципиальную значимость, — проблемы структурных моделей слова и порождения новых лексических единиц. Будет дана информация о конкретных явлениях, подкрепленная некоторым количеством иллюстраций — реальных явлений из конкретных языков. При этом нами приводятся примеры из языков, традиционно представляющих тот или иной тип: из малайского/индонезийского (*мал*) и мадурского (*мадур*) — для МТ, из тагальского (*тагалог*) — для ФТ, из маори (*мао*) — для ОТ, из вьетнамского (*вьет*) и чамского (*чам*) — для ИТ².

Целью данной работы является сопоставление структурно-грамматических явлений, поэтому переводы примеров даются схематично либо вообще не даются: это потребовало бы подчас многослов-

² Я изучала чамский язык в его современной разговорной форме и некоторые другие языки ИТ по материалам, в сборе которых я участвовала в ходе полевой работы Советско-Вьетнамской лингвистической экспедиции в СРВ [Алиева и Б.Кх.Тхе 1999].

ных толкований ввиду отсутствия эквивалентных форм в русском языке.

5.0. Единицы, условно называемые словами, могут рассматриваться с точки зрения как морфемной структуры, так и семантических и функциональных свойств. В данной статье, как указано выше, будет уделено внимание двум аспектам рассмотрения структуры слова: аффиксации и словосложения. Способы удвоения, весьма богато и разнообразно представленные в языках ареала, неоднократно описывались ранее и здесь ввиду ограничения объема статьи рассматриваться не будут.

С точки зрения структуры слова линия разграничения проходит между аналитическими типами ИТ и ОТ и более или менее синтетическими ФТ и МТ.

В языках Океании, а также в мон-кхмерских и АН чамийских языках в Индокитае имеются некоторые модели слов с аффиксами (в мон-кхмерских есть инфиксы), однако они либо непродуктивны либо слабодуктивны, что становится особенно очевидным при сравнении с продуктивной аффиксацией в языках ФТ и МТ. В целом в ИТ и ОТ мономорфемные слова преобладают. Обогащение лексики в аналитических языках происходит посредством иных средств — словосложения и удвоения; способы удвоения используются также и для передачи грамматических значений.

5.1. Мономорфемные слова

Простые, производные слова, равные одной морфеме — моносиллабической в языках ИТ или дисиллабической в АН, а также в мон-кхмерских языках, — наличествуют везде, но с большими различиями по процентному отношению к простым, дву- и мономорфемным словам.

Качественные различия также имеют место. И для ОТ, и для ИТ свойственны аналитические структуры (даже количественные индексы аналитизма могут быть близкими, см. [Алиева 1998, с. 54–59]). Однако между этими типами есть существенное различие. В ОТ многие исконные АН служебные морфемы представлены не как связанные, аффиксальные компоненты, а как свободные, односложные, лишённые лексического значения частицы, выступающие в качестве препозитивных и постпозитивных грамматических показателей; вместе с местоименными клитиками они окружают двусложные и трехсложные ядерные слова, образуя сегменты, придающие тексту специфический облик.

Напротив, в ИТ элементов такого рода очень мало; для передачи грамматических значений — синтаксических связей и референциальных категорий — системно и упорядоченно используются лексические морфемы, по форме такие же односложные единицы, как и ядер-

ные слова; в результате текст (в транскрипции) выглядит как однообразная последовательность моносиллабов.

5.2. Аффиксация

Как упоминалось, более или менее богатой аффиксацией среди языков региона ЮВА обладают ФТ и МТ, т.е. АН языки. По сравнению с обычно относимыми к агглютинативному типу языками — алтайскими, угро-финскими, имеющими только суффиксы, в АН языках преобладают префиксы; другие форманты: суффиксы, инфиксы, конфиксы (префикс + суффикс) — есть не во всех языках; имеются разнообразные словопроизводные модели, образуемые сочетаниями разных аффиксов.

С функциональной точки зрения аффиксальные модели в АН языках выполняют как деривативные, так и грамматические задачи. Специфической чертой АН агглютинации является широко распространенный синкретизм аффиксов, реализующих в одной модели деривативную (в частности, транспонирующую) и грамматическую функции сразу. Например: (*мал*): *paku* 'гвоздь' > *temaku* (т.е. *meN* + *p*) 'забивать гвозди, прибивать' (перех., акт.), *dipaku* 'быть прибитым гвоздями' (перех., пасс.), *berpaku* 'иметь в себе, на себе гвозди'.

Другая особенность состоит в том, что свойства выступающих как основа морфем с полнознаменательным значением (не местоименным, не нумеральным и т.п.) играют важную роль в процессах словопроизводства (как и при удвоении), что позволяет говорить о делении морфем на лексико-грамматические дистрибутивные классы. При этом особого внимания заслуживает оппозиция именных и предикатных (акциональных, качественных) морфем. Например, в языках МТ о таком делении, отнюдь не всеохватывающем, говорить можно; обычно это отмечается при описании процессов словопроизводства. Напротив, в ФТ, например в тагальском, сколько-нибудь отчетливое деление морфем на классы отсутствует: все знаменательные морфемы и как слова, и как основы ведут себя подобно именам (это касается и многих образований с аффиксами, см. [Шкарбан 1995]).

Как я неоднократно пыталась показать, неразграниченность имен и предикатов на разных уровнях предстает как импликация характерной для АН семьи доминанты — категории посессивности [Алиева 1998, ч. 2].

В разных языках ФТ и МТ более или менее богатые инвентари аффиксальных моделей используются в словообразовании, как именном, так и глагольном; очень мало — у прилагательных и числительных. Что же касается выражения грамматических значений, то здесь АН языки отчетливо ведут себя как акционально-доминированные языки³.

³ Имеется в виду предложенная А.Кэпеллом в 1965 г. и разрабатывавшаяся им позже концепция различения языков по действующей в них контенсивной доминанте: предметной, акциональной, двойной, нейтральной (= нулевой) [Capell 1979].

Это подразумевает, что отсутствует именная морфология, реализующая грамматические категории; даже столь специфическая для языков ОТ именная категория отчуждаемой-неотчуждаемой принадлежности морфологией имен не выражается (для этого используются аналитические показатели).

Напротив, глагольная морфология в АН языках богата и своеобразна. Именно отличия в этой области в первую очередь позволяют разграничивать ФТ и МТ.

В языках МТ имеются аффиксы (в основном это суффиксы, но есть также префиксы и конфиксы), которые, присоединяясь к корневым морфемам, образуют основы глаголов с дифференцированными значениями переходности: каузативности, инструментальности, локативности, бенефактивности. Эти производные основы, а равно и корневые переходно-глагольные основы, принимают префиксы залога, образуя активно-пассивную парадигму, например:

(мадупа) *dhibà* основа 'нести': *ng.èbà* актив, *è.dhibà* пассив;

dàteng.ngè основа 'посещать': *an.dàtengng.è* актив, *è.dàtengngè* пассив;

dhàddhiy.àghi основа 'превращать': *an.dhàddhiy.àghi* актив, *è.dhàddhiy.àghi* пассив [Оглоблин 1986, с. 32].

Таким образом, образование парных залоговых форм со специальными актантными (субъектными и объектными) отношениями представляет собой двухступенчатый процесс.

Кроме того, во многих языках МТ в залоговую парадигму входят формы с нулевым залоговым показателем, являющиеся также формой императива. Так, в (*мал*) форма без залогового префикса, т.е. нулевая форма, сочетается с различными местоимениями и прономинативными именами, стоящими слева и указывающими на 1-е или 2-е лицо агенса, а префикс пассива *dì-* указывает, что агенс не является 1-м или 2-м лицом.

Например: (*мал*) *aku/anak/abang lukai* 'ранен мной/тобой // ребенком (= мной/тобой) // старшим братом (= мной/тобой)', *dilukai* 'ранен кем-то' (*luka* 'рана' > *-lukai* — переходная основа с локативным значением 'ранить'). Вместе с формой на *dì-* они образуют парадигму пассива, которая противостоит одной форме актива с префиксом *meN-*: *melukai* 'ранить'. В целом парадигма форм залога в (*мал*) несимметрична. При этом сочетания «местоименный компонент + нулевая форма переходного глагола» имеют черты эргативной конструкции.

Эргативные конструкции широко распространены в языках ОТ. Языки ОТ по выражаемым связям похожи на МТ, однако в них отсутствуют столь же продуктивные, как в МТ, аффиксы переходности и залога.

В некоторых группах языков МТ, например на о-ве Сулавеси, существуют разработанные парадигмы местоименных проклитик и энклитик. В МТ также имеют место случаи выражения посредством аффиксов видовых и модальных значений, однако, как правило, значения предикативных и коммуникативных категорий передаются более или менее стандартно посредством аналитических показателей.

Таким образом, для языков МТ характерны следующие черты глагольной аффиксации: (А) возможности построения переходно-глагольных основ с дифференцированными актантными (= падежными) связями; (Б) наличие парных активных и пассивных форм, образуемых от основ переходного глагола; (В) в некоторых языках (например, малайском) участие в этой парадигме форм с нулевым префиксом и местоименными компонентами.

В языках ФТ глагольный морфологический инвентарь существенно отличен от МТ и, более того, от большинства известных лингвистической типологии категорий и форм. Отдельные средства для передачи переходных и залоговых значений здесь отсутствуют; в глагольную парадигму входят синкретические, образованные префиксами, инфиксами, суффиксами, редупликаторами и их сочетаниями формы. Функции их различны: они выражают либо отношение к агенту (без указания переходности), либо отношения к пациенсу; последние дифференцируются как отношение к непосредственному объекту, к инструменту, к месту, к бенефицианту, каузируемому субъекту и даже как к причине или источнику действия. Чтобы отличить от симметрично-залоговых, эту систему часто называют фокусной, используется также термин «триггер». Кроме актантных фокусные формы синкретично, посредством присутствия или отсутствия редупликации, передают и некоторые темпорально/аспектуально/модальные значения или могут трансформироваться в специфические формы с именными значениями и валентностями, так что количество производных от одной корневой морфемы может достигать и ста и приближаться к 200. Я приведу в пример лишь несколько основных фокусных форм:

(*magalog*) корень: *sulat* 'письмо', 'писание', *sumulat* 'писать', агентивный фокус (= актив): *sumulat* инфин. и прош., *sumusulat* наст. длит., *susulat* буд.; фокус непосредственного объекта (= прямой пассив): *sulatin* инфин., *sinulat* прош., *sinusulat* наст. длит., *susulatin* буд.;

локативный/бенефактивный фокус: *sulatan* инфин., *sinulatan* прош., *sinusulatan* наст. длит., *susulatan* буд.

Синтаксические связи глагольных форм уточняются с помощью различных приименных частиц (типа артиклей), связок и форм местоимений (см. [Шкарбан 1995], там же библиография). Однако эргативоподобные сочетания местоименных компонентов с нулевой формой,

отмеченные выше для МТ, в ФТ отсутствуют. Заслуживает быть упомянутым и в ФТ, и в МТ наличие особых варьирующихся префиксов (*ber-, bar-, mag-, mar-, meu-*), которые от имен свободно образуют глаголы с комбинированным притяжательным значением «иметь данный предмет», а также с вариантами этого значения: «использовать/применять/производить данный предмет, иметь к нему отношение» и т.п. Например:

(*magalog*) *magkapatid* ‘иметь брата/братьев’ (*kapatid* ‘брат’); *magbihis* ‘быть одетым’ (*bihis* ‘одежда’, ‘платье’);

(*mal*) *beranak* ‘иметь детей’ (*anak* ‘ребенок’), *beristeri* ‘быть женатым’ (*isteri* ‘жена’); *bertempat* ‘находиться (где)’ (*tempat* ‘место’); *berairmata* ‘плакать’ (*airmata* ‘вода + глаз’ = ‘слезы’).

При этом имя может сохранять свое определение:

(*mal*) *beristeri perempuan Jawa* ‘иметь жену-яванку’ (*perempuan* ‘женщина’, *Jawa* ‘Ява’); *berpelajaran tinggi* ‘иметь высшее образование’ (*pelajaran* ‘учение’, ‘образование’; *tinggi* ‘высокий’).

Данное явление, как и нечеткость оппозиции имя–глагол, может также рассматриваться как импликация контенсивной доминанты поссивности в АН языках, о чем упоминалось выше.

Такие специфические глагольные производные с вариантами указанного префикса встречаются даже в языках, утеравших продуктивную аффиксацию, например в чамском: *tnu* ‘q’ ‘иметь детенышей’, ‘метать икру’ (*nu* ‘q’ ‘ребенок’, ‘детеныш’; ср. выше (*mal*) *beranak*).

Другой префикс, обладающий особой устойчивостью, — это каузативный *рæ/ро* и его варианты; он обязателен в ФТ и МТ, встречается в ОТ и в чамийских языках. Например, (*чам*) *plaj* ‘покупать’ > *po’plaj* ‘продавать’.

Еще один аффикс, более или менее регулярно встречающийся в языках ОТ, — это суффикс пассива, обычно имеющий в своем составе вокальную часть *-ia* с варьирующейся консонантной инициальной.

5.3. Словосложение

Образование новых лексических единиц путем сложения простых используется в языках тем активнее и разнообразнее, чем беднее набор аффиксальных моделей.

Применительно к языкам данного ареала, по нашему мнению, следует различать в первую очередь два способа образования сложных лексем: морфемосложение и словосложение — и соответственно две разновидности единиц: сложные слова и составные слова.

Образование **сложных слов**, предполагающее сложение корней, частично несвободных морфов по асинтаксичным моделям, что обычно для флективных индоевропейских языков, в языках ареала

ЮВА — это непродуктивное или малопродуктивное явление. Такие слова по большей части являются заимствованиями, например из китайского, санскрита, пали, либо образованы как кальки с использованием заимствованных из этих языков компонентов. Они употребляются преимущественно в литературных формах языков, особенно важна их роль в терминологии.

Преобладающий структурный тип непростых единиц в лексике — это **составные слова**. По ряду признаков они идентичны бинарным свободным словосочетаниям, но имеют от них принципиальные отличия, будучи единицами **воспроизводимыми**. Большинство из них в ходе употребления подвергалось идиоматизации либо целиком, либо по одному из компонентов и требует знания цельного значения. Их компоненты (оба или один) не допускают синонимических замен, что обычно для свободно производимых словосочетаний. Признаки такого рода, естественно, предполагают наличие в языке значительного числа переходных, промежуточных единиц, и здесь особенно наглядно видны процессы развития и формирования лексического состава языков.

В соответствии с основными структурными моделями участвующих в сложении морфем и простых слов — моносиллабических в ИТ и дисиллабических в островных языках — составные слова демонстрируют существенные различия.

В языках ИТ главный тип составных слов — это лексические единицы, состоящие из двух полнозначных силлабоморфем (моносиллабов), между которыми могут быть разнообразные отношения семантико-синтаксического характера, а именно сочинительные, подчинительные и даже предикативные. Слоги при этом не теряют своей фонетической полнозвучности и произносятся в потоке речи как обычные односложные слова.

В некоторых языках ИТ (*вьет, чам*) продуктивны особые трехсложные модели: одна из них включает предикативную пару в атрибутивной функции «Имя + (П + С)», вторая аналогична трехчленному предложению (П + С + Д); значений предикативности, однако, они лишены. Примеры: (*чам*) *tnuih paw tap* 'охотник' (человек идти охота), *kah hraj mu* 'запад' (сторона солнце входить).

Изобилию и продуктивности моделей словосложения в ИТ противостоит явно обусловленное богатством аффиксации слабое развитие этого способа в ФТ; так, в тагальском это способ периферийный, по определению Л.И.Шкарбан [Омельянович ред; 1985, с. 130–141].

В МТ и ОТ способ словосложения весьма продуктивен, но, в отличие от моносиллабических языков ИТ, слагаемые единицы здесь минимально двусложны; характерно наличие рядов составных слов с одним постоянным компонентом, таковы обычно слова со значениями «человек, ребенок, мастер, плод, дерево, место», например:

(*мал*) *anak sungai* ‘ребенок’ + ‘река’ > ‘приток реки’; *tukang besi* ‘мастер’ + ‘железо’ > ‘слесарь’; *buah pikiran* ‘плод’ + ‘мысль’ > ‘идея’; *taman kanak-kanak* ‘сад’ + ‘дети’ > ‘детский сад’;

(*мао*) *rererangi* ‘летать’ + ‘небо’ > ‘самолет’; *arawhata* ‘дорога’ + ‘висеть’ > ‘лестница’.

Производные аффиксальные образования в языках МТ также свободно входят в составные слова: (*мал*) *ayun mengisar* ‘карусель’ (‘качель’ ‘вращаться’; здесь, кстати, тоже возможна предикативная связь); *sekolah atas* ‘школа высшей ступени’ (‘школа’+‘верх’); *pelajaran tinggi* ‘высшее образование’ (‘образование’+‘высокий’); в этих двух сочетаниях невозможно, например, менять *atas* и *tinggi*. Такие бинарные единицы могут служить цельной основой, принимающей аффикс или местоименную клитику:

(*мал*) *berpelajaran tinggi* ‘иметь высшее образование’; *pelajaran tinggi.mu itu* ‘это твоё высшее образование’;

(*мао*) *tara.hono.tia* ‘куча’ + ‘класть’, ‘сваливать’ + *-tia* — суффикс пассива > ‘свалено в кучу’.

Подчеркивая указанные различия в структуре составных слов в МТ, ОТ и ИТ, нельзя забывать об их существенном сходстве, а именно об их структурной и семантической близости к регулярно образуемым словосочетаниям синтаксического уровня. Отличие от последних, как указывалось выше, — в единстве, часто идиоматичности значения, в фиксированности состава, запрете на синонимические замены, что в совокупности делает составные слова воспроизводимыми единицами лексического уровня; среди них особенно велико число терминов, для которых стабильность состава и семантики особенно значима. Более подробно теоретически и фактологически на индонезийском материале эта проблема рассмотрена Н.Тимониной [1985], мною [Алиева 1998, с. 83–106] и на материале других языков ареала — в статьях сборника [Омельянович, ред. 1985].

Литература

- Алиева и др. 1972 — Алиева Н.Ф., Аракин В.Д., Оглоблин А.К., Сирк Ю.Х. Грамматика индонезийского языка. М. 462 с.
- Алиева 1982 — Алиева Н.Ф. Чамский язык и проблема индокитайского языкового союза // Региональная и историческая адаптация культур в ЮВА, с. 3–24. ГО МФ.
- Алиева 1985 — Алиева Н.Ф. Сложные и составные слова как две категории двухкомпонентных номинативных единиц в лексике индонезийского языка // Омельянович ред., с. 8–24.

- Алиева и др. 1991 — *Алиева Н.Ф., Аракин В.Д., Оглоблин А.К., Сирк Ю.Х.* Дополненное издание на индонез. языке. Джокьякарта, Канисиус. 533 с.
- Алиева 1998 — *Алиева Н.Ф.* Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М. 328 с.
- Алиева и Б.Кх.Тхе 1999. Язык чам. Устные говоры восточного диалекта. СПб.
- Крупа 1967 — *Виктор Крупа.* Язык маори. М. 79 с.
- Крупа 1975 — *Виктор Крупа.* Полинезийские языки. 143 с.
- Морев 1991 — *Морев Л.Н.* Сравнительная грамматика тайских языков. М. 230 с.
- Оглоблин 1986 — *Оглоблин А.К.* Мадурский язык и лингвистическая типология. Л. 200 с.
- Оглоблин 1996 — *Оглоблин А.К.* Очерк диахронической типологии малайско-яванских языков. М. 192 с.
- Омельянович ред. 1985. Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Проблемы сложных слов. Сборник статей, ред. Омельянович Н.В., М.
- Рождественский 1969 — *Рождественский Ю.В.* Типология слова. М. 286 с.
- Сирк 1982 — *Сирк Ю.Х.* Австронезийские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М. С. 203–220.
- Сирк 1983 — *Сирк Ю.Х.* О сравнительно-историческом исследовании австронезийских языков // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М. С. 42–53.
- Тимонина 1979 — *Тимонина Н.М.* Принципы анализа и синтеза именного словообразования в современном индонезийском языке. Канд дис. МГУ.
- Шкарбан 1995 — *Шкарбан Л.И.* Грамматический строй тагальского языка. М. 248 с.
- Capell 1979 — *Capell A.A.* Further Typological Studies in Southeast Asian Languages // Southeast Asian Linguistic Studies. Canberra (PL, C-45), 3: 1–41.

К этимологии слова *рис*

Принято думать, что названия *риса* в русском языке, как и во многих других языках Европы (например, *riz* во французском, *riso* в итальянском, *rijs* в голландском, *Reis* в немецком, *rice* в английском, *arroz* в испанском, *риж* в украинском, *ryz* в польском), развились из греческого слова *ὄρυζα* и его латинской транслитерации *oryza* [Фасмер 1971, с. 485]. Со временем это слово утвердилось в качестве ботанического термина для обозначения культурной разновидности этого злака — *Oryza sativa* 'рис посевной'. Написанное кириллицей слово *оризъ* встречается и в старославянских текстах [Шанский и др. 1961, с. 287–288], давая представление о том, как долго греко-латинский оригинал удерживался в живых языках.

Поскольку было известно, что греческие купцы завезли *рис* в Европу из Индии, греческое название его со всей очевидностью также происходило из Индии. Среди языков Индии санскрит был известен языковедам прошлого лучше других, и это обстоятельство, вероятно, предопределило направление поисков европейских этимологов: греческое слово *oryza* стали возводить к санскритскому слову *vr̥hiṣ* 'рис' [Hofmann 1950, с. 237]. В звуковом отношении греческое слово, конечно, отличалось от санскритского слишком существенно для прямого заимствования, но такие названия *риса*, как *berenj* в персидском языке, *vr̥žē* в пашто, *brindz* в армянском и *брынец* в русском XV в. (в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина), восходящие (через древние иранские формы *wrijzei*, *berejya*) непосредственно к санскритскому *vr̥hi-*, могли косвенным образом поддерживать убеждение в том, что и европейские названия риса имеют то же происхождение.

Между тем звуковая форма греческого слова дает некоторое представление о времени его появления, что, в свою очередь, может оказаться решающим в вопросе об отношении греческого слова к санскритскому *vr̥hi-*. Дело в том, что произношение ипсилон -у- (в слове

oryza) как [i] вместо первоначального [u] или более позднего [ũ] утвердилось в греческом языке на рубеже нашей эры или даже несколько позже, и то же относится к произношению дзеты как [z] вместо [dz]. Но к этому времени древнеиндийские формы речи давно вышли из устного употребления. В наибольшей степени это относится к санскриту, ставшему священным языком брахманского ритуала и сложной религиозно-философской литературы, непонятной простым людям¹. Социолингвистическая ситуация в Индии той поры была такова, что она полностью исключала возможность использования священного языка брахманства в торговых сделках на базарах². В повседневной речи могли использоваться либо устные формы среднеиндийских пракритов (в северной части полуострова), либо разговорные диалекты дравидийских языков (на юге). Все это делает весьма маловероятной связь греческого слова *oryza* с санскритским *vr̥hi-*, тем более что основная торговля греческих купцов с Индией в то время шла через порты малабарского побережья.

К сказанному следует добавить, что и в санскрите слово *vr̥hi-* могло быть исконным³, и, судя по всему, было заимствовано из какого-то доарийского языка. Дело в том, что культура *pisa* не была привнесена в Индию ариями, но, как показывают археологические данные, *рис* возделывался и использовался в пищу местными жителями на протяжении нескольких тысячелетий задолго до появления там ариев. Многочисленные (свыше 100) разновидности дикорастущего *pisa* и множество переходных форм от диких к культурным, произрастающие в Индии по сей день, свидетельствуют, по мнению академика Н.И.Вавилова и ряда других специалистов, о том, что эта страна является родиной и центром распространения данного важнейшего злака [Вавилов 1926, с. 2; Pillai...1954, с. 13; Parthasarathi 1954, с. 190–191]. Ясно, что аборигены Индии должны были иметь свои названия для этого растения и зерна, одно из которых и было усвоено пришельцами.

¹ Древнеиндийский период в истории индоарийских языков завершился не позднее V в. до н.э., и появление грамматики Панини не оставляет в этом сомнений. Двумя столетиями позже эдикты Ашоки были написаны уже на пракрите магадхи, государственном языке его империи. В это время древнеиндийская форма *vr̥hi-* изменяется в *vīhi* [CDIAL 12233] или *viya*, *viya* [ibid.: TL, 3754], а затем, по-видимому, вообще выходит из устного употребления, уступая место слову **cāvala* [CDIAL 4749], от которого произошли *cāval* 'рис' в хинди, *cāul/cāl* в бенгальском и родственные им формы в других индоарийских языках. Характерно, что русско-индийские и англо-индийские словари *vr̥hi* в качестве эквивалента слова 'рис', как правило, не дают.

² Употребление санскрита в неподобающей ситуации могло бы носить предсудительный характер и подвергнуться осуждению со стороны духовенства.

³ Сомнение в индоарийском характере этого слова высказывали, в частности, Г.Гундерт и Ф.Киттель в ряде своих работ.

Если теперь в поисках истинного первоисточника греческого слова *oryza* обратиться к доарийским языкам Индии, то он может быть легко обнаружен в тамильском языке, где слово *arici* [*arisi-arizi*] ‘зерно риса (очищенное от шелухи)’, широко употребительное и в литературе, и в устной речи, практически полностью соответствует его греческой копии. Краткий вариант этого слова — *ari* (без суффикса *-ci*) — также встречается в тамильском языке, малайлам и тулу. Более старая форма — *vari* употребляется в тамильском для обозначения дикорастущего *pusa* и обозначает *puc* вообще в телугу и гонди. Спонтанное опущение начального *v*- и других согласных довольно распространено в дравидийских языках и встречается во многих словах; ср., например, там. *vāval*, мал. *vāval/āval* ‘летучая мышь’, там. *ṭṭi*, мал. *ṽṭṭi/ṭṭi* ‘черное дерево’, там., мал. *pular-lular-* ‘сохнуть’, там., кан. *malar/alar* ‘цветок’, там. *kōṇāy/ōṇāy*, мал. *kōṇāyi/ōṇāyi* ‘волк’ [Andronov 2001, с. 92–95]. Слово *vari* ‘рис’ в тамильском и некоторых родственных языках также принадлежит к их числу.

Многочисленные родственные названия *pusa* регулярно используются в других дравидийских языках и диалектах; ср., например, *arši* в тамильском диалекте племени ирула, *ariši* в языке куппу (ерукала), *argi* в языке беллари, *aśky* в языке тода, *akki* в каннада, тулу и кодагу, *aky* в ката, *irgī* в куи, *val* в колами, *valci* (*valsi*) в тамильском, *vañji* в гонди и формы множественного числа *valku* в найки, *varcil* / *varsil* в гадаба, *vercil* в парджи. К этому же этимологическому гнезду принадлежит слово *arise* — название пирожного из *pusa* в языке телугу. Все эти слова восходят к **vari/*variki* (*varihī*) / **varikki* и означают либо *puc* в зерне, либо *puc* на корню [Burtow, Emeneau 1984].

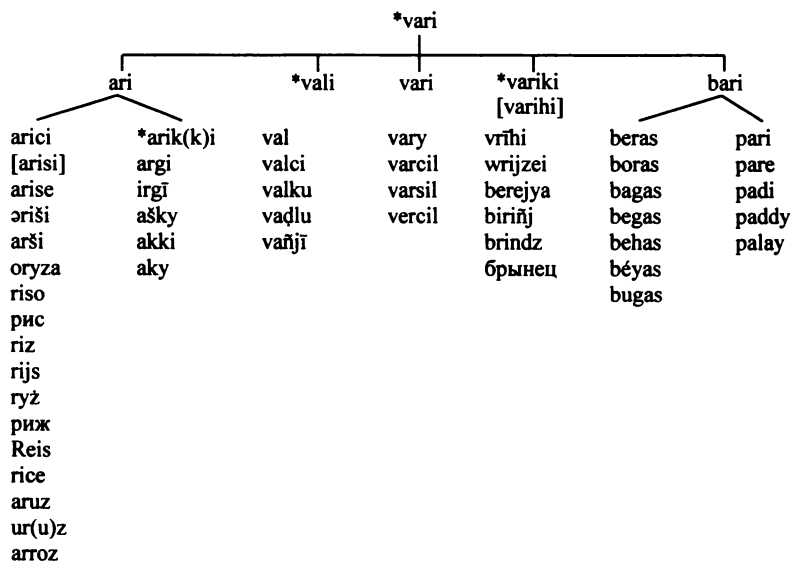
Греко-латинское *oryza* и его европейские производные не были единственными проникшими за пределы Индии. Приблизительно в то же время культура *pusa* была завезена на Мадагаскар [Pillai...1954], где и сегодня он обозначается на мальгашском языке словом *vary* (*vari*). В арабизированной форме *arz*(*aruz~ur(u)z*) [Platts 1959] тамильское *arici* распространилось от западных районов Индии до Испании, где еще в середине I тысячелетия арабы стали возделывать *puc*. В диалектной форме *bari* это слово было заимствовано нгаджу-даяками и некоторыми другими австронезийскими племенами, а носители малайско-индонезийского языка преобразовали его в *beras* [*bəras*] ‘рис, очищенный от шелухи’ и *pari* / *pare* / *padi* ‘зерно риса в шелухе’. Другие австронезийские производные этого слова включают *bagas* (илоко), *begas* (моро-минданао), *bigas* (тагальский), *behas* (даякский), *bugas* (бисайский), *béyas* (сунданский), *boras* (тобо), *palay* (тагальский) [Крус, Шкарбан 1966].

В отношении санскритского *vrīhi* — Ф.Киттель еще в конце XIX в. отмечал отсутствие у этого слова санскритской этимологии и связывал его с дравидийскими словами в тамильском, малайлам и телугу [Kittel 1893, с. XL]. Нередкое опущение корневого гласного, сопровожда-

ющееся в определенных случаях удлинением гласного во втором слог⁴, как в там. *maram* 'дерево' — куи *mṛānu*, там. *vari-*, кан. *bari-* 'писать', 'рисовать' — куи *vṛī-s-* 'писать', куви *brī-n-* 'рисовать', позволяет понять, как санскритское *vṛīhi-* возникло из дравидийского **variki* (*varihi*).

К сказанному, вероятно, следует добавить, что *рис* отнюдь не является единственным заимствованием из тамильского языка, вошедшим в словарь интернациональной лексики. В русском языке такими заимствованиями являются: 'катамаран' из *kaṭṭu-maram*, 'балансир' (букв. 'привязанное бревно'), 'манго' из *mā-n-kāy* 'незрелый плод дерева *ma*', 'имбирь' из *injivēr* 'корень растения *inji*', 'тик(овое дерево)' из *tēkku*, 'сандал(овое дерево)' из *cantaṇam*, 'пария' из *paraiaṇ*, 'барабанщик' от *paraī* 'барабан', 'кули' из *kūli* 'поденная плата', 'плата черноработному', 'бетель' из *verr-ilai* 'бетель' (букв. 'простой', 'пустой лист'), 'карри' из *kari* 'овощное или мясное блюдо', 'тушеные овощи и мясо', 'копра' из *kopparai*, 'корунд' из *kuruntam* и ряд других. Все они вошли в русский язык через посредство других языков, обычно английского или португальского. В западных языках число таких заимствований значительно больше и, по подсчетам некоторых филологов⁵ [Mugaiyan 1996, с. 205], может превышать две тысячи.

Этимологическое гнездо слова *рис*

⁴ Это явление подробно рассматривается в ряде работ. См., в частности, [Ramawami 1932, p. 448–472], [Master 1948, p. 340–364], а также [Андронов 1978, с. 155–156].

⁵ Кстати сказать, английское слово *paddy* 'рис на корню, в шелухе' через *padi* < *pari* < *bari* в конечном счете также восходит к тамильскому *vari*.

Сокращения

кан.	—	каннада
мал.	—	малаялам
там.	—	тамильский

Литература

- Андронов 1978 — Андронов М.С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.
- Andronov 2001 — Andronov M.S. A Comparative Grammar of the Dravidian Languages [3rd ed.]. M., 2001.
- Burrow T., Emeneau M.B. 1984 — Burrow T., Emeneau M.B. A Dravidian Etymological Dictionary, 2nd ed. Oxf., 1984, No. 215, 5265.
- Вавилов 1926 — Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений. — Труды по прикладной ботанике и селекции. 1926, т. 16.
- CDIAL 1966 — Turner B.L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. L., 1966.
- Hofmann 1950 — Hofmann J.B. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. München, 1950.
- Крус, Шкарбан 1966⁶ — Крус М., Шкарбан Л.И. Тагальский язык. М., 1966.
- Kittel 1893 — Kittel F. A Kannada-English Dictionary. Mangalore, 1893.
- TL — *Tamil Lexicon*. Published under the Authority of the University of Madras. Vol. I–VII. Madras, 1924–1939.
- Master 1948 — Master A. Indo-Aryan and Dravidian. — Bulletin of the School of Oriental Studies. Vol. 12. L., 1948.
- Murugaiyan 1996 — Murugaiyan A. Unity in Diversity. — Journal of Tamil Studies. Vol. 49–50. Chennai, 1996.
- Parthasarathi — Parthasarathi N. Arici — Kalaikkaḷaṇciyam. Vol. 1. Chennai, 1954 [in Tamil].
- Pillai... 1954 — Pillai K.I., Pillai N.S.K., Aiyar C.K.K. South-Indian Agriculture. Vol. 2. Bhikshandar Kovil (Tiruchchirappalli Dt.), 1954 [in Tamil].
- Platts 1959 — Platts J.T. A Dictionary of Urdū, Classical Hindī, and English. Reprint edition. M., 1959.
- Фасмер 1971 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971.
- Шанский и др. 1961 — Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

⁶ Автор благодарен Ю.Х.Сирку за консультацию по данному вопросу.

Ключ закрывающий и ключ открывающий

0.0. В статье предпринята попытка установить путь лексемы, проникающей в арабский язык, и процесс ее адаптации. Рассматриваемое заимствование представляется одним из ранних заимствований в арабский язык и отмечено уже в первом письменном памятнике арабского языка — Коране.

Задачей данного анализа является не этимология заимствований, но исследование контекстов, в которых эти заимствования встречаются.

Рассматриваются: а) лексическое окружение данной лексемы; б) ее синтаксические связи; в) ее слово- и формообразовательные потенциалы.

Для сравнения привлекаются как близкие по значению лексемы из ресурсов арабского языка, так и заимствования.

1.0. Общеизвестное и широко распространенное название ключа в семитских языках: араб. *miftāḥ*-, др.-евр. пост.-библ. *mafteaḥ* (в форме статус констр. *miftaḥ*), эфиосемит. *miftəḥ*, сокотри *muftaḥ*; ср. также перс. *meftaḥ*; имеет свой синоним, более ограниченный по распространению и употреблению и имеющий обратное значение — ‘закрывать’ (тогда как исходный корень первого *fih/ptḥ* ‘открывать’): араб. *'iqḷīd*-, *miqlīd*-, *miqlād*-, араб.-сир. *qəḷīd-ā*, *'aqḷīd-ā*, нем. диал. араб. яз. *qālūda* ‘деревянный засов, запор’; ср. также контактирующие языки: перс. *kalīd/kelīd* ‘ключ, замок’, курд. *kilīt*, татск. *kalīt* ‘замок’ < греч. *klēis/χλείδός* ‘засов, запор, ключ’.

1.1. Для изучения пути проникновения лексемы *'iqḷīd*- из языка-источника и ее функционирования на Аравийском полуострове и в сопредельных странах большой интерес представляют комментарии арабских филологов средневековья и современных филологов.

Ибн Дурайд (VIII–IX вв.) и ал-Джавалики (XI–XII вв.) приводят в своих сочинениях формы *'iqḷīd-* и *miḡḷīd-* с толкованием *miftāḥ-* и объясняют эти формы как *fārisiyya mu'arraba*, т.е. «персидские арабизированные» [Al-Munḡid 1978, с. 87].

Уже первые комментарии арабских филологов свидетельствуют о сложном пути проникновения заимствований в арабский язык. По-видимому, языком-посредником в данном случае служит персидский. Ал-Джавалики приводит исходную, по его мнению, форму *kilīd*, что также может свидетельствовать скорее в пользу ираноязычного посредничества, нежели прямого заимствования из арамео-сирийского (ср. структурно-вокалический и фонемный состав лексемы *kilīd* > *'iqḷīd*, но греч. *kilī(y)d*, арамео-сир. *qālīd-/ 'aqḷīd*), в то время как иранские формы представляют *kalīd*.

Некоторые арабские филологи дополнительно сообщают о территориальном происхождении рассматриваемой лексемы, что может указать на географический путь заимствования. Так, Ибн Манзур (ум. в нач. XIV в.), автор словаря «Лисан ал-Араб», помечает это слово как «йеменское». Так же помечает его и ал-Файуми, автор сочинения «Ал-Мисбах ал-Мунир» (XIV в.). Более поздние авторы отмечают форму мн. числа от производственной лексемы *maqālīd* как «химьяритскую» [Aṭ-ṭa'ān 1968, см. *'iqḷīd*].

1.2. Сравнительный анализ функционирования лексем *miftāḥ-* и *'iqḷīd-* в арабском литературном языке и в арабских диалектах может уточнить указания арабских филологов относительно территориально-диалектного распространения заимствования. Анализ степени адаптации заимствования и включения его в арабскую грамматическую парадигму также может указать на сферу и место его проникновения и активного использования.

В Коране используются оба слова в форме мн. числа в сходном окружении (контексте): *la-hu maqālīdu s-samawāti wa l-arḍi* [Ma'luf 1965, с. 63; Полосин 1995, с. 12] 'у Него (Аллаха) ключи небес и земли' и *wa 'inda-hu mafātiḥu l- ḡayabi* [Гиргас 1881, с.59]... 'у Него — ключи тайного...'. Арабская лексема, судя по ее окружению, используется в более конкретном значении: *aw buyūti ḥālāti-kum aw mā malaktum mafātiḥa-hu* [Kazimirski 1860, с.62] 'или в домах теток ваших по материнской линии, или того, ключами чего вы владеете' [Leslau 1987, с. 76]. В первых двух примерах арабская и заимствованная лексемы выступают в равно отвлеченном значении и теоретически взаимозаменяемы. Во втором случае в конкретно-вещественном значении «ключа» от имущественного владения выступает арабская лексема.

1.3. В лексической системе современного арабского литературного языка сохраняется оппозиция двух лексем по степени абстрактности-

конкретности их значений. Ср.: *miftāḥ*- мн.ч. *maḡfātīḥ* 'ключ, отмычка', *miftāḥu l- 'išti 'āl* 'выключатель зажигания; железнодорожная стрелка' и т.п., но *maḡālīdu l- 'umūr* 'бразды правления'; *maḡālīdu r-ri 'āsati* 'полномочия премьер-министра'; *'istawalā 'alā maḡālīdi l-ḥukmi* 'статья у кормила власти' и т.п.

2.0. В лексических системах семитских языков и современных арабских диалектов функционирование «своей» и заимствованной лексем отражает другую оппозицию значений.

2.1. Общесемитский корень **pṭḥ* связан главным образом со значением 'открывать' (также 'завоевать', т.е. 'открыть для себя доступ куда-либо', и 'вынести приговор, суждение', т.е. 'открыть его'). Ср. семитские формы аккад. *pitūl/paiū*, угар. *pṭḥ*, др.-евр. *pṭḥ*, финик., пунич., набат., пальм., иудео-арам., араб.импер. *pṭḥ*, араб., эпиграф. южно-араб., эфиосемит. *fiḥ* 'открывать (дверь, ворота и т.п.)'. Имя орудия, образованное в каждом из языков по своей грамматической парадигме от глагольного корня, ориентировано на значение орудия 'открывания'.

2.2. Заимствованная лексема включается в активный процесс адаптации и словообразования по арабским грамматическим моделям литературного и диалектного типа. В диалектах Йемена: *qld* (i) 'закрывать', ср.: *bābe-kum maḡlūd* [Landberg 1920–1923, I, с. 103 и 695] 'ваша дверь заперта (на ключ)'¹; используется также глагол *qld* во второй породе 'закрывать, запира́ть'; производный термин: *muqallad ar-raqaba* [Landberg 1920–1923, II, с. 2522] 'ключица'. Имя орудия в первичной форме заимствования '*iqḷid-* 'ключ' получает параллельные формы: *qillād*, *qālūda* (мн.ч. *qawālīd*) со значениями 'запор, засов из дерева'.

В новосемитских языках отыменное словообразование глагольной основы от заимствования представлено в иврите каузативом *hi-qḷid* 'накрепко замкнуть, запереть'; вторичная именная форма — *miqledet* 'клавиатура' (ср. араб. *miftāḥ*- также в значении 'клавиша').

2.3. Греко-римское заимствование, отмеченное в йеменских диалектах, сохраняет свое изначальное конкретно-вещественное значение как в основной форме, так и во вторичных производных формах².

В классическом и в современном литературном арабском заимствование сохраняется в значении 'ключ' и часто трактуется как полный синоним арабского слова *miftāḥ*-, но сфера его функционирования ограничена более отвлеченными и абстрактными значениями. Эти значения связаны с идеей «ключевой позиции», занимаемой каким-либо

¹ Ср. значение страдат. причастия первой породы в литературном арабском *maḡlūd-*, *qalīd-* 'скрученный, свитый' от глагольного корня *qld* 'скручивать, свивать (веревку)'.

² Конкретно-вещественное значение, сохраняющееся за *kalid* в персидском, также дает основу для образования современных технических терминов, аналогичного арабскому *miftāḥ*-, ср. *kalide barq* 'выключатель' и т.п.

лицом, и не указывают непосредственно на направленность действия, скрытого в производном имени³.

3.0. В арабской лексикографии переразложенный консонантный корень *qld* контаминировался: с омонимичным корнем *qilādat* 'ожерелье' (< глагол *qld* 'надеть на шею ожерелье', см. примеч. 3) и с омонимичным корнем *qld* 'собирать воду в резервуар'. Последний корень составляет сабейско-арабско-эфиосемитскую изоглоссу: саб. *mqlđ*, *mqlđt* 'водоем, водохранилище', араб. *qld* 'собирать воду', *qillīd-*, *miqlād-* 'хранилище' (ср. также арабские корни *klt*, *kld*), геэз *qld* 'собирать жидкость в резервуар', *maqlad/maqlad* — мн.ч. *maqālād* 'водоем, лохань'.

3.1. В сабейском формы *mqlđ*, *mqlđt* зафиксированы в памятниках, относящихся ко II–I вв. до н.э.⁴ Заимствование из греческого, судя по консонантному составу, проникает в языки Ближнего Востока не ранее IV в. н.э., т.е. после перехода *kleyos* > *kli(y)d-* в греческом (приблизительно около IV в. н.э.).

3.2. Фонетическая форма греческого слова определяет, таким образом, ранний временной предел заимствования. Свидетельства арабских филологов и географический ареал заимствования в арабских диалектах могут послужить указанием на путь проникновения лексики. Персидско-йеменские контакты, как торгово-культурные, так и военно-административные, усиливаются в VI в. н.э. [Пиотровский 1985, с. 24, 150–155], хотя проникновение контактной лексики могло происходить и ранее указанного периода.

4.0. В тексте Корана наблюдается значительный пласт йеменской лексики [Al-Ghul 1976]. Рассмотренная выше форма *maqālīd-* представляет не только полностью адаптированную, но и переразложенную заимствованную основу: мн.ч. *maqālīd-* < ед.ч. *miqlīd-* или *miqlād-*. Первая форма ед.числа *miqlīd-* представляет основу, в структурно-слоговом отношении еще близкую исходному заимствованию: '*iqlīd-* > *miqlīd-*', в то время как форма *miqlād-* уже полностью входит в парадигму арабского словообразования по аналогии с араб. *miftāh-*.

Однако первоначальное значение заимствования — 'запор, замок' и соответственно 'ключ запирающий' отразилось в значениях произ-

³ Вторичное значение «ключевой позиции» нашло отражение в отыменном глаголе литературного арабского: в класс.: *qallada-hu l-yamana* [6] 'он назначил его правителем Йемена' и в поэтическом тексте *maqālīd-* 'бразды...' [Полосин 1995, с. 401]; в современном лит.: 'облечь кого-либо властью, назначить на пост'. Вместе с тем можно допустить, что здесь мы наблюдаем контаминацию со значением омонимичной основы глагола 'надеть на шею, повязать' (ср. *qilādat* 'ожерелье'), 'опоясать мечом' и т.п.

⁴ Консультация по этому вопросу в свое время была любезно предоставлена Г.М.Бауэром.

водных образований в арабских диалектах и сохранилось в глагольных и именных формах.

4.1. Заимствование послужило основой для образования лексем со значением, противоположным по отношению к араб. *fiḥ/miftāḥ*:-: *qld* 'запирать, закрывать' — *fiḥ* 'открывать, отпирать'. Новообразования от заимствованного корня включились в арабскую лексику (литературную и диалектную) и стали синонимами к исконно арабским корням. Ср., например, в йеменском диалекте: *bāb aš-šarī'ah muḡallaq* 'дверь суда закрыта' [Али ибн Заид 1968, № 68, с. 49, 65] или: *abwāb ḡalbi muḡlagah* 'двери моего сердца закрыты' [Али ибн Заид 1968, № 95, с. 53, 78], где используются причастия *muḡallaq* глагола второй породы *ḡlg*, причастия *muḡlag* < *ḡlg* глагола четвертой породы деноминативного глагола от имени *ḡalaq*- 'задвижка, запор, засов'. К йеменской лексике относят также глагол '*nq* IV породы в значении 'запирать дверь на *mi'nak*-' ('ключ из дерева для запирания двери'), объясняемый через арабский глагол четвертой породы '*aḡlaqa* [Našwān 1981, с. 78].

В литературном арабском и в диалектах имеются и другие синонимы аналогичного типа: имя конкретного значения > деноминативные глаголы. Ср., например: литер. араб. *qfl* (второй, четвертой пород) 'закрыть, запереть на замок' < *quṣl*- 'висячий замок'; марок. диал. *qfəl* 'закрывать' < *qfəl* 'замок, запор', но с причастием первой породы *maqfūl* 'закрытый'; бухар. диал. *biet maqlūf* 'дом заперт' < *qalaf* < *qulf* 'замок, запор' (с метатезой корневых согласных). В сирийском арабском диалекте: *sakkar el-bāb* 'он запер дверь', где глагол *skr* второй породы < *sikar* 'задвижка, засов' (ср. в литер. араб. *sikr*- 'плотина, запруда') и вторичное производное *sikkāra* (Центральная Сирия, Ливан) 'засов, запор'⁵.

5. Потенциальное различие исходных значений двух синонимов к понятию «ключ» проявляется в их функционировании и адаптации заимствованной основы. Переразложенный корень заимствования *qld* входит в семантическое поле 'запирать, закрывать' и становится синонимом соответствующих исконных арабских корней соответствующего значения. Исконный корень *fiḥ* и его производные, в том числе *miftāḥ*-'ключ', остаются в семантическом поле 'открывать' и оказываются антонимами к производным лексемам от заимствованного слова.

Греко-персидское заимствование проникает в арабоязычный ареал на юге Аравийского полуострова, закрепляется в своем исходном значении и адаптируется в Йемене. Проникнув во вторичной, производной форме в литературный арабский через Коран, заимствованная ос-

⁵ См. также неполные синонимы со значением 'закрывать' в арабском языке [Белкин 1975, с. 162].

нова закрепляется в отвлеченном значении в устойчивых оборотах и выражениях.

Литература

- Али ибн Заид 1968 — *Али ибн Заид*. Стихи. Изд. А.Агарышева и А.Санчеса. М., 1968. № 68, 95.
- Al-Ghul 1976 — *Al-Ghul Maḥmūd*. Makānātu lughati nuqūṣi l-yamani l-qadīma fī turāṭi l-lughati l-'arabiyyati l-fuṣṣhā. Nadwatu l-ḥadārati l yamāniyyati. 'adan. Febr 1975; 'adan, 1976.
- Al-Munḡid 1978 — *Al-Munḡid Ṣalāḥu d-Dīn*. Al-Mufaṣṣil fil-'alfāzi l-fārsiyyati l-mu'arraba. Bayrut, 1978.
- Al-Qur'ānu 1963 — *Al-Qur'ānu l-karīm*. Dimaṣqu, 1963.
- Aṭ-ṭa'ān 1968 — *Aṭ-ṭa'ān Ḥāṣim*. Ta'atturu l-'arabiyyati bi-l-lughati l-yamaniyyati l-qadīma. Bagdād, 1968.
- APC 1978 — Арабско-русский словарь сирийского диалекта. М.Эль-Массарани, В.С.Сегаль. М., 1978.
- Баранов 1976 — *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1976.
- Белкин 1975 — *Белкин В.М.* Арабская лексикология. М., 1975.
- Винников 1962 — *Винников И.Н.* Словарь диалекта бухарских арабов. — Палестинский сборник. Вып. 10 (73). М.—Л., 1962.
- Гиргас 1881 — *Гиргас В.* Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881.
- ДРС 1958 — Древнегреческо-русский словарь. Сост. И.Х.Дворецкий. Под ред. чл.-кор. АН СССР проф. С.И.Соболевского. Т. I. М., 1958.
- ИРС 1963 — Иврит-русский словарь. Сост. Ф.Л.Шапиро. Под ред. проф. Б.М.Гранде. М., 1963.
- Kazimirski 1860 — *Kazimirski A. de B.* Dictionnaire arabe-français. T. I-II. Paris-Beyrouth, 1860.
- Коран 1963 — Коран. Пер. и коммент. И.Ю.Крачковского. М., 1963.
- Landberg 1920–1923 — *Landberg C.* Glossaire daṭinois. Vol. 1–3. Leiden, 1920–1923.
- Leslau 1987 — *Leslau W.* Comparative Dictionary of Ge'ez. Wiesbaden, 1987.
- Ma'lūf 1965 — *Ma'lūf Luyis*. Al-Munḡid. Bayrūt, 1965.
- Naṣwān 1981 — *Naṣwān ibn Sa'id al-Himyari*. Al-Muntaḥabāt fī'ahbāri-l-yamani min kitābi Ṣamṣi-l-'ulūm wa dawā'i kalāmi l-'arab mina l-kulūm. Taḥqīqu-hu azīmu d-dīn 'ahmad. Aṭ-ṭab' uṭ-ṭānī. Dimaṣqu, 1981.
- ПРС 1983 — Персидско-русский словарь. Под ред. Ю.А.Рубинчика. Т. I–II. М., 1983.
- Пиотровский 1985 — *Пиотровский М.Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. М., 1985.
- Полосин 1995 — *Полосин Вл.В.* Словарь поэтов племени 'абс. VI–VII вв. М., 1995.
- Цаболов 2001 — *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М., 2001.

Фразеология японского языка и диалекты

Под устойчивыми, или фразеологическими, словосочетаниями в широком плане мы подразумеваем семантически немоделируемые устойчивые образования, характеризующиеся устойчивостью значения, как правило, не совпадающего со значением компонентов, устойчивостью совместного употребления компонентов, синтаксической устойчивостью. Устойчивость японских устойчивых словосочетаний определяется как детерминированность компонентов на одном (или нескольких) из следующих уровней: лексическом, семантическом, морфосемантическом. Иными словами, постоянный компонент выступает ограничителем в выборе переменных лексически, семантически или морфологически¹. При этом под «уровнями» мы подразумеваем не уровни, объективно существующие в языке, а аспекты, или планы, исследования.

Фразеология японского языка, понимаемая как совокупность фразеологических, или устойчивых, словосочетаний, включает в себя устойчивые словосочетания различных структурных типов, характеризующиеся различной степенью устойчивости. На материале японского языка можно выделить несколько типов подобных единиц — от максимально близких к словам («фразеологические слияния», представляющих собой разновидность слитных именных словосочетаний²) до единиц, близких к свободному словосочетанию (фразеологические сочетания, по определению В.В.Виноградова).

¹ См.: Быкова С.А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М., 1985, с. 13–15.

² См.: Пашковский А.А. Слитные именные словосочетания в японском языке. — Японский язык. М., 1963.

В целом японский язык характеризуется богатством фразеологического состава, обилием и многообразием структурных типов и типов значения. Структурно-грамматический анализ устойчивых словосочетаний японского языка позволяет утверждать, что большинство устойчивых словосочетаний в японском языке представляет собой бинарные глагольные конструкции, построенные по нормам современного языка. Известно, что подобная модель («имя + глагол») оказывается наиболее распространенной и в ряде других языков, например в персидском³.

Фразеологический состав языка отражает культурно-исторический опыт японского народа, особенности исторических законов развития японского языка.

Среди устойчивых словосочетаний японского языка выделяются исконно японские образования, возникшие как результат обобщения многовекового опыта японского народа. В них мы находим отражение существовавших в японском обществе традиций и обычаев, результаты наблюдений за природой, окружающим миром и пр. К источникам фразеологии следует отнести также книжные цитаты, профессиональное аргю и др.

К заимствованным устойчивым словосочетаниям относятся прежде всего довольно многочисленные заимствования из китайского языка, построенные по модели слитных именных словосочетаний и представляющие собой один из видов японских пословиц и поговорок — «котовадза». Ряд единиц представляет собой кальки с других языков — как с китайского, так и с европейских (например, ДЗО:ГЭ НО ТО: — «башня из слоновой кости»).

Процесс фразеологической деривации, под которым подразумевается обогащение словарного состава и состава устойчивых словосочетаний языка производными от устойчивых словосочетаний словами, новыми устойчивыми словосочетаниями, новыми значениями устойчивых словосочетаний, продолжается и в наши дни. Основными источниками новой фразеологии в современном японском языке стали молодежный язык, кинематограф и телевидение, и прежде всего речь деятелей искусства и телевизионных звезд.

Употребляя те или иные новые единицы, носители языка обычно не задумываются над тем, что именно явилось источником данного устойчивого словосочетания.

Можно также предположить, что большинству носителей японского языка, за исключением, пожалуй, специалистов-языковедов, занимающихся фразеологией, неясна этимология устойчивых словосочетаний, исконно существовавших в языке. В ряде случаев это объясня-

³ См.: Рубинчик Ю.А. Персидский сложный глагол как разновидность глагольных фразеологизмов. — Индийская и иранская филология. Вопросы лексики. М., 1971.

ется тем, что реалии, обычаи, особенности уклада жизни и традиции, отраженные в устойчивых словосочетаниях, ушли из жизни японского общества и незнакомы современным людям. Носители языка употребляют эти единицы «в готовом виде» аналогично тому, как, например, носители русского языка употребляют фразеологизм «бить баклуши», т.е. «бездельничать», не задавая себе вопроса, что означает слово «баклуши».

Однако анализ фразеологии современного японского языка показывает, что многие фразеологические единицы (устойчивые словосочетания) изначально диалектальны, т.е. на начальном этапе существования в языке употреблялись только в определенных диалектах.

Как же диалектальные устойчивые словосочетания превратились в единицы стандартного литературного языка? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, необходимо обратиться к истории становления и развития современного японского литературного языка.

Как известно, современный японский стандартный язык, называемый носителями языка «хёдзюнгэ», складывался на протяжении нескольких веков на основе языка жителей Токио. В настоящее время стандартными считаются ударение (акцентуация) токийского типа и грамматические особенности, характерные для диалектов Восточной Японии, в которой расположен Токио⁴.

Периоду превращения языка столицы Японии, ранее носившей название Эдо, в общенациональный стандартный язык предшествовала эпоха, когда роль стандартного языка играл диалект западной части основного острова Хонсю, в частности Киото, бывшего столицей Японии на протяжении нескольких веков эпохи Хэйан⁵.

Вместе с возрастанием роли Токио (Эдо) как политического и экономического центра страны возрастало и значение языка Токио в качестве основы стандартного языка. Наряду с токийским типом акцентуации и характерными для восточных диалектов грамматическими формами по всей стране распространялись также лексические единицы, ранее употреблявшиеся в «эдогэ» — языке Токио эпохи Эдо. Аналогичная тенденция проявляется и на материале фразеологических единиц.

По данным этимологического анализа можно судить о том, что многие из широко употребляющихся ныне устойчивых словосочетаний обязаны своим появлением в литературном языке языку Токио более ранних эпох существования японского общества, т.е. «эдогэ»⁶.

⁴ См.: Быкова С.А. Диалекты и их место в современной Японии. — Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2000, № 1, с. 64–65.

⁵ См.: Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М., 2003; Сыромятников Н.А. Классический японский язык. М., 1983.

⁶ Примеры употребления устойчивых словосочетаний в «эдогэ» приводятся на основании «Эдогэ дзитэн». Токио, 1991.

Большинство из этих единиц дошло до наших дней в неизменном виде: АЙСО:ДЗУКАСИ О ЙУ — стремиться поссорить, расхолаживать кого-л. к кому.-л.; ВАРАДЗИ О ХАКУ букв. «надеть варадзи (соломенные сандалии)» — убежать, удрать; ТЯТЯ О ИРЭРУ (ЦУКЭРУ) букв. «вкладывать (прикреплять) помеху» — мешать (разговору), обескураживать кого-л. (слово ТЯТЯ в «эдого» означало частицы чая, чаинки); ВАКЭ МО НАЙ букв. «нет даже смысла» — неинтересно; МУСИ ГА ИЙ букв. «насекомое хорошее» — самонадеянный, дерзкий (создание фразеологизма приписывается великому японскому поэту Басё); ВАРЭНАБЭ НИ ТОДЗИБУТА букв. «крышка на треснувший котелок» — на всякий горшок находится крышка.

Другие единицы в результате процесса фразеологической деривации претерпели изменения в семантике и компонентном составе. К числу единиц, семантика которых в современном японском языке отличается от исходной, может быть отнесено фразеологическое сращение КИ ДЭ ХАНА О КУКУРУ букв. «связывать нос деревом» — отвечать лаконично (в эпоху Эдо единица означала «относиться к кому-л. с прохладцей»). Наблюдаются также исторические трансформации компонентов, выражающиеся в замене их словами, близкими по значению к тем, что фигурировали в составе устойчивого словосочетания на начальных этапах его существования, но не синонимичными им. В то же время компоненты, вытесненные из состава устойчивых словосочетаний, не могут рассматриваться как архаизмы, поскольку продолжают активно функционировать в современном японском языке.

Так, единица ХАРА ГА ТАЦУ букв. «живот стоит» — сердиться, гневаться — имела вид КОХАРА ГА ТАЦУ, где компонент КОХАРА «маленький живот» близок по значению к компоненту ХАРА «живот»; существующее в современном японском языке устойчивое словосочетание СИВАЁСЭ ГА КУРУ — перекладывать на других тяготы, заботы — ранее имело вид СИВА ГА КУРУ букв. «приходят морщины».

Еще одним видом фразеологической деривации является образование новой единицы от уже существующей. Так, в «эдого» функционировало устойчивое словосочетание О-ХИГЭ НО ТИРИ букв. «пыль на (чужих) усах» — лезть, которое в современном языке употребляется в качестве компонента устойчивого словосочетания О-ХИГЭ НО ТИРИ О ХАРАУ букв. «сметать пыль с (чужих) усов» — подхалимничать, лебезить.

Вместе с тем многие из устойчивых словосочетаний, употреблявшихся в Эдо в соответствующую эпоху, на каком-то этапе развития японского языка вышли из употребления и, таким образом, не сохранились ни в языке Токио (Эдо), ни, естественно, в стандартном языке.

Так, достоянием эпохи Эдо остались единицы АКИЯ ДЭ БО: О ФУРУ букв. «размахивать палкой в пустом доме» — служить в незнакомом месте (доме); КИЦУНЭ О УМА НИ НОСЭТА (Ё:) букв. «(словно) лису посадили верхом на лошадь» — беспокойный, непоседа; ЯКАН О КАБУРУ букв. «надевать на голову металлический чайник» — делать вид, будто ничего не слышишь, и т.д.

Итак, часть фразеологии общенационального японского языка с точки зрения диахронического анализа оказывается диалектальной.

В то же время современные диалекты Японии, различаясь с точки зрения фонетики, грамматики и лексики, характеризуются существованием в них собственно диалектальной фразеологии⁷.

Устойчивые словосочетания, функционирующие в диалектах, отличаются прежде всего употреблением в них диалектальной лексики: ГО:БО: НИ Э букв. «хорошо до чрезмерности» — счастливый (преф. Окаяма, ГО:БО: — диалектальное слово со значением «много», НИ — эквивалент формата НО литературного языка, Э: — диалектальная форма прилагательного ЕЙ «хороший»); ЦУРА: ХАРАСУ букв. «натягивать лицо» — «иметь недовольный вид» (диалект префектуры Нагано; ЦУРА здесь означает «лицо» в отличие от стандартного языка, где эта единица обладает просторечной окраской и означает «физиономия, рожа», ХАРАСУ — диалектальная глагольная единица со значением «натягивать»); ИЦУМО КАЦУМО букв. «всегда-навсегда» — всегда (диалект Сэндай; в устойчивом словосочетании употреблено диалектальное слово КАЦУМО со значением «навсегда»); СИНТОГА КИКУ букв. «тяжелый труд эффективен» — «труд приносит свои плоды» (Киото; слово СИНТО означает «тяжелый труд»).

Аналогично тому, как фразеологический состав японского языка отражает культурно-исторический опыт народа в целом, в диалектальной фразеологии находят отражение реалии жизни населения соответствующих районов Японии. В этом случае вовсе не обязательно, чтобы устойчивые словосочетания включали в свой состав диалектальные лексические единицы. Единица может быть построена по нормам современного японского языка и состоять из компонентов, являющихся общеупотребительными лексическими единицами, но в целом отражать характерные особенности менталитета жителей данного района, традиции и обычаи, бытующие здесь.

К числу таких единиц можно отнести, например, употребляющееся в Киото фразеологическое единство МАМУКИ НО БОТАН букв. «пион напротив» — завистливый человек (единица состоит из стандарт-

⁷ Здесь и далее использованы данные словарей «Акита миндзоку гои дзитэн». Токио, 1992; «Ибараки хо:гэн миндзокуго дзитэн». Токио, 1991; «Миякокотоба дзитэн». Токио, 1992; «Нагасакикэн хо:гэн дзитэн». Токио, 1993; «Нихонго хо:гэн дзитэн. Сё: ва, Хэйсэй но сэйкацуго». Токио, 1996.

ных лексических единиц; киотские пионы чрезвычайно красивы, отсюда в цельной единице находит выражение идея заполучить нечто прекрасное, но принадлежавшее другому человеку, т.е. испытывать, чувство зависти); единицы, характерные для других диалектов, ОТИЦУКИ НО БАНГЭ «вечер успокоения» (в преф. Акита на севере о-ва Хонсю существует обычай провожать богов урожая 30 сентября, сопровождая эти проводы плясками и танцами; БАНГЭ «вечер» — диалектальное слово); ОДОГО НО ЯГУХАРАИ «отвод зла от мужчин» 14 января (церемония, проводящаяся в преф. Ибараки; ОДОГО — диалектальный фонетический вариант слова ОТОКО «мужчина», ЯГУБАРАИ — диалектальный фонетический вариант слова ЯКУХАРАИ «изгнание бед»); КИЦУНЭ САНДЗАЭМОН букв. «лиса Сандзаэмон» — «обманщик» (преф. Акита; КИЦУНЭ «лиса» — слово стандартного языка; во всех префектурах Японии лиса характеризуется как животное хитрое, склонное к проделкам и обману; Сандзаэмон — исторический персонаж, некогда живший в этих местах и превратившийся со временем в героя одной из местных сказок).

Одним из интереснейших типов диалектальных словосочетаний являются единицы, которые предложено именовать «фразеологическими комплексами»⁸. Это единицы, построенные по модели «ономатопозитическое наречие + глагол». Первый компонент таких словосочетаний — ономатопозитическое слово, эпизодически обладающее лексическим значением, получившим определение в словаре, но реализующее его в сочетании со строго ограниченным кругом слов, одним или несколькими глаголами. Глагол, являющийся компонентом того или иного фразеологического комплекса, может сочетаться с различными наречиями, т.е. не ограничивает выбор ономатопозитического наречия. Но ономатопозитическое слово требует употребления в сочетании с ним определенных глаголов. В тех случаях, когда это слово употребляется в сочетании с несколькими глаголами, оно каждый раз реализует новое значение. Зачастую это «ущербное» значение не получает четкого определения в словаре, но проявляется в сочетании с соответствующими глаголами. В такой комбинации глагол означает образную характеристику действия, которой он лишен вне данного словосочетания или в случае употребления в других, синонимичных данному фразеологическому комплексу, свободных словосочетаниях, если таковые имеются.

Анализ ономатопозитической лексики, употребляемой в различных районах Японии, позволяет сделать вывод, что и эта лексика различается в зависимости от диалекта. Иными словами, звукоподражание как звуку, так и не-звуку оказывается различным в тех или иных тер-

⁸ См.: Быхова С.А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке, с. 16–17.

риториальных диалектах, как и другие слои лексики. Отсюда — существование в диалектах фразеологических комплексов, не употребляющихся в стандартном языке и в большинстве случаев непонятных носителям японского языка — выходцам из других районов: СИКАСИКА СУРУ «чесаться» (о коже; СИКАСИКА — диалектальное слово; единица употребляется в Киото); КИЦУКИЦУ ЙУ «говорить настойчиво, говорить строго» (КИЦУКИЦУ — диалектальное слово, Киото); ТИРАТИРА АРУКУ «идти быстро» (Нагасаки; ТИРАТИРА — диалектальное слово); ГОНЯГОНЯ АРУКУ (преф. Окаяма; ГОНЯГОНЯ — диалектальное слово).

Современный этап функционирования японского языка характеризуется активным пополнением основного словарного фонда единицами различного происхождения, в том числе и заимствованными из диалектов, старых и новых, территориальных и социальных. Можно предположить, что с течением времени, пусть и ограниченно, фразеология диалектов начнет входить в литературную норму, приобретая общенациональное значение.

Об обучении идиомам персидского языка

Благодаря научным трудам Ю.А.Рубинчика персидская фразеология оказалась наиболее изученным разделом иранского языкознания. В его капитальном труде «Основы фразеологии персидского языка» [Рубинчик 1981] были подвергнуты детальному научному анализу и классифицированы все основные структурно-семантические типы персидских фразеологизмов.

В «Грамматике современного персидского литературного языка» [Рубинчик 2001] он делает закономерный вывод об активном влиянии фразеологии на формирование грамматического строя персидского языка. В этой монографии он убедительно показывает, каким образом осуществляется это влияние на разных языковых уровнях, в частности на уровне частей речи, когда многие фразеологизмы с определенными семантическими и функциональными характеристиками входят в состав частей речи и практически приравниваются к лексическим единицам. Примером такого проникновения могут служить сложные глаголы, поскольку в настоящее время только этот тип в отличие от простых и префиксальных глаголов является продуктивным.

Вместе с тем практика преподавания персидского языка настоятельно требует создания учебников и учебных пособий, включающих систему упражнений, целью которых было бы развитие навыков владения персидской фразеологией, раскрытие особенностей реального функционирования каждой структурно-семантической разновидности персидских фразеологических единиц (ФЕ) в речи.

Среди различных видов ФЕ особое место занимают идиомы — фразеологизмы с полностью или частично переосмысленным составом компонентов. Введение этих единиц начинается с первого же этапа изучения персидского языка, однако активное обучение им предусмат-

ривается на средних и старших семестрах, когда у обучаемых имеется достаточный запас лексики, появляется чувство языка и они могут использовать идиомы с учетом всех особенностей их употребления в речи.

В данной статье будут затронуты некоторые аспекты обучения идиоматическим ФЕ. При этом вопросы, поднятые в ней, освещаются лишь частично, поскольку каждый из них мог бы стать темой более детального исследования.

Нам представляется целесообразным отдельно рассмотреть вопросы, касающиеся методики введения и методики закрепления идиом. Из всех проблем, относящихся к введению фразеологизмов, мы бы хотели остановиться только на двух.

Первая проблема касается требований, предъявляемых к текстам, в которых вводятся ФЕ-идиомы. Традиционно обучение этим фразеологизмам персидского языка ведется на основе прохождения аутентичных, неадаптированных текстов, принадлежащих перу известных авторов и содержащих значительное количество фразеологизмов. Однако именно такие тексты не всегда бывают пригодны для активного усвоения ФЕ обучаемыми, поскольку «писатель как творец языка, художник слова ищет новые пути, пытается найти свои собственные, индивидуальные, только ему присущие способы создания художественности, образности, выразительности» [Тер-Минасова 1981, с. 121].

Именно в произведениях крупных писателей чаще всего встречается «деформация» идиом, использование в контекстах и ситуациях, необычных для них, часто оживляются образы, лежащие в их основе. Как отмечает С.Г.Тер-Минасова, «здесь намечается интересная обратная зависимость: „чем лучше, тем хуже“, т.е. чем лучше художественное произведение, чем крупнее писатель, чем выше его мастерство, тем менее подходит это произведение для обучения активной форме языка» [Тер-Минасова 1981, с. 122]. Поэтому изучение ФЕ в такого рода текстах чаще всего рассчитано на их *рецептивное* усвоение.

Представляется существенным четкое разграничение способов и приемов активного и пассивного изучения фразеологизмов–идиом. Мы согласны с мнением тех исследователей фразеологии, которые считают, что для активного усвоения ФЕ тексты должны быть соответствующим образом подготовлены. Обучение идиомам должно вестись на основе учебных текстов, специально моделируемых таким образом, чтобы в них не было ничего лишнего, никакой окказиональности, никаких отступлений от нормы.

При этом необходимо учитывать, что для понимания смысла фразеологизма, наиболее полного раскрытия его значения, уяснения логических и семантических причин его употребления целесообразно создавать и соответствующие микро- и макроконтексты, которые

обычно шире предложения. «В отличие, например, от слова, реализация которого даже в предложении, как правило, является достаточной для определения его значения, фразеологизм требует обычно ситуации, способной вызвать его в качестве реакции» [Черданцева 1977, с. 73–74].

Наш опыт обучения ФЕ-идиомам показывает, что они гораздо легче воспринимаются в диалогических текстах, чем в повествовательных, поскольку сфера стилистически окрашенных языковых единиц, к которым в подавляющем большинстве относятся идиомы, представляет собой в основном разговорно-просторечный функциональный стиль речи. Кроме того, употребление экспрессивных языковых единиц более типично для акта коммуникации, чем повествования. ФЕ-идиомы, введенные в диалогических текстах, значительно легче вводятся в речь. Условия актуализации идиом в речи от первого лица (а не от лица автора, как в большинстве повествовательных текстов) способствуют тому, что обучаемые быстро и естественно начинают использовать их в своей речи. Немаловажным, кстати, представляется то, что данные тексты в определенной степени должны являться и образцом насыщенности речи идиомами.

Одним из источников, который подходит для извлечения из них диалогических текстов, содержащих ФЕ-идиомы, являются отрывки из кинофильмов. Их использование в обучении идиомам эффективно прежде всего потому, что наглядна ситуация, в которой они употребляются. Диалогические тексты могут быть подобраны и из художественной литературы и составлены самим преподавателем. Главным условием пригодности таких текстов для учебного процесса являются ясность и достаточность контекста (ситуации), в котором используется фразеологизм.

Второй вопрос, касающийся введения ФЕ-идиом, связан с проблемой мотивированности значения фразеологизмов. Преподаватель должен уделять внимание тому, чтобы обучаемые осознавали (в тех случаях, где это возможно) мотивированность значения ФЕ, т.е. выводимость значения ФЕ из составляющих его компонентов, поскольку обучаемые должны не механически запомнить, что данный план выражения имеет данный план содержания, но и осознать логическое обоснование подобной асимметрии ФЕ как знака, возникшего в результате переосмысления свободного сочетания слов [Гак 1976].

В связи с этим в процессе введения ФЕ-идиомы нам представляется важным объяснять ее происхождение. Это не только облегчит ее запоминание, но и даст преподавателю возможность познакомить обучаемых с литературой, культурой, традициями, различными сторонами жизни народа, язык которого они изучают.

Например, в персидском языке существует ФЕ *barg-e sabz* (букв. «зеленый лист») со значением «скромный дар». Своим возникновени-

ем этот фразеологизм обязан старинному обычаю, бытовавшему в Иране. Дервиши, читая молитвы и религиозные стихи, разгуливали по улицам и базарам и в качестве символических подношений раздавали прохожим зеленые листья растений. При этом они говорили следующие слова: *barg-e sabz-i-st tohfe-ye darvīš, ĉe konad bināvā hamin dārad* «Подарок дервиша — зеленый лист. Что бедняку делать — он только это имеет». В настоящее время при вручении своего подарка дарящий обычно говорит: «Примите от меня мой зеленый лист, т.е. мой скромный подарок». В данном случае наличие омонимичного переменного словосочетания *barg-e sabz* «зеленый лист» и его синхронный анализ ничего не дадут обучаемому для понимания значения образовавшейся ФЕ, если не знать подлинной истории появления фразеологизма [Рубинчик 1981, с. 53].

Разработка методики закрепления ФЕ-идиом основывается на учете их структурно-семантических свойств. Мы остановимся лишь на некоторых методических приемах и упражнениях, которые должны не только помочь запомнить значение и компонентный состав ФЕ, но и полнее раскрыть особенности ее функционирования в речи.

Поскольку идиоматические ФЕ состоят из двух и более компонентов, обучаемому необходимо запомнить их в определенных словоформах. Кроме того, надо помнить порядок следования компонентов, так как в персидских словосочетаниях он строго определен и меняется только в стилистических целях.

Упражнение. Даны предложения, содержащие ФЕ, в которых пропущен один из компонентов. Следует заполнить пропуски нужными компонентами в соответствующей грамматической форме. Например: *U ĉenān xošhāl šod-ke... gerdu mišekanad* «он от радости на седьмом небе» (букв. «он так обрадовался, что разбивает... грецкий орех») → (*bā dom-e xod* «своим хвостом»).

Одной из особенностей компонента идиоматической ФЕ является то, что по сравнению со словом в свободном употреблении он обладает не всеми, а лишь ограниченным набором грамматических форм. При этом парадигматические ограничения, налагаемые на ту или иную ФЕ, будут различными [Веретенников 1993, с. 47–60]. Например, глагол в фразеологизме *maqz-e xar xordan* «быть глупым, дураком» (букв. «съесть мозг осла») может употребляться лишь в одном из перфектных времен, т.е. настояще-прошедшем, или перфекте, и преждепрошедшем времени, значение которых характеризуется завершенностью действия к определенному моменту, причем имеется налицо результат действия. Если глагол поставить в любом другом времени, например в настояще-будущем или в прошедшем длительном, то ФЕ теряет свое значение и превращается в свободное словосочетание-омоним, имеющее буквальный смысл.

Некоторые глагольные фразеологизмы персидского языка могут реализовывать свое значение лишь в форме «постоянного отрицания», когда их компонирующие глаголы стоят только в отрицательной форме. «Постоянное отрицание» является структурным элементом таких ФЕ. Например: *yek setāre dar haft āsmān nadāštan* «быть нищим, быть гол как сокол» (букв. «не иметь ни одной звезды на семи небесах»); *dast az pā xatā nakardan* «поступать благоразумно, не совершать опрометчивых поступков» (букв. «не путать руку с ногой»); *āb dar česm nadāštan* «быть наглым, бесстыжим» (букв. «не иметь воды в глазу»). Использование компонирующих глаголов данных ФЕ в утвердительной форме выводит их за рамки фразеологии.

Незнание парадигматических ограничений приводит к тому, что изучающие иностранный язык, усвоив значение и компонентный состав ФЕ-идиомы, не могут правильно употребить ее в речи, поскольку механически переносят грамматические правила на не подчиняющиеся им языковые явления (так называемый принцип «сверхобобщения»), т.е. используют полный набор морфологических форм. Задача, стоящая перед преподавателем, заключается в том, чтобы научить обучаемых использовать идиомы только в допустимых грамматических формах. Для этого можно рекомендовать следующее *упражнение*.

Из полного набора словоформ данного компонента следует выбрать соответствующие и употребить их вместо компонента, данного в исходной или другой нейтральной форме. Например: *nakardam, nemikonam, naxāham kard, nakarde-am, nemikardam nakarde budam nakonam: man-ke kaf-e dast-am-rā bu...?* «откуда же мне знать?» (букв. «я же не нюхал свою ладонь?») (По иранским преданиям, злые духи и волшебники, понюхав свою ладонь, могли определить свою и чужую судьбу.)

В данной ФЕ могут быть использованы только два грамматических времени: перфект и преждепрошедшее время — *nakarde-am* и *nakarde budam*.

Кстати, глагольная часть этого фразеологизма имеет не одно, а два ограничения: глагол употребляется только в перфектных временах и всегда в отрицательной форме. На лицо и число парадигматические ограничения не распространяются, однако чаще всего этот фразеологизм употребляется в форме 1-го лица единственного числа. В существующих персидских словарях эти ограничения не раскрываются, обычно глагольные ФЕ даются в них в форме инфинитива.

Значительная часть персидских глагольных фразеологизмов может употребляться и как фразеологизмы-предложения, которые являются коммуникативными единицами, соотносимыми по структуре с предложениями. В отличие от ФЕ-словосочетаний их грамматический и логический субъекты не совпадают, поэтому для адекватного упот-

ребления в речи нужно знать правила их грамматической трансформации. Например: *mošt-aš-rā bāz kardand* «его вывели на чистую воду» (букв. «они раскрыли его кулак») и *mošt-aš bāz šod* «он выведен на чистую воду» (букв. «его кулак раскрыт»).

Следует учитывать, что трансформация ФЕ одного типа в другой может производиться с помощью разных способов: **лексического**, который заключается в замене компонирующих глаголов, как в приведенном выше фразеологизме, **грамматического** — путем образования пассивной конструкции от переходного глагола: *dar-e bāq-e sabz nešān dādan* «сулить золотые горы» (букв. «показывать дверь зеленого (райского) сада») и *dar-e bāq-e sabz nešān dāde šod* или путем образования каузативных глаголов от непереходных глаголов: *jān-am be lab resid* «я измучился» (букв. «моя душа (т.е. терпение) дошла до края, переполнилась») и *jān-e man-rā be lab resāndand* «меня измучили» (букв. «мою душу довели до предела, переполнили») [Веретенников 1993, с. 54–56].

Упражнение. Дается ряд однотипных глагольных фразеологизмов. По данному образцу их следует превратить в фразеологизмы-предложения.

Правильное использование ФЕ в речи предполагает также знание особенностей ее синтагматики. Одной из задач, стоящих перед преподавателем, является раскрытие нормативных синтаксических связей фразеологизма. Особенно много ошибок изучающие персидский язык делают в глагольном управлении ФЕ, которое часто не совпадает с русским. Например: «С ним что-то случилось» → *barāye u ettefāq-i ofitāde-ast* (в персидском: «для него»); «Мы напомнили ему об этом» → *mā in-rā be yād-aš āvordim* (в персидском: «это принесли в его память»).

Упражнение. Дается предложение с глагольной ФЕ. Вместо пропусков при дополнениях следует поставить нужный предлог или послелог.

Знание категориального значения ФЕ [Жуков 1978, с. 30–57], которое не равно категориальному значению составляющих его компонентов, — одно из основных условий правильного употребления ФЕ-идиомы в речи. Например, ФЕ *dar yek češm be ham zadan* «в мгновение ока» является наречием и используется только с глаголами, хотя все слова, входящие в ее состав, относятся к другим частям речи.

Упражнение. В левой части данны ФЕ с разным категориальным значением, в правой — предложения, в которых возможно употребление одного из данных фразеологизмов. Следует определить, в функции какого члена предложения могут употребляться эти ФЕ, и правильно их использовать в составе приведенных предложений.

Особенность многих ФЕ-идиом состоит в том, что они включаются в контекст в так называемом обязательном словесном окружении [Молотков 1977, с. 64].

Упражнение. При ФЕ приводятся слова, из которых только часть может быть использована с ней. Нужно выбрать соответствующее словесное окружение. Например: «каши просит» (сапог, пальто, валенок, ботинок, костюм, шляпа). Здесь же можно рекомендовать еще один тип упражнения. В левой части дан ряд ФЕ-идиом, в правой — слова или выражения, передающие определенные эмоции либо обозначающие ситуации, в которых они могут быть использованы. Требуется употребить данные ФЕ в правильном словесном окружении. Например: *bā dom-e xod gerdu šekastan* «быть на седьмом небе» (букв. «раскалывать своим хвостом грецкий орех»); (*az xošhāli* «от радости»); *šāx dar-āvardan* (букв. «вынуть рог»); (*az taajjob* «от удивления»); *da-hān-aš xošk šod* (букв. «у него во рту пересохло»); *az tars* «от страха».

Для определенной части идиоматических ФЕ характерно явление структурной антонимии. Оно заключается в том, что замена одного компонента другим без изменения структуры всего фразеологизма ведет к изменению его значения на противоположное. Пары такого рода ФЕ являются структурными антонимами.

В упражнениях на структурную антонимию вместо одного из компонентов необходимо подобрать из данного списка слово, которое бы изменило значение фразеологизма на противоположное.

Например:

«Давать красный свет»	(синий, голубой, зеленый, желтый)
(запрещать)	(разрешать)

Одним из видов структурной антонимии является векторная антонимия, которая представляет собой противоположность разнонаправленных действий, признаков: «подниматься»—«опускаться», «входить»—«выходить» и т.п. Например: *Bar xar-e šeytān savār šodan* «заупрямиться» (букв. «сесть на осла дьявола») и *az xar-e šeytān pāyin āmadan* «перестать упрямяться» (букв. «слезть с осла дьявола»); *dast-o pā-ye xod-rā gom kardan* «растеряться» (букв. «потерять свои руки и ноги») и *dast-o pā-ye xod-rā jam kardan* «собраться, взять себя в руки» (букв. «собрать свои руки и ноги»).

К этому типу примыкают пары разноплановых ФЕ, в которых путем лексических замен в глагольной части происходит замена объекта действия субъектом. Например: *be kām-e marg bordan* «убить, отправить на верную гибель» (букв. «отвести в пасть смерти») и *be kām-e marg raftan* «погибнуть, отправиться на верную гибель» (букв. «пойти в пасть смерти»); *be ān donyā feresiādan* (букв. «отправить на тот свет») и *be ān donyā raftan* (букв. «отправиться на тот свет»).

Для того чтобы трансформировать ФЕ из одного плана в другой, обучаемому необходимо запомнить всего лишь пару взаимозаменяемых глаголов, которые часто сами являются антонимами.

Упражнение. Дан ряд фразеологизмов. Путем замены одного из компонентов требуется превратить ФЕ в структурный антоним или перевести из одного плана в другой.

Одной из основных стилистических функций идиоматических ФЕ является экспрессивно-оценочная. Можно рекомендовать следующий тип упражнений, который помогает понять особенности данной функции и основан на явлении структурной фразеологической вариантности. Дается ряд варьирующих фразеологизмов, в которых замена компонента ведет к изменению (повышению или понижению) экспрессивности ФЕ либо ее стилистической окраски. Например, в русском *взять за горло* → *схватить за горло* → *схватить за глотку*. Требуется объяснить, чем отличается один вариант от другого (интенсивность совершения действия, стилистическая окраска и т.д.), и употребить каждый из вариантов в возможной ситуации: *sar (kale) be sar (kale)-ye kas-i gozāstan* «приставать к кому-либо; надоедать кому-либо» (букв. «приставлять голову (башку) к голове (башке) кого-либо»).

Особое место среди персидских ФЕ занимают пословицы и поговорки — устойчивые предложения замкнутой структуры. Их особенность заключается в том, что они являются знаками одной частной ситуации, приложимой ко многим ситуациям. Как пишет Г.Л.Пермяков, «пословицы и поговорки (как и другие изречения данного жанра) — не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами [Пермяков 1979, с. 17]. Например, пословица *jā-ye gol gol bāš jā-ye xār xār* «среди роз будь розой, среди шипов — шипом» может быть употреблена в следующих ситуациях: «со злыми людьми будь злым, с добрыми — добрым», «с жадными людьми будь жадным, с щедрыми — щедрым» и т.д.

Упражнение. Дается несколько пословиц, ниже приводятся конкретные ситуации на персидском языке. Нужно для каждой пословицы подобрать соответствующую ситуацию.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что система упражнений, направленных на обучение ФЕ, должна основываться на их структурно-семантических особенностях как языковых знаках особого рода, имеющих определенные отличия от свободных словосочетаний.

Литература

- Веретенников 1993 — Веретенников А.А. Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М., 1993.
Гак 1976 — Гак В.Г. Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака. — Труды Самаркандского гос. университета им. Алишера Навои. Новая серия. Вып. № 277. Вопросы фразеологии. Самарканд, 1976.
Жуков 1978 — Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
Молотков 1977 — Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.

- Пермяков 1979 — *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979.
- Рубинчик 1981 — *Рубинчик Ю.А.* Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
- Рубинчик 2001 — *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Тер-Минасова 1981 — *Тер-Минасова С.Г.* Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспекте. М., 1981.
- Черданцева 1977 — *Черданцева Т.З.* Язык и его образы. М., 1977.

Статус препозитивных и постпозитивных элементов категории определенности vs. неопределенности в современных иранских языках

С точки зрения типологии средства выражения категории определенности vs. неопределенности присущи всем языкам, как артиклевые, так и неартиклевые. Иранские языки, при всех их структурных различиях, имеют ярко выраженную тенденцию артиклевого выражения категории определенности vs. неопределенности.

Система показателей определенности vs. неопределенности, в том числе артикля, в иранской языковой группе достаточно сложна и многообразна как в плане содержания, так и в плане выражения. В литературе наблюдается известный разноречивый в описании этого языкового явления. Используются самые разные термины: артикль, числительное-артикль, указательное местоимение в функции артикля, показатель определенности, показатель неопределенности, частица, элемент, выражающий определенность, и др.

Несмотря на то что уже в древнеиранских языках засвидетельствованы языковые элементы со значением артикля, грамматическая категория артикля в том виде, в каком она представлена в современных иранских языках, является инновацией, появившись в ходе стирания древней флективной системы и последующего преимущественного развития аналитизма. Однако артикль в том виде, в котором он сегодня существует в современных иранских языках, зависит не только от исторической трансформации именной парадигмы, но и от общей тенденции и частных закономерностей развития группы родственных языков в целом, а также от каждого конкретного языка в частности. Иранские языки объединяет общая тенденция грамматикализации язы-

ковых единиц, выражающих значение определенности или неопределенности. Пути и способы реализации этой тенденции самые разнообразные; различается также степень грамматикализации элементов, выступающих в функции артикля (она может быть явной или скрытой/слабо выраженной). В иранских языках возможно констатировать два типа категории определенности vs. неопределенности. Один тип функциональной категории эгоцентрический со сформированным ядром артикля (в таких случаях можно говорить и о категории артикля как о части или одном из грамматических проявлений функциональной категории определенности vs. неопределенности). Второй тип — без центрального и грамматически однозначно оформленного элемента. Для этих языков характерно использование указательных местоимений в функции артикля.

В настоящей статье для установления сходств и различий в системе артикля в иранских языках мы предлагаем провести классификацию в плане выражения, а именно по признаку занимаемой артиклем (или артиклевым элементом) позиции относительно имени существительного, маркером которого он является.

Наряду с артиклями мы рассматриваем здесь также практически все показатели определенности, в том числе так называемые артиклевые элементы, занимающие промежуточное положение между служебными словами, лексически обозначающими определенность vs. неопределенность, и полностью формализованными грамматическими элементами. Все они объединены под общим термином «показатели определенности и неопределенности». Эти показатели могут находиться в препозиции или в постпозиции к имени существительному в зависимости от их статуса — грамматического, семантического и, наконец, функционального.

Наиболее ярко выраженный постпозитивный показатель представлен в персидском языке. Это — энклитический, безударный выделятельный артикль *-i* со значением неопределенности, единичности, который присоединяется к имени существительному в различных синтаксических ситуациях и придает имени значение «один из», «некоторый», «какой-то». Например, *man ketab-i awardam* «я принес книгу (какую-то)»; *ān mard kargar-e xub-ī ast* «этот человек — хороший рабочий».

При этом в персидском языке «любое имя существительное в зависимости от того, служит ли оно в предложении для обозначения одного из однородных предметов или какой-то части их или используется для обозначения всего класса однородных предметов, может употребляться с артиклем и без него» [Рубинчик 1960, с. 53]. Таким образом, речь может идти о значимом отсутствии артикля, т.е. о наличии нулевой морфемы, которая указывает, что предмет или явление берутся

в наиболее общем виде или же известны слушателю: *ešq be ʔnsān nīru mibaxšad* «любовь придает человеку силы»; *ma ba xane bargāštam* «я вернулся домой».

Кроме того, артикль в персидском употребляется с именем существительным, которое поясняется придаточным определительным предложением. Эта особенность долгое время оставалась основанием для утверждения, что в персидском противопоставляются два артикля, сходные по форме и разные по значению (соответственно определенный и неопределенный). Однако Ю.А.Рубинчик блестяще доказал необоснованность такого утверждения и показал, что в персидском есть лишь один артикль с семантикой выделенности [Рубинчик 1959]. В фундаментальной «Грамматике современного персидского литературного языка» уже отдельно описывается категория выделительности как показатель субстантивности категории имени существительного [Рубинчик 2001].

Подобный постпозиционный безударный энклитический артикль со значением неопределенности и единичности представлен и в других языках западноиранской группы: тадж. *-e*, дари *-e*, лурский и бахтиярский *-i*, белудж. *-i*, диалекты Фарса *-i*, талышский *-i*, гил. *-e*, мазанд. *-ī*, в гомборском диалекте тати *-ī*, а также предположительно в ишкашимском (юго-восточная группа) (*y*), хотя функции этого последнего почти не исследованы. К постпозиционным артиклевым единицам мы относим также падежные показатели и разделяем мнение о том, что «в некоторых языках Азии объектный падеж может быть соотнесен с определенным артиклем английского» [Крамский 1963, с. 17]. Действительно, в ряде иранских языков, выработавших вторичную категорию падежа, конкретность, определенность имени существительного в функции прямого дополнения маркируется косвенными падежными формами. Например, в гилянском показатель винительно-дательного падежа *-a* выражает определенность, конкретность прямого дополнения: *semaver-a atāx bukun* «разожги самовар». В белуджском маркер объектного падежа: *-a*, *-aral-r*, *-ra* выражает конкретное прямое дополнение: *jinik gul-ā āurt* «девушка принесла (тот) цветок».

В функции постпозитивного определенного артикля могут выступать также и другие языковые единицы, с первого взгляда не имеющие ничего общего со значением определенности. Это — послелог *-ra*, восходящий к древнеперсидскому **radiy* «ради, из-за», с вариантами в современных языках *rolra/alo*, и получивший широкое распространение в ряде западноиранских языков. Послелог *-ra*, как правило, оформляет конкретное, определенное прямое дополнение: *barādar-am ketāb-ra be man dād* «мой брат дал мне книгу».

В некоторых случаях послелог *-ra* может сочетаться с выделительным артиклем, что не противоречит нашей позиции включить послелог (как полифункциональный элемент) в разряд показателей определенности vs. неопределенности. Однако этот вопрос заслуживает более детального анализа и не входит в круг вопросов, обсуждаемых в данной статье.

В некоторых других иранских языках значения определенности выражаются языковыми элементами, соотносённость которых с семантикой грамматического значения определенности возможно установить или на глубинном языковом уровне, или путем сравнительно-исторического анализа. Так, по мнению Е.К.Молчановой, в ларском языке в качестве показателя определенности могут выступать суффиксы *-ak*, *-aka* [ОИЯ 1982, с. 409]. Например: *dot-ak* «та девушка», *zan-aka* «та женщина». Суффиксы *-ak*, *-aka* восходят к ир. **(a)-ka* и являются либо продуктивными словообразовательными суффиксами имен существительных со значением уменьшительности, реже — пренебрежительности, либо нейтральными, в плане содержания, формантами.

В препозиции в основном выступают числительное «один» в значении неопределенности и указательное местоимение в значении определенности, тем самым продолжая древнеиранскую традицию.

В большинстве иранских языков числительное «один» выступает самостоятельно в препозиции в функции неопределенного артикля в полной и усеченной форме, также усиленной нумеративами. Несмотря на то что категория артикля является инновационной, уже в древних «индоиранских языках „один“ употребляется артиклеобразно при имени и как анафорический заместитель со значением неопределенной единичности» [Оранская 1984, с. 58]. Нельзя не отметить, что артиклеобразное употребление числительного «один», безусловно, подразумевает ослабление счетного значения. Так, например, перс., тадж., дари, белудж. *yak*, лур. и бахт. диал. *yāk*, *yā*, диал. Фарса *yā*, ларский *yak*, мазанд. *ye*, *yā*, (усеченная форма) и *yek*, *yāk* (полная форма), сарыкольский *i(w)*, ишкаш. *uk/ūk*, *ug/üg*, шугн.-руш. *y* (усеченная форма), *yie*, *i*, вах. *(y)i/iŷ(w)*, осет. *yul/iw* (иронский) и *yeul/yew* (дигорский), тати *yā*, */y*, семн. *ī*, *īā*, ягноб. *ī*; а также осложненный нумеративом *-ta* гил. *il/ita* и талышский *igla*, *gla(i)*, *illa*, *ila*, усиленный частицей *-la*, происхождение которой не установлено.

По всей вероятности, усеченные формы имеют тенденцию формализоваться в качестве артикля. Однако заметим, что в иранских языках в препозиции формализация отмечается крайне редко. Препозитивные языковые элементы, имеющие тенденцию грамматикализации, чаще всего оказываются в постпозиции. Скорее всего к формализованным элементам можно отнести показатели неопределенности в гиланском и талышском языках, где числительное «один» в функции

артикля усиливается частицами *-ta* и *-la* (см. выше) и таким образом приобретает характеристики, отличные от собственно числительных.

Кроме числительного «один» позицию перед словом занимают также указательные местоимения со значением определенности, конкретности. Они могут выступать в функции артикля. В этой функции дейктические элементы, как правило, представлены либо в усеченной форме, в усеченной парадигме, либо в неизменяемой форме. Кроме того, они могут терять некоторые характерные признаки, необходимые в дейктическом их употреблении.

Так, например, в гил. *a* «этот» и *u* «тот» (редко), в мазанд. *in* «этот» и *un* «тот», выступая в данной функции, не склоняются, а также лишаются категории числа, т.е. не имеют формы множественного числа, хотя употребляются при существительном в любом числе и падеже. Итак, гил. *təmətə a mardum, ki aya isidi, šəhadə dəhidi* «все люди (букв. „все эти люди“), которые находятся здесь, засвидетельствуют».

Таким образом, в этих языках продолжается древнеиранская традиция употребления указательных местоимений, утративших конкретно-пространственное значение. В продолжение древнеиранской традиции развивается схема препозитивного обозначения определенности посредством указательных местоимений в большинстве юго-восточных языков, а именно в памирских языках, где определенность также передается указательными местоимениями в артиклевой функции. В ваханском, в ишкашимском в артиклевой функции выступают указательные местоимения всех серий. В ваханском адъективные местоимения *ya, yaet, yaet* (в отличие от собственно местоименного употребления) используются всегда в прямом падеже единственного числа, независимо от формы существительного, «т.е. артикль неизменяем при изменяемости существительного» [Эдельман 1990, с. 175]. Например, *ya nan kaš-ə xand ki...* «мать говорит мальчугану». Схожая с ваханским ситуация и в ишкашимском, где выступающие в функции артикля указательные местоимения всех трех серий применяются в застывших усеченных формах либо в прямом *ta, da, (w)a*, либо в косвенном падеже *am, ad, (a)w* единственного числа, независимо от определяемого им имени. Например, *a non, ta iv duk rə ta xafob demo?* «мама, я постираю эту грязную одежду в этой мыльной воде?».

В некоторых других восточноиранских, в частности юго-восточных языках шугнано-рушанской группы (шугнано-баджувская, рушано-хуфская, бартанго-рошовская), местоименные артикли, присоединяясь к имени существительному препозитивно, помимо указания на конкретность и определенность выражают также и значение падежа, числа и рода определяемого местоимением имени существительного. Это — указательные местоимения III серии: шугн. *yu* (м.р.), *yā* хуф. *yaw*, руш., рош., барт. *yā*; II серии: шугн., руш., барт. *yid*, хуф.

рош. (y)*id*; и, наконец, I серии: шугн., хуф. *yam*, руш., барт. *yim*, рош. (y)*im* (полную парадигму указательных местоимений см. [ОИЯ 1987, с. 306]). Более того, в шугнано-рушанских языках, кроме сарыкольского, одним из способов выражения падежных отношений (наряду с предложным и послеложным выражением падежного значения) является именно падеж указательного местоимения, выступающего при имени в функции артикля. Так, например, барт. *yā xurn duvtar wī yaṽā gāxč* «тогда ворона обратилась к тому мальчику» (*wī* мн.ч., косв. пад. от указательного местоимения III серии м.р. *ya*); руш. *uf c čurukēn uf bīlen... zunt* «эти (*uf* — косв. пад. субъекта эргативной конструкции от указательного местоимения III серии *ya*) «мужчины (эти) лопаты взяли», бадж. *to-t wim čīngul na-wint-o?* «не видел ли ты эту Чингуль?» (*wim* мн.ч. косв. пад. *yā* (ж.р.)). Очевидно, что группа шугнано-рушанских языков составляет исключение многофункциональностью артикля, так как «в других известных нам новоиранских языках роль указательных местоимений в служебной функции ограничивается выражением определенности предмета» [ОИТИИЯ 1975, с. 181].

Языки шугнано-рушанской группы отличаются еще одной характерной чертой — препозиционным присоединением префикса *a-* или предлога *az/as* < **ip*. *hača* к именной группе. Обычно *a-* или *az/as* присоединяются к имени существительному исключительно со значением определенности, выступающему в функции прямого объекта. Например, рош. *a-wi kalvēwz xu kāl ber-af vod* «положили ту подушку под голову»; сар. *a-wi x-oto buxti gydo* «он послал своего отца».

Таким образом, в шугнано-рушанской группе указательные местоимения, выступающие в функции артикля при имени объекта, обычно стоят в косвенной форме, хотя в сарыкольском отмечается тенденция смешения косвенных и прямых форм. Это указывает на еще большую степень ослабления значения дейксиса и усиление значения конкретности, определенности. Кроме того, в сарыкольском местоименный артикль не совмещает падежные значения и обозначает лишь определенность, конкретность определяемого им имени.

В ягнобском представлена препозитивная эмфатическая частица *nah*, посредством которой передается значение определенности:

bisyortar na xōni ušč «чаще всего он бывает на летовке»;

zimistūni nah kat voyimišt «зимой мы возвращаемся домой».

Скорее всего *nah* является рефлексом аналогичного элемента согдийского языка, где была развита система артикля. В ходе исторического развития ягнобский испытал влияние таджикского языка, в результате чего произошла перестройка системы артикля. Функции эмфатической частицы *nah* в ягнобском окончательно не установлены.

Как видно из анализируемого материала, показатели определенности vs. неопределенности могут находиться как в препозиции, так

и в постпозиции. При этом обнаруживается определенная закономерность в соотношении между грамматическим значением, семантикой языкового элемента и занимаемой им позиции (взаимосвязь плана содержания и плана выражения).

Грамматические элементы, находящиеся в постпозиции к имени существительному (или к именной группе слов), являются наиболее формализованными с непрозрачной лексико-грамматической структурой. Они могут быть монофункциональными (собственно артикли) либо полифункциональными (падежные окончания — показатели определенности прямого объекта, а также послелог *-ra*).

Выступающие в качестве препозитивных показателей определенности vs. неопределенности числительное «один» и указательные местоимения являются служебными словами с прозрачной семантикой количества и указательности соответственно. Однако во многих иранских языках, особенно в восточной группе, намечается ярко выраженная тенденция ослабления этих значений. В артиклевой функции постепенно утрачивается первоначальная семантика, что со своей стороны выражается формализацией препозитивных элементов в грамматические показатели определенности vs. неопределенности, т.е. артикли. Процесс формализации служебных слов, которые находятся в препозиции к имени и функционируют в качестве артиклей, протекает сходными путями. Тем не менее он (процесс формализации) существенно различается, что в первую очередь обусловлено принадлежностью названных выше языковых единиц к разным именным категориям.

Сходной является тенденция к ослаблению первоначального лексико-семантического значения, которая выражается в использовании усеченных форм. В некоторых случаях, как, например, в гилянском языке, артиклевое значение усиливается присоединением нумератива.

Кроме рассмотренных случаев в иранских языках возможно, а в некоторых из них обязательно одновременное употребление препозитивных и постпозитивных элементов. Это относится к показателям как определенности (соответственно препозитивные указательные местоимения сочетаются с постпозитивными артиклями, или артиклеобразными элементами, или, наконец, с падежными показателями, обозначающими определенность прямого дополнения), так и неопределенности (числительное «один» в сочетании с постпозитивным артиклем или артиклевыми элементами). Различие заключается лишь в степени спаянности препозитивных и постпозитивных элементов в рамках данной модели, а также в перераспределении семантических компонентов артиклевого значения. Так, в западноиранских языках, в частности в ларском, лурском, бахтиярском, в диалектах Фарса указательные местоимения обозначают определенность вместе с суффиксированными артиклями определенности. Например, в диалектах Фар-

са препозитивное указательное местоимение *i* образует конструкцию вместе с падежными показателями *-a*, *-o*, *-u* для передачи значения определенности. Схожая ситуация наблюдается в курдском языке, где окончание *-el/-ue* оформляет имя существительное, детерминированное указательным местоимением-артиклем *ew* или *et* в сулейманском диалекте. В сорани и курманджи в функции определенного артикля выступают указательные местоимения: курм. *ev*, *(e)van* «этот, эти», *ew*, *(e)wan* «тот, те»; сор. *et*, *etan* «этот, эти», *ew*, *ewan* «тот, те» — в сочетании с показателями определенности курм. *-a* и сор. *-e*. Как отмечается в литературе [Курдоев 1978, с. 46], сочетание препозитивных и постпозитивных элементов является необходимым.

Несколько иная картина наблюдается в случае использования числительного «один» с постпозитивными грамматикализированными элементами. Эти конструкции с неопределенной семантикой не являются грамматически обязательными, и скорее всего их использование объясняется семантической структурой — особенностями категории иранского артикля неопределенности [Гадилия, 1993].

Литература

- Гадилия 1993 — Гадилия К.Т. Выделительный артикль и числительное «один» в персидском языке // Мацне. СЯЛ. Тб., 1993, № 1.
 Гилянский язык. М., 1971.
 Оранская 1984 — Оранская Т.И. Местоимение и элементарные числительные (на материале древних индоиранских языков) // ИАН СЛЯ. 1984. Т. 43.
 ОИТИИЯ 1975 — Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 1. М., 1975.
 ОИЯ 1982 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа. Прикаспийские языки. М., 1982.
 ОИЯ 1987 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
 Курдоев 1978 — Курдоев К.К. Грамматика курдского языка. На материале курманджи и сорани. М., 1978.
 Крамский 1963 — Крамский И. К проблеме артикля. ВЯ. М., 1963.
 Рубинчик 1959 — Рубинчик Ю.А. Сложные предложения с придаточным определительным в СПЯ. М., 1959.
 Рубинчик 1960 — Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык. М., 1960.
 Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
 Эдельман 1990 — Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.

Специфика фразеологических единиц и принципы отбора их для фразеологического словаря

В данной статье мы рассмотрим общие признаки фразеологических единиц в связи с их отбором для двуязычного (французско-русского) словаря.

Фразеологическая единица (ФЕ) представляет собой особый тип языкового знака, и, как всякий знак, она характеризуется со стороны трех аспектов: формы, содержания и функционирования (употребления)¹. В аспекте формы (в структурном плане) ФЕ отличаются **многокомпонентностью**, они состоят более чем из одного слова. В аспекте содержания они характеризуются переосмыслением компонентов, т.е. **идиоматичностью**. И наконец, в функциональном плане им свойственна **устойчивость** и **общеупотребительность**. Таким образом, специфика ФЕ среди других языковых знаков заключается в том, что для них типична двоякая асимметрия: в синтагматическом и в парадигматическом плане.

Синтагматическая асимметрия проявляется в несовпадении числа элементов плана содержания и плана выражения в линейной цепи. Например, во французском глаголе (se) *promener* *прогулять(ся)* и его русском аналоге имеется полное соответствие между элементами плана выражения и плана содержания, эти формы симметричны. Но синтагма *faire une promenade* *совершить прогулку* дает пример асимметрии, так как одному элементу плана содержания — «прогуляться» соответствуют два элемента плана выражения. Здесь перед нами лексико-аналитическое сочетание слов, но не фразеологизм в собственном смысле термина.

¹ См.: Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 205.

Парадигматическая асимметрия связана с расхождениями в плане содержания, прежде всего она проявляется, как отмечал в свое время С.Карцевский, в многозначности и синонимии знаков. Помимо своего основного значения — «выгуливать, вести на прогулку кого-л.» глагол *promener* реализует переносное значение «водить (рукою по...); обводить (взглядом)», и в данном случае имеет место парадигматическая асимметрия (одному элементу плана выражения соответствуют несколько элементов плана содержания). Но поскольку глагол *promener* состоит из одного элемента, он не образует ФЕ.

Однако выражение *envoyer promener qn* представляет собой фразеологическую единицу, во-первых, потому, что она состоит из двух слов; во-вторых, потому, что значение ее идиоматично, т.е. не вытекает непосредственно из суммы значений компонентов (оно значит не «отправить кого-л. погулять», но «прогнать, выставить кого-л., избавиться от кого-л.»; например, *elle a envoyé promener son mari* *она избавилась от своего мужа*); в третьих, потому, что это выражение употребительно и в принципе известно носителям языка.

Спецификой фразеологической единицы является то, что указанные три признака представлены в ней в нерасторжимом единстве, так что отсутствие одного из них свидетельствует о лексической единице иного порядка.

Если отсутствует многокомпонентность, но сохраняются два других признака, то вместо ФЕ мы имеем **лексическую метафору**, т.е. отдельное слово, употребляемое в переносном значении.

Устойчивое сочетание слов, в котором нет идиоматичности, т.е. переосмысления его компонентов, например *faire une promenade* (= *se promener*), образует не ФЕ, а **лексико-аналитическое сочетание**.

Образное выражение, которое не свойственно языку в целом, но представляет собой «изобретение» отдельно взятого лица, является не фразеологизмом, но **авторским речением**.

Сказанное может быть представлено в виде следующей схемы:

Тип единицы	Форма	Содержание	Функционирование
	Несколько компонентов	Переносный смысл	Социализация, устойчивость
Фразеологическая единица	+	+	+
Лексическая метафора	—	+	+
Аналитическое сочетание	+	—	+
Авторское речение	+	+	—

Три базовых признака ФЕ должны учитываться при отборе единиц для фразеологического словаря. Мы анализируем их на основании опыта составления большого Французско-русского фразеологического словаря, новый вариант которого находится в производстве в издательстве «Русский язык».

А. Структурный аспект отбора ФЕ. Фразеологизм представляет собой сочетание не менее чем двух слов. В сборниках французских идиоматических выражений нередко можно найти отдельные слова в образном употреблении. Например, в словаре M.Rat. *Dictionnaire des locutions françaises* (1987): *la veuve, enguirlander, bernique!*, etc. В словаре S.Weil, L.Rameau. *Trésor des expressions françaises* (1981): *un cacique, des agapes, limoger*, etc. В словаре M.Ashraf, D.Miannay. *Dictionnaire des expressions idiomatiques* (1995): *déroutier qn, débarquer (chez qn)*, etc. Однако отдельное слово или форма слова, сколь бы ни было своеобразно их значение, к фразеологии не относится и во фразеологический словарь включаться не должны. В словаре эти слова могут фигурировать лишь в том случае, если они образуют устойчивое выражение с каким-либо другим элементом. Так, междометию *dame!* в словаре ФЕ нет места, но в него можно включить *dame, oui!* и *dame, non!*; прибавление другого элемента превращает слово в ФЕ. Остановимся на некоторых сложных и пограничных случаях. Разумеется, этот вопрос тесно связан со структурой конкретного языка.

Сложные слова. В структурном отношении французские сложные слова порой с трудом отграничиваются от словосочетания. Внешним признаком сложных слов, на который обычно ориентируются в лексикографии, является их слитное или полуслитное (через дефис) написание. Этот критерий принят в большинстве словарей. Сложные слова могут быть представлены в словаре лишь в том случае, если они являются компонентом словосочетания. Так, сложное существительное *sauf-qui-peut* «паника» не дается, но фигурирует в выражении *sauf-qui-peut général* «всеобщая паника». Однако целесообразно включать в словарь сложные слова с полуслитным написанием в случае колебания орфографии.

Служебные слова. Проф. А.И.Смирницкий различал два структурных типа ФЕ: сочетание полнзначного слова со служебным (он называл такие ФЕ одновершинными) и сочетание двух и более полнзначных слов (в его терминологии — двухвершинные ФЕ). К этим двум типам следует добавить третий тип: предикативные сочетания и предложения. Ввиду особенностей грамматического строя французского языка, имеющего целый ряд специфических типов служебных слов (артикли, детерминативы, служебные местоимения), которых нет, например, в русском, необходимо остановиться на ФЕ первого типа. Представляется целесообразным включать в словарь

следующие типы ФЕ, состоящие из полнозначного и служебного слова:

— предлог + существительное, прилагательное, числительное, инфинитив: à pied, sans le sou, à sec, en grand, à mourir.

Сочетание глагола с предлогом, следующим за глаголом (tenir à, se passer de, etc), в словарь ФЕ включать не следует, поскольку они рассматриваются не как ФЕ, а как реализация одного из значений глагола, которое маркируется предлогом. Вообще в свете общеграмматической теории в сочетании глагол + предлог + существительное предлог структурно относится прежде всего к существительному, образуя с ним синтагму, к которой добавляется глагол. Не случайно предлог называется **предлогом** (по отношению к имени);

— существительное + служебное местоименное прилагательное: притяжательное (ta gueule! mon œil!), вопросительно-восклицательное (quelle misère!), указательное (cette idée!), неопределенное (quelque sot! tout le monde);

— существительное + артикль: la barbe! des nêfles!

Важным признаком фразеологизмов двух последних групп является неизменяемость служебного элемента по роду, числу, лицу. Так, можно сказать ta gueule! «заткнись» (букв. «заткни твою глотку»), но нельзя sa gueule! Mon œil! букв. «мой глаз» значит «брешешь; не получишь», но заменить «мой» на «твой» или «мои» невозможно. La barbe! значит «скука, как надоело», но заменить определенный артикль неопределенным (une) нельзя;

— глаголы с приглагольным объектным местоимением: l'emporter, les mettre, la péter, en baver, j'y suis. Выражения такой структуры отсутствуют в русском языке, но они характерны для романских языков, в том числе и для французского. Приглагольные служебные местоимения заменяют здесь слово, бывшее частью выражения. Например, les mettre (букв. «их надеть») восходит к mettre les bouts de bois «надеть лыжи», в переносном значении «наострить лыжи», «убегать». В словарь можно также включить сочетания личной формы со служебным субъектным местоимением, в которых наблюдается полное переосмысление компонентов, например tu parles! «еще бы!» (букв. «ты говоришь»). Об одновершинных ФЕ иной структуры говорить здесь мы не будем.

Границы фразеологической единицы в словаре. Изучение фразеологии на фоне широкого материала, собираемого при составлении словаря, позволяет более точно определить границы выражения, которое включается в словарь. Сопоставление данного словосочетания с другими подобными фразеологизмами заставляет по-новому взглянуть на структуру словосочетания, и отдельные компоненты, традиционно включаемые в состав ФЕ, выступают как дополнения, нахо-

дящиеся, по сути дела, за пределами фразеологизма. Например, некоторые словари дают в качестве ФЕ выражения *dormir son souî* «выспаться»; *parler son souî* «наговориться». Однако анализ материала показывает, что *son souî* может соединяться и с другими глаголами разнообразной семантики (*rêver, crier; pleurer; s'amuser*, etc). Таким образом, *son souî* выступает в качестве самостоятельной единицы, которая может сочетаться со многими глаголами, характеризуя их со стороны интенсивности действия («вволю, всласть»). Поэтому целесообразно включить в словарь единицу *son souî* с ее общим значением, отметив в скобках глаголы, с которыми она чаще всего употребляется.

Во фразеологическом словаре русского языка под ред. А.И.Молоткова выражения *вводить, ввести в курс (дела), держать в курсе* даются на соответствующие глаголы, а *быть в курсе* — на словоформу *курсе*. Может, авторов подтолкнуло на такое решение наличие в русском языке падежных форм (*в курсе, в курс*). Но во французском языке падежных форм нет, и там ясно видно, что существительное с предлогом имеет постоянное переносное значение, а глагол лишь «оглаголивает» его, выражая различные видовые и залоговые значения, согласно схеме:

ХАРАКТЕР ДЕЙСТВИЯ

Среднее действие		Активное действие		
начало	состояние	начало	состояние	
<i>входить</i>	<i>быть</i>	<i>вводить</i>	<i>держать</i>	<i>в курс(е) дела</i>
<i>se mettre</i>	<i>être</i>	<i>mettre</i>	<i>tenir</i>	<i>au courant</i>

Для выражения определенного видового или залогового значения каждый язык употребляет определенную группу глаголов-операторов. Например, вместо *входить* с другими существительными могут быть использованы *вступать, впадать, попадать* и др., вместо *вводить* — *ввергать, повергать, ставить* и др. Избирательность сочетания глагола и существительного — дополнительное свидетельство фразеологического характера словосочетания. Полезно выделить в словаре стержневой элемент этой серии словосочетаний (*в курс(е) [дела]*), представив глагольные сочетания как зависимые от него. Будет ясно, что они составляют определенную фразеологическую парадигму. Подобного рода микропарадигмы выделяются во фразеологии многих языков. Разумеется, приведенный пример — не единственный тип подобных лексико-синтаксических парадигм.

Б. Семантический аспект отбора ФЕ. Как отмечалось выше, в семантическом аспекте фразеологические единицы характеризуются идиоматичностью, т.е. тем, что их значение не выводится непосред-

венно из прямых значений входящих в них слов. В их основе лежит определенный образ. Идиоматичность имеет и другой аспект: слова, составляющие выражение, сохраняют свое значение, но в целом выражение не соответствует буквально ситуации, с которой оно соотносится. Такова семантическая сущность пословиц и поговорок, многих речевых формул (фразеорефлексов) и т.п.

Возможные синтагмы в языке образуют определенную шкалу семантической слитности. Между уровнями этой шкалы нет непроходимых границ, так что в отношении многих выражений могут быть различные решения. Шкала фразеологизации содержит три уровня, которые соответствуют в целом трем критериям ФЕ, о которых говорилось в начале статьи.

На уровне действительности (понятий) различаются прежде всего словосочетания привычные и окказиональные. О привычных словосочетаниях писал в свое время С.И.Ожегов, называя их устойчивыми. Такие сочетания обозначают сочетания предметов, признаков, действий, часто встречающиеся в практике данного общества. К привычным словосочетаниям могут быть отнесены *железная крыша*, *каменный дом*, которые, по словам Ожегова, могут считаться воспроизводимыми, а не создаваемыми в акте речи.

Окказиональные словосочетания создаются специально для данного контекста. Для французского слова *nez* «нос» таким будет, например, выражение Дидро: *un nez expressif* «выразительный нос». Подобным словосочетаниям нет места во фразеологическом словаре, хотя они могут приветствоваться в большом толковом словаре, показывающем речевые реализации слов.

Привычные словосочетания, в свою очередь, делятся на фиксированные (устойчивые) и свободные. Это уже деление на уровне лексической сочетаемости, которая может быть прихотливой в каждом языке. Например, по-русски говорят *читать лекцию*, а по-французски — *faire une conférence*, букв. «делать лекцию». В обоих языках эти выражения следует рассматривать как фиксированные, но неидиоматические. Если снова обратиться к французскому слову *nez*, то привычными и свободными сочетаниями будут, например, *nez droit* (*stochu*) «нос прямой (крючковатый)». В эти словосочетания входят слова в их собственных значениях. Их место — не в словаре фразеологизмов, но в словаре словосочетаемости, который иногда называют «словарь стиля». Глагол и существительное нередко образуют лексико-аналитическое сочетание.

Среди фиксированных словосочетаний — с точки зрения наличия переосмысления компонентов — различаются выражения идиоматические и неидиоматические. В фиксированных неидиоматических синтагмах слова употребляются в собственном значении, но вы-

бор слова ограничен, иногда он уникален. Например, в выражении *pez aquilin* «орлиный нос» употребляется прилагательное, которое неприменимо в иных случаях, например *орлиный взгляд* будет *un regard d'aigle*, а не *aquilin*. Подобные выражения обычно также включаются в словари словосочетаний или в обычные словари в качестве иллюстрации употребления слова.

Наконец, фиксированные идиоматические словосочетания характеризуются переосмыслением всего выражения или одного из его компонентов.

Семантическая сопряженность компонентов ФЕ может быть двусторонней и односторонней. В первом случае вся ФЕ в целом идиоматична. Например, *col blanc* «белый воротничок» обозначает не разновидность воротничка, но человека-служащего (в отличие от рабочего). Здесь обе части выражения обозначают объект совместно. В односторонних ФЕ переосмысливается одна часть ФЕ, в то время как другая употреблена в своем прямом значении. Например, *mariage blanc* «белый брак» — это разновидность брака: *фиктивный брак*, а *nuit blanche* «белая ночь» — особый вид ночи: *ночь без сна, бессонница*. *Avoir un nez creux* (букв. «иметь полый нос») значит *быть очень проницательным, иметь тонкий нюх* характеризуется единством номинации, двусторонней семантической связью. Выражение *avoir un nez dans lequel il pleut* *иметь нос, в который заливает дождь* (об очень курносом носе) представляет собой пример односторонней семантической связи и раздельной номинации: переносное значение здесь имеет только определение. Выражения с двусторонней семантической связью несомненно являются фразеологизмами и, как таковые, должны фигурировать во фразеологическом словаре; выражения с односторонней связью представляют собой спорный случай, и вопрос о них должен решаться в зависимости от назначения и объема словаря.

Фразеологизмы могут быть омонимичны свободному сочетанию слов. Такие словосочетания являются двуплановыми: они могут выступать как ФЕ и как свободные сочетания. От них отличаются одноплановые ФЕ, которые не употребляются в прямом смысле, так как не могут быть соотнесены ни с какой реальной ситуацией. Например, *avoir l'estomac dans les talons*, *avoir le cœur au bout des lèvres* (букв. «иметь желудок в пятках», «иметь сердце на краешке губ») не способны обозначать реальную ситуацию и могут быть приемлемы только как переносные фразеологические обозначения (они значат соответственно «быть страшно голодным» и «испытывать тошноту»).

В тексте указанные два типа ФЕ создают разные трудности. В отношении одноплановых читатель, если выражение ему незнакомо, чувствует, что речь идет о переносном значении, но может ошибиться

в его толковании. Что касается двуплановых ФЕ, то они могут быть интерпретированы в контексте как свободные сочетания, что может привести к переводческой ошибке.

Как правило, фразеологический словарь не дает перевода свободного значения двуплановых единиц. Однако если прямое значение помогает понять мотивацию ФЕ, то полезно включить его в статью, например: *cheval de bataille*: а) *прям.* боевой конь; б) *перен.* любимая тема, конек.

Фразеологические выражения имеют ряд особенностей семантического и грамматического характера, которые приходится учитывать при составлении словаря и при переводе. Во фразеологизмах нередко размывается четкость значения слова и его грамматических характеристик. Иногда происходит демотивация слова или ремотивация (изменение мотивации) слова либо всего выражения. В подобных случаях возникают вопросы об отнесении выражения к такому-то слову или к такому-то его значению, а от этого зависит и размещение ФЕ в словаре. Выражение *mettre les pieds dans le plat* вызывает представление о неотесанном человеке, который кладет ноги на стол, попадая в тарелку (*le plat*). Но П.Гиро, известный французский лингвист, полагает, что здесь *le plat* — «мелководье».

Если эта особенность ФЕ может ставить вопросы при их распределении по опорным словам, то для понимания и перевода большое значение имеет то обстоятельство, что во фразеологизмах эмоционально-экспрессивный компонент значения нередко оказывается более значимым, чем его предметно-логический компонент. Часто в тексте ФЕ характеризует уже обозначенные или известные предметы либо ситуацию.

В. Функциональный аспект отбора ФЕ. В этом случае основным критерием является степень социализации ФЕ, ее известности членам социума. Чтобы не допустить проникновение в словарь необщепринятых авторских речений, необходимо проверять встреченные в тексте выражения по авторитетным одноязычным словарям, а что касается выражений, которых в них нет, то можно руководствоваться таким правилом: включать в словарь те обороты речи, что встретились минимум у двух авторов или несколько раз у одного.

С точки зрения социализации во фразеологии можно различать ядро и периферию. Ядро — общепонятная и общеупотребительная фразеология, свойственная литературной и разговорной речи носителей языка. Периферию фразеологии составляют различные особые ее пласты. Они не всегда полностью отражаются в словарях и характеризуются ограничениями временного, пространственного или социально-профессионального характера. К ним относятся:

1. *Специальная терминология.* Ее следует включать в словарь только при наличии у термина общеупотребительного переносного

значения: *réaction en chaîne* *цепная реакция*; *peloton de tête* *ведущая группа*; *mettre un bémol* *сбавить тон*.

2. *Арго и жаргоны*. Арготический слой фразеологии должен быть представлен в словаре, поскольку он очень широко проник в разговорную речь.

3. *Географические варианты*. Если язык имеет ряд национальных вариантов (как, например, для французского — канадский, швейцарский, бельгийский), то эту фразеологию полезно дать в словаре.

4. *Хронологические варианты*. Следует ввести в словарь фразеологию классического французского языка (XVII–XVIII вв.), а также некоторое число фразеологизмов, помечаемых во французских словарях как устаревшие, поскольку они встречаются в языке классиков.

Особое положение занимают *пограничные разряды*. К ним относятся пословицы и поговорки, приметы, устойчивые формулы речи (фразеорефлексы), «общие места», крылатые слова, цитаты, литературные и исторические реминисценции («*les mots historiques*»). Эти разряды речений не всегда включаются во фразеологические словари. Что касается *пословиц и поговорок*, то это несомненные фразеологизмы, их семантическое преобразование заключается в том, что данная ситуация описывается фразой с иным прямым значением компонентов и в обобщенном виде.

Устойчивые формулы речи также являются своеобразными фразеологизмами, так как они описывают ситуацию непрямым способом. В них часто содержится ирония. Например: *faut pas se gêner!* *букв.* «не стесняйтесь!» адресуется человеку, совершающему неловкость; *t'as gagné!* *букв.* «ты выиграл!» говорится персонажу, совершившему глупость. Разумеется, периферийные категории ФЕ включаются в словарь в зависимости от его объема и назначения.

К вопросу об образовании новых общественно-политических терминов в современном персидском языке

Проблемам развития современного персидского языка (СПЯ) в течение последних двух десятилетий уделялось немало внимания в трудах как российских, так и иранских лингвистов. Изменения, происходящие в СПЯ, затрагивают практически все пласты языка. Лексикология оказалась одной из тех областей СПЯ, где эти изменения проявляются наиболее заметно. Количество неологизмов, продолжающих активно пополнять лексику СПЯ, настолько велико, что заставляет вновь обращаться к этой проблеме.

Причины появления неологизмов — самые разнообразные: это и глобальные преобразования в международном масштабе, и изменения во внутрисполитической жизни страны, и внедрение новых, прогрессивных технологий. Такие преобразования диктуют необходимость появления новых терминов, однако наряду с заимствованными словами в персидском языке создается «своя», более прозрачная и понятная для иранцев терминология. Иранские лингвисты, приветствуя пополнение словарного запаса, неодобрительно относятся к прямому заимствованию слов из европейских языков и предлагают пополнять словарный запас за счет образования по персидским словообразовательным моделям, увеличения синонимов, возрождения устаревших слов и расширения семантики существующих, справедливо отмечая, что персидский язык располагает для этого неограниченными возможностями [Ahmadi-Givi и др. 1999; Marzbanrad 1995; Vazinpur 1996].

Особенно чувствительна к изменениям в языке так называемая общественно-политическая лексика. Язык средств массовой информации, выступлений и речей политических деятелей, периодических из-

даний и специальной литературы на социально-политические темы изобилует всевозможными «новообразованиями», причем степень их внедрения зачастую зависит от автора текста. Многие неологизмы, образованные по традиционным персидским словообразовательным моделям, прочно закрепились в языке. Появление же так называемых «окказиональных» слов, которые скорее всего не станут общеупотребительными, дает возможность судить о том, какие словообразовательные модели наиболее продуктивны в СПЯ. В практическом плане это очень важно, так как помогает определить значения неологизмов и облегчает понимание текстов.

Пополнение общественно-политической лексики СПЯ осуществляется с участием всех персидских словообразовательных моделей, и одной из наиболее продуктивных является полуаффиксация.

С помощью полуаффиксов и полуаффиксальных блоков в политической лексике создается множество неологизмов, причем в последнее время получили распространение слова, в составе которых используются полуаффиксальные блоки, образованные от основ настоящего времени (ОНВ) сравнительно малоупотребительных глаголов [Рубинчик 2001, с. 152].

Один из таких полуаффиксальных блоков — *-gerāyi* (<ОНВ глагола *gerāyidan* ‘стремиться, иметь тенденцию, склонность’). Полуаффиксальный блок *-gerāyi* используется в основном для образования наименований:

1) религиозных и религиозно-политических течений: *bonyādgerāyi*, *osulgerāyi* ‘фундаментализм’ (*bonyād* ‘фундамент’, *osul* ‘основы, принципы’), *eslāmgerāyi* ‘панисламизм’ (*eslām* ‘ислам’);

2) политических направлений, течений и понятий: *melligerāyi* ‘национализм’ (*melli* ‘национальный’), *mantaqegerāyi* ‘регионализм’ (*mantaqe* ‘регион’), *eslāhgerāyi* ‘реформизм’ (*eslāh* ‘исправление’), *kasratgerāyi*, *taksirgerāyi* ‘плюрализм’ (*kasrat* ‘множество’, *taksir* ‘увеличение’), *tahajjorgerāyi* ‘консерватизм’ (*tahajjor* ‘окаменение, превращение в камень’), *efrātgerāyi* ‘экстремизм’ (*efrāt* ‘крайность’), *vāpasgerāyi* ‘реакция’ (*vāpas* ‘отсталый’);

3) философских, этических, мировоззренческих направлений, течений и принципов: *ensāngerāyi* ‘гуманизм’ (*ensān* ‘человек’), *ārmāngerāyi* ‘идеализм’ (*ārmān* ‘идеал’, ‘мечта’), *mādegerāyi* ‘материализм’, (*māde* ‘материя’, ‘вещество’), *nesbiyatgerāyi* ‘релятивизм’ (*nesbiyat* ‘относительность’), *tajdidgerāyi*, *tajaddodgerāyi* ‘модернизм’ (*tajdid*, *tajaddod* ‘обновление’), *tajrobegerāyi* ‘эмпиризм’ (*tajrobe* ‘опыт’), *amalgerāyi* ‘прагматизм’ (*amal* ‘действие’), *nistgerāyi* ‘нигилизм’ (*nist* отрицательная форма глагола-связки), *ellatgerāyi* ‘детерминизм’ (*ellat* ‘причина’), *fayedergerāyi* ‘утилитаризм’ (*fayede* ‘выгода’);

4) юридических понятий: *nehādgerāyi* ‘институционализм’ (*nehād* ‘организация’, ‘институт’), *qānungerāyi* ‘законничество, крючкотворство’ (*qānun* ‘закон’);

5) процессов и реалий общественно-политической жизни: *hamgerāyi* ‘интеграция’ (*ham* ‘тоже, также’), *vāgerāyi* ‘дезинтеграция’ (*vā* — глагольный префикс), *nowgerāyi* ‘модернизация’, ‘обновление’, ‘новаторство’ (*now* ‘новый’), *yejkānebegegerāyi* ‘одностороннее мышление’ (*yejkānebe* ‘односторонний’);

6) направлений в психологии, литературе, искусстве, архитектуре: *raftārgerāyi* ‘бихевиоризм’ (*raftār* ‘поведение’), *vazifegerāyi* ‘функционализм’ (*vazife* ‘задача, функция’), *sāzandegerāyi* ‘конструктивизм’ (*sāzande* ‘конструктивный’).

При этом первым компонентом модели могут служить основы существительных персидского происхождения (*ārmāngerāyi*, *nehādgerāyi*, *raftārgerāyi*), арабские масдары (*vazifegerāyi*, *ellatgerāyi*, *tajaddodgerāyi* и т.д.), основы прилагательных (*nowgerāyi*, *melligerāyi*), причастия (*sāzandegerāyi*). В ряде случаев первым компонентом существительных, образованных с помощью полуаффиксального блока *-gerāyi*, выступают префиксы: *vāgerāyi* ‘дезинтеграция’ (*vā* — глагольный префикс), полуаффиксальные имена: *kārkardgerāyi* 1) ‘функционализм’, 2) ‘дееспособность’ (*kārkard* ‘продуктивность’ — полуаффиксальное имя, образованное существительным *kār* ‘работа’ и *kard* (<ОПВ глагола *kardan* ‘работать’)), *yejkānebegegerāyi* ‘одностороннее мышление’, (*yejkānebe* ‘односторонний’ — сложное слово, образованное числительным *ye* ‘один’ и существительным *jānebe* ‘сторона’), *čandjānebegegerāyi* ‘плюрализм’ (*čandjānebe* ‘многосторонний’ — сложное слово: *čand* ‘несколько’, *jānebe* ‘сторона’), *takhanjārigerāyi* ‘пропаганда одной страной своей культуры как единственно приемлемой’ (*takhanjāri* ‘односторонность’ — сложное слово, образованное прилагательным *tak* ‘одинокый’, существительным *hanjār* ‘способ’, ‘образ’ и *-i* — словообразовательным суффиксом *uā-ye masdari*) и даже глагол-связка (*nistgerāyi* ‘нигилизм’).

В современной иранской прессе, интернете, в языке радио и телевидения число слов, образованных с полуаффиксальным блоком *-gerāyi*, постоянно растет, однако многие из них в словарях не зафиксированы, и значения приходится выводить из контекста. При этом помимо знания значений первых компонентов модели необходимо знание политических реалий (например, *takhanjārigerāyi*, *yejkānebegegerāyi*). Иногда в аналитических статьях наряду с персидским словом в скобках дается и европейское заимствование (*vāqe’gerāyi* — *realism*, *ārmāngerāyi* — *ideālistm*), что облегчает понимание текста. Полуаффиксальный блок *-gerāyi* придает словам достаточно выраженную «научную» окраску, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что

слово *vāqe'gerāyi* 'реализм' употребляется главным образом для обозначения направления в философии и искусстве, а понятие «реализм» как «здравомыслие» передается существительным *vāqe'bini*, образованным, кстати, по той же модели, но с использованием *bin* (<ОНВ глагола *didan* 'видеть'). Другой пример: *ensāngerāyi* 'гуманизм' — мировоззрение, основанное на человечности, однако понятие «гуманизм» как «человечность», «человеколюбие» передается словом *ensāndusti* (*ensān* 'человек', *dusti* 'дружба').

Другими малораспространенными глаголами, активно участвующими в образовании неологизмов по модели полуаффиксации, являются глаголы *ze(o)dudan* 'очищать', *talabidan* 'требовать'. В политической терминологии употребление полуаффиксальных блоков *-talabi*, *-zedāyi* стало уже традиционным (*tanešzedāyi*, *tašannožzedāyi* 'разрядка напряженности', *towse'etalabi* 'экспансионизм' и т.д.), однако политическая лексика продолжает пополняться за счет моделей, образованных с этими полуаффиксальными блоками.

Полуаффиксальный блок *-talabi* придает словам примерно те же значения, что и *-gerāyi*, однако с более выраженной резкой и даже негативной окраской. Примеры: *soltetalabi*, *bartaritalabi* 'регермонизм' (*solte* 'господство', *bartari* 'превосходство'), *solhtalabi* 'пацифизм' (*solh* 'мир'), *harj-o marjtalabi* 'анархизм' (*harj-o marj* 'беспорядок'), *saltanat-talabi* 'роялизм' (*saltanat* 'правление'), *eqtedārtalabi* 'авторитаризм' (*eqtedār* 'могущество'), *tajdid-e nazartalabi* 'ревизионизм' (*tajdid-e nazar* 'пересмотр'), *tajziyetalabi*, *jodāyitalabi* 'сепаратизм' (*tajziye*, *jodāyi* 'разделение'), *forsattalabi* 'оппортунизм' (*forsat* 'возможность, шанс'), *enzevātalabi* 'изоляциялизм' (*enzevā* 'изоляция'), *yekhanjāritalabi* 'навязывание единственной культуры').

Допускается замена полуаффикса *-gerā* на *-talab*, но при этом наблюдается довольно любопытная закономерность. Если речь идет о названиях течений или направлений, то используется полуаффиксальный блок *-gerāyi*, а если об их приверженцах — то *-talab*. Например: *fayedegerāyi* 'утилитаризм', но 'утилитарист' — *fayedetalab*, *tajaddodgerāyi* 'модернизм', *tajaddodtalab* 'модернист' и т.д.

Полуаффиксальный блок *-zedāyi* используется в составе слов, в той или иной форме включающих в себя понятие «ликвидация, очищение»: *faqrzedāyi* 'ликвидация нищеты' (*faqr* 'бедность', 'нищета'), *sahrāzedāyi* 'ликвидация пустынь', 'борьба с пустынями' (*sahrā* 'пустыня'), *gerānzedāyi* 'борьба с дороговизной' (*gerān* 'дорогой'), *nezāmizedāyi* 'демилитаризация' (*nezāmi* 'военный'), *totālitezdedāyi* 'детоталитаризация' (*totālīter* 'тоталитаристский').

Разумеется, новые слова активно создаются и с участием других полуаффиксальных блоков. По-прежнему продуктивными остаются блочные полуаффиксы *sāzi* (<ОНВ глагола *sāxtan* 'строить'): *āzādisāzi*

‘либерализация’, (āzādi ‘свобода’), etemādsāzi ‘создание доверия’ (etemād ‘доверие’), mottahamsāzi ‘инкриминирование’ (mottaham ‘обвиняемый’); āvar (<ОНВ глагола āvordan ‘приносить’): nowāvari ‘инновация’ (now ‘новый’), fannāvari ‘технология’ (fann ‘техника’); yāb (<ОНВ глагола yāftan ‘находить’): dastyābi ‘доступ (пука)’, bāzyābi ‘возвращение’, ‘обретение (снова)’; gir (<ОНВ глагола gereftan ‘брать’): šeklīgiri ‘формирование’; ra(e)s (<ОНВ глагола ra(e)sāndan ‘посылать’): emdādra(e)sāni ‘оказание помощи’, ‘спасательные работы’ (emdād ‘помощь’), xadamātra(e)sāni ‘оказание услуг’ (xadamāt ‘услуги’), gāzra(e)-sāni ‘поставка газа’ (gāz ‘газ’) и др.

Глагольные полуаффиксы активно участвуют также в образовании неологизмов-прилагательных. Примеры: sarneveštsāz ‘судьбоносный’ (от sarnevešt ‘судьба’ и sāz <ОНВ глагола sāxtan ‘строить’), tasmimsāz ‘ответственный, ответственное лицо’ (tasmim ‘решение’), tanāqoznamā ‘парадоксальный’ (от tanāqoz ‘противоречие’ и namā <ОНВ глагола namudan ‘показывать’), larzenegār ‘потрясающий’ (larze ‘дрожь’ и negār — <ОНВ глагола negāstan ‘писать’), ta’sirgozār ‘эффективный’, ‘значительный’ (ta’sir ‘влияние’ и gozār — <ОНВ глагола gozāstan ‘класть’).

Неологизмы образуются также с участием блочных именных полуаффиксов, в частности в словах, создающихся в рамках тенденции замены европейских заимствований на персидские слова. В частности, блочный именной полуаффикс -sālāri используется в словах mardom-sālāri ‘демократия’ (mardom ‘народ’), fannsālāri ‘технократия’ (fann ‘техника’), jahānsālāri ‘космократия’ (jahān ‘мир’), qowqāsālāri ‘охлократия’ (qowqā ‘толпа’, ‘чернь’), artešsālāri ‘милитаризм’ (arteš ‘армия’), dowlatsālāri ‘этатизм’ (dowlat ‘государство’, встречается также вариант dowlatgerāyi) и др. Блочный именной полуаффикс -bāvari участвует в образовании таких слов, как extiyār-bāvari ‘волюнтаризм’ (extiyār — одно из значений ‘свобода действий’), mardombāvari ‘популизм’ (mardom ‘народ’), jabrbāvari ‘детерминизм’ (jabr ‘принуждение’).

Следует отметить, что полуаффиксация в последние годы становится все более распространенным способом образования неологизмов. В «Словаре политических терминов» М.Элми (1991) [Elmi 1991] и «Словаре политических терминов» А.Иязди (1994) [Yazdi 1994] некоторые из приведенных выше терминов даются описательно: ‘материализм’ — maktab-e māddiyyat (‘школа материи, материального начала’), ‘индивидуализм’ — esālat-e fard (‘подлинность личности’), ‘либерализация’ — be vojud āvordan-e āzādi-xāhi (‘создание либерализма’), ‘демократия’ — hokumat-e mardom bar mardom (‘власть народа над народом’), ‘поддержка всестороннего разоружения’ — tarafdāri az xal’salāh-e hamejānebe, в то время как позднее это понятие стало обо-

значаться термином *čandsugerāyi*. В ряде случаев термин и его описание соседствуют: ‘законничество, крючкотворство’ — *qānungerāyi* и *eḫrāt dar qānuni budan* (‘крайнее проявление законности’), ‘утопизм’ — *ro’yāgerāyi* и *eteqād be madine-ye fāzele* (‘вера в Утопию’ букв. ‘город ученых’). В конце 1990-х и начале 2000-х годов описательные термины практически вышли из употребления и были заменены либо полуаффиксальными именами, либо заимствованными словами [Farhang-e ravābet-e beynolmelal 1998].

Как уже отмечалось, в образовании неологизмов участвуют все способы персидского словообразования. Не утратила своего значения и аффиксация. Здесь стоит остановиться на именах, образованных с глагольным префиксом *farā*. Использование глагольных префиксов в качестве словообразовательного форманта в системе имен достаточно распространено [Пейсигов 1975]. Префикс *farā* получил в последние годы значение «выход за пределы чего-либо» и в русском языке соответствует компоненту «транс»: *farāmelli* (в конце 80-х — начале 90-х годов более распространена была форма *farāmelliyyati*) ‘транснациональный’, *farāqāreyi* ‘трансконтинентальный’, *farāmantaqeyi* ‘трансрегиональный’. Кроме того, префикс *farā* соответствует также компоненту «пост»: *farātajaddod* ‘постмодернизм’, *farāraftāgerāyi* ‘постбихевиоризм’ и т.д.

Значительную роль в формировании новых терминов играет инфинитив, часто используемый для наименования процессов, происходящих в социально-политической сфере. Примеры: *jahāni šodan* ‘глобализация’, *fardi šodan* ‘индивидуализация’, *qarbi šodan* ‘вестернизация’, *amrikāyi šodan* ‘американизация’, *mantaqeyi šodan* ‘регионализация’. В последние годы наметилась тенденция заменять инфинитив полуаффиксальными именами, что еще раз свидетельствует о продуктивности этого способа словообразования. Например, термин «нормализация» в 70–80-х годах обозначался инфинитивом *ādi sāxtan*, а в 90-х годах его устойчиво заменило полуаффиксальное имя *ādisāzi* (*ādi* ‘обычный, нормальный’). Как только появился политический термин *jahāni šodan* ‘глобализация’, в сообщениях интернета появился его синоним — *jahānisāzi* (*jahāni* ‘мировой, всемирный’). Первоначально для обозначения понятия «универсализация» использовался инфинитив *jahāni kardan*, однако в последнее время появилось сложное слово *jahānšomuli*, образованное от прилагательного *jahānšomul* ‘всеобъемлющий, универсальный’ по модели суффиксации с прибавлением *-i* словообразовательного суффикса *yā-ye masdari* (второе значение существительного *jahānšomuli* ‘глобализм’). Термин ‘профессионализм’ передается двумя синонимами: инфинитивом *harfei budan* и полуаффиксальным именем *taxassosgerāyi*; ‘поддержка, приверженность’ — инфинитивом *hamsu budan* и сложным словом *hamsuyi*.

Однако в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть состояние как процесс или действие, инфинитив остается незаменимым средством словообразования. Один из наиболее ярких примеров: *hamgerāyi* ‘интеграция’ и *hamgerā šodan* ‘интегрирование’; *taxassos* ‘специальность’ и *taxassosi šodan* ‘специализация’; *qānuni* ‘законный’ и *qānuni budan* ‘законность’; *kārāmad* ‘эффективный, производительный’, *kārāmadtar kardan* ‘повышение эффективности’ (в последнем случае в качестве именной части инфинитива выступает полуаффиксальное имя — прилагательное в сравнительной степени, и это далеко не единичный случай).

Новые общественно-политические термины создаются также за счет расширения семантики уже существующих слов и ввода в употребление устаревших. Примеры: *mehvar* ‘ось, направление’ получило значение ‘основное направление (политики, развития)’, ‘центральная тема (переговоров)’; *owlaviyyat* ‘превосходство’ и *sarlowhe* ‘заставка, титульный лист’ — значение ‘приоритет’; *olgu* ‘образчик, выкройка’ приобрело значение ‘схема’; *ab’ād* — множественное число от *bo’d* ‘даль, расстояние’ получило значение ‘масштабы, рамки, размах’; *nehād* ‘традиция, характер’ — значение ‘институт, организация’. Устаревшее слово *cāleš* ‘стычка, бой’ приобрело значение ‘вызов’; *didgāh*, прежде редко использовавшееся в значении ‘точка зрения, позиция’, стало в политической терминологии общеупотребительным, слово *vaqāye* ‘события’ приобрело значение ‘реалии’ и т.д.

Все изложенное выше отражает лишь малую часть процесса формирования современной общественно-политической терминологии персидского языка. Сходные процессы протекают и в других областях. В последние годы появился совершенно новый пласт лексики, связанной с внедрением новых технологий, в частности компьютерной техники, развитием аудио- и видеотехники, расширением интернета. К сожалению, отсутствие новых русско-персидских и персидско-русских словарей сильно осложняет работу с публикациями средств массовой информации и специализированной литературой. Англо-персидские и персидско-английские словари в этом отношении намного нас опередили. Большую помощь оказывает использование современных толковых «персидско-персидских» словарей, однако они не столь широко доступны. Сложившаяся ситуация свидетельствует о настоятельной необходимости создания новых персидско-русских и русско-персидских словарей — как общих, так и специализированных.

Литература

- Пейсигов 1975 — Пейсигов Л.С. Лексикология современного персидского языка. М., 1975.
Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.

- Ahmadi-Givi H., Hakemi E., Shokri Y., Tabatabai Ardakani M. Zabān-o negāreš-e fārsi.* Tehran.: SMT, 1378 (1999).
- Elmi M.J. Farhang-e jāme'-e loqāt va estelāhāt-e siyāsi (englisi-fārsi).* Tehran, 1370 (1991).
- Marzbanrad A. Dastur-e sudmand.* Tehran, 1374 (1995).
- Farhang-e ravābet-e beynolmelal.* Tehran, 1377 (1998).
- Vazirpur N. Dastur-e zabān-e fārsi.* Tehran, 1375 (1996).
- Yazdi A. Vāženāme-ye siyāsi.* Tehran, 1373 (1994).

Связь современной персидской прозы с литературой Запада

Признание классической персидской литературе, как известно, принесла, прежде всего, ее завоевавшая всемирную славу поэзия: имена Рудаки, Фирдоуси, Низами, Джалал эд-дина Руми, Саади, Хафиза, Джами и других составляют золотой фонд мировой литературы. Недаром Гёте писал: «Из всех своих поэтов персы почитают только семерых, но из прочей сотни забракованных ими многие превосходят меня».

Поэзия и проза не в равной мере привлекали внимание ученых, как европейских, так и иранских. Тем не менее в культуре Ирана прошлых веков известно немало прозаических произведений, написанных в самых разных жанрах. Среди них такие замечательные, как «Кабус-наме» (XI в.) — типичное «княжье зеркало», «Сафар-наме» («Книга путешествий») Насера Хосроу (XI в.) — путевые заметки, сопровождающиеся автобиографически-философскими раздумьями, «Синдбад-наме» Захири Самарканди (XII в.) — собрание историй о коварстве женщин с отчетливо выраженным назидательно-развлекательным характером (по форме — «обрамленная повесть»); «Голестан» («Розовый сад») Саади (XIII в.) и «Бахарестан» («Весенний сад») Джами (XV в.) — беллетристические трактаты этико-дидактического содержания, где те или иные мысли авторов иллюстрируются небольшими рассказами в стихах и прозе, изящными афоризмами и поговорками.

Своим богатством и разнообразием персидская классическая литература в значительной мере обязана фольклору. В Иране издавна существовал жанр короткого повествования: средневековые новеллы, рассказы и анекдоты героического, исторического и бытового характера, различные переделки и переложения индийских и арабских сказок, многочисленные истории (хэкаят) о Мулле Насреддине и про-

стаке Дахо и т.д. К фольклору относятся и произведения так называемой прозы с нравоучительной окраской. Типичным примером являются «Сказки попугая» («Тути-наме»), разные варианты которых до сих пор переиздаются в Иране и пользуются популярностью.

К сказочной прозе относятся дастаны, слабоизученные и практически не переводившиеся на европейские языки.

Литература первой половины XIX в. еще не утратила черты переходного характера. Несмотря на то что она приблизилась к художественно-познавательным открытиям, которые стали неотъемлемой частью иранского Просвещения, эта литература отчасти воскрешала нормы персидской классики, хотя и адаптированные к местным условиям общественно-культурной жизни. В это время критицизм впервые становится открытой, а не аллегорической формой, как это было в течение нескольких предыдущих столетий, все более явно сказывается положительное влияние успехов европейской цивилизации на иранское общество. В результате в литературе утверждается простота языка и стиля, что было связано с ломкой традиционных форм.

Во второй половине XIX в. под воздействием интенсивных контактов с Западной Европой и Россией в Иране наблюдается снижение интереса к чисто национальным культурным ценностям. При этом персидские литературные каноны, в особенности поэзии, все еще были настолько сильны, что порой влияли на восприятие их литературными другими народами. Что касается прозы, имевшей более слабые корни в письменной традиции, в эту область просветительство проникло легче, и, в частности, дидактическая проза в лице иранских просветителей нашла ярых поклонников. В результате в литературе стали появляться произведения синкретического характера. Так, вышедший в конце XIX в. роман Зейн аль-Абедина Марагеи «Путешествие Ибрахим-бека» одновременно нес черты сентиментализма, просветительского реализма, натурализма.

Как и в других странах Ближнего и Среднего Востока, с расширением грамотности в Иране на смену дастанам и другим повествовательным жанрам приходит переводной роман. Основное условие популярности — занимательность типологически связывает этот роман с романом народным. Для перевода отбирались произведения, отвечавшие принципу развлекательности: «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетера» и «Королева Марго» Дюма, «Робинзон Крузо» Дефо, романы Жюль Верна, авантюрно-приключенческие романы. В угоду развлекательности переводчики поступали с точностью и правильностью текста: смело переносили действие в восточные страны, героям давали иранские имена, вводили в свой перевод огромное количество персидских пословиц, поговорок, крылатых слов, каламбуров, проявляя при этом редкую изобретательность и остроумие. Переводные романы

легко нашли дорогу к читателю, подготовленному к их восприятию традиционными персидскими плутовскими новеллами и дастанами.

Огромную роль не только в литературе, но и в социальной и в политической жизни страны сыграл блестящий перевод на персидский язык сатирического романа английского писателя Джеймса Морьера «Похождения Хаджи Бабы Исфакхани». Вышедший в Лондоне в 1824 г., он был переведен в 80-х годах на персидский язык Мирзой Хабибом из Исфакхана. «После переводов четверостиший Омара Хайама, пожалуй, ни одна книга не смогла в такой степени привлечь внимание европейцев к Ирану и иранцам, как роман „Похождения Хаджи Бабы из Исфакхана“», — писал известный иранский ученый-литературовед Моджтаба Минови.

Попав в Иран, книга сразу же завоевала огромную популярность и, несмотря на то что была запрещена, переписывалась от руки. Заключавшаяся в книге острая и меткая сатира на всю общественно-политическую жизнь страны периода Фатх Али-шаха (1793–1834) ни у кого не оставляла сомнения в оригинальности произведения. Все единодушно называли «Похождения Хаджи Бабы» первым персидским романом, восхищаясь его языком и стилем. В персидском варианте этот роман не был простым воспроизведением иранской действительности, увиденной иностранцем. Известный иранский критик Ирадж Афшар называет «стиль персидского перевода книги „Хаджи Бабы“ лучшим образцом прозы девятнадцатого века», а крупнейший поэт и филолог Малек ош-Шоара Бахар писал: «Проза „Хаджи Бабы“ по изяществу стиля и зрелости мысли напоминает „Голестан“ Саади, а волнует и захватывает не меньше, чем лучшие образцы европейской прозы. Она проста и в то же время совершенна, в ней учтены все каноны прославленных мастеров прошлого, и в то же время она звучит современно и может быть названа шедевром прозы девятнадцатого века». В результате «Хаджи Баба» явился синтезом двух культур и вошел в фонд не только английской, но, пожалуй, в большей степени персидской литературы.

Знаменательной вехой в развитии персидской прозы было появление в 1922 г. книги «Были и небылицы» Джамаль-заде, который ввел в национальную литературу современный сатирический рассказ и повесть.

Сборник состоял из шести рассказов, большого авторского предисловия, словаря простонародных слов и выражений, который иранский писатель вынужден был объяснять иранскому же читателю. В книге ярко выразилась творческая индивидуальность Джамаль-заде: его тяготение к актуальной тематике и острому сюжету, умение создать живой, запоминающийся образ. Художественная разработка удачно выбранных тем находилась в равновесии с их идейной стороной.

Сатирически окрашенные образы героев Джамаль-заде формируются путем описания их поведения, отношения к действительности, в живом диалоге. Это придает его рассказам динамичность, психологическую напряженность, эмоциональность. Социальная сущность полицейских чинов разного ранга, например, проявляется в характере их действий и в речи: хватая неповинных людей, они бросают их за решетку, оглушают их грубыми, примитивными окриками.

В разоблачении ханжества и тунеядства духовенства Джамаль-заде прибег к известному в европейской литературе приему travestировки: он унижал, дискредитировал, вульгаризировал те явления, которые в иранском обществе считались достойными, заслуживающими уважения или даже преклонения. В свое время Рабле поступал так с рыцарями и монахами, а также со всеми сословными атрибутами. Мессы, проповеди, молитвы, требники, сутаны — все это было сброшено им с высот священнодействия, сведено до уровня земных, прозаических явлений. В отношении идеалов христианства и буржуазной демократии техникой travestировки широко пользовался Анатолий Франс («Таис», «Чудо св. Николая», «Остров пингвинов»).

По уровню мастерства сатирического изображения действительности рассказы Джамаль-заде не уступали лучшим образцам европейской сатирической прозы своего времени.

И хотя в манере повествования Джамаль-заде ощущалось влияние европейской литературы, не менее четко прослеживалось воздействие на автора и творческое усвоение им национальных литературных традиций и фольклора.

Истоки авангардизма в современной персидской прозе прослеживаются именно со времени появления «Слепой совы» Садека Хедаята, вызвавшего в последующие годы массу подражаний.

Еще в самом конце 40-х и начале 50-х годов среди некоторой части иранских писателей довольно широкое распространение получили разного рода поиски новых формальных приемов. Одним из наиболее утвердившихся видов экспериментальных форм стала проза так называемого потока сознания. Эбрахим Голестан (род. 1922) оказался самым последовательным ее представителем. Возможно, на формирование его как писателя оказал влияние тот факт, что он в течение долгих лет занимался переводами американской литературы, в частности произведений У.Фолкнера и Э.Хемингуэя.

В своем первом сборнике рассказов — «Азар — последний месяц осени» (1949) он использовал некоторые художественные приемы Фолкнера. Голестан придерживается нового, «неклассического» отношения ко времени повествования, отказываясь от последовательного изложения событий. Его персонажи живут не в реальном, историческом времени, а в воображаемом, где прошедшее и настоящее со-

существуют. Писатель достигает этого, перенося действие в воображение героев, смещая действительно происходящее в область сознания.

В результате субъективное восприятие персонажами изображаемых автором событий доминирует даже в рассказах, где основная роль принадлежит фабуле. Например, в рассказе «На изгибе пути» объективный ход событий раскрывается через переживания героев, чей внутренний мир, проявляющийся в воспоминаниях и ассоциациях, заменяет собой описание действительности. Прошедшее, возникая в сознании персонажей, каждый раз оборачивается какой-то новой гранью. Эти грани продвигают повествование вперед, расширяют и углубляют его: в пересказах героями одного и того же события каждый раз добавляется какая-то новая деталь. По существу, писатель рассказывает одну и ту же историю несколько раз, мысль идет по кругу, как это происходит в сознании героев. В этот хоровод вовлекается читатель, по мере чтения расшифровывающий рассказ как сложный кроссворд.

В своей книге «Шахрэ Хэрт» («Город Беспорядочный», 1954) Парвиз Хатиби затронул наболевшую для иранцев проблему национального достоинства. Писатель решительно разоблачил тех, кто раболепно и слепо преклоняется перед Европой, кто «смотрит на родной город как на конюшню», для кого народ, живущий на земле дедов и прадедов... «не более чем скотина» [Жареный гусь, 1963, с. 8]. «Город Беспорядочный» несколько напоминает «Книгу снобов» Теккерея, хотя сатира английского писателя, бесспорно, обладает более широким социальным охватом и более целенаправленна. Хатиби явно не хватает «щедринской великолепной злости»: сатира его порой переходит в незлобивый юмор (главы о модницах, нищих, стилягах, портных и т.д.).

Наиболее значительным явлением литературы 60–70-х годов можно считать расцвет творчества Садека Чубака (1916–1998), которого ставят в один ряд с Мохаммадом Али Джамаль-заде и Садеком Хедаятом, заложившими основы реалистической художественной прозы в персидской литературе XX в.

Много толков вызвал в иранской критике роман Садека Чубака «Камень терпения» (1967), который как бы подвел итог 20-летней творческой деятельности писателя. Автор дает неприглядную картину жизни социальных низов, не останавливаясь перед самыми удручающими подробностями. Эта картина иногда вызывает в памяти стилистику некоторых произведений М.Горького, в частности пьесы «На дне».

Влияние эстетики экзистенциализма на Садека Чубака сказалось в отсутствии в его романе прямой сюжетной линии, в потрясенном бы-

тием болезненным сознанием героев, в избыточности сексуальных описаний. В изображении их не исключено влияние фрейдизма и неофрейдизма. Однако натуралистические подробности для автора скорее всего служат лишь средством, с помощью которого он стремится показать с возможно большей достоверностью повседневный быт своих героев и то, как он преломляется в их сознании. Роман «Камень терпения», без сомнения, принадлежит к лучшим достижениям современной персидской прозы.

К 60-м годам целая плеяда молодых прозаиков, стремившихся найти новые выразительные средства, успешно восприняла отечественный и мировой опыт литературы модернизма. По существу, иранская модернистская проза была не школой единомышленников, а клубом экспериментаторов в литературе, где каждый выражал себя по-особому. В результате в прозе возникла мозаика из эссе, повестей, новелл, крупных произведений, в которых могло быть все — и скрупулезные описания состояния, и удивительные, сюрреалистические откровения, и мистические фантазии.

В 70-е годы неослабевающее внимание иранских прозаиков к внутреннему миру человека заметно укрепило позицию психологического реализма, постепенно освободив литературу от риторичности, прямолинейности, дидактизма, сентименталистских настроений, которые изобиловали в ней ранее. Психологический аспект повествования органично входит в ткань произведений, придавая камерности сюжета определенную глубину. Накапливая опыт отражения социальных изменений, происходящих в жизни иранского общества 60–70-х годов, персидская проза все больше политизируется в том смысле, что начинает активно выступать против уродливых форм модернизации, против растлевающего влияния хлынувшей в страну буржуазной морали и культуры. Реальная угроза забвения многовековой национальной культуры, лучших ее традиций заставляет писателей раскрывать изнанку «американизации» Ирана, показывая губительные последствия ускоренного внедрения чужеродных явлений, разрушающих веками складывающиеся национальные формы жизни, нравственные принципы, специфические для иранцев.

Особенно близко к этим проблемам оказалось творчество таких новеллистов, как Феридун Тонкабони, Джамал Мирсадеки, Ахмат Махмуд, Хосроу Шахани, Хушанг Гольшири и других, которые стремились изобразить в художественной форме утрату духовных ценностей в обществе, откровенно ориентированном на западные образцы современной цивилизации.

Одним из наиболее талантливых писателей-модернистов, появившихся в литературе в конце 60-х годов и занявших весьма значительное место в персидской прозе новой волны, является Хушанг Гольши-

ри (род. 1943). В 1968 г. появился первый сборник рассказов Гольшири — «Как всегда». Рассказ «Ночь сомнений» — самый запутанный по своему психологическому подтексту и одновременно наиболее характерный для авангардистских поисков писателя. Сопоставление точек зрения различных людей на одно и то же событие показывает, что невозможно воссоздать истинную картину происшествия. Вмешательство же автора требуется для того, чтобы заставить каждого сомневаться в своей собственной версии и высказаться по этому поводу. Это не способствует выяснению истины, но позволяет каждому участнику спора раскрыть самого себя.

В своей концепции Гольшири следовал за Андре Мальро, полагавшим, что невозможно познать до конца человеческую сущность, но вопросы, с помощью которых человек пытается раскрыть ее, дают определенное представление о нем самом.

В более поздних произведениях Гольшири расширил круг проблем, связанных с анализом внутреннего мира человека. Поиски своего «я», своего способа художественного выражения он продолжил и в повести «Принц Эхтеджаб» (1969). Это блестящее произведение вызвало большой интерес литературных кругов Ирана. Повесть представляет собой историю трех поколений семьи наследных принцев династии Каджаров. Построена она в форме воспоминаний одряхлевшего, умирающего старика — последнего принца этого, с признаками явного вырождения, рода. Герой проводит свою последнюю в жизни ночь перед портретами предков, вызывая их призраки из прошлого и мысленно беседуя с каждым из них.

В этой повести нет сюжета в общепринятом смысле этого слова, почти полностью размыты хронологические рамки повествования. Обобщая эти факторы, можно сказать, что повесть Гольшири относится к разряду модернистской литературы.

Творческая манера Гольшири не была одинаковой на протяжении многих лет, его постигали и неудачи. Однако в наиболее значительных произведениях он доказал свою состоятельность как крупный мастер прозы. Он стал одним из ведущих писателей — если не главой направления, то по крайней мере автором, которому подражали многие молодые, избравшие для себя авангардистское направление.

Одним из ведущих представителей модернизма в Иране является Исмаил Фасих. Его перу принадлежит свыше двадцати произведений. Писатель наиболее полно отразил судьбы «потерянного поколения» 60–70-х годов.

Для стиля Фасиха характерны скрупулезные, иногда почти натуралистические описания. Писатель, возможно, придает чрезмерное значение подробностям, отвлекающим внимание от основной линии действия. И тем не менее целостность в восприятии жизни и судеб современ-

менников в его многочисленных произведениях, объединенных общей идеей, не нарушается.

Эстетические поиски иранских писателей-авангардистов конца 80-х и первой половины 90-х годов очевидным образом прослеживаются и в контексте влияния европейского и латиноамериканского модернизма.

Творчество Хушанга Гольшири («Заблудшая овечка Раи», 1990), Исмаила Фасиха («Сорайя в коме», 1983, «Зима 1983 года», 1986, и «Старое вино», 1994), Махмуда Киянуша («Нырлящик и рыба», 1990), Шахрнуш Парсипур («Туба и смысл ночи», 1988), Аббаса Маруфи («Симфония мертвецов», 1989) и других писателей свидетельствует о том, что и в персидской литературе утвердились тенденции новаторства, желание выйти за рамки художественных методов, сложившихся к этому времени.

Влияние мировой модернистской литературы и ее лучших представителей: Пруста, Кафки, Джойса, Камю, Сартра, Маркеса и других — хоть и отрицалось иногда (по-видимому, из соображений субъективного характера) их последователями в иранской прозе, но никак не может быть вычеркнуто из характеристики методов иранских авторов.

Европейские и американские литературные традиции принципиально отличны от письменных традиций Востока.

Современная персидская проза приблизилась по своему характеру к европейской и американской. На примере писателей-модернистов это особенно заметно. Трансформация в XX в. также и других национальных литературных традиций восточных стран — Японии или Турции, например, — свидетельствует об общечеловеческих гуманистических путях развития культуры.

Преодолев кризис, вызванный глубокими катаклизмами во всех сферах национальной жизни, современная иранская проза, несомненно, вновь завоевывает высоты, не только делающие ее равноправной участницей мирового литературного процесса, но и подтверждающие ее способность сказать свое слово в литературе XXI в.

Существуют ли артиклевые словосочетания в персидском языке?

К постановке проблемы

В обобщающих работах [Пейсиков 1959; Рубинчик 2001] даются определения словосочетаний в персидском языке и характеристика их свойств. Словосочетания — это единые по смыслу и грамматически оформленные единицы языка, служащие базой для построения предложений [Пейсиков 1959, с. 5]. Свободные синтаксические словосочетания представляют собой объединение знаменательных слов, связанных грамматически и выражающих единое, но расчленённое понятие [Рубинчик 2001, с. 357].

Словосочетание называют иногда также синтагмой — парой элементов, между которыми существует синтаксическая связь. Указывается, что для словосочетаний характерен подчинительный тип связи, при котором можно указать синтаксически главное (подчиняющее) и распространяющее (синтаксически зависимое, подчиненное) слово [Плунгян 2000, с. 142–143]. Полагают, что о наличии сочинительных словосочетаний в персидском языке можно говорить только как о небольшой группе соединений двух синонимов, и то с оговорками [Рубинчик 2001, с. 361–363]. Иной подход предлагался И.К.Овчинниковой [Овчинникова 1971], которая выделяла их в отдельный тип словосочетаний. Это направление было поддержано нами в работе [Иванов 1996, с. 31–33]. Отмечая, что данная проблема стала предметом отдельного исследования в диссертации [Талыбова 2002].

В комментариях к приведенным определениям подчеркивается, что синтаксическая связь на уровне словосочетаний устанавливается только между знаменательными частями речи. Поэтому соединения энклитик со знаменательными словами, а также изафетные предлоги оказываются вне традиционной классификации. Мы предлагаем (см. [Ива-

нов 1995; Иванов 1996, с. 28]) такие комплексы относить к субсловосочетаниям, но эта классификация является предметом отдельной работы.

Типологи говорят о двух стратегиях маркирования синтаксических зависимостей в словосочетаниях. В первом классе случаев маркируется зависимое слово. К этому классу относятся согласование и управление в том виде, как они представлены, например, в русском и немецком языках. При согласовании и управлении вершинное слово не содержит никаких внешних признаков того, что у него имеются синтаксически зависимые элементы [Плунгян 2000, с. 184]. К словосочетаниям в персидском, таджикском, дари и их ближайшем предке — новоперсидском языке¹ этот класс случаев неприменим.

Ко второму классу относится изафетная связь (см. ниже), при которой маркируется именно главное слово. При распространяющем слове, напротив, не ставится никаких маркеров. Отмечается, что если в иранских языках изафетный показатель употребляется вместо падежного маркирования зависимого имени, то в тюркских, финно-угорских и семитских языках вершинное и зависимое (т.е. падежное) маркирование не исключают друг друга [Плунгян 2000, с. 185]. К вопросам морфологического оформления вершинного имени мы вернемся в дальнейшем в связи с описанием словосочетаний, основанных на артикле.

Традиционно выделяемые типы словосочетаний

После новаторских исследований проф. Л.С.Пейсикова [Пейсиков 1959] скоро уже минет полвека, как в российской иранистике для персидского языка, таджикского и дари общепризнанными полагаются три типа словосочетаний [см. главу «Словосочетания», Рубинчик 2001, с. 357; Островский 1994, с. 72]²:

1. Изафетные словосочетания. В них соединение слов происходит с помощью изафетного показателя. Он произносится в персидском и дари после согласных как *-е*, после гласных *-уе*. В таджикском языке он во всех позициях звучит как *-и* (в кириллице изображается буквой «и») и пишется слитно с предыдущим словом). Он не несет на себе ударения и энклитически примыкает к первому слову (в транскрипции энклитики пишутся через дефис). Данный вид словосочетаний характеризуется жестким порядком слов: распространяющее слово всегда

¹ Новоперсидский, который существовал в IX–XVI вв. н.э., называют также классическим персидским языком, так как на нем написаны наиболее известные произведения персидской поэзии. В данной работе для удобства изложения используются оба термина.

² К сожалению, приводимая классификация на данный момент практически не известна ни на Западе, ни в среде иранских лингвистов.

следует за главным. Примеры³: **qazal-e Hāfez** газель Хафиза, **hame-ye mā** все мы, **havā-ye tāze** свежий воздух, тадж. **фарзанди нахустин** первый ребенок.

2. **Словосочетания с предложной связью.** В них соединение слов происходит с помощью простого (неизафетного) предлога. Порядок слов здесь не столь важен. Предлог проклитически примыкает к распространяющему слову. Примеры: **az hame behtar** лучше всего, **defā' az mihan** защита родины, **be dast āvordan** добиться, тадж. **бо мошин омадан** приехать на машине.

3. **Словосочетания, основанные на примыкании.** В словосочетаниях этого типа материального маркера синтаксической связи (т.е. звучащего, фонологически или фонетически выраженного показателя) ни при главном, ни при распространяющем слове нет. Неизменяемые части речи при связывании примыканием требуют жесткого порядка слов. Глагольные формы по отношению к своим распространяющим словам располагаются более свободно, особенно в стихотворной и разговорной речи. Примеры: **xéyli behtar** гораздо лучше, **telefoni goftan** сказать по телефону, **ketāb xāndan** читать книгу, тадж. **дигар кисмҳо** другие способы.

Что касается четвертого типа синтагм — местоименных словосочетаний, или словосочетаний с местоименной связью, типа **Ahmad zanaš dar-gozašt** Жена Ахмеда умерла, — который был введен в обиход проф. Л.С.Пейсиковым [Пейсиков 1964, с. 187], то оно признается не всеми. Возможно, этот вид конструкций появился в персидском и близкородственных языках под влиянием тюркских. Таджикский пример: **Ҳамин кишлок чар-ай атрофаш** букв. *Этот самый кишлак овраг есть в окрестностях его* — В.С.Расторгуева комментирует следующим образом: «такая перестановка слов оказывается возможной благодаря энклитическому местоимению, которое служит в качестве связующего элемента, что позволяет порядку слов отойти на задний план» [Расторгуева 1952. Вып. 2, с. 50; цит. по: Пейсиков 1959, с. 188].

Трудность выделения местоименных словосочетаний состоит в том, что в отличие от остальных они не могут выполнять чисто номинативную функцию (т.е. выступать, например, в роли назывного предложения, заголовка и т.п.) и получают путем вычленения из состава предложения. В первых трех типах словосочетаний между его элементами проходят только словесные границы: сильные, как между знаменательными словами, или слабые, как между знаменательными словами и энклитиками [об определении сильных и слабых словесных границ см.: Иванов 1995].

³ Здесь и далее, если это не оговаривается специально, приводится транскрипция, которая отражает звучание слов в современном персидском языке. Фонетические соответствия таджикского, дари, средне- и новоперсидского языков могут быть найдены в работе [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982] и в данной статье специально не оговариваются.

В словосочетаниях, основанных на местоименной связи, между главным и распространяющим словом помимо словесной границы одновременно проходит граница еще более высокого уровня — граница синтаксических групп. В типичном примере *In doxtar-e man esm-aš Hamide-ast* *Имя моей дочери — Хамида* [Б.Алави, Дезашуб; Пейсиков 1959, с. 188] между распространяющим словом *doxtar* *дочь* и его стержнем *esm-aš* *ее имя* проходит граница составов подлежащего и сказуемого. К тому же между компонентами местоименного словосочетания проходит граница между темой и ремой, чего не бывает в «единых, сложных понятиях». Словосочетания с местоименной связью встречаются довольно редко, и лишь в разговорной речи. Эти «странности» местоименных словосочетаний обоснованно критикуются в иранистике. Они не проходят полную диагностику и соответствуют не всем требованиям, предъявляемым к словосочетаниям. По этой же причине они совершенно справедливо исключены из рассмотрения в работе [Рубинчик 2001]. Мы также не будем их считать словосочетаниями, называя так чисто условно. Касающиеся их рассуждения приводятся здесь для того, чтобы использовать те же критерии для принятия или непринятия гипотезы о существовании артиклевых словосочетаний в персидском языке.

Происхождение артикля

Постпозитивный артикль в современных близкородственных языках — персидском, таджикском и дари восходит к древнеперсидскому слову *āywa* *один* [Kent 1953, с. 164; Расторгуева, Молчанова 1981, с. 62; Расторгуева, Эдельман 2000, с. 135]. В клинописных надписях числительное *один* приводится в форме *aivam* (вин. п. ед. ч. м. р. [Виноградова 1997, с. 50]).

В певческом варианте авестийского языка (в стиле исполнения Гат) то же слово было отмечено в виде *āēva-* [Kent 1953, с. 164; Расторгуева, Эдельман 2000, с. 135].

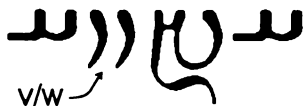

Рис. 1. Написание авестийского слова *aēva* *один*

Долгое *ē* вместо *u* в качестве второй части авестийского дифтонга *aē* явно было введено позже, для удобства пения, так как у дифтонгов, реализующихся в переднем ряду, в качестве краткого нисходящего элемента возможен только глайд *у*. Таким образом, в живых авестий-

ском и древнеперсидском языках эта основа, вероятно, произносилась как **āyuwa-*.

Авестийский и древнеперсидский варианты возводятся к реконструируемой общеиранской форме **aiua-* (ж. р. **aiuā-*) *один*. Она происходит от арийского слова **aiuā-*, продолжавшего индоевропейское **oiue*, **oiuos*. Последнее представляло собой дейктическую основу **oi-/ei-* в сочетании с другой дейктической основой — **-ue*, **-uo*, ср. др.-инд. *evā*, *evā* со значением указательного местоимения *так, именно, же, только* [Расторгуева, Эдельман 2000, с. 134]. Принимая во внимание замечания к фонологической транскрипции, которые мы сделали ранее, общеиранская основа могла звучать как **aywā-*, а ее индоевропейский предок — как **oywé*, **oywós*.

В древние времена слово *aywa* *один* было знаменательной частью речи — прилагательным [Kent 1953, с. 164] или числительным [Виноградова 1997, с. 50]. Уже в среднеперсидском языке оно потеряло свое лексическое значение и стало энклитической (незнаменательной) частью речи. После монофтонгизации дифтонга и падения заударного слога оно стало произноситься как *-ēv*⁴ или просто *-ē* [Расторгуева, Молчанова 1981, с. 62]. Так оно произносилось в среднеперсидском и классическом персидском языках. В современных дари и таджикском языках артикль сохранил свой тембр и продолжает произноситься как маджхульное (долгое) *-ē*. В современном персидском его гласный сузился до долгого *-ī*.

Модель «существительное + прилагательное»

Атрибутивная модель «существительное + прилагательное» в настоящее время представляет собой самый распространенный вид артиклевых словосочетаний. Она появилась еще в среднеперсидские времена. На том уровне развития языка артикль мог сочетаться с изафетным показателем. К существительному вначале присоединялся артикль, а за ним уже следовал изафетный показатель, потом ставилось определение в виде прилагательного: *u-š pad dast dās-ē(v) ī āhanin dāst* *и в руке у него был железный серп* [Расторгуева, Молчанова 1981, с. 60]. Артикль *-ē* при слове *dās* *серп* тогда, как и сейчас, обозначал единичность и неопределенность. Изафетный показатель уже тогда был лексически опустошенной частицей, т.е. буквально словосочетание *dās-ē ī āhanin* передает значение *какой-то один железный серп* (см. рис. 2).

⁴ Есть основания полагать, что и в среднеперсидском языке функционировал согласный *w*, как это отражено в транскрипции О.М. Чунаковой [Чунакова 1987].

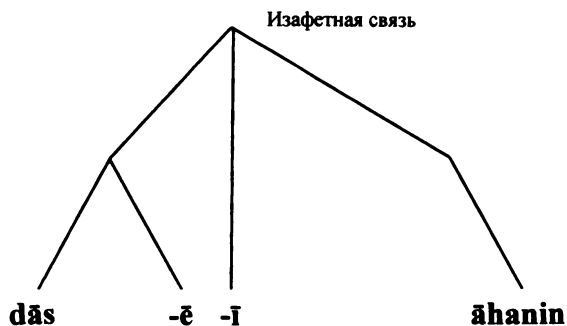

Рис. 2. Синтаксические связи среднеперсидского словосочетания
dās-ē-ī āhanin *железный серп*

В дальнейшем, вероятно по фонетическим соображениям (два рядом стоящих сходных гласных трудно было произносить членораздельно), в сочетаниях такого рода остался один показатель. Семантически более нагруженный элемент — артикль взял на себя еще и связочную функцию изафетного показателя — лексически опустошенной частицы. В этом контексте артикль из морфологически элементарной единицы превращается в кумулятивную. При **кумуляции** несколько различных грамматических значений выражаются одним морфологически нечленимым (т.е. элементарным) показателем. Типичным примером является кумуляция граммем числа и падежа в склонении русских существительных. В форме *лунами* окончание **-ами** указывает не только на творительный падеж, но и на множественное число (см. [Плунгян 2000, с. 42]).

В примере *Ārdawān-rāy kanīzag-ē abāyišnīg bud* У Ардабана была одна *достойная девушка* [Чунакова 1987, с. 42; Расторгуева, Молчанова 1981, с. 62] артикль помимо неопределенности и единичности уже синтаксически связывает определяемое *kanīzag* *девушка* и определяющее *abāyišnīg* *достойная* в словосочетание номинативного типа *kanīzag-ē abāyišnīg* *достойная девушка*.

Приводим другие примеры на артиклевые словосочетания рассматриваемой модели в среднеперсидском языке:

Ud ka ō gyāg-ē Rāmišn-Ardaxšīr xwānēnd rasīd, mard-ē wuzurg-menīšn Bunāg nām būd az Spahan, kē az dast ī Ardawān wirēxt ēstād ud ānōh bunag dāšt, xwad abāg 6 pus ud was spāh ud gund ō nazdik ī Ardaxšīr mad Когда он дошел до того места, которое называется Рамишин-Ардашир, *некий благородный человек* из Спахана, по имени Бунак, который бежал от Ардабана и обосновался там, пришел к Ардаширу сам с шестью сыновьями и большим войском [Чунакова 1987, с. 46].

Ud im čim-rāy ēdōn nimayēd kū xwadāy-ē ud pādixšāy-ē nōg ō paydāgth āyēd... Из этого ясно, что появится новый правитель и господин ... [Чунакова 1987, с. 42].

В классическом персидском языке находим следующие примеры: **Hakim-i fāzel-o tabib-i kāmel nemud-va be jāneb-e Firuz ravāne farmud** Он указал на ученого мудреца и искусного врача и направил их к Фирузу (Деххода), **In xāhar u-rā javāb-i xoš dād** Эта сестра дала ему хороший ответ (Деххода), **Bār-i azim bar man mostowli gašt** Тяжкая ноша пала на меня (Деххода), **Har yek zade dast-e ajz bar šāx-i sost** Каждый положил руку берущую на слабую ветвь (Деххода).

Šab-i xoš har ke mixāhad ke bā jānān boruz āyad Приятную ночь каждый, кто захочет, с возлюбленной в день превратит (Деххода), **Del-am birun kašid-o be do nim kard-o xun-i siyāh az ānjā birun kard** Он вырвал мое сердце и разорвал его надвое, и оттуда брызнула черная кровь (Деххода).

Пример **Sarā-i bas farrāx-o maskan-i xoš** Очень просторный дворец и хорошее жилье (Деххода) показывает, что артикль, так же как и изафетный показатель, может связывать существительное и синтаксическую группу — другое словосочетание, выступающее как определение к главному слову. Словосочетание, основанное на примыкании, **bas farrāx** очень просторный определяет существительное **sarā** дворец. Сравним с аналогичным по структуре, но с изафетным словосочетанием **xāne-ye besyār bozorg** очень большой дом. Оба вида относятся к сложным словосочетаниям [Пейсииков 1959, с. 200; Рубинчик 2001,

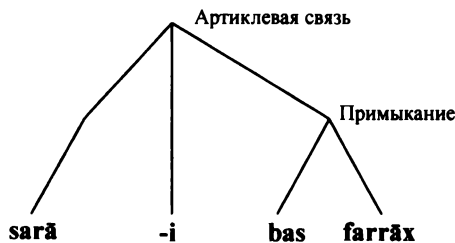

Рис. 3. Структура новоперсидского словосочетания
sarā-i bas farrāx
очень просторный дворец

с. 374]. Сложные словосочетания необходимо рассматривать как иерархию синтаксических связей (см. рис. 3).

Bfā-vo gunē-ye zard-am bebin-o naqš bexān / ke gar hadis konam gesse-i derāz āyad Подойди, взгляни на мою желтизну и прочти по глазам / а не то, если рассказывать, будет история долгая (Деххода, Саади). Список новоперсидских примеров на этот случай можно продолжать довольно долго. По нашей оценке, в словаре Деххода их сотни.

Важно договориться о диагностике артиклевых словосочетаний модели «существительное + прилагательное», т.е. что мы будем относить к этому подвиду. Для проверки связочных свойств артикля попробуем преобразовать испытуемое артиклевое словосочетание в изафетную конструкцию с артиклем. Если такое преобразование допустимо и изафетный показатель может занять место артикля, то исследуемое словосочетание прошло испытание успешно.

Рассмотрим пример из «Калилы и Димны»: **Barmak mard-i bozorgvār bud** Бармак был достойным человеком. Артиклевое сочетание **mard-i bozorgvār** некий достойный человек может быть преобразовано в изафетное словосочетание **mard-e bozorgvār-i** с тем же значением. В последнем случае артикль может быть безболезненно для грамматических связей удален, и мы получим **mard-e bozorgvār** достойный человек. Безболезненность удаления артикля свидетельствует о том, что здесь он не выполняет связочной функции. Изафетный показатель **-e** в **mard-e bozorgvār** удалить нельзя, так же как и артикль **-i** в **mard-i bozorgvār**. Синтаксическая граница между составами подлежащего и сказуемого проходит после слова **Barmak** перед исследуемой группой слов (а не внутри его). Значит, в первом случае мы имеем дело со словосочетанием, отвечающим всем классическим требованиям.

Переходим к примерам из современного персидского языка. Множество таких примеров мы находим в том же словаре Деххода среди авторских пояснений к значениям слов: **dast dar henā gozāştan; be kār-i došvār-o dur-o derāz sargarm kardan** опускать руки в хну; занимать долгой и трудной работой (Деххода). **dast-e xar kutāh; xatāb-i towhin'āميز-e kas-i-rā-ke dast dar kār-e digarān dar'ārad** ослиные руки прочь!; оскорбительный окрик по отношению к тому, кто лезет в чужие дела (Деххода).

dastsuze; doxtar-i xāstgāri šode ammā aqd-e nekāh nābaste дастсузе; девушка просватанная, но не выданная замуж (Деххода).

yek xāne ya'ni xāne-i mamlovv один дом, т.е. целый дом (Деххода).

yek kāse ya'ni kāse-i lamālam одна чаша, т.е. целая чаша (Деххода).

Современные примеры артиклевых словосочетаний находим в рассказе иранского писателя Ибрахима Голестана «С сыном по дороге», который был написан в 1966 г:

Mard-e varzeškār sibil-i koloft dāšt У мужчины-гимнаста были пышные усы [Голестан 1998, с. 198].

Va āhang mānand-e dāyere-i tang, dower-e yeknavāxt dāšt *А мелодия, словно тесный обруч, монотонно кружила* [Голестан 1998, с. 198].

Ba'd bā sedā-ye zarbe-i boland boride šod *Потом она была прервана громким ударом* (букв. звуком громкого удара [Голестан 1998, с. 196]).

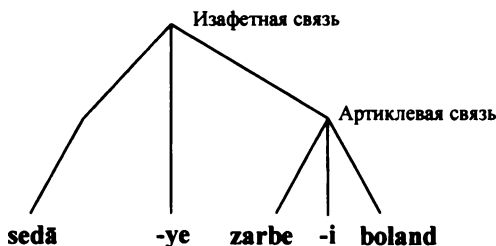

Рис. 4.

В последнем примере мы видим сложную изафетную конструкцию, где распространяющим элементом является словосочетание, основанное на артикле (см. рис. 4).

Артиклевые словосочетания входят в состав различных клише и потому нередко используются в заголовках радио- и телевизионных передач: **šarh-i moxtasar** *краткая биография*, **morur-i kutāh bar axbār-e dāxeli** *краткий обзор внутренних событий*, **negāh-i gozarā** *беглый взгляд* и т.п.

Данный вид словосочетаний можно найти и в заголовках современных газет и журналов: **Mard-i xatarnāk be nām-e Māykl Mur** *Опасный мужчина по имени Майкл Мур* [Еженедельник Sinema-ye now, 1381 11], **Aql-o enteḡād. Maḡāle-i montašer našode az Kārl Rāymond Poper** *Ум и критика. Неопубликованная статья Карла Раймонда Паупера* (Газета Hamšahri, с. 32, 2002/12/15).

Xabar-i xoš barāye bimārān-e kabedi *Приятная новость для печеночных больных* (Газета Hamšahri, с. 32, 1381 14).

В артиклевых словосочетаниях в качестве распространяющего слова может быть также неопределенное местоимение **digar** *другой*. В частности, в словаре А.А.Деххода в пояснениях часто встречается выражение **ta'bir-i digar az...** *другой вариант выражения...* Примечательно, что ни в одном примере соединительный артикль не встретился после слова во множественном числе.

Модель «существительное + существительное»

Артикль в модели «существительное + существительное» употребляется для передачи значения, сходного с партитивом. Падежи с таким

названием выделяются в большинстве прибалтийско-финских языков. Партиитивные формы в своих базовых употреблениях выражают неопределенное количество чего-либо. Партиитивное значение зафиксировано в разных языках. В русском языке есть так называемый второй «родительный падеж» (партиитив), присущий небольшому числу лексем мужского рода типа *сахар (добавь сахару)* или *полк (нашего полку прибыло)*.

Значение партиитива необязательно передается морфологическими средствами типа падежного окончания. Считается, что в арабском языке партиитивность может выражаться с помощью предлога **min** *от*, а во французском — так называемым партиитивным артиклем (см. [Плунгян 2000, с. 178–179]). Есть партиитивное употребление артикля и в итальянском языке: **Dammi del pane** *Дай мне хлеба*. Однако существенной чертой европейской партиитивности является то, что она проявляется в глагольных словосочетаниях, основанных на управлении, в то время как иранская модель партиитивности присуща именным словосочетаниям, основанным на артикле.

Примеры на частичное значение (партиитивность) мы находим в классическом языке: **Hasan meqdār-i javāher-e gerānbahā be Ma'mun-o sardārān-e bozorg piškeš dād** *Хасан дал несколько драгоценных камней Ма'муну и высокопоставленным военачальникам в качестве платы вперед* (Деххода).

В современном персидском языке подобные примеры встречаются достаточно часто и даже не имеют архаичной или какой-либо другой стилистической окраски: **Kārmand-e dowlāt ebārat-ast az pust-o ostoxān-o meqdār-i gušt** *Государственный чиновник состоит из кожи, костей и толики мяса* (Парвиз Хатиби, «Город Беспорядочный»);

pas az moddat-i tafakkor *после некоторого раздумья* (пример наш).

Модель «существительное + существительное» встречается и в языке дари: **dar besyār-ē mawāred** *во многих случаях*. Слово **besyār** *много*, обычно выступающее как наречие, в этом случае субстантивировано, иначе оно не смогло бы принять артикль.

Нередко при толковании слов используются клише со словами **now' tūp, сорт; qesm** *род, сорт; gune* *способ, вид*.

Для персидского языка характерны следующие примеры: **sib-e pambei; qesm-i sib-e bahāre-ye narm-o pišras** *ватное яблоко; сорт вешнего яблока, мягкого и незрелого* (Деххода).

dast bedār! now'-i bāzi-st *держи руки! род игры* (Деххода).

Esābe' ol-'azārā. Gune-i angur bud ke... *Эсабе оль-азара. Сорт винограда, который...* (Деххода).

В качестве партиитивных форм дари отметим такой пример: **Pesarān dar in rōz hadyahā-yē hamrāh bā māhi wa jalbi (naw'-ē širini) ba nāmzadān-e xiš mēferestand** *В этот день юноши передают своим*

суженым подарки, в которых есть рыба и джальби (сорт сладостей).

Модель артиклевых словосочетаний «существительное + существительное» встречается ощутимо реже, чем «существительное + прилагательное». Кроме того, модель «существительное + существительное» отличается от модели «существительное + прилагательное» не только тем, что распространяющий элемент принадлежит другой части речи, но также тем, что они чередуются со структурно различными словосочетаниями. Если первое может быть заменено на изафетное словосочетание, то второе — на предложное с участием предлога **az** из. В большинстве словосочетаний с факультативным предлогом **az** второе существительное стоит во множественном числе.

Наиболее распространены случаи, когда в первой позиции находятся существительные типа **edde** *число*, **pāre** *часть*, **meqdār** *количество*: **edde-i [az] mosāferin** *некоторые пассажиры*, **pāre-i [az] xānandegān** *некоторые читатели*, **meqdār-i [az] āb** *немного воды*. Но в этой же позиции могут встречаться и другие слова: **kuh-i [az] asnād** *гора документов*, **besyār-i [az] dānešmandān** *многие ученые*.

Подобные образования традиционно относятся авторами либо к словосочетаниям, основанным на примыкании (при отсутствии предлога), либо к предложным (при его наличии; см. [Пейсиков 1959, с. 126 и 225–227; Овчинникова 1971, с. 19]). В работе [Рубинчик 2001, с. 370] примеры типа **goruh-i [az] dānešjuyān** *группа студентов*, **jam'-i [az] xānandegān** *некоторая группа читателей* рассматриваются среди словосочетаний с примыкающей связью. При этом связочная функция артикля не комментируется. Надо полагать, что если бы артикль не мог брать на себя связочную функцию, то предлог не мог бы быть факультативным. Сравним эти образования с настоящими предложными словосочетаниями: **tavassol be zur** *применение силы*, **esteqrār dar zamin** *закрепление на местности*. В них нет артикля, и попытка опустить предлог — единственный элемент, который несет связочную функцию, — приводит к развалу словосочетания.

Перечисленные случаи нужно отличать от словосочетаний с участием срращения, в состав которых входит этимологический артикль. Слова **bā'zi**, **bārxi** *некоторые* срослись с артиклем и отдельно от него не употребляются. В словосочетаниях **bā'zi [az] ašxās** *некоторые люди*, **bārxi [az] ettelā'āt** *некоторые сведения* бывший артикль входит в состав неизменяемого слова и поэтому не может отвечать за его синтаксические связи. О том, что это артикль, нам напоминает только нефинальное словесное ударение. Несмотря на внешнее сходство с артиклевыми словосочетаниями и этимологию, эти образования следует отнести к словосочетаниям, основанным на примыкании. Есть ряд слов, которые хотя и можно найти в словаре без артикля, но они настолько ра-

зошлись по семантике и употреблению со своей артиклевой формой, что практически стали отдельной лексемой. С этой точки зрения как примыкание следует трактовать и случаи типа: *xéyli bozorg* *очень большой*, *andáki ta'mol* *немного погода*, *čándi ba'd* *немного спустя*, *kámi āb* *немного воды*, *qádri asal* *немного мёда*, *gāhi owqāt* *иногда* и т.п.

Словосочетания со словами *now' tun, sort*; *qesm rod, sort*; *gune* *способ, вид* и т.п. могут служить и непартитивными определениями. В этом случае они употребляются без артикля, связываются с последующими словами примыканием. С точки зрения семантики они не обозначают неопределенной части чего-либо, а указывают на всю категорию в целом: *in now' heyvānāt* *животные такого вида*; *in gune havādes* *такого рода события* (см. также [Рубинчик 2001, с. 370]). В этом тоже проявляется связь партитивности и артикля.

Модель «существительное + числительное»

Артиклевое словосочетание «существительное + числительное» принадлежит к числу довольно древних моделей. Она имеет узкую семантическую специализацию и поэтому встречается редко. Уже в среднеперсидском языке она использовалась для указания приблизительного количества людей.

Ud az kurdān mard-ē 1000 ōzad *И из курдов убил человек тысячу* [Чунакова 1987, с. 48].

Spāh-ē (ī) 5000... pad kustag kustag ī būm ī Sind ud Mokrān ud drayā(b) frēstīd ēštād *Во́йско тысяч в пять (воинов) в разные области Синда, Мокрана и Приморья им было отправлено* [там же]. В последнем примере между существительным и числительным показана факкультативная изафетная связь.

В современных учебниках персидского языка примеры на эту модель встречаются довольно часто. Например, *nafar-i panj* *человек пять*, *kārgar-i bist* *человек двадцать рабочих*. В позиции числительного может также находиться неопределенное числительное *čand* *несколько*: *sā'at-i čand* *несколько часов* (см. [Рубинчик 2001, с. 192]). Такого рода конструкции имеют несколько архаичное звучание и нехарактерны для современной деловой прозы и разговорной речи. Вместо них сейчас более употребительны эквивалентные трёхчленные словосочетания, основанные на примыкании: *taqriban panj nafar* *примерно пять человек*, *taqriban bist kārgar* *примерно двадцать рабочих*.

Модель «числительное + числительное»

Наиболее узкоспециализированный класс случаев артиклевой связи представляет собой модель «числительное + числительное». Она исполь-

зуется только для обозначения процентов. Например, *sad-i bist 20 процен-тов*. Эта модель по смыслу эквивалентна предложному словосоче-танию *bist dar sad* с тем же значением. Различаются оба варианта сти-листической окраской (артиклевый вариант звучит более архаично) и частотностью (артиклевый вариант встречается ощутимо реже). Коли-чество реализаций этой модели поддается точному исчислению: их ров-но 100. Сюда относятся 99 образований с количественными числитель-ными от 1 до 99 и сочетание со словом *sad-i čand* *несколько процентов*.

Общие свойства артиклевых словосочетаний

Семантически три модели артиклевых словосочетаний «существи-тельное + существительное», «существительное + числительное», «числительное + числительное» в наиболее общем виде имеют значе-ние партитивности, т.е. они обозначают часть чего-то. В них нейтра-лизуется главная функция артикля — указание на выделенность, по-скольку им невозможно противопоставить невыделенные образования (о выделенности см. [Рубинчик 1970, т. 2, с. 817; Рубинчик 2001, с. 119–125]). Поэтому в словосочетаниях такого типа артикль несет чисто связочную функцию. Причем в модели «числительное + числи-тельное» артикль присоединяется к количественному числительному, что в традиционных грамматиках обычно не отмечается.

Модель «существительное + прилагательное» передает атрибутив-ные значения. Здесь функция выделенности за артиклем сохраняется и сочетается со связочной. Поэтому, уточняя грамматическую термино-логию, следовало бы именовать артикль связочно-выделительным. Ка-ждому из артиклевых словосочетаний модели «существительное + прилагательное» можно поставить в соответствие невыделенное иза-фетное словосочетание. Партитивность в глубинном смысле возводи-ма к атрибутивным отношениям: распространяющий элемент указы-вает, к чему относится часть чего-то, чему она принадлежит.

Однажды начав употребляться в атрибутивно-связочной функции, артикль сохранил это свойство на длительный исторический период (с первых веков нашей эры до настоящего времени). Аналогичное разви-тие уже прошел изафетный показатель. Будучи на уровне древнепер-сидского языка относительным местоимением, вводящим придаточное определительное предложение, на среднеперсидском уровне он раз-вился в грамматический показатель. А в современных иранских язы-ках он обеспечивает подавляющее большинство атрибутивных связей в словосочетаниях.

Выше было сказано, что так называемые местоименные словосоче-тания нельзя признать таковыми, поскольку они не соответствуют тра-

диционным требованиям. Вводимый нами новый тип словосочетаний — словосочетания, основанные на артикле, — напротив, соответствует всем классическим критериям. Они состоят из главного и распространяющего слов, между которыми устанавливается подчинительная связь. Материальным носителем связи является артикль, который оформляет главное слово. Он занимает срединную позицию между главным и распространяющим словами. Связываемые слова являются знаменательными частями речи. Артиклевые словосочетания имеют номинативный характер и могут быть использованы в качестве заголовков. Они не вычленяются из предложений, а, наоборот, служат строительным материалом для построения предложений. Между членами словосочетаний не проходят синтаксические границы более высокого порядка, т.е. границы между составами подлежащего и сказуемого и т.п. (как это наблюдалось в случае местоименных словосочетаний). Необходимость артикля для связочной функции видна из того, что удаление (опущение) артикля приводит к аграмматизму — полному развалу словосочетания. При обычном, несвязочном употреблении артикля со значением единичности или неопределенности его опущение возможно, грамматических нарушений это не вызывает, меняется только семантика высказывания, например: **mard** *мужчина*, **mard-i** *какой-то мужчина*.

По не совсем понятным причинам (может быть, из-за отсутствия подобных образований в европейских языках) эта структура до сих пор не рассматривалась иранистами. Мы впервые указывали на существование этого типа словосочетаний в работах [Иванов 1995; Иванов 1996, с. 29]. Однако в то время мы получили вполне обоснованное замечание (в устной форме) от проф. Ю.А.Рубинчика, что на этот тип словосочетаний найдено слишком мало примеров, чтобы их можно было серьезно рассматривать как класс. В данной работе мы попытались восполнить этот пробел. Кроме того, здесь мы пересмотрели в целом всю ранее высказанную концепцию словосочетаний, основанных на артикле.

Нами составлена база данных, в которой содержатся примеры на этот тип словосочетаний в современных персидском и дари, а также их предках — средне- и новоперсидском языках. Всего в базе данных присутствует более сотни примеров. На данный момент нам не удалось обнаружить примеров артиклевых словосочетаний в современном таджикском языке.

Мы можем указать следующие подвиды структурно-семантических моделей артиклевых словосочетаний в персидском языке:

1. Существительное + прилагательное;
2. Существительное + существительное;
3. Существительное + числительное;
4. Числительное + числительное.

На вопрос, поставленный в заголовке статьи, «Существуют ли артиклевые словосочетания в персидском языке?» можно ответить так: «Пока еще существуют». Они более редки в современном персидском языке, чем три традиционно выделяемых типа словосочетаний с подчинительной связью — изафетные, предложные и основанные на примыкании. Редкость артиклевых словосочетаний сочетается с их более высокой стилистической и эстетической окраской. Можно сказать, что артиклевые словосочетания сверкают как жемчужины в обычном персидском тексте. Общая тенденция развития языка такова, что их употребление постепенно сходит на нет, и, возможно, будущие поколения станут воспринимать их только как архаизмы.

Литература

- Барулин 1988 — Барулин А.Н. К проблеме классификации русских композитов // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.
- Деххода 2001 — Деххода А.А. Электронная версия словаря. Тегеран, 2001.
- Иванов 1995 — Иванов В.Б. Границы слова и инкапсуляция в персидском, таджикском и дари // Вопросы языкознания. М., 1995, № 3.
- Иванов 1996 — Иванов В.Б. Вокализм и просодика в персидском языке и дари. М., 1996.
- Овчинникова 1971 — Овчинникова И.К. К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в персидском языке // Иранская филология. М., 1971.
- Островский 1994 — Островский Б.Я. Учебник языка дари. М., 1994.
- Пейсиков 1959 — Пейсиков Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
- Плунгян 2000 — Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Расторгуева 1952 — Расторгуева В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 1. Варабский говор таджикского языка. Вып. 2. Северные таджикские говоры полосы Шайдан–Ашт–Чуст–Кассансай. М., 1952.
- Расторгуева, Молчанова 2000 — Расторгуева В.С., Молчанова Е.К. Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Расторгуева, Эдельман 2000 — Расторгуева В.С., Эдельман Дж.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000.
- Рубинчик 1970 — Рубинчик Ю.А. (ред.) Персидско-русский словарь. М., 1970.
- Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Савельева 1965 — Савельева Л.В. Язык гуджарати. М., 1965.
- Талыбова 2002 — Талыбова С.Э. Копулятивные словосочетания в персидском языке. Канд. дис. М., 2002.
- Чунакова 1987 — Чунакова О.М. Книга деяний Ардашира сына Папака. М., 1987.

- Kent 1953 — *Kent R.G.* Old Persian. American Oriental Series. Vol. 33. American Oriental Society, New Haven, Connecticut, 1953
- Ladefoged 1996 — *Ladefoged Peter, Maddieson Ian.* The Sounds of the World's Languages. Blackwell Publishers, Padstow, Cornwall, Great Britain, 1996.
- Аболь-Гасеми 1994 — ابو القاسمی محسن. سازمان مطالعه و تدوین کتب علوم انسانی دانشگاهها (سمت) تهران، ۱۳۸۳
- Аболь-Гасеми 1999 — ابو القاسمی محسن. تاریخ مختصر زبان فارسی. کتابخانه طهوری، تهران، ۱۳۷۸
- Голестан 1998 — ابراهیم گلستان. با پسر م روی راه // داستان کوتاں ایران. هما، تهران، ۱۳۷۷

Русский язык в становлении общего лексико-терминологического фонда языков народов России

Лексика имеет особое значение для функционирования и развития языка. Она отражает реалии, помогает раскрыть их происхождение и отношение к ним в различные периоды истории.

Как отмечает выдающийся филолог нашей эпохи В.И.Абаев, ни один аспект языка не представляет такого широкого, можно сказать — общечеловеческого интереса, как лексика. Если фонетика и грамматика остаются в основном «внутренним» делом узкого круга специалистов, то нет никого, от начинающих лепетать младенцев до прославленных мудрецов, кто не задумывался бы над словами и их значениями. Таким образом, в процессе языкового развития лексика играет решающую роль.

Разные авторы по-разному понимают термин «языковое развитие» (или «развитие языка»). Иногда идентично воспринимаются такие понятия, как «эволюция языка», «прогресс языка», «языковое изменение», и т.п. Представляется, что в данном случае происходит некоторое смешение понятий.

Прежде всего необходимо разграничить «язык художественных произведений» и «язык науки» («научный язык»). В первом случае в основном приходится говорить *о степени таланта автора (литератора)*. Во втором — о языке научных трактатов, где предметом обсуждения наряду с вопросом о мастерстве автора является степень развитости самого языка. Язык научных исследований независимо от времени постоянно обогащается, что сказывается на его лексике и терминологии, которые одновременно определяют состояние как языка, так и самого общества — носителя этого языка.

Пополнение словаря любого языка происходит двумя основными способами: путем использования собственных возможностей для передачи новых понятий и путем заимствования лексем из других языков. В данном случае нас интересует второй способ. Тем не менее о первом также хочется сказать хотя бы вкратце, так как его значение еще в недалеком прошлом несколько преуменьшалось.

Думается, что пополнение лексики и терминологии любого языка активно стимулирует его развитие. И наоборот, игнорирование этого факта приводит к определенной стагнации в лексикообразующих процессах языка. К сожалению, мы можем констатировать подобное явление на примере самого русского языка, лексика и терминология которого за последнее десятилетие покрываются паутиной иностранных слов.

Что касается уравновешенного процесса усвоения иноязычных слов и терминов, то это вполне нормально и является основным следствием языкового контактирования. Заметим, что в разные исторические эпохи влияние одного из контактирующих языков на другой может быть значительно сильнее, чем обратное влияние.

Говоря о роли русского в развитии лексики других языков и становлении общего лексическо-терминологического фонда народов России, принципиально важно иметь в виду то обстоятельство, что сам русский язык в разные эпохи обогатился огромным количеством иноязычных слов.

Так, известно, что в русской лексико-терминологической системе значительное место занимают греко-латинские лексические элементы. Именно они придают ей современную научность и как бы вводят русскую терминосистему в европейский «терминологический клуб». Будучи усвоены в русском языке как непосредственно, так и через многие европейские языки, греко-латинизмы послужили базой для появления терминов в различных областях науки и техники.

Большие лексико-терминологические пласты современного русского языка заимствованы из других языков, в частности из близкородственных украинского и белорусского. Скажем, украинское происхождение имеют такие слова и термины, как: *кобзарь, хлебобоб, дояр, доярка, хата-лаборатория, вареники, бандура, галушки, косовица* (из украинского), *грабли, копна, жниво, бульба* (из белорусского), *янтарь, скирда, ковш, баланда, деготь, пакля* (из балтийских языков).

В разные исторические эпохи в русский язык вошло огромное количество слов из тюркских языков: *бархан, курган, буран, карагач, тут, шафран, урюк, алыча, изюм, сайгак, джейран, есаул, аксакал, хан, эмир, мулла, газават, адат, дервиш, гяур, арба, аркан, кишлак, шербет, амбра* и др. Очевидно, что через тюркское посредство заимствовались не только генетически тюркские элементы, но и арабские, а также иранские.

Тюркские и иранские языки послужили проводниками терминологической лексики, которую обычно называют арабо-исламской: *бисер, султан, холоп, эмир, шуба, казна, ладан, саван, бархат, визирь, бязь, бахрома, набат, газель, кинжал, яшма, кумач, кофе, фитиль, магазин, адат, халва, минарет, мечеть, шейх, муфтий* и др.

Следствием продолжительных русско-кавказских лингвокультурных контактов явилось образование в русском словаре обширного лексического пласта: *мацони, папаха, лаваш, бурка, абрек, сакля, кунак, чадра, чурек, тархун, тахта, лобио, чонгури, тамада* и др.

Замечено, что новые термины заимствуются вместе с понятиями, которые один народ перенимает у другого. В этом плане лексика и терминология играют роль зеркала, в котором отражаются процессы хозяйственных и культурных контактов различных народов.

Прежде чем перейти непосредственно к вопросу о роли русского языка в становлении общего лексико-терминологического фонда языков народов России, необходимо остановиться на проблеме «престижного потенциала», которым обычно обозначают «имидж» того или иного языка среди других. Именно «престижный потенциал» языка, отражающего социально-культурное соотношение самих контактирующих народов, определяет значительность заимствуемой лексики.

История показывает, что в различные эпохи наиболее бурно процветали культуры одних народов, получая широкое распространение у других. Соответственно широкое распространение получают и языки народов-гегемонов.

Об этом свидетельствует роль в мировой культуре средневековой латыни, которая была языком науки и культуры всей Европы. В других исторических обстоятельствах выдающуюся роль в развитии культур и языков многочисленных народов сыграл арабский язык, «престижный потенциал» которого держится на мощи «арабской волны» в эпоху раннего средневековья. Несмотря на утрату латинянами, греками и арабами былой мировой роли, влияние их языков продолжается и в более поздние эпохи. Такова специфика языка.

В новое время на мировую арену вышел и русский народ, национальная государственность которого своими истоками восходит к Киевской Руси, возникшей в IX в. в процессе консолидации восточнославянских племен. По существу, русский народ как таковой складывался в самую напряженную для Восточной Европы эпоху, что было связано с распространением татаро-монгольского нашествия.

Особо важную роль в становлении могущества русского народа сыграли постоянные миграционные процессы, которые происходили в средние века и стали особенно интенсивными в новое время. На протяжении XVIII в. в результате присоединения к России новых регионов уплотнялась и расширялась историко-этническая территория,

охватившая Южный Урал, Нижнее Поволжье, Причерноморье, Приазовье, Крым, Северный Кавказ, Кубань.

Весь ход предыдущей истории привел Русь к «золотому» XIX в., когда не только экономическое ее развитие, но и культурный расцвет приковал к себе внимание цивилизованного мира, интерес которого был закреплён и многократно вырос благодаря новым экономическим и научно-техническим достижениям нашей страны в XX в.

Немаловажное значение в этом имела и победа Советского Союза во Второй мировой войне, что привело к значительному расширению «зоны русского влияния» в мире. Не забудем и огромного значения, которое имели грандиозные успехи нашей страны в освоении космоса.

Вот вкратце тот исторический задел «престижного потенциала», который подготовил существенную роль русского языка, одного из шести официальных языков ООН, в языковой жизни современного мира, в лингвокультурном развитии народов России.

Немаловажную роль в укреплении «престижного потенциала» русского языка сыграл и демографический фактор. Речь идет о большом удельном весе русских в численности населения бывшего СССР, и в особенности Российской Федерации (81,5%) [1989 г.], а также об их расселенности по всей территории страны.

«Престижный потенциал» русского языка опирается на объективные историко-культурные факторы. Имеется в виду объем культурных достижений русского народа, послуживших притягательной силой для других народов. Наряду с этим существовали и некоторые субъективные процедуры, которые вели к несколько искусственному внедрению русского языка в языковое существование многонационального государства, каким был Советский Союз.

Наиболее значительным в этом плане следует считать так называемый «принцип минимальных расхождений», выдвинутый в 1959 г. на Всесоюзном совещании, посвященном вопросам разработки общегосударственно-политической, научно-технической, учебно-педагогической и лингвистической терминологии, а также улучшения и совершенствования орфографии и алфавитов литературных (письменных) языков народов СССР.

Указанный принцип предполагает из всех возможных путей решения конкретных вопросов терминотворчества отдавать предпочтение тому, который ведет к сближению терминосистем разных языков. При всем внешнем благообразии подобной постановки вопроса в конкретном его решении нередко предпринималась излишне политизированные шаги, действительно ведущие к «сближению», но нередко не учитывающие состояние каждого конкретного языка. К счастью, такие моменты не играли существенной роли в общем процессе терминотворчества.

Общий лексико-терминологический фонд языков нашей страны в общем складывался по законам общественного развития и под большим решающим влиянием русского языка. Общий фонд во многом представляет собой сумму влияний русского языка на другие языки. Поэтому целесообразно дать обзор основных результатов русско-национальных контактов.

Возьмем наиболее значительную генетическую группу тюркских языков, а из них татарский, на котором говорит самое большое количество людей (после русских) — примерно 6649 тыс. (1989 г.).

Многочисленные лексико-терминологические заимствования из русского языка в татарский принято делить на два пласта. В первом объединены лексемы, усвоенные татарами в более ранний период и бытующие в данном языке в полном соответствии с фонетическими нормами языка татар. К ним относятся такие слова, как: *самавыр* 'самовар', *пирук* 'пирог', *сут* 'суд', *сумала* 'смола', *урдир* 'ордер' и др.

Во второй, намного более многочисленный пласт лексем входят слова, усвоенные позднее (в основном в советское время). Эти такие слова, как *митинг*, *депутат*, *партия*, *конституция*, *совет*, *философия*, *либерал*, *вокзал*, *телефон*, *телеграф*, *цех*, *галстук* и др. Как правило, они сохраняют правописание языка-донора почти полностью.

В другом тюркском языке, чувашском, по свидетельству специалистов, почти 90% усвоенной из других языков лексики уже вошло в основной словарный фонд языка. При этом продолжается непрекращающийся спор о том, как оформлять русские заимствования. Например, одни специалисты предлагают без изменения воспринимать, скажем, такие слова-термины, как *кислород*, *водород*, *правительство*, *капитал*, *капиталист* и т.п. Другие считают целесообразным передавать эти и подобные понятия подобранными в самом чувашском языке словами.

Литературные языки народов Северного Кавказа (языки Дагестана, вайнахские, карачаево-балкарский, осетинский и др.), несмотря на их принадлежность к разным генетическим группам, испытывают почти одинаковое воздействие русского языка на процессы становления своих терминосистем. Народности полиэтнического Дагестана начали контактировать с русскими со времен Ивана Грозного и Петра Первого. Более постоянными эти контакты стали со второй половины XIX в. Независимо от политического характера русско-дагестанского взаимодействия с этих пор возрастает значение русского языка для процесса становления лексико-терминологических систем литературных языков народов края: аварского, лезгинского, табасаранского, лакского, кумыкского, даргинского.

Несмотря на наличие особенностей заимствования русских лексем в каждый из перечисленных языков, можно говорить об одинаковой

основе этих процессов. Так, большинством дагестанских языков еще в дореволюционный период усвоены такие слова, как *конфета, ведро, кирпич, генерал, солдат, газета, офицер* и т.п.

Отметим, что перечисленные и другие ранние заимствования на почве каждого языка-реципиента могли претерпевать изменения по-разному, в зависимости от их фонетико-грамматических закономерностей.

Для рассмотрения результатов русско-национальных языковых контактов генетические характеристики конкретных языков не имеют решающего значения. В данном случае важнее их социолингвистические параметры, среди которых наиболее значительным является давность литературных традиций, существующих на данном языке. В этом плане важно различать хотя бы двухчленное деление литературных языков — на *старописьменные* и *младописьменные*. Чем более длительна история письменности, тем, разумеется, и терминология более устойчива. Таким образом, можно утверждать, что обычно объем заимствованной из русского языка лексики и терминологии обратно пропорционален степени развитости терминосистемы каждого конкретного языка на собственной основе.

Из языков народов России к числу наиболее старописьменных относится татарский, который до XIX в. называли также «тюркским языком» или «турецким языком». Истоки терминотворчества на татарском языке специалисты относят к XI–XV вв. Однако наиболее интенсивно в Татарии терминотворчеством начали заниматься в эпоху Петра Первого, что привело к составлению русско-татарского разговорника известного деятеля татарской культуры Матвея Котельникова (1740 г.), а также составителя русско-татарского словаря С.Халфина (1785 г.).

Словарная и терминотворческая деятельность татарских специалистов продолжалась и в последующие столетия, но особенно интенсифицировалась после Октябрьской революции, когда она приобрела организованный и целенаправленный характер.

То же самое в известной мере можно сказать о чувашском языке, на котором также существуют довольно длительные письменные традиции. В 1769 г. была опубликована первая печатная грамматика под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка».

К числу языков с более длительными письменными традициями можно причислить и осетинский, который, однако, нередко попадает также в разряд «младописьменных». Известно, что первая попытка создать осетинскую письменность была сделана еще в 1798 г., когда на базе кириллицы выходит печатная книга «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» (катехизис). Что касается научно созданной письменности, то ее автором явился

выдающийся российский ученый, академик Андрей Шегрен, опубликовавший в 1844 г. «Осетинскую грамматику» (с осетинско-русским и русско-осетинским словарями). С тех пор письменность развивается на базе обоих диалектов — иронского и дигорского. Одновременно протекают процессы становления и формирования осетинской терминосистемы.

В осетинском, как и в татарском, чувашском, дагестанских и других языках, русские заимствования делят на две группы: дореволюционные и послереволюционные, которые, в большей или меньшей мере, адаптировались в фонетическом и морфологическом плане.

Языки народов отдельных регионов, независимо от их генетических характеристик, могут сближаться. Но это исключительно долгий процесс. Так, ученые говорят о существовании *балканского языкового союза*, образовавшегося благодаря многотысячелетнему взаимодействию генетически разных языков. Это сближение коснулось чуть ли не всех сторон соответствующих языков.

Принципиально другим представляется образование общего лексического фонда языков народов России, и даже шире — бывшего Союза ССР. В данном случае речь идет об их *лексическом взаимодействии*, которое опирается в основном на культурологическое контактирование их носителей.

Выполняя функцию непосредственного «спонсирования» своими лексико-терминологическими ресурсами, русский язык является проводником взаимовлияния самих национальных языков.

Важно еще отметить (вопреки мнению наших европоцентристов), что весь ход исторического развития русской культуры говорит о том, что ее нельзя назвать исключительно «европейской», так как она в известной мере и «азиатская». Об этом ярко свидетельствуют также данные языка, а именно лексики.

Как показывают исследования специалистов, русская лексика и ее терминология сложились в тесном взаимодействии культур народов Запада и Востока (да и сами российские народы, как и, кстати сказать, народы бывшего СССР, относятся как к Западу, так и к Востоку).

Русский язык не только усваивал лексические богатства языков народов, но и активно делился с ними своими собственными лексико-терминологическими ресурсами. Длительное время он был «мостом» между языками народов России и, шире, бывшего Союза ССР и в еще более широком масштабе — между народами Европы и Азии (Запада и Востока). Это в конечном счете дает основание утверждать, что лексика и терминология русского языка, как и сама русская (российская) культура, являются *евроазиатской (евразийской)*. И это один из важнейших факторов, обеспечивших роль русского языка в образовании общего лексико-терминологического фонда языков народов России.

Что касается самого *общего* фонда, то в специальной литературе встречается двоякое его понимание. В одном случае он сводится к интернациональной терминологии. В другом — под ним понимается значительно более широкий круг слов, включая лексические элементы, обозначающие понятия из области науки и техники, промышленности и сельского хозяйства, домашнего быта и культуры, собственные имена и др. Основанием для вхождения в общий лексический фонд народов России считается наличие данных словопонятий во всех языках народов страны. При этом не требуется абсолютного семантического или фомоморфологического однообразия. В каждом языке лексемы могут варьироваться орфоэпически или орфографически. В данном случае нам важно подчеркнуть значимость русского языка в становлении и укреплении указанного фонда.

При этом порой трудно разграничить собственно русские заимствования от тех, для которых русский язык явился лишь посредником. Тем не менее можно определить целый пласт «русизмов», закрепившихся в общем лексико-терминологическом фонде языков народов России.

Значительная часть лексики, заимствованной литературными языками и попавшей в их общий лексико-терминологический фонд, образует огромный пласт, получивший название «интернациональной лексики» или «интернациональной терминологии». Ее появление и формирование базируется на законах развития многонационального человеческого общества, одним из которых является постоянное (от эпохи к эпохе) усиление интеграционных процессов.

Эти процессы привели к появлению международного понятийного фонда, лингвистическое оформление которого в разные эпохи происходило разными путями. В древности и в средние века, например, интернационализации определенной терминологии способствовало изложение научных знаний на нескольких языках, которыми пользовались просвещенные люди разных национальностей. Различаясь по времени и регионам, это были, скажем, греческий, латинский, арабский, церковнославянский.

С конца XVIII в. языковые барьеры несколько усиливаются из-за того, что в научное и культурное общение вступают языки формирующихся наций. Некоторые ученые и мыслители ищут решение языковой проблемы на путях создания вспомогательных языков.

Как отмечает академик В.В.Виноградов, русский язык, в основном освоивший общий фонд интернациональной лексики европейских народов к началу XX в., перед Второй мировой войной располагал уже более чем ста тысячами интернациональных слов. Позднее мы наблюдаем постоянное пополнение русской терминологии интернационализмами, которые затем включаются в общий лексико-терминологи-

ческий фонд языков народов бывшего СССР, в особенности же в языки народов России. При этом русский язык выступает не просто в качестве механического передатчика международных слов и терминов. Терминопотоки подвергаются «специальной обработке» фономорфологическими средствами языка-посредника (т.е. русского). Целым терминологическим пластам, из какого бы языка они ни усваивались, в русском языке придается определенная «русская окраска», унифицирующая и систематизирующая их.

В подобной лексико-семантически адаптированной форме интернационализмы бытуют в русском языке и усваиваются другими литературными языками народов, укрепляя единство и монолитность общего фонда.

В заключение необходимо отметить, что интернационализмы, как и другие заимствования из русского языка, не оседают в национальных языках механически и в неизменной форме. В каждом языке заимствования могут подвергаться определенным фонетическим, семантическим и другим изменениям. Изучение этих процессов само по себе интересно. Но это уже другая тема.

Опыт составления специального словаря¹

Русские синологи начали заниматься составлением переводных словарей более века тому назад. Приоритет в создании китайско-русского словаря (1867 г.) принадлежит известному синологу XIX в. В.П.Васильеву, а в 1879 г. вышел в свет первый русско-китайский словарь, составленный П.С.Поповым. В 1888 г. появился капитальный труд (Полный китайско-русский словарь в 2 томах), начатый Палладием Кафаровым и доработанный после его смерти П.С.Поповым, которому за большую лексикографическую работу в 1890 г. было присвоено звание члена-корреспондента Петербургской академии наук. Затем разработкой словарей такого типа занимались русские (Д.А.Пешуров, А.Н.Хионин) и советские (В.М.Алексеев, В.С.Колоколов, И.М.Ошанин, Б.Г.Мудров, А.В.Котов и др.) китайеведы. Все они занимались общими словарями, основную часть которых составляла обиходная и общественно-политическая лексика. Специальная, в частности военная, лексика в них занимала незначительное место. Стремительное развитие военной науки и техники в начале XX в. диктовало необходимость создания специальных словарей, чтобы успешнее решать переводческие проблемы в этой области человеческой деятельности.

В 1910 г. в Пекине был опубликован труд штабс-капитана фон Шаренберг-Шолмера «Опыт краткого словаря военных и морских терминов и выражений, вошедших в современный китайский язык» (7000 лексических единиц). Это первый, по сути дела, двуязычный словарь китайской военной лексики, составленный на основе фонетического принципа расположения словарных статей. Помимо военных терминов словарь, как указывает автор в предисловии, включает «наиболее

¹ Кленин И.Д. Китайско-русский военный и технический словарь. М., 1985.

употребительные слова и выражения общего характера», которые занимают около половины его объема. Словарь снабжен таблицей ключевых знаков и рядом приложений.

В 1927 г. инструктор артиллерии при штабе маршала Чжан Цзолиня Е.В.Грегори выпустил в Мукдене «Словарь китайских военных терминов», включающий в себя 8384 лексические единицы. Составитель также заносил в словарь общепринятые в военной литературе выражения, чтобы «дать возможность русским китаеведам читать книги по всем отраслям военных знаний». В силу этого обстоятельства словарь, как и предыдущий, насыщен обиходной лексикой (около 70%). В него вошло много архаизмов: 'стрела', 'колчан', 'стрельба из лука' и т.д.

Словарь состоит из трех частей:

1) китайско-русского словаря; 2) ключевого указателя; 3) указателя русских слов, вошедших в словарь. Термины расположены в алфавитном порядке, для их транскрибирования используется система, разработанная Палладием Кафаровым.

В Советском Союзе более 60 лет тому назад был издан «Военный русско-китайский и китайско-русский словарь» В.Барк, который являлся приложением к военному русско-китайскому разговорнику того же автора. Данный труд был первым опытом составления в СССР специального словаря из области китайской военной терминологии. Он включает в себя около 5000 словарных единиц, 70% которых не имеют, строго говоря, никакого отношения к военной лексике. Так, например, на с. 159 из 34 лексических единиц 20 бытовых ('с каждым днем', 'одежда', 'потом', 'все', 'уже', 'стул', 'мнение', 'один раз', 'одноэтажный', 'раньше', 'прямо', 'единодушно', 'поворачивать', 'повестка дня', 'январь', 'одинаковый', 'кипеть', 'отпирать', 'заседание', 'увольнять'). Приблизительно такая же картина наблюдается во всем корпусе словаря.

Всем этим трем словарям присущи такие недостатки, как незначительный охват военной терминологии, большой удельный вес общепотребительной лексики, отсутствие системности в подаче языкового материала, смешение диахронного и синхронного подходов к составлению словаря.

В настоящее время они потеряли свою практическую ценность и представляют собой лишь хороший материал для фиксации семантических сдвигов в военной лексике и для выявления закономерностей ее развития.

В дальнейшем военная терминология частично включалась в китайско-русские словари литературного языка, но ее количество было явно недостаточным для удовлетворения растущих потребностей военных переводчиков.

Отсутствие полных двуязычных терминологических словарей оказывало отрицательное влияние на качество перевода на русский язык

не только официальных военных материалов, но и военно-художественной литературы. Так, например, в повести Лу Чжуго «В горах Шанганьлиня», выпущенной Воениздатом в 1975 г. (перевод П.Ф.Жарова), встречается довольно много смысловых и стилистических ошибок, связанных с отсутствием соответствующих военных терминов в общих китайско-русских словарях. Приведем несколько примеров: слово *zhǐdǎoyuán* переведено как 'инструктор (надо политрук)', *yóulínlián* — 'рота братских войск (соседняя рота)', *pàohuǒ zhǔnbèi* — 'огневая подготовка (артиллерийская подготовка)', *zhàomíngdàn* — 'осветительные снаряды (осветительные ракеты)', *bā'èr pǎijǐpàodàn* — 'снаряды к миномету 82 (мины к 82-мм миномету)' и т.д.

Вместе с тем данное обстоятельство снижало качество составления соответствующих учебных пособий и уровень подготовки специалистов по китайскому языку.

Все это послужило основанием для создания «Китайско-русского военного и технического словаря». При составлении словаря автор испытывал значительные трудности, обусловленные бедностью лексикографических источников, с одной стороны, и недостаточной работанностью теоретических проблем китайской лексикологии — с другой. Словарь фактически пришлось создавать заново, так как предшествующие толковые словари китайского литературного языка часто не успевали фиксировать изменения в семантике военных терминов. Так, например, в словаре «Цыхай» (Шанхай, 1979 г.) термин *zhàdàn* трактуется как 'снаряд' и 'ручная граната' (нет основного значения — 'бомба'), *zìmù pàodàn* — 'шрапнель' (нет нового значения — 'кассетный снаряд'), *zìdàn* — 'пуля', 'патрон' (не зафиксировано значение 'кассетный боевой элемент').

В основу словаря положена официальная военная терминология, взятая из различных уставов и наставлений. Автором расписан, кроме того, толковый словарь китайских военных терминов «Цзюньюн бяньхуй», изданный в Пекине в 1953 г. Военная терминология по новым видам вооружения и техники (оружие массового поражения, ракетно-ядерное и космическое оружие, инфракрасная и радиолокационная техника и т.п.) взята в основном из китайской военной периодики, которую автор расписывал в течение десятилетий, а также из книг, выпущенных издательством «Гофан Гунъе».

В словарь включено около 40 тыс. терминов и фразеологических сочетаний¹ по организации, боевому применению, боевой технике и вооружению всех видов ВС, родов войск и служб (70%), а также значительное количество технической терминологии (30%).

¹ Из них 35 000 в первом издании (1968 г.) и дополнительно 5000 — во втором (1985 г.)

Словарь построен по графической системе академика В.П.Васильева, профессора О.Розенберга, профессора В.С.Колоколова. Иероглифы даются в сокращенном варианте написания; в словаре представлены и полные варианты иероглифов с соответствующими ссылками на сокращенные.

В гнездах наиболее употребительных терминов даются словосочетания, в составе которых они чаще всего встречаются. Это позволяет частично использовать словарь для перевода с русского языка на китайский. Например, в гнезде термина *huǒlì* 'огонь' даются выражения 'открывать огонь', 'вызывать огонь', 'переносить огонь', 'прекращать огонь' и т.д.

Каждый иероглиф со своими сочетаниями составляет словарное гнездо. Значения отдельных иероглифов даются только в тех случаях, если они не утратили способность к самостоятельному функционированию. Многосложные термины размещаются в словаре по гнездовому иероглифу в порядке классификации последующих иероглифов по правому нижнему углу знака.

По соображениям увеличения полезного объема словаря редакция сочла излишним давать транскрипцию в словарных статьях. Для компенсации этого недостатка в конце словаря приводятся все встречающиеся в нем иероглифы с их чтением в современной китайской и традиционной русской транскрипции.

В конце словаря помещена теоретическая статья, где дается общая характеристика китайской военной лексики и анализируются ее основные особенности.

Из всего многообразия теоретических проблем, вставших перед автором при работе над словарем, наибольшую трудность представлял вопрос, касающийся принципов отбора словника и перевода безэквивалентной лексики¹.

Принципы отбора словника

Основу любого военного или научно-технического текста составляет нейтральная (общеупотребительная) лексика, а на долю специальной военно-технической терминологии приходится около 18% от общего количества слов и около 40% от знаменательных слов. Эти цифры говорят о большой трудности составления терминологического словаря: термины извлекаются, как руда из породы, из огромного количества нейтральной лексики.

В отличие от составителей предшествующих переводных ученых словарей автор взял в качестве основного критерия отбора словника

¹ Подробнее см.: «Перевод безэквивалентной лексики». М., 1999, № 2, с. 25–30.

включение в него только военной лексики (военные термины, их не-официальные эквиваленты и военные жаргонизмы) и технической терминологии.

За пределами словаря остается общеупотребительная лексика, которая составляет основу нормативных словарей литературного языка. Правда, в настоящее время часть военных терминов имеет широкую сферу распространения (*zhànzhēng* — 'война', *jūnguān* — 'офицер', *búqiāng* — 'винтовка', *jiānzhāng* — 'погон' и т.д.) и их можно в известной степени называть общеупотребительными, однако они сохраняют основной признак терминированной лексики (обозначают определенное понятие в военном деле) и поэтому по праву занимают место в словаре.

Словарь отражает современное состояние военной лексики, и по этой причине в него не включены устаревшие и вышедшие из употребления термины, хотя их можно встретить при работе со старыми военными материалами (*tiějiǎ jiànduì* — 'броненосный флот', *pèiguānyuán* — 'офицер, присутствующий на параде', *lùlù pàoduì* — 'полевая артиллерия', *lùjūn wěiyuán* — 'офицер для поручений' и т.д.)¹. В корпусе словаря можно встретить термины, применявшиеся на каком-то историческом этапе развития китайского языка, но лишь в том случае, если они приобрели новое значение, актуальное в настоящее время (*qiāng* — истор. 'копье', сейчас 'огнестрельное оружие калибром до 20 мм', *huǒjiàn* — 'огненная стрела', сейчас 'ракета', *bīngtuán* — 'регулярные войска и милиция', сейчас 'соединение'). Устаревшие значения современных терминов также не фиксируются, например, в терминах *qúnzidàn* — 'картечь', *jīguānpào* — 'авиационная пушка', *bīngyù* — 'военная служба' не даются архаические значения — 'шрапнель', 'колесный пулемет' и 'солдат'.

Важнейшая теоретическая проблема, непосредственно связанная с отбором словника, заключается в отграничении терминологических словосочетаний от свободных (первые включаются в словарь, вторые — нет).

Терминологические словосочетания (составные или многочленные термины) относятся к разряду устойчивых, несвободных словосочетаний. Они, по сути дела, являются эквивалентами сложных слов, от которых их отличает лишь отсутствие грамматической и фонетической цельнооформленности.

Что касается семантики, то терминологические сочетания, как и сложные слова, служат для выражения слитых, целостных понятий.

В функциональном плане основное отличие терминологических словосочетаний от свободных заключается в том, что они не образу-

¹ Примеры взяты из «Китайско-русского военного словаря» Шаренберга.

ются в каждом конкретном случае языковой коммуникации, а вводятся в речь в готовом виде.

Кроме того, все они имеют соответствующие дефиниции, закрепленные в уставах, наставлениях и толковых словарях военных терминов. Например, боевой порядок – группировка сил и средств, развернутая для ведения боя¹.

Именно поэтому в словарь включены составные термины: *zhànyǐ fāngyù* — ‘оперативная оборона’, *zhànshù fāngyù* — ‘тактическая оборона’, *huánxíng fāngyù* — ‘круговая оборона’, но туда не попали свободные словосочетания *kěkǎode fāngyù* — ‘надежная оборона’, *jiāngùde fāngyù* — ‘прочная оборона’ и др.

Следующий принцип, которым руководствовался автор при составлении словника, заключается в важности того или иного термина, особенно технического, в терминологической системе.

Принимая во внимание огромное количество техники, используемой сейчас в военном деле, и понимая невозможность вместить всю техническую терминологию в ограниченные рамки словаря, автор исходил из принципа помещения в словник названий основных, наиболее важных частей боевой техники и специальных машин различных родов войск. Например, в словаре можно найти названия таких частей и агрегатов танка, как *chētǐ* — ‘корпус танка’, *dònglì zhuāngzhì* — ‘силовая установка’, *chuándòng zhuāngzhì* — ‘силовая передача (передающее устройство)’, *xíngdòng bùfēn* — ‘ходовая часть’, *lǚdài* — ‘гусеница’, *zhǔlǐ héqì* — ‘главный фрикцион’, *zhǔdònglún* — ‘ведущее колесо’, *fūzhònglún* — ‘опорный каток’, *tuōdàilún* — ‘поддерживающий каток’ и др.

Кроме того, в словарь включены термины, отражающие специфику танка как боевой машины, т.е. названия таких частей и деталей, которых нет, скажем, у трактора или автомобиля: *pàotǎ* — ‘башня’, *chēnèi tōnghuàjī* — ‘танковое переговорное устройство’, *chēzhǎng xiǎotǎ* — ‘командирская башенка’, *fāngdàn bōli* — ‘пулестойкое стекло’, *liàowàngkǒng* — ‘смотровая щель’.

И напротив, во избежание излишней детализации из словарного гнезда на *qíu* были исключены, например, такие термины, как *qiúxíng-cháo* — ‘сферическое гнездо’, *qiúxíng zhǐjià* — ‘шаровая обойма’, *qiúxíng huómén* — ‘шарообразный клапан’, *qiúxíng zhóuchéng* — ‘сферический подшипник’ и др.

Терминология, связанная с устройством стрелкового, артиллерийского и другого вооружения, дается в полном объеме, так как именно она отражает военно-техническую направленность словаря. Так, в этом лексикографическом справочнике можно встретить трудные для пере-

¹ Словарь основных военных терминов. М., 1965, с. 29.

вода термины: *qiúxíngzuò* — 'шаровая пята (миномета)', *jītóu* — 'боевая личинка (затвора)', *jīlǐ* — 'остов затвора', *zhǔnxīng* — 'мушка', *sòngdànjī* — 'досылатель', *sòngdàn jīgān* — 'штанга досылателя'. В большинстве случаев эти термины даются с пометами или пояснениями, указывающими, к какому виду вооружения они относятся: *huízhuàn pàojià* — арт. 'поворотный лафет', *qiānyínhuná* — арт. 'шкворневая лапа', *pàowěi* — 'стабилизатор (мины)', *dànyì* — 'крыло (ракеты)'.

В военном деле, как и в других областях науки и техники, существует специфическая система понятий и предметов. В прямой зависимости от нее находится система наименований этих понятий и предметов. Всякое изменение в одном из звеньев такой системы, появление или выпадение термина, изменение его семантики неизбежно отражаются на других звеньях. В этом и заключается системность терминов, являющаяся одним из критериев создания отраслевого словаря. Она означает, что в словарь включаются целые микросистемы или семантические поля — «секторы лексики, объединенные отношениями параллелизма (синонимы), контраста (антонимы) и сопутствования (метонимические и синекдохические связи слов)»¹. Практически это выражается в том, что включение в словарь термина *wòshè* — 'стрельба лежа' автоматически влечет за собой помещение туда его противопоставлений: *lìshè* — 'стрельба стоя' и *guìshè* — 'стрельба с колена'.

Системность словаря нарушается также, если он содержит в себе название одной части целого и не содержит наименования другой. Скажем, есть *fāngxìàngduò* — 'руль направления', но нет *shēngjiàngduò* — 'руль высоты', есть *shuǐpíng āndìngmiàn* — 'горизонтальный стабилизатор', но нет *chuízhí āndìngmiàn* — 'вертикальный стабилизатор (киля)'.

Указанный выше критерий учитывается и при формировании словарного гнезда с глагольно-объектными словосочетаниями. Например, к главному термину — 'винтовка' — даются словосочетания *fēnjié bǔqiāng* и *jiéhé bǔqiāng* — 'разбирать и собирать винтовку', к термину *qīngjī* — 'затвор' соответственно *lākāi qīngjī* и *guānbǐ qīngjī* — 'открывать и закрывать затвор'.

Одной из особенностей китайской военной лексики является наличие значительного количества синонимов для обозначения одного и того же понятия или реалии; довольно часто применяются несколько различных по звучанию и написанию лексических единиц. Объективной предпосылкой возникновения в языке синонимических рядов служит наличие огромного количества признаков предмета, которые могут быть положены в основу его названия. Возьмем, например, си-

¹ Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967, с. 147.

нонимический ряд термина 'подкалиберный снаряд': *gāngxīndàn* — 'снаряд со стальным сердечником', *chuānjiǎdàn* — 'броневой снаряд', *fúhóngdàn* — 'двойной снаряд (сердечник и поддон)', *chāoyīnsùdàn* — 'снаряд со сверхзвуковой скоростью', *ruǎnké dān* — 'снаряд с мягкой оболочкой', *cíkǒu jīngdàn* — 'снаряд с меньшим калибром'.

Аналогичная картина наблюдается с неологизмом 'активная броня', который обозначает броню со слоем взрывчатого вещества для динамической защиты танка. Для передачи этой реалии в военных материалах используются такие термины, как *jījī zhuāngjiǎ* — 'активная броня', *fǎnyìng zhuāngjiǎ* — 'реактивная броня', *fújiā zhuāngjiǎ* — 'дополнительная броня', *bàozhàxìng zhuāngjiǎ* — 'взрывчатая броня'.

В результате унификации терминологии, которая проводится в Китае, один термин синонимического ряда получает статус официально (*chuānjiǎdàn* и *bàozhàxìng zhuāngjiǎ*), остальные становятся его неофициальными эквивалентами и также включаются в корпус словаря.

В современном китайском языке набирает силу процесс морфемной контракции, в результате которого образуются сложносокращенные слова. Они также находят свое отражение в словаре, причем в целях уменьшения объема в него заносится полная, развернутая форма составного термина и квадратными скобками обозначаются опускаемые компоненты: *zhèng [zhǐ] wěi [yuán]* — 'комиссар', *jūn [shì] wěi [yuán huì]* — 'военный совет', *zǒngcān [móubù]* — 'генеральный штаб', *háng [kōng] mǔ [jiàn]* — 'авианосец'. В том случае если первая морфема сложного термина опущена, то сокращение помещается в корпус словаря с необходимой пометой: сокр. *shèsù* от *fāshè sùsù* — 'скорострельность', *mínjīng* от *rénmín wǔzhuāng jīngchá* — 'Народная вооруженная милиция'.

Военной терминологии присуще стремление к точности. В силу этой причины в словарь включены различные лексические единицы, имеющие одинаковые первые компоненты. В словарной статье *xíngjūn* — 'марш; переход; поход' содержится 47 сложных терминов. Нетрудно заметить, что первый компонент переводится на русский язык не всегда одинаково: *xíngjūn jīngjiè* — 'походное охранение'; *xíngjūn túbiāo* — 'график марша (а не походный или маршевой график)'; *lùduàn* — 'участок маршрута'; *xíngjūn gùdìngqì* — 'балка крепления по-походному'; *xíngjūn diàozhǎngduì* — 'комендантская команда' и т.д.

На наш взгляд, такой подход к составлению двуязычного словаря обеспечивает системность подачи терминологии и помогает в какой-то степени предотвратить весьма распространенные в переводческой практике терминологические ошибки: *zhàndòu jìhuà* — 'боевой план (план боя)'; *xìjià pàobīng* — 'артиллерия на лошадиной (конной) тяге'; *dāngqián rènwù* — 'предстоящая (ближайшая) задача'; *xíngjūn*

jīngjiè — ‘маршевое (походное) охранение’; *pòhuài shèjī* — ‘разрушительный огонь (огонь на разрушение)’ и т.д.

В современной китайской прессе широко применяются названия ракет, самолетов и другой военной техники иностранных армий. Их перевод на русский язык представляет значительную трудность, ибо китайцы в отличие от русских прибегают в основном к транскрибированию, а не к калькированию. Поэтому для правильного понимания необходимо знать их буквальное значение, причем некоторые названия уходят своими корнями в мифологию Древнего Рима, Греции и других стран. Например, *huǒshén hōngzhājī* — ‘бомбардировщик «Вулкан» (Бог огня)’, *dàlishén dàodàn* — ‘ракета «Титан» (Дух большой силы)’, *léishén dàodàn* — ‘ракета «Тор» (Бог грома)’. В силу этого обстоятельства в словаре можно найти наименования американских ракет: *zhànfū* — «Томагавк» (‘боевой топор’), *sānchājī* — «Трайидент» (‘трезубец’), *běijīxīng* — «Полярис» (‘Полярная звезда’), английских бомбардировщиков: *shènglǐzhe* — «Виктор» (‘победитель’), *dàshǐ* — «Амбассадор» (‘посол’) и др.

В словаре нашли отражение военные жаргонизмы — эмоционально окрашенные бытовые слова, применяемые для обозначения военных реалий и понятий. В них отражается субъективное отношение говорящего к предмету или понятию, уже имеющему для своего обозначения широко известный, официально принятый термин. В основе употребления бытовых слов в качестве военных жаргонизмов лежит установление какого-либо сходства между соответствующими предметами. Например, *tiědàn* — ‘ручная граната (железное яйцо)’, *huāshēngmǐ* — ‘пуля (арахис, земляной орех)’, *bīngtóu guānwěi* — ‘старшина (голова солдат, хвост офицеров)’, *guǎfū* и *diàosìguǐ* — ‘самолет-корректировщик (вдова и повесившийся черт)’ и другие.

Принимая во внимание, что специальный словарь содержит много специфической лексики, не очень понятной для широкого круга читателей и даже для самих специалистов, он в большей степени, чем общий переводной словарь, нуждается в системе помет и конкретизации значения отдельных терминов. Так, в словаре пометы арт., ав., ксм. и ркт. указывают, что выделяемые термины обозначают понятия и реалии в артиллерии, авиации, космосе и ракетном оружии. Или термин *zàidànliàng* переводится ‘бомбовая нагрузка (бомбардировщика), боевая загрузка (вертолета)’, *pánhuáng* — ‘заводная пружина (дискового магазина)’, *diǎnhuǒ shìyàn* — ‘огневое испытание (двигателя)’ и т.д.

В словарь включено около 300 наиболее употребительных японских терминов, снабженных специальной пометой. Это дает возможность правильно понимать и переводить китайские материалы, где идет речь о ВС Японии (китайская пресса обычно не заменяет исконными эквивалентами японские термины по организации ВС).

Не так давно вышел в свет «Русско-китайский военный и технический словарь»¹, включающий в себя около 40 000 терминов и словосочетаний. В его основу положены описанные принципы отбора словника. Таким образом, китайский первым из восточных языков стал располагать полными военными словарями, изданными в России.

Подводя итоги изложенному выше, автор надеется, что его опыт окажет помощь составителям специальных словарей по различным областям человеческой деятельности.

¹ Кленин И.Д., Надточенко Б.Я. Русско-китайский военный и технический словарь. М., 2001.

О грамматических категориях фразеологизмов

Одной из замечательных особенностей персидского языка является тот факт, что целый ряд понятий может быть выражен только при помощи фразеологических единиц (ФЕ). Иранский исследователь М.Р.Батени приводит такой пример: для образования термина «поляризовать» современный персидский язык использует глагольный фразеологизм *gotbi kardan* (букв. ‘делать полюсным’). Хотя словообразовательные средства языка и позволяют образовать глагол *gotbidan* ‘поляризовать’, этот глагол в языке не употребляется. Понятие ‘показывать по телевидению’ выражается по-персидски устойчивым словосочетанием *az televizyon paxš kardan* (букв. ‘распространять с телевидения’), в то время как в других языках (английском, французском, арабском) оно передается одним глаголом [Батени 1371, с. 29]. Таким образом, для передачи новых понятий фразеологизация используется в персидском языке гораздо чаще, чем словообразовательные средства. Большинство действий выражается глагольными фразеологизмами (ГФ), в то время как простых глаголов в языке крайне мало (по оценке иранского лингвиста П.Н.Ханляри, примерно 300 [Ханляри 1349, с. 13]).

Следует оговориться, что такие словосочетания, как *ālude kardan* ‘грязнить’ (букв. ‘делать грязным’) или *estexrāj kardan* ‘добывать’ (букв. ‘делать добычу’), рассматриваются как фразеологизмы только в соответствии с «широким» подходом к фразеологии. Согласно этому подходу, фразеологизмами являются не только те словосочетания, компоненты которых подверглись полному переосмыслению, но также и сохранившие значение, при условии их устойчивости.

Сторонники «узкого» подхода к объему фразеологии, не считая подобные словосочетания фразеологизмами, все же рассматривают их

как «аналитические лексические единицы, выступающие в роли эквивалента слова». Так, З.Н.Левит, работавший на материале французского языка, относит к эквивалентам слов такие образования, как *avoir soif* 'жаждать' (букв. 'иметь жажду'), *avoir faim* 'голодать' (букв. 'иметь голод'), *avoir froid* 'мёрзнуть' (букв. 'иметь холод'). Иначе говоря, формирование таких единиц рассматривается как один из видов словообразования [Левит 1969, с. 59]. Подобные конструкции существуют и в русском языке, например 'осуществлять контроль' (эквивалент — 'контролировать').

Таким образом, лингвисты, придерживающиеся разных взглядов на объем фразеологии, признают, что фразеологические словосочетания выступают как полные эквиваленты слова, принимая все его свойства и характеристики, в том числе и грамматические. Наделенные грамматическими характеристиками слова ФЕ неизбежно вступают во взаимодействие с грамматическими классами слов — частями речи. Среди фразеологизмов выделяются группы ФЕ, обладающие грамматическими признаками существительных, прилагательных, глаголов. Существует группа ФЕ, семантически и синтаксически близкая наречиям, например: *be towr-e kolli* 'в общем', *har çe bištar* 'как можно больше'. Отдельную группу составляют ФЕ — эквиваленты местоимений, например: *in jâneb* 'я' (букв. 'эта сторона'), *jenâb-e âli* 'Вы' (букв. 'высокая сторона').

Эквивалентность фразеологизмов словам наиболее наглядна на примере двучленных глагольных фразеологизмов, традиционно называемых сложными глаголами (СГ) и состоящих из именной части (ИЧ) и компонирующего глагола (КГ). Их особенностью является семантическое единство и обладание всеми грамматическими свойствами глаголов. Самостоятельность сложных глаголов подтверждается, в частности, тем, что СГ имеет свое собственное управление, не связанное с управлением компонирующего глагола. Например, сложный глагол *estefâde kardan* 'использовать' образован при помощи именной части — *estefâde* 'использование' и компонирующего глагола *kardan* 'делать'. Он имеет управление с предлогом *az* 'от', 'из', однако компонирующий глагол *kardan* 'делать' никогда не управляется при помощи этого предлога.

Происхождение такого управления объясняется этимологией именной части СГ. Слово, выступающее в качестве именной части, — *-estefâde* 'использование' имеет арабское происхождение. Это масдар десятой породы арабского корня *fa'da* (*fiyd-un* 'быть полезным'). В арабском языке глагол *'istafâda* 'извлекать пользу (из чего-либо)', 'использовать' имеет управление с предлогом *min* 'от', 'из'. Таким образом, управление глагольного фразеологизма *estefâde kardan az çiz-i* 'использовать что-либо' оказывается калькированным с управле-

ния арабского глагола, исходного для именной части СГ. Когда существительное *estefāde* ‘использование’ фигурирует в тексте независимо, оно также употребляется с предлогом *az* ‘от’.

Анализ большого числа примеров позволяет заключить, что управление СГ, по-видимому, определяется валентностью (сочетаемостью с предлогами) именной части. При этом управление сложных глаголов, именная часть которых представляет собой арабское заимствование, не всегда определяется арабским оригиналом. Например, СГ *defā' kardan* ‘защищать что-либо/кого-либо’ также управляется с помощью предлога *az* ‘от’. Именная часть этого фразеологизма выражается арабским словом *defā* ‘защита’, однако арабский глагол *dāfa'a* ‘защищать кого-либо’ управляется при помощи предлога *in* ‘с’.

Наиболее очевидна соотнесенность со словом фразеологизмов, построенных по определенным *фразеологическим моделям*. Согласно определению фразеологической модели, данному Ю.А.Рубинчиком, «к именным моделированным образованиям относятся такие устойчивые словосочетания, которые строятся по строго определенным структурно-семантическим моделям ограниченного характера» [Рубинчик 1981, с. 102]. Моделированные фразеологизмы состоят из постоянных и переменных компонентов. Фразеологическая модель включает в себя также способ синтаксической связи, которым моделирующий компонент присоединяет к себе переменные компоненты, и определенное фразеологическое значение. Значение фразеологизмов, образованных по той или иной модели, выводится из значения модели и лексического значения переменных компонентов. Сложные глаголы также являются моделированными ФЕ, постоянный компонент которых — компонирующий глагол.

Среди калек и заимствований устойчивые словосочетания арабского происхождения занимают особое место. По данным А.С.Жесткова, более 50% лексического состава персидского языка приходится на арабские заимствования. Встречаются также фразеологические кальки с западноевропейских языков, передаваемые с помощью лексических единиц, заимствованных из арабского языка. В качестве примера приведем устойчивое словосочетание *xatt-e towlid* ‘конвейер’, ‘производство’ (букв. ‘линия производства’), калькированное с английского *production line* [Жестков 1988, с. 10].

Помимо заимствований отдельных фразеологических единиц наблюдаются заимствования целых фразеологических моделей. При этом значения арабских элементов в составе моделей, как правило, подвергаются определенной трансформации. Например, слово *ahl*, имеющее словарное значение ‘житель’, ‘обитатель’, в составе модели *ahl* + *имя* приобретает значение ‘представитель’ или ‘представители (определенной группы)’, а также ‘деятель’ или ‘деятели’: *ahl-e honar*

‘деятель искусства’ или ‘деятели искусства’, *ahl-e bāzār* ‘представитель базара’ или ‘представители базара’, ‘торговец’ или ‘торговцы’. В качестве переменных компонентов в составе заимствованных моделей могут использоваться как слова арабского происхождения, так и чисто персидские слова.

Персидская модель *ahl* + *имя* происходит от арабской фразеологической модели *'ahl-u* + *имя*. По этой модели образуются такие устойчивые словосочетания, как *'ahl-ul-bidāwa-ti* ‘бедуины’, ‘жители пустыни’, *'ahl-ul-asfār-i* ‘путешественники’, *'ahl-ul-'ilm-i* ‘ученые’ и т.п. При заимствовании модели арабская идафная конструкция заменяется персидской изафетной связью: *ahl-e elm* ‘ученый’, ‘ученые’. Категория числа у таких фразеологизмов под влиянием арабского языка имеет свои особенности: такие фразеологизмы употребляются как в значении единственного, так и в значении множественного числа, не меняя при этом формы. Для выделения одного объекта из группы в арабском языке иногда прибавляют предлог *min* ‘из’, например: *min-a-hl-il-'ilm-i* букв. ‘из ученых’, т.е. ‘ученый’. В персидском языке единичное или множественное определяется только из контекста. Встречаются случаи употребления моделирующего компонента *ahl* в форме множественного числа: *ahāli-ye farhang-o honar* ‘деятели культуры и искусства’, однако такие случаи весьма редки.

Разные фразеологические модели могут обладать как сходными, так и противоположными значениями, т.е. имеет смысл говорить о синонимичных и антонимичных моделях. Например, модель *arbāb-e* + *имя* имеет значение, сходное с моделью *ahl-e* + *имя*: *arbāb-e tavāriḫ* ‘историки’ (букв. ‘хозяева истории’), *arbāb-e majallehā* ‘журналисты’ (букв. ‘хозяева журналов’). Синонимичные модели могут различаться частотностью. В данном случае модель *ahl-e* + *имя* более употребительна.

В качестве примера антонимичных моделей приведем такие, как *hosn-e* + *имя* ‘наилучшая форма объекта N’ и *su'-e* + *имя* ‘злонамеренное использование объекта N’. Модель *hosn-e* + *имя* — ‘наилучшая форма объекта N’ (где N — значение переменного компонента) включает в себя постоянный компонент *hosn* ‘красота’ и переменный компонент, выраженный существительным и присоединяемый к постоянному при помощи изафета. Такие модели могут образовывать антонимичные ФЕ с одними и теми же переменными компонентами: ср. *hosn-e zann* ‘высокое мнение’ (букв. ‘красота мнения’) и *su'-e zann* ‘подозрение’, ‘плохое мнение’ (букв. ‘зло мнения’). Обе модели, как *hosn-e* + *имя*, так и *su'-e* + *имя*, калькированы с соответствующих арабских моделей. Персидские моделированные ФЕ *su'-e zann* ‘недоброжелательность’ (букв. ‘зло мнения’), *su'-e taqziye* ‘плохое питание’

(букв. 'зло питания') происходят от аналогичных арабских фразеологизмов, практически не отличающихся от них по составу.

В то же время иногда персидские ФЕ, калькированные с арабских, несколько отличаются по значению, подвергаясь переосмыслению. Например, персидский фразеологизм *su'-e qasd* букв. 'зло цели' означает 'покушение', а соответствующий арабский *su'-ul-qasd-i* — 'плохое намерение'. Обратим внимание на то, что буквальные значения персидской и арабской ФЕ совпадают, но значение персидского фразеологизма *su'-e qasd* немотивированно, так как оно не выводится из значения модели и значения переменного компонента.

ФЕ, выражающие субстантивные значения, иногда получают грамматические показатели существительных, например употребляются с персидскими суффиксами множественного числа *hā*: *su'-e estefādehā-ye māli* 'финансовые злоупотребления'. Показатель множественного числа получает вся моделированная ФЕ, и суффикс относится ко всему фразеологизму в целом, а не к какому-либо из его компонентов. Компоненты данного словосочетания имеют изафетную связь (*su'-e estefāde*)*hā-ye māli*, предполагающую два уровня. Первый изафет связывает компоненты фразеологического словосочетания, а второй — все словосочетание в целом с определением. Второй изафет относится не к последнему компоненту ФЕ, а ко всему фразеологизму. Таким образом, ФЕ образует синтаксические связи со словами как единое целое, а ее внутренняя синтаксическая структура уходит на второй план.

Не всегда можно четко провести границу между фразеологизмами и лексикализированными словосочетаниями. Например, такие объекты, как *ru-be-rāh* 'готовый' (букв. 'лицо в путь') или *pā-dar-havā* 'неустойчивый' (букв. 'нога на воздухе'), традиционно считаются лексикализированными словосочетаниями, превратившимися в сложные слова. Однако в определенных случаях они сохраняют свойства словосочетаний. Компоненты этих сочетаний могут получать грамматические признаки тех частей речи, к которым они относятся, например выделительный артикль, характерный для существительных: *pā-yi dar-havā*. Возможно, придется допустить, что одна и та же единица может выступать и как сложное слово, и как устойчивое словосочетание.

Одним из грамматических признаков, свидетельствующих о тесной соотнесенности ФЕ с прилагательными, является способность фразеологизмов образовывать степени сравнения. Этим свойством, в частности, обладают ФЕ, принадлежащие модели *qābel-e* + имя. В предложении такие словосочетания функционируют точно так же, как и обычные слова-прилагательные: *Bioteknoloži qābel-e en'etāfir va qavitar šode* 'Биотехнология стала более гибкой и более мощной...'.¹

Формально суффикс сравнительной степени *-tar* стоит при переменном компоненте, выраженном существительным *en'etāf* 'гибкость', однако фактически суффикс присоединяется ко всему фразеологическому словосочетанию. Конструкция *en'etāftar* вне фразеологического сочетания в персидском языке недопустима, поэтому возможность построения конструкций типа *qābel-e en'etāftar* наглядно демонстрирует, что ФЕ *qābel-e en'etāf* эквивалентна слову. Однако при этом данное фразеологическое сочетание не лексикализируется, т.е. не превращается в сложное слово, на что указывает наличие изафета. Аналогичным образом превосходная степень образуется от других ФЕ-прилагательных: *qābel-e etminān* 'надежный' (букв. 'достойный доверия') — *qābel-e etmināntar* 'надежнее' — *qābel-e etmināntarin* 'самый надежный', *qābel-e fahmtar* 'более понятный', *qābel-e dastrasitar* 'более достигаемый', *qābel-e ehterāmtar* 'более достойный уважения'.

Выделяются также фразеологизмы, выполняющие функции наречий. В «Грамматике современного персидского литературного языка» Ю.А.Рубинчика выделяется специальный раздел, посвященный наречиям — фразеологическим сочетаниям [Рубинчик 2001, с. 299–301]. По поводу выделения самого класса наречий в персидском языке существуют разные точки зрения. Например, А.К.Арендс вообще отрицал наличие наречий иранского происхождения, признавая наречиями только арабские заимствования в виде застывших косвенных падежей (*dāeman* 'постоянно', *ehtemālan* 'случайно'), поскольку других формальных грамматических признаков для них не существует [Арендс 1941, с. 73].

ФЕ-наречия могут быть как моделированными, так и немоделированными. К наиболее распространенным моделям относятся такие, как *be towr-e + имя* — 'способом N', 'образом N', *be nahv-e + имя* — 'способом N', 'образом N', *be qadr-e + имя* — 'по мере N', 'в степени N', *har če + прилагательное в сравнительной степени* — 'как можно N'.

Переменные компоненты наречных моделей чаще всего выражаются именем прилагательным: *anjām-e takālif-e darsi be towr-e mostaqel* 'выполнение учебных обязанностей добровольно' (в качестве переменного компонента слово *mostaqel* 'добровольный', 'независимый'). Значение данного фразеологизма мотивированно, так как оно выводится из значений модели и переменного компонента.

Иногда значение переменного компонента не позволяет точно определить значение всего фразеологизма: *Hamin fard dar yek bimārestān-e digar be towr-e sarpāyi moddāvā šode-ast* 'Этот же человек вылечился в одной из больниц амбулаторно'. Переменный компонент в приведенном примере выражен словом *sarpāyi* 'ходячий'. В этом же значении слово употребляется в устойчивом словосочетании *bimār-e sarpāyi* 'ходячий больной'. Таким образом, буквальное значение фра-

зеологизма — ‘ходячим способом’ не дает однозначного понимания фразеологизма в целом.

Помимо наречий еще одним классом, не имеющим специальных морфологических показателей, являются местоимения. Сама необходимость выделения класса местоимений подвергается сомнению некоторыми лингвистами. Тем не менее в персидском языке можно выделить группу ФЕ, являющихся вежливыми эквивалентами личных местоимений. К ней относятся следующие фразеологизмы: вежливый эквивалент местоимения 1-го лица единственного числа *man* ‘я’ — *in jāneb* букв. ‘эта сторона’, вежливые эквиваленты местоимения 2-го лица единственного числа *šomā* ‘Вы’ — *ān jāneb* букв. ‘та сторона’, *sarkār-e āli* букв. ‘высокий начальник’, *jenāb-e āli* букв. ‘высокая сторона’.

Употребление ФЕ — вежливых эквивалентов местоимений, как правило, характерно для высокопарной речи. Иногда такие эквиваленты применяются в пародии для создания комического эффекта: *Manzur-e šomā mafhum-e in dāi gardid*. ‘Ваши слова достигли моего понимания’ (Джамальзаде, Сладкозвучный персидский язык). В приведенном предложении в качестве эквивалента местоимения ‘я’ употребляется словосочетание *in dāi*, букв. ‘этот молящийся’ (эквивалент местоимения ‘я’ *dāi-ye šomā*, букв. ‘молящийся за Вас’, характерен для эпистолярного стиля).

В заключение следует отметить, что с частями речи соотносятся ФЕ, получающие соответствующие грамматические показатели, а также выполняющие функции тех или иных частей речи в предложении. В то же время вопрос о том, насколько правомерно говорить о принадлежности фразеологизмов к частям речи, остается открытым. Дело в том, что фразеологизмы представляют собой словосочетания, а части речи — это, по определению, классы слов. Двучленные глагольные фразеологизмы (сложные глаголы) обнаруживают все грамматические свойства глаголов. Моделированные ФЕ-прилагательные также приобретают некоторые характерные для прилагательных грамматические свойства. Немоделированные ФЕ-существительные имеют склонность к лексикализации: в этом случае, превращаясь в сложное слово, они принимают грамматические свойства существительных. Однако ряд фразеологизмов соотносится с частями речи в основном на основании семантических признаков.

Литература

- Арендс 1941 — *Арендс А.К.* Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.—Л., 1941.
Жестков 1988 — *Жестков А.С.* Арабские заимствования в лексическом составе персидского языка. Автореф. канд. дис. М., 1988.

- Жуков 1967 — Жуков В.П. Фразеологизм и слово (на материале современного русского языка). Л., 1967.
- Левит 1965 — Левит З.Н. К проблеме изучения составных частей фразеологических эквивалентов слова. — Филологические науки. 1965, № 2.
- Левит 1969 — Левит З.Н. Очерки по лексикологии современного французского языка. Для институтов и факультетов иностранного языка. М., 1969.
- Рубинчик 1981 — Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
- Рубинчик 1985 — Рубинчик Ю.А. Грамматический очерк персидского языка. — Персидско-русский словарь в двух томах под редакцией Ю.А.Рубинчика. 3-е изд., стереотипное. Т. 2. М., 1985.
- Батени 1371 — *Mohammad-Rezā Bāteni. Fārsi zabān-e aqim? Majmu'e-ye maqālāt "Pirāmun-e zabān va zabānšenāsi"*. Tehrān, 1371.
- Ханляри 1349 — *Parviz-Nātel Xanlari. Tārix-e zabān-e fārsi. Jeld-e dovvom. Saxtemān-e fe'l*. Tehrān, 1349.

«Новая романизация» корейского языка: ожидания и реалии*

С августа 2000 г. в Республике Корея официально была введена система латинской транскрипции корейского языка, известная под названием «новая романизация» (New Romanization System for the Korean Language). Проект этой системы разрабатывался на протяжении нескольких лет Национальной академией корейского языка (Куннип куго ёнгуwon), и 4 июля 2000 г. ее окончательный вариант был утвержден Министерством культуры и туризма Республики Корея. Новая система признается ее творцами — Академией корейского языка и ее приверженцами как наилучшая из существующих. Обсуждение этого проекта во время его подготовки велось на страницах научной и пе-

* Как специалист по корейской фонетике и письменности, я занимаюсь проблемами транскрипции более 40 лет и являюсь автором практической транскрипции корейских слов в русском языке, известной под названием «транскрипция Холодовича — Концевича» и принятой в научных и энциклопедических изданиях на русском языке, а также в российской картографии начиная с 60-х годов прошлого века. Мною были разработаны правила передачи корейских имен, названий и терминов и в изданиях серии «Памятники письменности Востока» (М.: ГРВЛ издательства «Наука», 1966), причем эти правила различались в зависимости от типа памятников: 1) на *ханмуне* (корейизированном китайском *вэньяне*), 2) на корейском алфавите (ранний период — XV–XVI вв.), 3) на смешанной китайско-корейской графике (XVII–XX вв.). Кроме того, в 1982–1990 гг. как эксперт от нашей страны я участвовал в разработке Международного проекта транслитерации корейского письма латинскими буквами в Комитете 46 (ISO TC 46/SC2) Международной организации по стандартизации (ИСО). В книге «Корееведение. Избранные труды» (М.: «Муравей-Гайд», 2001) я поместил большой раздел, посвященный корейской ономастике в связи с проблемами транскрипции и транскрипционной орфографии. В 2002 г. вышел подготовленный мною свод рекомендаций по транскрипции китайских слов — «Китайские имена собственные и термины в русском тексте. Пособие по транскрипции» (М.: «Муравей», 2002).

риодической печати. Были высказаны серьезные возражения по поводу его сути и последствий, причем со стороны англоязычных авторов (ученых, журналистов и др.). Я тоже выступал с конкретными замечаниями по существу проекта^{**}. В статьях и откликах зарубежных специалистов по Корее преобладала негативная оценка этого проекта. Однако разработчики остались глухи ко всем разумным доводам оппонентов и, по сути, оставили в силе свой первоначальный проект.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой системы, которой, к сожалению, теперь вынуждены пользоваться все, хотелось бы высказать несколько вводных замечаний.

Разработкой транскрипции занимается особая область прикладного языкознания, связанная с языковой интерференцией и изучающая вопросы взаимоотношения языка и письменности в родной и инородной среде.

Расхождения в написаниях иноязычных имен собственных и терминов возникают в силу ряда объективных и субъективных причин:

1) Несходство звукового строя и состава фонем в двух языках (в данном случае имеются в виду корейский и английский, поскольку речь здесь идет главным образом о латинской системе транскрипции): а) разное число фонем в каждом из языков; б) определенный набор фонем и их дистрибуций в одном языке, не имеющий соответствий в другом; в) различие в артикуляции сходных согласных или гласных в обоих языках. Например, в корейском языке 40 основных звуковых единиц и столько же букв в корейском алфавите (19 согласных и 21 гласная, среди них — 11 дифтонгоидов), а в английском языке — 45 фонем (из них — 24 согласные и 21 гласная, среди них 9 дифтонгов), которые передаются 27 латинскими буквами. Каждый из языков обладает специфическими звуками и своей системой дистрибуции различительных признаков.

2) Несовпадение письменных систем: в корейском алфавите 40 букв (24 основные буквы и 16 диграфов) — для передачи 40 основных звуков, в то время как в латинском алфавите 27 букв передают 45 фо-

^{**} Мною был отправлен в Национальную академию корейского языка подробный письменный отзыв с негативной оценкой на анкету, полученную от Академии. Было опубликовано также несколько статей. Причем одна из них в центральной южнокорейской газете на английском языке "Korea Times" (25.09.1998) под названием "New 'Romanization' System Can Lead to Confusion", другая — на корейском и русском языках — под названием «Проблемы транскрипции корейского языка в России и за рубежом» в журнале «Корус Форум» (2002, № 4). По проблемам транскрипции мне пришлось также выступать на корееведческих конференциях в Москве (на 4-й научной конференции корееведов «Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность», состоявшейся в Институте Дальнего Востока в марте 2000 г.) и во Владивостоке (на Международной научной конференции «100 лет корееведения в ДВГУ», организованной Высшим колледжем корееведения ДВГУ в октябре 2000 г.).

нем. На первый взгляд в корейском письме букв вроде бы много, но они приспособлены в основном для передачи звуков родного языка, а букв для транскрибирования звуков других языков недостает: например, в корейском письме нет букв для английских [f], [v], [z], [ʃ], межзубных звуков [ð] и [θ], передаваемых буквосочетанием **th**, начальных [ɾ] или [l] и др. В латинице, наоборот, букв мало, поэтому приходится прибегать к сочетаниям из двух и более букв или диакритическим знакам для передачи отсутствующих звуков чужого языка, а также использовать апостроф или дефис для обозначения границ слога.

3) Письменные системы двух рассматриваемых языков построены на совершенно разных принципах. В основе корейского письма лежит буквенно-слоговой принцип, при котором начальный согласный, средний или начальный гласный и конечный согласный объединяются по горизонтали и вертикали в слог, в пространственном плане напоминающий китайский иероглиф. Латиница же — линейная (побуквенная) система письма. Кроме того, если в корейском письме недопустимы сочетания двух и более согласных в начале и конце слога и больше двух в середине слова, то в английском они, по сути, безграничны и регулируются только правилами орфографии.

4) Неодинаковая трактовка природы согласных и гласных в каждом языке. Например, одни ученые считают корейские начальные [k], [t], [p], [ɕ] полувзвонками, другие — слабыми глухими непродыхательными, а корейские интенсивные согласные [kʰ], [tʰ], [pʰ], [ɕʰ] — удвоенными согласными (геминатами) [kk], [tt], [pp], [tch] или гортанновзрывными [kʼ], [tʼ], [pʼ], [ɕʼ] и т.п.

5) Различие в восприятии фонетической природы отдельных звуков и передающих их букв носителями другого языка. Латиницей пользуются многие народы мира, и воспринимают они латинские буквы, естественно, не так, как англоязычные народы. Между тем некоторые латинские буквы очень двусмысленны, особенно **j, g, c, ch, x, y** и др. Так, и на корейских системах транскрипции самым отрицательным образом сказываются своеобразные восприятие и интерпретация латинских букв носителями корейского языка и давление англоязычного социума среди корейцев. Например, даже зарубежные корейцы, живущие в англоязычной среде, не говоря уже о корейцах, проживающих на Севере и Юге Кореи, предлагают нередко искаженные латинские эквиваленты для передачи корейских звуков. Примером тому являются корейские фамилии Пэк — Paek (Baik, Paik, Park), Ли — Yi (Lee, Rhee), Ю и Рю — Yu (Yiu, Yoo, Lew, Rew, Ryu, Liew, Yue), Чон — Chon (Cheon, Chun, Jeon, Jun) и пр.

6) Наличие традиций и социолингвистических (культурно-политических) факторов в написаниях имен собственных из других языков.

В силу перечисленных обстоятельств и возникает разноречивая в передаче иноязычных имен собственных и терминов в воспринимающем языке, что самым отрицательным образом сказывается на коммуникативном акте. В связи с этим хотелось бы напомнить слова акад. Л.В.Щербы о том, что «анархия и разноречивая в области транскрипции представляют собой хотя и маленькое, но общественное бедствие» (1931 г.).

Введение каждой новой системы транскрипции, тем более если это происходит на государственном уровне, сопровождается заменой старых, привычных написаний на новые. На это требуются консенсус пользователей и время.

До сих пор самой распространенной практической транскрипцией на латинском алфавите была и остается система Маккюна–Рэйшауэра (McCune–Reischauer), разработанная в 1939 г. и тогда же впервые опубликованная в “Transactions of Korea Branch of the Royal Asiatic Society”. За долгие годы применения она получила всеобщее признание и в корееведческом мире, и в картографии, и во многих других практических областях. Латинская транскрипция Маккюна–Рэйшауэра адекватно передает звуковой состав корейского языка, особенно в части, касающейся китайских лексических заимствований. Она была официально принята с 1984 до 2000 г. и в Республике Корея. Этой системы придерживаются и во многих других странах, включая Россию.

Конечно, из-за наличия диакритических знаков («птичка» или «дужка» над *ô/ö* и *û/ü* и апострофа для обозначения придыхательных согласных *k'*, *p'*, *t'*, *ch'*) система Маккюна–Рэйшауэра нуждается в небольшой корректировке, так как на практике эти диакритические знаки часто игнорируются, из-за чего возникают двусмысленные написания (например, при написании *Shinchon* неясно, какое из географических названий — *Shinchon* или *Shinchôn* — имеется в виду). Так, в области передачи гласных в Республике Корея явочным порядком произошла замена букв с диакритикой *ô* и *û* соответственно буквосочетаниями *eo* и *eu*. Апостроф для обозначения придыхательных согласных не является большой помехой. Кроме того, вряд ли целесообразным было написание буквы *h* после *s* перед *i* и «йотированными» гласными, обозначающими начальный неслоговой элемент [i-] дифтонгоидов (например, *Shilla* вместо *Silla* и т.д.). Оно возникло, видимо, под влиянием японского.

В нашей стране широко используется русская практическая транскрипция, разработанная мною на основе научной транскрипции, предложенной проф. А.А.Холодовичем в середине 50-х годов прошлого века. Она широко применяется в научных изданиях и в картографии с 60-х годов. Ее основные отличия от системы А.А.Холодовича следующие: а) звонкий вариант аффрикаты *ч* [č] транскрибируется не как

чж, а как дж; б) так как обозначение заднеязычного носового звука [ŋ] буквосочетанием нг не принято в русской транскрипции, предлагается передавать этот звук обычным н, а перед «йотированными» гласными я, ё, е, ю и и — буквосочетанием нь для отличия от переднеязычного носового н [n]; в) конечный л [l] передается буквосочетанием ль, но перед л и н он переходит в лл, а перед х читается как р, т.е. следует писать рх, а не лх; г) передача корейских гласных в системе А.А.Холодовича транскрипционными знаками ѓ/о и йѓ/йо встречается только в словарях и работах по корейскому языку; в русской же практической транскрипции они заменяются на обычные о и ё/йо (причем написание йо вместо ё в начале слова принято только в географических названиях, например *Йосу*, *Йонъин*, а не *Ёсу*, *Ёньин*); д) наконец, написание йе возможно только в начале слога, а после согласной заменяется обычным е, хотя на практике нередко случаи замены начального йе одним е. Таблицы конверсии с написаний в транскрипции Маккьюна-Рэйшауэра на русскую практическую и обратно помещены в моих избранных работах по корееведению (2001) и в альманахе «Российское корееведение» (вып. 2, 2001).

Теперь добавляется еще и третий тип транскрипции корейских слов на латинской основе — «новая романизация», предложенная Национальной академией корейского языка и утвержденная на правительственном уровне в Республике Корея.

Нельзя сказать, что «новая романизация» является чем-то новаторским в истории транскрипции корейских слов. Это ухудшенный вариант прежней латинской транскрипции, который был разработан группой советников из Комитета по изучению корейского языка и одобрен Министерством образования РК в 1958 г.

В основу этой транскрипции положено своеобразное восприятие латиницы через английское произношение. Оно характерно в первую очередь для корейских лингвистов, получивших образование в США и Великобритании. В теоретическом плане такое восприятие впервые нашло отражение в фонетической и фонологической интерпретации корейских звуков корейским ученым Ким Сонги (Gim Seon-Gi), учившимся в Лондонском и Корнеллском университетах и выпустившим работу «The Phonetics of Korean» еще в 1937 г. Но этот подход, имеющий право на существование, несмотря на искаженное восприятие ряда корейских звуков и их написание в латинице, теперь доведен до абсурда, поскольку он фонетически не обоснован и порывает с длительной традицией транскрибирования корейских слов в англоязычной среде.

Прошло почти три года, и настало время оценить практическое применение «новой романизации» и его последствия для мирового сообщества в век глобализационных процессов в нескольких аспектах:

1) объективный анализ позитивных и негативных сторон этой системы;

2) латинизация и корейский язык;

3) латинизация и европейские языки;

4) латинизация и русский язык.

В данной статье мы коснемся только первого и последнего вопросов.

«Новая романизация», по первоначальному заверению разработчиков, рассчитана прежде всего на использование ее самими корейцами внутри страны, т.е. в узконациональных рамках. Сама идея создания транскрипционной системы только для носителей языка данной страны порочна изначально, поскольку она противоречит основному назначению любой практической транскрипции, которое состоит в том, чтобы как можно шире охватить круг пользователей, включая и зарубежных. В связи с этим хотелось бы напомнить высказывание известного английского фонетиста Генри Суита. Еще в 1877 г. он призывал при разработке практической системы транскрипции (*broad transcription*) отказаться от орфоэпических особенностей отдельных языков, пользующихся латинским письмом, и положить в основу интернациональность ее применения.

Теперь же этой националистической по духу модели хотят придать международный статус, т.е. передавать в ней корейские собственные названия и слова в англоязычных изданиях, распространять ее через Интернет и т.д.

Каковы же плюсы «новой романизации»? Это ее относительная простота в практическом использовании, элементарность и экономия письменных средств. Считается также, что она лучше других приспособлена для компьютера и Интернета.

Главные постулаты этой системы: одна фонема — одна графема (1.3), передача литературного произношения (1.1) и отсутствие всякой диакритики и диграфов (1.2).

Суммарно «новизна» предложенной системы состоит в следующем:

— корейские слабые глухие согласные [k], [t], [p], [ɕ] в начале слова и перед гласным передаются латинскими буквами для звонких *g, d, b, j* вместо глухих *k, t, p, ch*, как принято в других системах транскрипции корейского языка; например, *Gwangju* вм. *Kwangju*, *Daegu* вм. *Taegu*, *Busan* вм. *Pusan*, *Jeju* вм. *Cheju*; те же согласные в позиции перед согласным и в конце слога обозначаются глухими, т.е. *k, t, p*; например, *Okcheon* вм. *Okch'eon/Okch'ŏn*, *Hapdeok* вм. *Hapteok/Haptŏk*;

— корейские глухие придыхательные согласные [kʰ], [tʰ], [pʰ], [ɕʰ] передаются латинскими буквами для глухих *k, t, p, ch* вместо глухих с апострофом *k', t', p', ch'*; например, *Taepyeongno* вм. *T'aep'yeongnol* *T'aep'yŏngno*, *Pohang* вм. *P'ohang*, *Cheongju* вм. *Ch'eongju/Ch'ŏngju*;

— корейские «сильные», или интенсивные, согласные [kʰ], [tʰ], [pʰ], [ɕʰ] передаются удвоенными согласными **kk**, **tt**, **pp**, как и в других транскрипциях, кроме **jj** вместо **tch** (например, *jjak* ‘пара’ вм. *tchak*);

— корейская «двулика» фонема /l/ передается посредством **г** перед гласным и посредством **l** перед согласным и в конце слога, а перед **l** — удвоенным **ll**; например, *Guri* вм. *Kuri*, *Seorak* вм. *Sōrak*, *Daegwallyeong* вм. *Taegwallyōng*;

— корейский слог **si** теперь записывается **si**, а не **shi** (например, *Silla* вм. *Shilla*, *Imsil* вм. *Imshil*);

— корейские гласные [ø], [ʊ], [iõ] и [y̥ i] транскрибируются буквосочетаниями **eo**, **eu**, **yeo** и **ui** вместо **ø**, **ʊ**, **yõ** и **yi**;

— изменения согласных на стыке слогов, как правило, отражаются в транскрипции:

а) случаи ассимиляции соседних согласных (например, *Paek.ma* → *Baengma* вм. *Paengma*, *Sin.mun.ro* → *Sinmunno*, *Chong.ro* → *Jongno* вм. *Chongno*; здесь и далее транслитерационная запись корейских письменных слогов дана прямым шрифтом);

б) эпентетические **n** и **l** (например, *Nak.yo.ul* → *Hangnyeoul*, *al.yak* ‘таблетка’ → *allyak*);

в) случаи палатализации (звездочкой отмечены написания в нашей транслитерации; например, **hae.tot.i* ‘восход солнца’ → *haedoji*, **kath.i* ‘вместе’ → *gachi* вм. *kachʼi*, **mach.hi.ta* ‘подгонять’ → *machida* вм. *machʼida*);

г) случаи аспирации, когда в корейских письменных слогах буквам **k**, **t**, **p** и **ch** предшествует или следует за ними буква **h** (например, *choh.ko* ‘хороший и...’ → *joko* вм. *chokʼo*, *chap.hyo* ‘был взят и...’ → *jarpyeo* вм. *chapʼyo*, *noh.ta* ‘класть’ → *nota* вм. *notʼa*, *nah.chi* ‘рождать’ → *nachi* вм. *nachʼi*), но в именах собственных эти случаи не отражаются (например, **Muk.ho* — *Mukho*, **Chip.hyōn.chōn* ‘Павильон собрания мудрецов [придворная академия]’ — *Jiphyeonjeon* вм. *Chiphhyōnjōn*);

д) случаи же интенсивности («глоттализации») обычных согласных в середине слова после согласных не отражаются в транскрипции (например, **Ap.ku.chōng* [apkʼujōŋ] — *Apgujeong* вм. *Apkujōng*, **Nak.tong.gang* [naktʼoŋgan] — *Nakdonggang* вм. *Naktonggang*, **Chuk.pyōn* [chukpʼyōn] — *Jukbyeon* вм. *Chukpyōn*);

— допускается применение дефиса в случаях путаницы в произношении (например, **chung.ang* ‘центр’ — *jung-ang* вм. *chungang*, **Pan.gu.dae* — *Ban-gudae* вм. *Pangudae*, **Hae.un.dae* — *Hae-undae*);

— кроме того, в научных статьях корейские слова могут быть транслитерированы; в таких случаях для каждой корейской буквы дается ее однозначное соответствие в латинице, а не ее звучание, с тем чтобы можно было ретранслитерировать обратно в корейское написа-

ние (например, *chip — jib ‘дом’, *chip’ — jip ‘солома’, *pakk — bakk ‘вне’, *kaps — gabs ‘цена’, *mōknūn — meogneun ‘ест [атрибутивная форма]’, *tokrip — doglib ‘независимость’, *munri — munli ‘понимание [написанного]’, *mulyōs — mul-yeos ‘жидкая [корейская] тянучка’, *kut-i — gud-i ‘твердо’, *chohta — johda ‘хороший’, *kakok — gagog ‘мелодия’).

Но в действительности это только иллюзорные преимущества перед другими системами. Они таят в себе много подводных камней, которые сводят на нет эти достоинства. Провозглашаемые положения нарушаются во многих случаях в самом документе.

Во-первых, несмотря на общие постулаты, приведенные правила и примеры не проясняют цель этой «новой романизации»: то ли это практическая транскрипция, то ли практическое латинское письмо (латиница типа китайского фонетического алфавита *пиньинь*), то ли своеобразная транслитерация корейских письменных слогов с примесью транскрипционных элементов?

Во-вторых, и фонетически, и графически следующие виды передачи в предлагаемой системе объективно являются неудачными и противоречащими языковым реалиям:

а) передача слабых глухих взрывных и аффрикат ([k], [t], [p], [ch]) в начале слова посредством латинских звонких (g, d, b, j), придыхательных ([k’], [t’], [p’], [ch’]) посредством глухих (k, t, p, c), а интенсивных ([k’], [t’], [p’], [č’]) то через удвоенные буквы для глухих (kk, tt, pp), то посредством удвоения звонких (jj) одновременно является самым уязвимым местом. В результате появились написания gang ‘река’ или река Ганг в.м. kang, фамилия Gim — [džim] (в английском g перед i произносится [d]) в.м. Kim и название аэропорта Gimpo — [džimpo] в.м. Kimp’o или Kimpo [kimp’o] или [kimpo], Joseon — [džoseon] или [žoson] в.м. привычного Chosŏn [čosŏn] или Choseon и т.д.;

б) использование при передаче корейских имплозивных, которые являются позиционными вариантами начальных слабых глухих в конце слога, букв для придыхательных (k, t, p) (2.1) приводит к недопустимому с точки зрения корейской фонетики, письма и орфографии ложному восприятию этих звуков как придыхательных и к созданию совершенно невозможных сочетаний согласных на границе слогов (типа k-g, p-d, k-j, p-j, k-d и т.п.);

в) с одной стороны, создатели этой транскрипции стремились передать реальное звучание, а с другой — как-то отразить структуру корейского письменного слога, хотя последнее для обычного пользователя совершенно необязательно. Этим, видимо, объясняются неоднозначная передача согласных в разных позициях в слове (взрывные g, d, b в начале слога и между гласными и k, t, p в конце слога, т.е.

имплозивный передается как придыхательный), попытка обозначения границ корейского письменного слога и тут же нарушение их передачей ассимилятивных процессов на стыке слогов и т.д. Не очень убедительно правило использования дефиса в предлагаемых спорных случаях слогаделения (3.3). Налицо симбиоз принципов транскрипции и транслитерации, что в общем-то характерно для многих практических транскрипций, если бы это было сделано разумно. «Новая романизация» не отражает ни фонетическую систему современного корейского языка, ни структуру корейского буквенно-слогового алфавита *хангыль* (если бы это была транслитерация), ни орфографию. По написаниям в «новой романизации» нельзя ни правильно произнести корейское слово, ни восстановить его правильное написание в корейской графике (предлагаемые перекодировки в компьютерных программах далеки от совершенства и изобилуют исключениями).

Появление многих двусмысленных транскрипционных написаний корейских слов в «новой романизации» приводит к анархии в письменной сфере языков-преемников и создает определенные трудности в межкультурном общении с Кореей. Вместо унификации «новая романизация» создает еще больший разнобой в передаче корейских собственных имен и терминов средствами латинского письма.

И особенно это касается русскоязычных изданий. В русском языке в системе согласных четко различаются звонкие и глухие, мягкие и твердые и т.д., т.е. существуют иные фонологические оппозиции, чем в корейском языке. И как в таких случаях российский пользователь должен передавать по-русски корейские слова, записанные в латинице буквами для звонких согласных, и т.д.? Особенно отрицательно эта транскрипция сказывается на русской передаче корейских слов в случаях ретранслитерации. Если специалисты-корееведы с грехом пополам еще как-то смогут ретранслитерировать написания в ней на наиболее принятые транскрипционные системы Маккьюна–Рэйшауера или Холодовича–Концевича, то простые пользователи (прежде всего работники средств массовой информации и др.), т.е. лица, не являющиеся специалистами по Корее, сплошь и рядом вместо правильных написаний корейских собственных названий дают чудовищно искаженные. Неужели корейцам не будет обидно, если вместо знаменитого бронированного судна-черепахи *кобуксон* периода Имджинской войны 1592–1598 гг. появится искаженное до неузнаваемости написание *джеобуксеон* или *джебуксен* с предлагаемого написания *geobukseon* [džeobukseon] вм. привычного *kōbuksŏn*?

Кроме того, «новая романизация» станет препятствием и в объединении усилий лингвистов Севера и Юга страны на пути выработки общих норм в развитии корейского национального языка и письменности.

Тем более что о резко отрицательном отношении ученых КНДР к передаче корейских начальных глухих согласных и интенсивных согласных латинскими звонкими мне известно из практики работы над международным проектом транслитерации корейского письма латинскими буквами. Противостояние по этому вопросу продолжалось более десяти лет, когда наконец в 1991 г. южнокорейская сторона под давлением лингвистических и экстралингвистических аргументов вынуждена была пойти на компромисс.

В любом случае при практическом применении этой системы потребуются огромные затраты и усилия для реконверсии ее на принятые в разных странах системы транскрипции, и в первую очередь это составление индекса (типа Gazetteer'a) или словаря географических названий, переиздание карт и создание словаря собственных имен с переводом с «новой романизации» на наиболее распространенные системы транскрипции корейских слов и т.д. Посулы и ожидания — это одно, а реальность — нечто другое.

Предлоги и послелогии в современном литературном языке пушту

Предлоги и послелогии в современном языке пушту выражают те же самые отношения реальной действительности, которые в других языках выражаются падежными флексиями. Это объясняется тем, что в пушту существует трехпадежная система. Косвенный падеж сам по себе выражает только подлежащее в эргативной конструкции предложения, других же значений без предлогов и послелогов он не имеет. Однако предлоги и послелогии помимо выражения отношения между словами являются и связующим звеном между ними, т.е. они выполняют функцию связи слов как в составе предложения, так и в составе словосочетания. Поэтому в пушту предлоги и послелогии являются одним из основных средств соединения слов. Предлоги в языке пушту имеют отвлеченные, абстрагированные лексические значения. В силу этого реальное значение каждого предлога уточняется и конкретизируется постановкой соответствующего послелога.

В пушту послелогов больше, чем предлогов. Все послелогии можно подразделить на собственно послелогии древнейшего происхождения: *та, на, ɨха, ки, лара, ла* — и производные: именные, большая часть из которых наречные — *лāнди, бāнди, тършā, сара, пори* и др.

Все наречия, употребляемые в качестве послелогов, сохраняют свое лексическое значение, меняется только их синтаксическая функция. Грамматическое употребление каждого послелога обуславливается и находится в тесной связи с его лексическим значением. Например, послелог *лāнди* в силу своего лексического значения может передавать только локальные отношения: находится под (чем-либо). Поэтому сфера грамматического употребления послелогов очень сужена.

Предлоги и послелогии в пушту могут употребляться в предложениях как раздельно, так и совместно (соответствующий предлог с тем или иным послелогом). Имена существительные, стоящие с предлогом или послелогом, обычно употребляются в косвенном падеже.

1. Предлог *дъ*. Предлог *дъ* передает отношения родительного падежа: *дъ кор бām* 'крыша дома', *дъ плār кор* 'дом отца', *дъ мактаб бāғ* 'школьный сад', 'сад школы', *дъ кāбул щār* 'город Кабул', *дъ сули сийāсат* 'мирная политика', *дъ хайат мъшр* 'глава делегации', *дъ афғāнистан хайат* 'делегация Афганистана'.

Слово, стоящее с предлогом *дъ* в составе предложения или словосочетания, выполняет функции определения.

Предлог *дъ* может сочетаться с послелогам *ixa*, *na*. В этом случае передается отношение изымательного, исходного падежа. На русский язык обычно переводится *из*, *от*, *у*: *дъ щār ixa* 'из города', *дъ ахмад ixa* 'у Ахмеда', *дъ къли ixa тър щāра нури* 'от деревни до города'.

2. Предлог *нъ*. Предлог *нъ* в пушту имеет широкое употребление:

а) без послелога или в сочетании с послелогом *сара* обозначает как или чем производится действие: *нъ нцо* 'ногами', 'пешком', *нъ чāку сара* 'ножом', *нъ дъсмāl сара* 'платком', *нъ лās* 'рукой', *нъ нъта* 'тайно', *нъ дав дав* 'бегом'. Предлог *нъ* выражает отношения орудийного, творительного падежа;

б) предлог *нъ* с послелогом *ки*, *ке* выражает отношения местного падежа (обозначает нахождение внутри чего-либо). На русский язык обычно переводится предлогами *в*, *на*: *нъ мез ки* 'в столе', *нъ кор ки* 'дома', 'в доме', *нъ кārхāна ки* 'на заводе', *нъ доби ки* 'летом', *нъ кочийāно ки* 'среди кочевников', *нъ дуи ки* 'среди них', *нъ муж ки* 'среди нас', 'в нас', *нъ шпа ки* 'ночью'.

Имена существительные женского рода, оканчивающиеся на краткий гласный *а*, а также имена, обозначающие время, с предлогом *нъ* и послелогом *ки*, как правило, в косвенном падеже не употребляются (*нъ мийашт ки*, *нъ котā ки*, *нъ врадз ки*);

в) *нъ* в сочетании с послелогом *пори* (*нури*) выражает локальные и объектные отношения с определительным оттенком. На русский язык переводится *к*, *на*: *дā хабъра нъ тā пори ара на лари* 'это тебя не касается', *кутубхāн дъсмāl мача къй нъ зръ пори йе вунив* 'Кутубхан поцеловал платок и прижал его к сердцу', *нъ чā пори хандъл* 'смеяться над кем-либо';

г) *нъ* в сочетании с *пасе* выражает объектное отношение. На русский язык переводится *за*, *о*: *нъ обо пасе дзи* 'идет за водой', *нъ мā пасе* 'за мной', *нъ шъвй кār пасе нъцемāни ма кава* 'не сожалей о сделанном'.

3. Предлог *нър*. Предлог *нър* употребляется обычно с послелогом *бāнди* и выражает отношения местного падежа (на чем-либо, на по-

верхности чего-либо). Иногда *тър* с *бāнди* выражает и объектные отношения. *Пър* может употребляться и без послелого *бāнди*: *тър мез бāнди* 'на столе', *тър дуцман ѝе хамла вукра* 'они атаковали врага', *тър стърго ѝе мача кръ* 'она поцеловала его в глаза', *тър лāри дзи* 'идет по дороге', *дъ ѝаве вале тър хāра тър ѝаве вуни ланди въ сйори та превот* 'Он лег в тени под деревом около (на берегу) арыка'. Некоторые глаголы требуют косвенного дополнения с предлогом *тър* и послелогом *бāнди*: *тър чā бāнди харцавъл* 'продавать кому-либо'.

4. Предлог *лъ*. Предлог *лъ* обозначает отношения изымательного, исходного падежа и переводится на русский язык как *из, от, о*. Имена существительные мужского рода с исходом на согласный звук в единственном числе после предлога *лъ* принимают окончание *а* краткое: *лъ дзангала* 'из леса', *лъ меза* 'из стола', *дъ мез лъ мѣха* 'со стола'.

Предлог *лъ* обычно сочетается с послелогом *на*, но может употребляться и с послелогом *ѝха*: *лъ щāр на* 'из города', *лъ щар ѝха* 'из города'.

5. Предлог *тър*. Предлог *тър* употребляется как без послелогов, так и с послелогам; выражает отношения изымательного падежа. На русский язык переводится предлогами *из, от, через*.

Предлог *тър* обычно употребляется для выражения степени сравнения имен прилагательных: *тър мā лā щѣ рабāб ваһи* 'он лучше меня играет на рабабе', *тър толо ужд дѣй* 'самый длинный'.

При сочетании предлога *тър* с местоименной энклитикой *ѝе* происходит явление стяжения, т.е. *ѝе* сливается с *тър* и произносится *тре*.

Предлог *тър* в значении *через, в*: *тър кулак ѝе вукāть* 'он посмотрел через отверстие в крыше', *хāн дъ дарвāзе тър чāко върта гори* 'хан смотрит на него через щель в двери'.

Предлог *тър* в значении *из, от*: *дурхāнѣй че валāра свѣла тър хуни вуватѣла* 'Дурханий встала и вышла из комнаты', *тър стърго ѝе руни уцки джāри шве* 'из глаз ее потекли слезы', *тър де āдат терша* 'откажись (отвыкни) от этой привычки'.

Предлог *тър* употребляется с глаголом *нивъл* 'хватать', 'ловить'. В этом случае *тър* соответствует русскому 'за': *тър лās (лāса) нивъл* 'схватить за руку'. С предлогом *тър* употребляют послелоги *лāнди, пори, нури*, редко *дѣбāнди*: *тър мез лāнди* 'под столом', *тър мдзѣки лāнди* 'под землей', *тър оса пори* 'до сего времени', 'до сих пор', *тър цо пори* 'до каких пор', *тър шāра пори* 'до города', *тър щар дъ бāнди* 'за городом', 'за город'.

6. Предлог *бе*. Предлог *бе* соответствует русскому 'без'. После предлога *бе* имена существительные мужского рода ед.числа с исходом на согласный звук принимают окончание *а* краткое: *бе сабаба* 'без причины', *бе шарма* 'без стыда', 'бесстыдный'.

Предлог *бе* очень часто употребляется совместно с предлогом *лъ*: *бе лъ мā* 'без меня', *бе лъ де* 'без этого'.

7. Предлог въ. Предлог *въ* в современном литературном языке почти употребляется очень редко. Сам предлог изолированно от послелога *та* неупотребителен: *дъ щър въ хвѣ та* 'в сторону города', *змѣ въ кишѣ лѣс та* 'слева от меня'.

8. Послелог та. Послелог *та* показывает направление действия и выражает отношения дательного-направительного падежа: *щър та* 'в город', *мѣ та* 'мне', *чѣ та* 'кому-либо', *върта* 'ему, ей, им'.

9. Послелог ца. Послелог *ца* обычно употребляется с предлогом *дъ* или *лъ* и выражает отношение изымательного, исходного падежа. *Ца* употребляется в значении 'у, около' как с предлогом, так и без предлога *дъ*: *стѣ ца* 'у тебя', *дъ девѣл ца* 'у стены', *щър ца* 'у города', *чѣку варѣца врьк шьвай дѣй* 'у него пропал нож'.

10. Послелог дъни. Послелог *дъни* употребляется в значении послелога *ца*. *Дъни* не всегда требует предлога: *вър дъни* 'у него, у нее, у них', *дъ щър дъни* 'из города'.

11. Послелог на. Послелог *на* употребляется в значении послелога *ца* с предлогом *лъ* или *дъ*: *лъ щър на* 'из города', *лъ хъл вас на зѣт* 'сверх своих сил', *дъ хъл мудир на иджѣза ахълм* 'беру разрешение у своего начальника'.

12. Послелог сара. Послелог *сара* употребляется с предлогом *дъ* или с предлогом *лъ*. На русский язык переводится 'с, со': *ѣава кацора дарсара вѣхла* 'возьми с собой мешочек', *дъ ахмад сара* 'с Ахмедом', *змѣ сара* 'со мной', *дъ лацкар сара мѣхѣмѣ шу* 'он встретился с армией', *махмуд стѣ сара оси?* 'Махмуд живет вместе с тобой?', *дъ торпекѣй китѣбче дъ чѣ сара ди?* 'У кого тетради Торпекый?'.

13. Послелог ки, ке. Послелог *ки (ке)* передает отношения местного падежа. С послелогом *ки* употребляется предлог *тъ*: *тъ базър ки* 'на базаре', *тъ джумла ки* 'в предложении', *тъ кум дѣй ки кър каве* 'где работаешь?'. *Ки* может иногда употребляться без предлога *тъ*.

14. Послелог бѣнди. Послелог *бѣнди* употребляется с предлогом *тър* и иногда с предлогом *лъ*. Послелог *бѣнди* может употребляться и без предлогов. *Бѣнди* передает отношения местного падежа, а также выражает объектные отношения: *дай тъ хагъ бѣнди нам дер грѣн ву* 'он также был дорог ему', *тъ дъ бѣнди дъ кѣли дѣвѣнѣн рѣтоледѣл* 'к нему собиралась молодежь деревни'.

15. Послелог лѣнди. Послелог *лѣнди* выражает отношения местного падежа и употребляется с предлогом *тър*. *Лѣнди* иногда может употребляться и без предлога *тър*: *тър мѣзѣки лѣнди* 'под землей'.

16. Послелог дѣпѣра. Послелог *дѣпѣра* употребляется с предлогом *дъ* и обозначает определительно-целевые отношения. На русский язык переводится 'для': *дъ нѣви щър дѣпѣра* 'для нового города', *дъ чѣ дѣпѣра?* 'для кого?', *дъ та* 'лим дѣпѣра' 'для обучения', *змѣ дѣпѣра* 'для меня'.

17. Послелогои *т̃ъ б̃а́раки*, *т̃ъ ш̃а̃-у-хв̃а ки* выражают определительно-объектные отношения. На русский язык переводятся предлогом 'о, об'. Эти послелогои употребляются с предлогом *д̃ъ*: *д̃ъ пац̃ито т̃ъ ш̃а̃-у-хв̃а ки* 'о языке пушту', *д̃ъ аз̃а́д̃ъ т̃ъ б̃а́раки* 'о свободе'.

18. Послелог *т̃ър̃ш̃а̃*. Послелог *т̃ър̃ш̃а̃* выражает локальные отношения. Он показывает, что предмет или лицо находится сзади чего-либо, за чем-либо. Послелог *т̃ър̃ш̃а̃* употребляется с предлогом *д̃ъ*: *д̃ъ ал̃м̃а́р̃ъ т̃ър̃ш̃а̃* 'за шкафом'.

19. Послелог *насе*. Послелог *насе* выражает объектное отношение, употребляется с предлогом *т̃ъ* и редко без него: *т̃ъ хп̃л̃ к̃а́р̃ насе д̃зи* 'идут по своим делам', *т̃ъ ц̃ъ ши̃ насе д̃зе?* 'зачем идешь?', *т̃ъ т̃а̃ насе ха̃па д̃ъй* 'он скушает по тебе', *обо насе т̃л̃ъле ва* 'ходила за водой'.

20. Послелог *пори*, *пури*. Послелог *пори*, *пури* выражает локальные и объектные отношения. Употребляется с предлогом *т̃ъ* и с предлогом *т̃ър*. Без предлогов употребляется редко.

21. Самостоятельное употребление предлогов и послелогов. В пушту некоторые предлоги и послелогои могут употребляться самостоятельно, а в составе предложения выступать в качестве члена предложения. К таким предлогам и послелогам относятся *т̃ъ*, *т̃ър*, *т̃ър*, *д̃з̃ъни*, *б̃а́нди*: *д̃ъ пл̃а́р̃ йава лур да хвар̃а т̃ър̃ гр̃а́на да* 'у отца одна дочь, которой он очень дорожит', *хвар̃а йе дер̃ б̃а́нди ву́жар̃ъл̃* 'она долго плакала над ним', *ас̃ йе д̃з̃ъни бот̃* 'он угнал у него лошадь', *йав пул̃ д̃ъй халк̃ т̃ър̃ тере́жи* 'есть один мост, по которому проходит народ'.

В пушту наблюдается употребление предлогов *т̃ър*, *т̃ър* и *т̃ъ* с местоименной энклитикой *йе*: *ранг̃ той̃ шу̃ ау̃ л̃ас̃ ми̃ пре̃ какар̃ шу̃* 'пролилась краска, и я испачкал руки'; *гуг̃ър̃ ларе?* *Но, лар̃ъм̃ йе̃ ц̃ъ̃ йе̃ каве?* *сигарет̃ не̃ лагав̃ъм̃* 'есть спички? Да, есть. Зачем они тебе? Закурить папиросу'; *йав мий̃а́на кад̃ д̃залмай̃ тре̃ ра́вувот̃* 'оттуда (из него) вышел среднего роста парень'.

В заключение необходимо сказать, что проблема предлогов и послелогов в пушту до настоящего времени еще не нашла полного научного освещения. В данной статье мы делаем одну из первых попыток показать все существующие предлоги и послелогои и описать их значение и случаи употребления в современном литературном пушту.

Контур грамматического строя языка хинди

Возможны разные подходы к определению типа или строя языка хинди. В лингвистических исследованиях этот язык называется: флективно-аналитическим [Чернышев 1982, с. 10], флективно-аналитическим с развивающейся агглютинацией [Зограф 1982, с. 236], безаккузативно-эргативоидным [Захарьин 1989, с. 45], полуэргативным (*semi-ergative*) [Montaut 1990, с. 91], обеспечивающим выдвигание как подлежащего, так и топика [Челышев, Ульциферов 1991, с. 512].

В лингвистической литературе уже отмечен ряд моментов общего характера в качестве определяющих грамматический строй языка хинди [Зограф, 1982, с. 236; Чернышев 1982, с. 8–11].

В частности, выделяются следующие особенности:

а) доминирующим словопорядком в структуре предложения является *SOV*;

б) в числе основных конструкций предложения имеется эргативная;

в) господствующим типом предложения является двусоставное предложение (в противопоставлении односоставному) с глагольным или именным сказуемым;

г) в составе словосочетаний для грамматически зависимого слова характерна препозиция по отношению к грамматически ведущему;

д) основным средством выражения синтаксической зависимости существительных и субстантивных слов служат послелоги, сопровождающие форму [общее]косвенного падежа;

е) над синтетическими финитными формами глагола численно превалируют финитные глагольные формы, построенные аналитически путем сочетания инфинитной формы значащего глагола со вспомогательным глаголом или несколькими следующими друг за другом вспомогательными глаголами, из которых последний в цепочке сам может предстать в аналитической форме.

В словарный состав хинди входят как слова, располагающие формами словоизменения, так и неизменяемые слова. Формы словоизменения распределяются по пяти основным парадигмам, в рамках которых флексиями манифестируется наличие определенных грамматических категорий. Это следующие парадигмы: 1) субстантивная парадигма, характеризующаяся на фоне распределения существительных по двум грамматическим родам (мужской ~ женский) число-падежными окончаниями в порядке различения двух чисел (единственное ~ множественное) и двух падежей (прямой ~ [общее]косвенный) и предстающая в четырех основных вариантах («типах склонения»); 2) адъективная парадигма, охватывающая словоформы с родо-число-падежными окончаниями как показателями согласования с существительными по роду и в формах числа и падежа; 3) парадигма словоизменения местоимений общевыделительного типа семантико-синтаксической общности, выступающих в качестве местоимений-прилагательных и местоимений-существительных (в первом случае им присуще согласование в формах числа и падежа, во втором случае они помимо форм прямого и косвенного падежей располагают — также в обоих числах — формой объектного падежа); 4) парадигма личных местоимений, отражающая их изменение по падежам: прямой ~ [общее]косвенный ~ объектный (при снятии оппозиции в плане выражения прямого и косвенного падежей у местоимений множественного числа); 5) глагольная парадигма с лично-числовыми окончаниями охватываемых ею форм (в ее основе лежит соотношенность различающихся между собой форм финитного глагола с местоимениями и/или существительными, проявляющаяся в сослагательном и повелительном наклонениях и, что касается только глагола *honā* ‘быть’, ‘становиться’, в простой форме настоящего времени изъявительного наклонения)¹.

Своеобразием отличается такое синтетическое образование, как футурум (будущее I) глагола: он (оно) в своей морфологической структуре совмещает окончания словоформ глагольной парадигмы с предваряемыми постфиксом -g- флексиями словоформ адъективной парадигмы (или, говоря иначе, с флексиями словоформ адъективной парадигмы, присущими конечному форманту -gā).

В аналитических формах финитного глагола по меньшей мере один из их компонентов, не будучи заключительным (он бывает представлен причастием), подвержен изменению в рамках адъективной парадигмы, тогда как другой компонент, выступая последним в структуре в качестве вспомогательного глагола, или предстает в форме, характерной для глагольной парадигмы, или охватывается адъективной парадигмой, морфологически совпадая с причастием либо будучи

¹ Подробнее об этих парадигмах см. в нашей статье [Липеровский 1990, с. 132–136].

причастным по происхождению, или (если это футурум) совмещает в себе черты глагольной и адъективной парадигм.

Словоформы, распределяемые по упомянутым выше парадигмам, выступают в предложении как одно из средств, способных на том или ином участке речевой цепи дополнять друг друга, которые обеспечивают в предложении выражение синтаксической связи слов и передачу всего многообразия семантико-синтаксических отношений между знаменательными словами. Некоторыми из них реализуется такой способ выражения синтаксической связи (или, другими словами, синтаксической организации слов в речевой цепи), как согласование, суть которого состоит в том, что слова, включающиеся или обслуживающие включение знаменательных лексических единиц в синтаксическую связь с существительными либо субстантивными словами, оформляются в зависимости от грамматических свойств последних, отражая своими формами их характеристику в отношении дифференциации граммем рода, числа, падежа и, что касается личных местоимений, лица². Среди единиц, способных принимать формы согласования в рамках адъективной парадигмы, согласованию противостоит несогласование: формой данной единицы (прилагательного, причастия) остается неотраженной с точки зрения категорий рода и числа и отчасти категории падежа грамматическая характеристика существительного или субстантивного слова, употребленного совместно с данной единицей. Форму несогласования (нейтральную форму) может принимать и финитный глагол. Она (при максимальном наборе учитываемых граммем) совпадает с формой 3-го лица единственного числа мужского рода.

Согласование, если его понимать в широком смысле, не является однородным с точки зрения действующего механизма отражения категориальных признаков существительных и субстантивных слов³.

Другие же словоформы (они принадлежат существительным и субстантивным словам, включая местоимения-существительные, в частности личные, и местоимения, используемые в качестве местоимений-существительных) реализуют такие способы выражения синтаксической связи, как управление и корреспонденция, или же, что не менее типично для них, принимают совместно с послелогом участие в реализации этих способов.

При управлении оформление наличествующего существительного или субстантивного слова (оно может быть или падежным, или па-

² В порядке реализации согласования слова своей формой могут отражать также гонорифическое использование существительных и vocativ существительных.

³ Об имеющихся разновидностях согласования, а также о возможности совмещения разных линий согласования в некоторых формах согласуемых слов см. в одной из наших монографий [Липеровский 1987, с. 149–150].

дежно-последложным) диктуется категориальными свойствами главенствующего слова вне зависимости от формы последнего. В зависимости же от того, к какой части речи принадлежит синтаксически ведущее (стержневое) слово, управление бывает глагольным (*kitāb parhṇā* 'читать книгу'), субстантивным (*sāhitya mē ruci* 'интерес к литературе'), адъективным (*pasine mē tar* 'мокрый от пота'), наречным (*makān se dūr* 'далеко от дома'), нумеральным (*ghaṭṇāḍ mē se ek* 'одно из событий'), местоименным (*un mē se kor* 'кто-то из них'). Специфику управления как способа синтаксической организации слов наиболее полно отражает глагольное управление, поскольку глаголам в большей мере, чем словам других частей речи, присуща способность сочетаться с падежными и падежно-последложными формами и поскольку при этом выражается широкий круг значений — как объектных, так и обстоятельственных. Степень участия лексико-грамматических особенностей синтаксически ведущего слова в детерминации функциональной роли управляемого слова бывает различной. В случаях максимальной степени такого участия падежная либо падежно-последложная форма предстает как строго отвечающая требованию, исходящему от главенствующего слова в силу его валентных свойств.

При корреспонденции устанавливаются определенные виды соответствия падежных и падежно-последложных форм существительных или субстантивных слов формам, имеющим иную грамматическую природу, тех слов, которые синтаксически связываются с существительными или субстантивными словами, а отнюдь не словам как лексемам. Корреспонденция играет существенную роль в формировании конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди.

Помимо словоформ средствами выражения синтаксической связи являются: а) словопорядок, т.е. взаимное расположение слов относительно друг друга; б) служебные слова; в) интонация.

Основные принципы, определяющие словопорядок, отвечающий конситуативной нейтральности высказываний, сводятся к следующим:

1) синтаксически зависимое слово предшествует главенствующему (синтаксически ведущему);

2) финитный глагол (глагол в финитной форме) занимает конечную позицию в предложении.

Словопорядком создаются способы синтаксической организации слов, при реализации которых качество какого-то слова как компонента, зависимого от другого компонента (или, шире, синтаксически связанного с другим компонентом), определяется исключительно или преимущественно его позицией по отношению к последнему.

Различаются следующие явления:

1) позиционное примыкание слова (соответствующее слово не обнаруживает формы, выбор которой зависел бы от оформления и/или грамматических свойств другого слова), например: *āsān rāstā* 'легкий путь'; *tm sāl* 'три года'; *sarvatra ākarṣak* 'везде притягательный';

2) позиционное примыкание словоформы: *bārahō mahme* 'все двенадцать месяцев', *mrlō gahrā* 'глубиной (букв. глубокий) не в одну милю', *luḥhakkar gir jānā* 'скатившись, упасть';

3) стяжение слов как результат грамматической компрессии, например: *bhārat sarkār* 'правительство Индии', *kṛṣi utpādan* 'сельскохозяйственное производство';

4) аппозитивное сложение слов, например: *dhobr pati* 'муж-прачка', *mitra tāgevālā* 'друг-извозчик', *lāhaur nagar* 'город Лахор';

5) изафетное объединение слов как результат реализации синтаксического приема, свойственного персидскому языку, например: *maidān-e jang* 'поле боя', *zabān-e mubārak* 'благословенный язык';

6) разные виды аранжировки слов, находящихся в непосредственной зависимости от одного и того же синтаксически ведущего слова, например: *bṛhaspati se kāft choṭā* 'значительно меньше Юпитера', 'значительно меньше, чем Юпитер', *merā bahādur sipāhr* 'мой храбрый воин', *ve do larke* 'те два мальчика', *kahāniyō kr ek māmūlt pustak* 'обыкновенная книга рассказов'.

Вместе с тем порядок слов является важнейшим фактором актуального членения, обуславливая возможность появления разных коммуникативных вариантов структуры, воплощаемой предложением.

Обслуживание сферы межсловных синтаксических связей является прямым назначением таких разрядов служебных слов, как послелого, послеложные частицы-транспозиторы и сочинительные союзы.

Послелог выступает как составная часть падежно-послеложной формы, морфологической основой которой является форма косвенного падежа существительного или субстантивного слова (в частности, местоимения-существительного)⁴. Наделяя знаменательное слово семантико-синтаксической значимостью или определенным функциональным значением (а значит, и статусом члена предложения), та или иная падежно-послеложная форма соотносима в плане функционирования с другими аналогичными формами, а также с падежными формами слов, обходящихся без послелога, а именно с формой прямого падежа имени или местоимения, объектного падежа местоимения, с

⁴ Однако послелогу *ne* личные местоимения единственного числа предшествуют в форме, равной форме прямого падежа, при условии (самом обычном) того, что они не входят в аппозитивную синтагму. Следует также иметь в виду запрет на использование личных местоимений перед сложным послелогом, имеющим *ke* или *kr* в качестве своего первого компонента. При данном запрете место перед вторым компонентом послелога занимают соответствующие притяжательные местоимения.

формой косвенного падежа имени, выступающего в роли обстоятельства. Свойства составной части падежно-последовательной формы присущи в значительной мере и последовательным частицам-транспозиторам.

Частицам как разряду служебных слов в общем-то не свойственно быть средством выражения синтаксических отношений между словами. Однако некоторые из них, взаимодействуя с союзами, становятся составной частью вновь образующихся сложных по своему строению союзов.

Интонация играет непреходящую роль в оформлении всего предложения как синтаксического целого. Она, в частности, разграничивает предложения, различающиеся по цели высказывания, позволяет отграничить эмоционально-окрашенные предложения от эмоционально-нейтральных, выявляет логическое ударение, служащее во взаимодействии с порядком слов выражению актуального членения, обеспечивает обособление и эмоциональное выделение отдельных компонентов предложения, выделение вводных слов, содействует выражению функциональной однородности слов перечислительного ряда. Обслуживая разные виды инверсии, интонация создает такой способ соединения слов, как интонационное примыкание.

Существенные черты синтаксического строя довольно четко обнаруживаются в рамках элементарных предложений, особенно тех из них, которые, будучи самостоятельными, противопоставляются сложным предложениям как предложения простые. Основопологающим является деление элементарных предложений на *глагольные, глагольно-связочные* (содержащие глагол-связку) и *безглагольные*.

В глагольных предложениях полнозначный (автосемантический) глагол актуализирует своей финитной формой (синтетической или аналитической) в модальном и временном планах представление об обозначенном им действии как о процессуальном (динамическом) признаке лица, предмета, явления.

Будучи финитным (т.е. выступая в финитной форме), он либо согласуется с именем субъекта или с именем объекта действия, либо принимает несогласованную, т.е. нейтральную форму. В соответствии с этим можно говорить о наличии субъектной, объектной и нейтральной конструкций предложения. На оформление названных членов окружения глагола и/или на контраст между ними на синтагматической оси в составе предложения влияет залоговая характеристика глагола. Поэтому с учетом синтаксической значимости залога активного и залога пассивного (последний маркируется глаголом *jānā* 'идти', 'уходить', выступающим в качестве вспомогательного в сочетании с перфективным причастием от полнозначного глагола) выделяются следующие виды конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас глагольных предложений языка хинди: 1) активно-субъ-

ектная, 2) активно-объектная, 3) активно-нейтральная, 4) инактивно-объектная, 5) инактивно-нейтральная.

Определяющими специфику упомянутых конструкций являются следующие моменты:

(а) в реализующих активно-субъектную конструкцию предложениях, или, проще говоря, в активно-субъектной конструкции, имя субъекта действия принимает форму прямого падежа, а имя объекта, если таковое имеется, выступает в форме прямого падежа или в падежно-последложной форме на *ko* (либо в эквивалентной форме объектного падежа местоимений);

(б) в инактивно-объектной и инактивно-нейтральной конструкциях «бронировается» место для падежно-последложной формы на *se* (или же формы косвенного падежа с послелогом, способным заменять послелог *se*), принадлежащей имени субъекта; что же касается имени объекта, то в первой из конструкций оно характеризуется формой прямого падежа, а во второй (при том условии, что оно имеется) — падежно-последложной формой на *ko* (равным образом местоименной формой объектного падежа);

(в) в активно-объектной и активно-нейтральной конструкциях имени субъекта действия присуща падежно-последложная форма на *ne*, а имя объекта, будучи обязательным компонентом активно-объектной конструкции, характеризуется в ней формой прямого падежа; в активно-нейтральной конструкции наличествующее имя объекта принимает падежно-последложную форму на *ko* (равным образом местоименную форму объектного падежа);

(г) активно-объектная и активно-нейтральная конструкции реализуются только такими предложениями, в которых финитный глагол представлен перфективной формой, т.е. формой, в образовании которой использовано перфективное причастие (таким образом, налицо совместная встречаемость падежно-последложной формы на *ne* имени и перфективной формы финитного глагола).

(д) активно-объектная и инактивно-объектная конструкции уже *par définition* являются такими, в которых финитный глагол бывает только переходным, тогда как в трех остальных конструкциях из перечисленных пяти возможно использование и переходных, и непереходных глаголов, хотя при этом круг непереходных глаголов, способных выступать в активно-нейтральной конструкции, оказывается весьма ограниченным со стороны лексической семантики, а также существуют ограничения семантического порядка на возможность употребления непереходных глаголов в инактивно-нейтральной конструкции.

Активно-объектная конструкция не без основания подводится под понятие эргативной конструкции, так как именно в ней имя объекта, относящееся к переходному глаголу, не отличается по оформлению от

имени субъекта при непереходном глаголе (форма прямого падежа), а имя субъекта имеет специфическое оформление (падежно-последложная форма на *ne*)⁵. Таким образом, эргативная конструкция предстает в хинди лишь как одна из пяти перечисленных выше конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас элементарных предложений, или, если брать в расчет только конструкции с финитным глаголом активного залога, как одна из трех конструкций.

К числу конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас глагольных предложений языка хинди, принадлежат еще две изредка реализуемые конструкции, отличающиеся тем, что их именной константой является падежно-последложная форма на *ko*, сигнализирующая об имени субъекта действия, либо эквивалентный ей объектный падеж местоимения, а залоговый характер глагольного компонента маркируется выступающим в сочетании с основой полнозначного глагола или глаголом *parṇā* 'падать' (см., например: *sun parṇā* 'слышаться' ~ *sunṇā* 'слышать', *dekḥ parṇā* 'виднеться' ~ *dekḥnā* 'видеть', *jān parṇā* 'казаться' ~ *jānnā* 'знать'), или глаголом *ānā* 'приходить', или глаголом *milnā* 'встречаться'. Это аффективно-объектная и аффективно-нейтральная конструкции [Липеровский 1987, с. 29–30].

Предложения, которыми реализуются эти конструкции, входят составной частью в широкий круг предложений, в структуре которых лишь за компонентом в падежно-последложной форме на *ko* либо в местоименной форме объектного падежа жестко закреплена семантическая черта «личность», тогда как какой-либо другой именной компонент, связанный с глаголом, оказывается избавленным от необходимости обозначать лицо (лиц).

Особенностью предложений отмеченного круга является то, что в них падежно-последложной формой на *ko* либо формой объектного падежа местоимения обеспечивается речевая выделенность слова, референт которого, будучи лицом, в качестве участника описываемой ситуации находится в фокусе интереса говорящего (пишущего). Вместе с тем они представляют собой одну из разновидностей предложений, для которых типичным является актуальное членение, наделяющее ролью темы имя в падежно-последложной форме (не только в оговоренной выше форме на *ko* или местоименной форме объектного падежа, но и в форме на *ne*, *kā*, *ke*, *ke pās*, *mē*, *se*), а не в форме прямого падежа, даже если таковая имеется, принадлежа имени субъекта действия, обозначенного финитным глаголом (в частности, глаголом бытия⁶).

⁵ См. следующую дефиницию: «Эргативная конструкция характеризуется особым обозначением субъекта переходного действия при форме его объекта, совпадающей с формой субъекта непереходного действия» [ЛЭС 1990, с. 523].

⁶ В связи с этим уместно заметить, что выделенные в качестве соответствующих «топиковым типам предложения» такие конструкции, как «дативная» (*use kḥuṣṭ hai* 'Он рад', букв. 'Ему радость есть'), «субъектно-посессивная» (*uske baccr hai* 'У него есть

В глагольно-связочных предложениях предикативный центр образуется связочным или полусвязочным глаголом и предшествующим такому глаголу присвязочным компонентом (предикативом) — зависимым компонентом присвязочно-квалификативной синтагмы. Связочный или полусвязочный глагол своей формой актуализирует в модальном и временном планах представление о признаке (по преимуществу непроцессуальном), получающем выражение в присвязочном компоненте и относимом к лицу, предмету, явлению. Имя (или его местоименный субститут), которым обозначаются такое лицо, предмет или явление, выступает в форме прямого падежа. Присвязочный компонент выражается знаменательным словом, не относящимся к классу глаголов, или же (в определенных случаях) нефинитной формой глагола (причастием, инфинитивом, глагольным прилагательным), а также предикативной единицей — придаточной частью (придаточным предложением) сложноподчиненного предложения. Связочному (или полусвязочному) глаголу и присвязочному компоненту, характеризующемуся адъективной парадигмой словоизменения, свойственно согласование с именем, признак референта которого раскрывается в предложении.

В хинди имеется несколько разновидностей безглагольных предложений (включая слова-предложения), одни из которых больше присущи устной речи, другие — литературному языку. Неупотребление глагола при создании таких предложений обуславливается, как показано в специальном исследовании, различными причинами: ситуативными, стилистическими, семантическими (в плане выражения темпорального и модального значений), ритмомелодическими [Чернышев 1964, с. 108]. Решающую роль в создании однословных безглагольных предложений играет интонация [Чернышев 1964, с. 109].

Средством формирования сложносочиненных предложений являются сочинительные союзы, обеспечивающие синтаксическую равнозначность объединяемых в рамках единого синтаксического целого элементарных предложений.

Строевую роль в формировании сложноподчиненных предложений играют подчинительные союзы и союзные слова — относительные местоимения (включая относительные местоименные наречия). В соответствии с этим сложноподчиненные предложения подразделяются на предложения с союзным подчинением и предложения с относительным подчинением. В случае союзного подчинения придаточное предложение вводится союзом, при относительном же подчинении определенную позицию в составе придаточного предложения занимает относительное местоимение.

дочка') и «субъектно-локативная» (*us mē ṛṣṭā nahī thr* 'В нем не было зависти') [Челышев, Ульциферов 1991, с. 512], укладываются в рамки активно-субъектной конструкции не иначе как ее частные семантико-синтаксические варианты.

При союзном подчинении между компонентами сложноподчиненных предложений (т.е. между главным предложением и придаточным) устанавливаются или обстоятельственные (разного рода), или изъяснительные, или определительные отношения.

Выражение отношений обстоятельственного характера обычно обеспечивается автосемантическими союзами (например, *yadi* 'если', *yadyapi* 'хотя', *sūki* 'так как' и др.).

Изъяснительные отношения возникают в результате распространения находящихся в главном предложении слов как знаменательных слов определенной семантики придаточным предложением, которое, будучи введено союзом *ki* 'что/чтобы', выступает в постпозиции. При опорном слове главного предложения может находиться указательное местоимение (обычно ближнего плана), служащее более четкому, рельефному выражению синтаксической связи между обоими компонентами сложноподчиненного предложения.

Определительные отношения составляют содержание сложных предложений, в которых придаточное, находящееся в постпозиции, соотносится с указательным местоимением, синтаксически связанным в главном предложении с одним из знаменательных слов. Конкретный характер передаваемого определительного отношения обуславливается: 1) семантикой употребленного местоимения; 2) тем, со словом какой части речи такое местоимение синтаксически связывается в рамках главного предложения; 3) свойством употребленного союза. При этом определительное значение раскрывается придаточным предложением или путем указания на следствие (иногда с привнесением оттенка цели), или посредством сравнения.

Относительное подчинение реализуется в целом ряде конструкций, чья дифференциация связана в первую очередь с учетом: 1) взаиморасположения главного и придаточного предложений и 2) характера реализации относительным местоимением (равным образом и местоименным коррелятом в виде указательного или соотносительного местоимения, если таковой имеется в главном предложении) своих свойств сочетаемости с другими словами.

Передаче некоторых отношений, получающих выражение в сложных предложениях, могут служить бессоюзные соединения элементарных предложений.

Литература

- Захарьин 1989 — Захарьин Б.А. Теоретическая грамматика языков хинди и урду. М., 1989.
Зограф 1982 — Зограф Г.Ф. Язык хинди. — Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.
ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

- Диперовский 1987 — *Диперовский В.П.* Синтаксис современного хинди. М., 1987.
- Диперовский 1990 — *Диперовский В.П.* Части речи как грамматические классы слов в хинди. — Части речи. Теория и типология. М., 1990.
- Челышев, Ульциферов 1991 — *Челышев Е.П., Ульциферов О.Г.* О типах предложения в литературном хинди. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50, № 6.
- Чернышев 1964 — *Чернышев В.А.* Безглагольные конструкции хинди. — Краткие сообщения Института народов Азии. 62. Языки Индии. М., 1964.
- Чернышев 1982 — *Чернышев В.А.* Синтаксическая вариантность и проблема синтаксической нормы в современном хинди (на материале простого предложения). Автореф. докт. дис. М., 1982.
- Montaut 1990 — *Montaut A.* La construction passive en hindi moderne. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1990. Т. 85, fasc. 1.

Некоторые конструкции с аористом в народном дастане «Дараб-наме» М.Бигами (XV–XVI вв.)

За последние годы в иранистике особенно возрос интерес к вопросам грамматического строя новоперсидского языка раннего периода и к проблемам эволюции грамматических форм и категорий персидского языка. Общие итоги изучения истории персидского языка уже подведены, однако по целому ряду вопросов ученые расходятся во взглядах, предлагая новые, иногда взаимоисключающие точки зрения. Многое еще остается неясным и спорным. В частности, до сих пор нет ясности в модальном размежевании глаголов и выделении двух наклонений — изъявительного и сослагательного, не существует также убедительного объяснения происхождения аориста.

Основная масса работ по истории новоперсидского языка связана с изучением языка отдельных памятников. Особенно рекомендуются народные дастаны «дастан ha-e амйане», предназначенные для устного изложения. Ориентация на нормы живой разговорной речи, стремление освободиться от специфических книжных, вычурных и громоздких фраз — вот одна из основных тенденций, которую можно проследить, читая эти произведения. По определению профессора З.Сафа, «язык этих произведений во многом схож с современным персидским языком, являясь истинно персидским, не загрязненным арабизмами» (с. 778).

В данной статье на базе синхронного описания языка народного дастана XV–XVI вв. «Дараб-наме» М.Бигами мы будем рассматривать только случаи использования субъектного и объектного инфинитива, т.е. такие синтаксические и морфологизированные глагольные словосочетания, в которых инфинитив выступает в качестве зависимого сло-

ва. Цель работы — проследить пути эволюции функций инфинитива и их постепенного вытеснения конструкциями с аористом, так как характерной особенностью современного персидского языка являются именно такие конструкции с аористом.

Анализ словосочетаний с **субъектным инфинитивом** показал, что по характеру выражаемых ими отношений они распадаются на две основные группы.

1. а) Словосочетания, выражающие отношение к действию, где в качестве главного слова выступают модальные глаголы, имеющие полную парадигму, типа *tāvanestān* «мочь», *īarrestān* «осмеливаться» и *hastān* «желать, хотеть», которые встречаются как в личных, так и в безличных конструкциях. Например: *ma nemitāvanim čarei kārđān* «мы не можем найти выхода», *mān dar in bāb soxān nemīīārām goftān* (1,1,233) «я не осмеливаюсь высказаться на этот счет», *niš-e beħzād hastānd neħadān* (1,1,871) «они хотели поставить около Бехзада»; б) модальные глаголы, не имеющие полной парадигмы, типа *bājestān* «долженствовать» и *šājestān* «подобать, приличествовать»; в) глаголы, обозначающие долженствование типа *wadǰeb būdān (šodān)* и *labod būdān (šodān)* «нужно, необходимо, приходится»; г) словосочетания, главное слово которых обозначает внутреннее состояние, т.е. глаголы или сочетания, несущие в значении некоторую модальность, например намерение, страх, решимость и т.д., — *āknun mitārśām niš-e šoma omādān* (1,2,306) «я теперь боюсь к вам идти».

2. Словосочетания, выражающие начало действия, в качестве главного слова выступают глаголы типа *aǰaz kārđān, šorū` kārđān* «начинать». Например: *vā dǰān āz dǰāsād-e mārđān nārīdān aǰaz neħad* (1,1,337) «и души стали покидать тела воинов».

По значению к словосочетаниям этого типа примыкают сочетания с глаголом *gereftān*, которые очень близки к аналитическим формам. Глагол *gereftān* в этих сочетаниях утрачивает свое основное лексическое значение «брать» и приобретает отвлеченное лексико-грамматическое значение начала, приступа к действию, придавая всему глагольному сочетанию значение «начинательного вида». Например: *tarāmtāš āz šāmat ozrħāhi kārđān gereft* (1,2,60) «Тарамташ стал извиняться перед Шаматом».

Словосочетания с **объектным инфинитивом** также распадаются на ряд основных групп.

1. К первой группе относятся все те случаи, когда объектный инфинитив следует после глаголов волеизъявления типа *farmudān* «приказывать». Например: *vā išan ra gorosne vā tešine dār bānd fārmudi kāšīdān* (1,1,258) «а их, голодных и умирающих от жажды, ты приказал арестовать и бросить в темницу».

2. Ко второй группе относятся рамочные конструкции с объектным инфинитивом и глаголами волеизъявления и приказа типа *һокм кәрдән*. Например: *ва әкнун ишан ра һокм-е коштан кәрдам* (1,2,652) «я только что приказал их казнить».

3. К третьей группе относятся все случаи, когда объектный инфинитив следует после глаголов, выражающих целевые отношения типа *дадан* «дать, чтобы» или «дать с целью сделать что-то». Например: *чонин наме-и дад небештан ва бе даст-е тараг дад ва у ра бе па-йе гал э ферестад* (1,2,473) «Он дал написать такое письмо. Затем письмо отдала Таригу и отправили его в крепость».

4. Четвертую группу составляют словосочетания, выражающие отношение к действию. Например: *ва шома ра һәрб кәрдан дәрмузъм* (1,1,393) «и я научу вас как воевать».

Подводя итоги, отметим, что конструкции с субъектным и объектным инфинитивами, зафиксированные в нашем памятнике, типологически сближаются с конструкциями, характерными для ранненовоперсидского периода и чужды современному персидскому языку. Однако уже в целом ряде случаев мы наблюдаем их постепенное приближение к современным нормам. Так, например, если после глаголов *таванестән*, *шайестән* и *байестән* в большинстве случаев все еще используется субъектный инфинитив, т.е. конструкции, присущие ранненовоперсидскому периоду, то уже после глагола *хастән* (за одним исключением), как и в современном персидском языке, используется аорист, причем чаще всего вводимый союзами *-та* или *-ке*: *ва әгар кас-и бегахәд ке берәвәд бе чәнд руз таванәд рафтән* (1,2,395) «а если кто-нибудь захочет пойти, за сколько дней он сумеет дойти?», *ва ишан ра михаст та бекошәд* (1,1,240) «он хотел их убить». Глагол *йарестән* употребляется как в старых конструкциях с субъектным инфинитивом и оформлением субъекта действия послелогом *ра*, на долю которых приходится 72,55–79,64%, так и в новых сочетаниях с личной формой аориста в 20,36–27,45% случаев. И здесь уже идет вполне ощутимое вытеснение старых конструкций новыми.

Объектный инфинитив, отмеченный после глаголов волеизъявления, решений, указаний, приказов, желания, допущения, понуждения к действию и т.д., в нашем памятнике уже полностью вытеснен конструкциями с аористом. Например: *ва фәрмудәнд та дәр-е дәрвазе бе-гошайәнд* (1,1,500) «и повелели открыть ворота»; *бефәрмай та табл-е асайеш безәнәнд* (1,1,461) «прикажи, чтобы били отбой»; *һокм кон та ишан бийайәнд ва мал ра бийарәнд* (1,1,469) «прикажи им войти и внести товары».

Глагольная система памятника XV–XVI вв. «Дараб-наме» М.Бигами в целом — по составу спрягаемых и глагольно-именных форм, их значению и употреблению — напоминает глагольную систему других

народных дастанов, например романа XII–XIII вв. «Самак-е Айар». При этом новые грамматические явления, отмеченные в этом произведении, — общие с нашим памятником и отличаются от того, что имело место в других памятниках, хронологически более близких, но отличающихся по жанру и стилю.

Эти пока еще далеко не полные и предварительные наблюдения позволяют все же высказать предположение, что «язык народных дастанов, отражающий разговорную норму, опережал в своей эволюции другие современные жанры и стили».

В «Грамматике современного персидского литературного языка» Ю.А.Рубинчик пишет: «Аорист — инновационная глагольная форма, появившаяся в новоперсидском языке... В отличие от настоящего-будущего времени изъявительного наклонения, указывающего на то, что действие безусловно совершается, аорист употребляется в тех случаях, когда совершение действия является не обязательным, а только возможным. Аорист используется при выражении желания, допущения, понуждения к действию, косвенного приказа, условия и т.п. Выражая то, что должно произойти, или то, что произойдет в известных условиях, аорист как форма наклонения указывает на отношение действия к действительности...» (с. 249–253).

Итак, отдельные случаи появления форм аориста в ранних памятниках новоперсидского периода, в основном при выражении косвенного повеления, постепенное расширение сферы применения и дальнейшее вытеснение всех старых конструкций, передающих разные степени волеизъявления, новыми конструкциями с аористом, позволяют задать вопрос: А не является ли эта инновационная глагольная форма всего лишь формой повелительного наклонения в косвенной речи, обусловленной сословно-социальными и стилистическими факторами? Ведь не случайно, что в современном персидском языке сохранилась форма субъектного инфинитива только при глаголах, обозначающих начало действия.

Литература

- Бигами М. Дараб-наме. Тегеран, 1963. Т. 1 и 2.
Восканян Г.А. Инфинитив в современном персидском языке. Канд. дис. М., 1955.
Грамматика русского языка. М., 1954. Т. 2. Ч. 1.
Махджуб Дж. Моталез дар дастанха-йе амийане-йе мардом. Журнал литературного факультета Тегеранского университета. 1341, № 1–2.
Маркина Т.М. Инфинитивные конструкции в народном дастане «Дараб-наме» М.Бигами (XV–XVI вв.). Актуальные проблемы строя иранских языков. М., 1988.
Маркина Т.М. Система глагольных форм в народном дастане XV–XVI вв. «Дараб-наме» М.Бигами. М., 1977. Гл. 1, с. 20–24, гл. 3, с. 135–150, гл. 4, с. 151–161 (канд. дис.).

- Овчинникова И.К. и Маркина Т.М.* Использование префикса -бе в настояще-будущем времени (презенте) в персидском языке XV–XVI вв. — Вестник Московского университета (востоковедение). М., 1974. № 2.
- Кариев Ш.* О настояще-будущем времени глагола в материалах памятника XII–XIII вв. «Самак-е Айар». — VI Всесоюзная научная конференция по актуальным проблемам иранской филологии (тезисы докладов). Тб., 1970.
- Пейсигов Л.С.* Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
- Рубинчик Ю.А.* О соотношении персидского литературного и обиходно-разговорного языка. — Иранское языкознание. Ежегодник 1982. М., 1987.
- Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Сафа З.* Послесловие к «Дараб-наме» М.Бигами. Тегеран, 1963. Т. 2.
- Lazard G.* La langue des plus anciens monuments de la prose persane. P., 1963.

Этапы анализа полифункциональной грамматической формы глагола (на материале языка дари)

В работах Ю.А.Рубинчика по грамматике персидского языка серьезное внимание уделяется научному описанию системы грамматических форм глагола. В частности, в капитальном труде «Грамматика современного персидского литературного языка» (М., 2001) детально охарактеризованы грамматическое значение и функции всех грамматических форм глагола, включая видовременные формы изъявительного наклонения. Эта характеристика в значительной мере применима также и к аналогичным формам языка дари и использована нами в исследовании их видового и временного значения.

В отличие от традиционных подходов к исследованию грамматической формы глагола, при которых форма рассматривается как главный носитель того или иного значения, а контекстуальным средствам отводится вспомогательная роль его актуализаторов или модификаторов, функционально-семантический подход требует рассматривать грамматическую форму лишь в качестве одного из четырех принципиально равноправных участников семантического процесса формирования признаков глагольного действия по тому или иному категориальному значению. Остальными тремя являются лексические средства, относящиеся к данной функционально-семантической категории, контекст¹, а также компоненты лексической семантики оформленных глаголов.

¹ В данной статье термин «контекст» употребляется нами в самом узком смысле, включает лишь общее содержание сообщения и не включает лексического окружения и других неграмматических средств, участвующих в формировании внутренних свойств глагольного действия по анализируемому категориальному значению.

Функционально-семантический подход предусматривает разную степень участия грамматической формы глагола в формировании содержательной структуры глагольных действий: а) форма сама, в минимальном контексте выражает данное значение; б) форма выражает данное значение в минимальном контексте, но может его терять при наличии в предложении обстоятельств с другим значением; в) форма допускает выражение данного временного значения, хотя сама его не содержит. Способность употребляться в последнем случае тоже является важным свойством глагольной формы.

Разграничение вклада каждого из средств, принимающих участие в формировании признаков глагольного действия по данному категориальному значению, рассматривается как неперемное условие правильного определения вклада грамматической формы в формирование содержательной структуры глагольного действия, точной идентификации семантики формы. Определение точного объема грамматического значения формы осуществимо на основе анализа всех типичных случаев употребления глагольной формы в разнообразных контекстуальных условиях. Перечисление функций формы, отражающих все многообразие выражаемых с ее участием значений, на чем обычно и заканчивается анализ формы при традиционном подходе, — лишь одна из задач **первого** этапа, содержанием которого является определение набора диагностических контекстов, включая: а) употребление формы в минимальном (нейтральном) контексте, когда формирование признаков глагольного действия по данному категориальному значению определяется лишь семантикой глагольной формы; б) употребление формы в сочетаниях с различными лексическими средствами (наречиями и другими обстоятельственными словами и сочетаниями) с соответствующей семантикой; в) употребление формы в различных типах контекста, где общее содержание сообщения влияет или не влияет на формирование у глагольных действий данных категориальных признаков; г) употребление в данной форме глаголов различных семантических группировок, обладающих грамматически релевантным компонентом лексического значения, влияющим на формирование у действий рассматриваемых категориальных признаков.

Количество диагностических контекстов, определяемых по критериям группы б, зависит от семантики грамматической формы, ее функциональной нагруженности. Чем больше у формы значений и функций, тем больше будет у нее типовых диагностических контекстов. Так, форма презенса в современном дари используется во всех трех основных временных планах (настоящее, будущее и прошедшее) в разных временных значениях. Соответственно презенс встречается в речи в сочетаниях с обстоятельствами настоящего, будущего и прошедшего времени, а также другими словами, словосочетаниями и предложно-именными сочетаниями, выполняющими в предложении функ-

ции обстоятельств времени. Количество контекстов, определяемых по критериям группы *в* (контекст), сильно зависит от специфики рассматриваемого категориального значения. Так, при анализе категории времени очень трудно обнаружить ситуацию в реальной речи, когда бы общее содержание сообщения не оказывало воздействия на временную характеристику действия, обозначаемого глаголом-сказуемым предложения. Чаще всего это оказывается возможным лишь в порядке исследовательского эксперимента, когда предложение искусственно извлекается из реального текста и рассматривается изолированно от описываемой ситуации. Например: *Somâ sinemâ mêrawêd?* (3, 36) «Вы идете (пойдете) в кино?»; *Soxanhâ-ye mo' allem-sâheb râ mêsenawam* (7, 3) «Я слушаю то, что говорит господин преподаватель». Данные предложения в порядке исследовательского эксперимента мы взяли в отрыве от контекста, чтобы искусственно образовался требуемый нами диагностический минимальный контекст, когда отсутствуют другие средства временной характеристики действия. И мы видим, что сама форма презенса конкретной временной характеристики действия не выражает. Для такой конкретизации требуются другие средства. Именно благодаря им и формируется конкретное временное значение. Употребление презенса, как и вообще любой личной формы глагола, в реальной речевой ситуации всегда сопровождается по крайней мере таким дополнительным выразителем временного значения, как контекст. Что касается разбираемых нами примеров, то временное значение действий, заданное контекстом, вполне конкретное: первое из приведенных глагольных действий характеризуется как будущее, второе — как постоянное.

Если рассматривается категория глагольного вида, то подобных затруднений с определением диагностических контекстов по критериям группы *в* обычно не возникает, поскольку общее содержание сообщения почти не влияет на внутренние свойства действий.

В языке дари временная характеристика глагольных действий относительно слабо детерминируется лексической семантикой глаголов. Редким примером такой детерминированности может служить лишь невозможность глаголов обобщенного действия (*xedmat kardan* «служить», *mo' allemi kardan* «учительствовать») использоваться для выражения действий с временным значением «настоящее конкретное». В то же время при анализе проблем глагольного вида лексическое значение глаголов ряда семантических групп оказывает непосредственное воздействие на формирование видовых свойств глагольных действий. Однако это больше касается конкретных значений, преимущественно относящихся к области способов глагольного действия. К интенциональному грамматическому значению регулярных² видовременных

² Грамматические формы глагола в дари мы делим на регулярные и факультативные. К регулярным относим формы, без использования которых при выражении опре-

глагольных форм это не относится. Значения, образуемые в результате взаимодействия компонентов видового значения регулярных глагольных форм с неграмматическими средствами, в том числе с грамматически релевантными компонентами лексического значения глаголов некоторых семантических групп, называются экстенсиональными. Что касается основных видовых понятий, то на них лексическая семантика глаголов дари ввиду их почти полной индифферентности к видовым значениям существенного влияния не оказывает³. Для их идентификации достаточно в набор диагностических контекстов включить сочетания формы с теми неморфологическими средствами, которые влияют на выражение основных видовых понятий, главным образом наречиями и обстоятельственными словами, а также словосочетаниями, выполняющими в предложении роль обстоятельств образа действия, в семантике которых содержатся определенные видовые семы (длительности, краткости, однократности, многократности, предельности, не-предельности, процессности, непроцессности).

Определение оптимального набора диагностических контекстов позволяет перейти ко **второму** этапу анализа — самому важному. Его задачей является определение компонентов интенционального видового значения грамматической формы глагола, их статуса, иерархии и особенностей выражения. На основе анализа всех диагностических контекстов определяем признаки, которые сопровождают данную форму во всех без исключения случаях ее употребления. Такие признаки мы называем устойчивыми компонентами грамматического значения формы. Примерами устойчивых признаков могут быть видовые признаки процессности и длительности у имперфекта, предельности у претерита.

У полифункциональных видовременных форм глагола обнаруживаются видовые признаки, проявляющиеся в минимальном контексте, но нейтрализуемые при наличии в предложении лексических средств с противоположным видовым значением, которое в результате и придается глагольному действию. Примером неустойчивого признака может быть краткость у формы претерита. Он проявляется у действия, выраженного глаголом в этой форме в минимальном контексте, например: *Ō dast-e xod râ az jêb kašid* «Он вынул руку из кармана». Если же при глаголе-сказуемом имеется показатель длительности действия, то зна-

деленных значений не можем обойтись. Эти формы, как правило, полисемантичны и полифункциональны. Факультативными являются формы со специфичным видовым или временным значением, типа дуративных конструкций с вспомогательным глаголом *raftan*, презенса без приставки *mê-* и т.п., использование которых необязательно; присущее им значение чаще выражается комбинацией регулярных форм с неморфологическими средствами.

³ Исключение составляет признак многократности, часто формируемый по способу интенционального значения.

чение краткости нейтрализуется, и действие становится длительным: *Ô dast-e xod râ âhesta az jêb kašid* «Он медленно вынул руку из кармана».

Результатом второго этапа является идентификация интенционального значения формы. Совокупность интенциональных значений грамматических форм, образующих данную грамматическую категорию, составляет ее план содержания.

Задачей **третьего** этапа является определение роли и места каждой из грамматических форм в грамматической категории. Это место зависит не только от свойств самой формы, но и от того, какие еще формы имеются в данной грамматической категории, каковы их значение и функции, поскольку каждая грамматическая форма в данной подсистеме вступает в определенные отношения с другими формами. Простейшим видом отношений является распределение сфер функционирования и выражаемых значений. Но могут быть и другие отношения. Так, между глагольными формами могут существовать отношения конкуренции. В языке дари отношения конкуренции наблюдаются между регулярными и факультативными формами. Например, дуративная конструкция с вспомогательным *raftan* в форме презенса конкурирует с презенсом при выражении поступательно развивающихся действий с временным значением «расширенное настоящее»: *Rôzhâ derâz šoda mêrawad* «Дни становятся все длиннее». Действие с подобными видовыми и временными признаками в современном дари чаще выражается обычным претеритом с помощью лексических или конситуативных средств: *Rôzhâ rafta-rafta derâz mêšawad* «Дни постепенно становятся длиннее». Здесь формирование у действия требуемых видо-временных свойств осуществляется при решающем влиянии наречия *rafta-rafta* «постепенно», «мало-помалу». Подобные отношения конкуренции наблюдаются практически между всеми факультативными и соответствующими регулярными формами в дари. При этом факультативная форма конкурирует с регулярной лишь в одной из выполняемых последней функций.

Среди регулярных форм тоже наблюдается конкуренция. Так, презенс и будущее категорическое время конкурируют в выражении будущих действий. Более существенной для системы глагола дари представляется конкуренция между претеритом и перфектом, свойственная преимущественно разговорному стилю, обычно при употреблении в текстах хроникального характера.

Но в целом между регулярными формами современного дари на данном этапе существует довольно четкое разделение функций и сфер функционирования, свидетельствующее о сбалансированности системы глагольных форм изъявительного наклонения. Существует и другой вид взаимодействия, когда две формы образуют единый механизм,

функционируя в одной временной сфере и дифференцируя действия по видовым признакам. Такую оппозицию образуют формы претерита и имперфекта. Обладая практически одинаковым временным значением⁴, эти две формы для системы глагола современного дари важны в первую очередь как средства выражения видовых значений. Такое место данной оппозиции обусловлено как свойствами каждой из двух форм, так и отношениями между ними.

Третьим этапом завершается исследование грамматических форм как членов грамматической категории и, следовательно, самой этой грамматической категории.

Вступая во взаимодействие с грамматически релевантными⁵ компонентами лексического значения глаголов определенных семантических группировок, компоненты видового значения⁶ глагольных форм принимают непосредственное участие в дифференциации семантических вариантов глаголов, в том числе и по признакам, относящимся к области способов глагольного действия. Значения, формируемые взаимодействием компонентов грамматической и лексической семантики, мы относим к числу экстенциональных видовых значений формы. Определение экстенциональных значений представляет собой содержание четвертого этапа анализа видовременной глагольной формы.

Несмотря на почти абсолютную индифферентность основной массы глагольной лексики к видовым значениям, можно выделить несколько семантических групп глаголов (иногда очень небольших), грамматически релевантные компоненты семантики которых взаимодействуют с грамматическим значением глагольных форм. Примерами таких групп могут быть глаголы состояния (*nešastan* «сидеть», «сидиться», *istâdan* «стоять», «становиться»); глаголы движения (*raftan* «уходить», «идти», *âmadan* «приходить», *harakat kardan* «двигаться»); дуративные глаголы (*kâr kardan* «работать», *dôst dâstan* «любить»);

⁴ Если не принимать во внимание редко встречающееся временное значение «будущее в прошедшем», при выражении которого может использоваться только имперфект.

⁵ Грамматически релевантными мы называем те абстрактные компоненты лексической семантики, которые взаимодействуют с грамматическим значением глагольных форм. Примером такого компонента является признак переходности/непереходности, предопределяющий различия в грамматических свойствах глаголов соответствующих семантических классов. В дари к числу грамматически релевантных относятся и другие компоненты лексической семантики глаголов, например те абстрактные признаки, которые объединяют глаголы состояния, движения, и некоторых других семантических групп, взаимодействующие с компонентами грамматического значения глагольных форм.

⁶ В дальнейшем мы будем иметь в виду в основном лишь видовое значение грамматических форм, поскольку в описываемых нами семантических процессах за пределами грамматической категории непосредственно участвуют лишь видовые семы; временное значение форм в этих процессах фигурирует лишь косвенно.

терминативные глаголы (*sâxtan* «строить», *neweštan* «писать», *tarmim kardan* «ремонттировать»); глаголы становления действия, используемые для обозначения становления действия и самого действия в процессе протекания (*daraxšidan* «заблестеть»⁷, «блестеть», «сверкать», *larzidan* «задрожать», «дрожать», *tarsidan* «испугаться», «бояться», *geristan* «заплакать», «плакать»); глаголы интеллектуального восприятия (*fahmidan* «понять», «понимать», *dānestan* «узнать», «знать», *šenâxtan* «узнать», «знать»); глаголы восприятия и ощущения (*didan* «видеть», «смотреть», *šanidan* «слышать», «слушать», *negâh kardan* «посмотреть», «смотреть», *negaristan* «смотреть», *ehsâs kardan* «чувствовать»); глаголы моментального действия (*zadan* «ударить», «стукнуть», «бить», «стучать», *andâxtan* «бросить», «бросать», *oftâdan* «падать», «упасть», *partâb kardan* «бросить», «бросать»); глаголы финальной стадии действия, обозначающие результат действия, сам процесс достижения которого обозначается другим глаголом (например, глаголы *yâftan* и *paydâ kardan* «найти», выражающие результат действия, которое в стадии процесса обозначается глаголами *jostojô kardan*, *pâlidan* и другими со значением «искать»); глаголы приступа к действию (*dast zadan*, «приступать», *âyâz kardan* «начинать», *ba kêr andâxtan* «вводить в действие», *ba kêr dar-âmadan* «вступать в действие»); глаголы статичного состояния (*qarâr dâštan* «располагаться», «находиться», *dâštan* «иметь», *budan* «быть», *mauqe'yat dâštan* «располагаться», «находиться»); глаголы конкретного действия (*bordan* «нести», «уносить», *zadan* «бить», «стучать», *xândan* «читать», *larzidan* «дрожать», *oftâdan* «падать», *âwâz xândan* «петь», *didan* «видеть», «смотреть», *faryâd kardan* «кричать», «орать», *ba dast gereftan* «брать в руки»); глаголы обобщенного действия (*xedmat kardan* «служить», *dars xândan* «учиться», *mo'allemi kardan* «учительствовать», *âhangari kardan* «заниматься кузнечным делом»).

Компоненты значения глаголов разных семантических классов и групп по-разному взаимодействуют с видовым значением регулярных, в большинстве своем многозначных глагольных форм.

Известным примером взаимодействия лексической и грамматической семантики является исчезновение временного признака предшествования в перфектных формах глаголов состояния: *Nešasta ast* «Сидит». Семантический вариант «садиться» глагола *nešastan* свободно и естественно реализуется в формах претерита, презенса и имперфекта: *Nešastam tâ kesâlat-am raf' šawad* (3, 36) «Я присел, чтобы прошла слабость»; *Dar xâne-ye šomâ jây mêšawêm?* — *Agar našodêd zêr-e*

⁷ В этой статье в некоторых случаях мы позволим себе отступить от принятого в иранской лексикографии правила передавать значения глаголов с использованием лишь русской формы несовершенного вида. Это необходимо нам для того, чтобы акцентировать внимание на определенных синтаксических нюансах.

deraxthâ mêneshînem (9, 3) «Мы у вас в доме поместимся? — Если нет, то сядем под деревьями»; *Dânahâ-ye barf bar môhâ-ye derâz-e talâyi-yeš ke dar atrâf-e roxsâr-eš tâb xôrda bud mêneshâst* (1, 18) «Снежинки садились на ее длинные волосы, вившиеся около щек».

Глаголы движения в формах непроцессного характера, например в претерите, реализуют семантический вариант становления движения (начинательности): *Môtar harakat kard* «Автомобиль поехал». В имперфекте реализуется процессный семантический вариант: *Môtar harakat mêkard* «Автомобиль двигался».

Терминативные глаголы в своем абсолютном большинстве способны выражать действие как в процессе протекания, так и в его результате. Процессный семантический вариант свободно реализуется в форме имперфекта: *Hangâmê ke pâkat mêkošud ba yâd âwar ke...* (8, 34) «Когда он вскрывал конверт, то вспомнил, что...». Результативный лексико-семантический вариант терминативных глаголов реализуется в формах непроцессного характера, например в претерите, перфектных формах: *Mota'âqeban rôye kayč-e digar qarâr gereftam* (8, 41) «Затем я устроился на другом диване»; *In âb râ mirâbhâ-ye mâ bâ kamâl-e mahârat âhesta-âhesta injâ resânda-and* (11, 25) «Эту воду постепенно и очень умело подвели сюда наши мирабы⁸».

У глаголов становления действия семантический вариант становления реализуется в формах непроцессного характера, например в претерите: *šo'le-ye sôzanda dar çešmân-eš deraxšid* (5, 28) «В его глазах заблестели жгучие огоньки».

В форме имперфекта реализуется тот лексико-семантический вариант, который обозначает само начавшееся действие: *Dar hâlê ke pâkat râ bâz mêkardam angoštân-am mêlarzid* (12, 52) «Когда я вскрывал конверт, мои пальцы дрожали».

Глаголы интеллектуального восприятия в грамматических формах непроцессного характера в минимальном контексте реализуют семантический вариант восприятия: *Dânestam ke hatman in sa'at tarmimtalab ast* (10, 19) «Я узнал, что эти часы непременно нуждаются в ремонте» (претерит). Второй семантический вариант реализуется в формах процессного характера: *Hâlâ mêfahmidam ke bâ worud-am wahid čerâ ba man goft: ba sarzamin-e yaxhâ xoš âmadi* (4, 36) «Теперь я понимала, почему по прибытии Вахид сказал мне: «Добро пожаловать в „страну льдов“» (имперфект).

Типичным представителем глаголов восприятия и ощущения является *didan* «смотреть», «видеть». Семантические варианты «посмотреть» и «увидеть» легко реализуются в формах непроцессного характера (претерит, перфект): *Yakê ba sô-ye digar didem wa hêč nagofišem*

⁸ Мираб — лицо, занимающееся распределением воды при орошении.

(8, 104) «Мы посмотрели друг на друга и ничего не сказали»; *Mâdar-eš goft az čizhayê ke dida-yi qessa kon* (6, 16) «Мать сказала: „Расскажи о том, что ты видел“». Значение «смотреть» глагола *didan* реализуется проще всего в формах процессного характера: «*Haydar xâtôš bud wa ba sô-ye qatâr-e murčagân mêdid* (2, 10) «Хайдар молчал и смотрел на вереницу муравьев» (имперфект).

Экстенциональное значение образуется тогда, когда значение неграмматических средств и компоненты грамматического значения глагольной формы не нейтрализуют друг друга, а определенным образом суммируются. Иногда при этом, как свидетельствуют приведенные примеры, у действия могут появиться видовые признаки, не имеющиеся ни у одного из участвующих в данном семантическом процессе языковых средств.

Анализ использования формы претерита в семантических процессах дифференциации глагольной семантики позволяет выявить у этой грамматической формы экстенциональные признаки результативности и становления. Экстенциональный признак результативности обнаруживается также и у лишенных интенционального (собственного) значения перфектных форм.

Мы взяли здесь лишь отдельные примеры образования некоторых экстенциональных видовых значений для демонстрации содержания четвертого этапа анализа видовременной формы глагола. Его результат — идентификация экстенциональных значений, являющихся элементами плана содержания функционально-семантической категории аспектуальности наряду с теми значениями, которые входят в грамматическую категорию вида.

Но есть еще и другие значения, не являющиеся элементами плана содержания ни грамматической, ни функционально-семантической категории; в формировании этих значений может участвовать видовое значение формы. Например, значения «видеть» и «смотреть» представляют собой такие варианты семантики глагола *didan*, различие между которыми характеризует разные семемы или семантемы, а в их дифференциации определенную роль, как мы видели, играет и семантика глагольных форм. Большой интерес представляет также и обширная неисследованная проблема использования грамматического значения глагольных форм при формировании тех семантических вариантов глаголов, которые соответствуют различным способам глагольного действия русского языка (*присесть, приподнять, пересчитать* и др.). Участие в таких семантических процессах можно считать объектом пятого этапа анализа видовременной формы. Шестым этапом будет исследование функций индикативной формы за пределами изъявительного наклонения в синтаксических конструкциях другой модальности. Для некоторых индикативных форм эта побочная функ-

ция может быть очень значимой. Например, использование имперфекта в условных предложениях представляет собой функцию, по значимости не уступающую или мало уступающую функциям этой формы в рамках изъявительного наклонения.

Итак, процесс исследования грамматического значения, роли и места полифункциональной видовременной формы глагола мы разделили на шесть этапов. Первый, второй и третий этапы связаны с идентификацией компонентов грамматического значения формы и определением ее места в грамматической категории. Четвертый этап состоит из идентификации экстенциональных значений и определения роли и места формы в функционально-семантической категории. Задачей пятого этапа является анализ участия формы в семантических процессах за пределами грамматической и функционально-семантической категорий. Шестой этап состоит из анализа использования формы за пределами основной сферы функционирования, которой для индикативных видовременных форм является изъявительное наклонение, т.е. в синтаксических конструкциях другой модальности.

Источники иллюстративных примеров

1. Afsānahā-ye širin. 1351.
2. *Karim Misāq*. Haft qessa. Kābol, 1351.
3. *Maryam Mahbub*. Čāqhā wa lāyarhā. Qesmat-e sewwom. — Žwandun. 1354, No. 19.
4. Mehr. 1379, No. 1.
5. Pažwāk. Afsānahā-ye mardom. 1336.
6. Qarā'at-e dari barāye senf-e dowwom-e ebtedāyi. 1346.
7. Qarā'at-e dari barāye senf-e sewwom-e ebtedāyi. 1346.
8. Wāhhāj, Serāj. Genāyat. Kābol, 1344.
9. Žwandun. 1343, No. 31.
10. Žwandun 1354, No. 6.
11. Žwandun 1354, No. 17.
12. Žwandun 1354, No. 20.

Наблюдения над персидской и русской фразеологией

Язык есть исповедь народа:
в нем слышится его природа,
его душа и быт родной.

П.Вяземский

Если сравнить этот сборник с корзиной цветов глубокоуважаемому юбиляру Юрию Ароновичу Рубинчику, то его самого можно назвать *Gol-e sar-e sabad* (букв. ‘цветок на верху корзины’), т.е. ‘лучший представитель, украшение’ (иранистики. — Е.М.). Что касается настоящей статьи, то обращаться к ее теме — персидской фразеологии — при наличии превосходной книги Ю.А.Рубинчика «Основы фразеологии персидского языка», в которой подробнейшим образом обследованы структура, семантика и функционирование персидских фразеологизмов, — дело неблагодарное. Оговорюсь, что цель здесь ставилась самая скромная (учитывая, что книга Ю.А.Рубинчика стала раритетом) — познакомить одних, несведущих читателей или освежить в памяти других богатейший мир главным образом персидской фразеологии, в чем-то совпадающей или перекликающейся с русской, а в чем-то сильно от нее отличающейся. Специфика ее, понятно, обусловлена особенностями экономической жизни, национального менталитета, социальной психологии иранцев.

При подготовке статьи помимо монографии Ю.А.Рубинчика были использованы работы других отечественных иранистов (в их числе учеников Ю.А.Рубинчика) — специалистов по персидской фразеологии (Г.С.Голевой/Гвенцадзе, М.С.Каменевой/Узиной, А.А.Веретенникова и др.), труды В.Б.Иванова, содержащие очень полезные и интересные сведения по персидской фразеологии, а также публикации в иранской прессе, посвященные современной разговорной речи. Привлекались и собственные наблюдения над речью иранцев в Иране и в России.

Ближние соседи, Иран и Россия, различаются географическими, климатическими условиями бытия, социальной структурой общества. Их население принадлежит к разным конфессиям: в Иране — главным образом к мусульманству, в России — главным образом к православному христианству. Все это не может не отражаться на национальной культуре, на языке и его лексике, в том числе на фразеологических единицах (ФЕ).

Элементарным примером влияния экстралингвистических факторов на формирование фразеологизмов может служить отсчет дней недели и соответствующая лексика. В русском языке этот отсчет начинается с **воскресенья** (в древнерусском *неделя* ‘воскресенье’, затем ‘неделя’; первоначальное значение ‘нерабочий день, воскресенье’, ср. *не* и *дело*; значение воскресенья у этого слова сохранилось в украинском, белорусском и других славянских языках). *Понедельник* — первоначально «день после праздника (воскресенья)». В лексемах *вторник*, *четверг* и *пятница* представлены числительные, соответствующие порядковому номеру дня. *Среда* из *середа* — ‘средний день недели’. Наконец, *суббота* — заимствование, восходит в конечном счете к арамейскому *šabbāṭ* или древнееврейскому *šabbāt*.

Что касается Ирана, то здесь отсчет дней недели начинается с **субботы** (после выходного — **пятницы**), и названия дней (с воскресенья по четверг) включают второй компонент — слово *šambe* ‘суббота’ — того же, арамейского происхождения. Первый компонент — соответствующее числительное. Так, воскресенье — *yek-šambe*, букв. ‘один + суббота’, понедельник — *do-šambe*, букв. ‘два + суббота’ и т.п. Вопрос о том, какой сегодня день недели, включает ФЕ *emruz čandšambe-asf?* букв. ‘сколько суббот?’. Параллельный вариант фразеологизмом не является: *emruz če ruз-i-st?* ‘Какой сегодня день?’

Примечание: название пятницы *jom 'e* — арабизм.

В русском и персидском языках часто представлены изосемантические ФЕ (иногда с идентичным, а иногда с различным лексическим наполнением, обусловленным национальной, географической или иной спецификой): рус. *У семи нянек дитя без глазу*, перс. *mātā ke do tā šod sar-e bačče kaj dar miāyad*, букв. ‘При двух повивальных бабках головка у ребенка набок’; или *xāne-rā ke do kadbānu-st xāk tā zānu-st* ‘В доме, где две хозяйки, мусора — по колено’. Рус. *как сыр в масле*, перс. *nān-e kasi tu-ye royān budan* или *nān dar royān dāštan* ‘хлеб в масле’ в значении ‘жить в достатке, процветать’. Рус. *глухая ночь*, перс. *šab-e xāmuš* ‘безмолвная ночь’. Рус. *одного поля ягоды*, перс. *az yek piyāle āb xordan* ‘пить воду из одной пиалы’. Рус. *у меня онемела нога*, перс. *pāyam xāb rafte*, букв. ‘моя нога заснула’ (потеряла чувствительность). Рус. *курам на смех*, перс. *Xorus-e beryān ham mixandad* ‘даже жареный петух смеется’. Рус. *сыпать соль на рану*, перс. *Felfel ru-ye zaxm-e kasi pāšidan* ‘сыпать перец на рану’. Рус. *показать кузькину*

мать, перс. *Pedar rā dar āvordan* или *bābā... rā piš-e češm āvordan* ‘вытащить/показать (покойного/живого) отца’. Ср. сходный по тематике и лексике фразеологизм перс. *pedar-am piš-e čašm-am āmad* ‘Я света не взвидел’, букв. ‘Мой отец перед моими глазами явился’. Рус. *Долг платежом красен*, перс. *ziyāfat pā-ye pas ham dārad* ‘Всякое гостеприимство требует ответного [гостеприимства]’; его вариант: *har xordani pas dādani (ham) dārad*, букв. ‘За каждое кушанье надо платить’. Рус. *лезть на рожон* (где *рожон* — кол, острый шест), перс. *bā xers be jovāl raftan*, букв. ‘лезть в мешок с медведем’. Рус. *бежать со всех ног*, перс. *do pā dāšt do pā ham qarz kard*, букв. ‘две ноги у него было, да две он заныл’. Рус. *Один в поле не воин*, перс. *yek dast sadā nadārad*, букв. ‘Одна рука не издает звука’ (например, хлопкá). Рус. *рука руку моет*, перс. *dast dast-rā mišenāsad*, букв. ‘рука руку знает’. Рус. *прятать шило в мешке*, перс. *Dohol zir-e gelim zadan* ‘прятать большой барабан под ковром’ — обе в значении ‘скрывать что-либо очевидное’.

Казалось бы, не очень сопоставимые ФЕ рус. *дутый авторитет*, *мыльный пузырь* (мотивация — внутренняя пустота) и перс. ‘звук большого барабана’ (громкий звук) — на самом деле близки по мотивировке, если принять во внимание следующую персидскую поговорку: *Dohol har če xālitar ast sadā-yaš bištar ast*, букв. ‘Чем более пуст барабан, тем звонче его голос’. Рус. *Черного кобеля не отмоешь добела*, перс. *towbe-ye gorg marg ast*, букв. ‘Зарок волка — [его] смерть’. Рус. *Ласковое телё двух маток сосет*, перс. *Ham az tubre mixorad ham az āxor*, букв. ‘Он ест и из торбы, и из кормушки’. Рус. *Попытка — не пытка, а спрос — не беда*, перс. *Sang toft, gonješk toft*, букв. ‘Камень — бесплатный и воробей — бесплатный’ (смысл такой, что можно бросить камень в воробья: попадешь или нет, не беда — ведь оба они бесплатные). Рус. *делить шкуру неубитого медведя*, перс. *māhi-rā tu-ye daryā foruxtan* ‘продавать рыбу еще в море’. Рус. *С паршивой овцы хоть шерсти клок*, перс. *az xers tu-i*, букв. ‘с медведя — хоть волосок’. Рус. *Дело близится к концу*, перс. разг. *māhi be dom-aš reside ast*, букв. ‘Рыба подошла к своему хвосту’. Рус. *пód носом*, перс. *dar dar zir-e guš*, букв. ‘под ухом’. Рус. *у него рыльце в пушку*, перс. *rig be kafš-e hod dārad*, букв. ‘у него песок в башмаках’. Рус. *как банный лист* — о назойливом человеке, перс. разг. *šepes-e lehāf-e kohne budan*, букв. ‘быть вошью в старом одеяле’. Рус. *не лыком шит*, перс. *U az pošt-e kuh nauāmad*, букв. ‘Он не из-за горы пришел’, т.е. его не проведешь, он не дурак. Персидским разг. *guš-e kas-i-rā boridan*, букв. ‘обрезать кому-л. уши’ и *sorme az čašm dozdidan*, букв. ‘стащить сурьму из глаз’ соответствуют рус. *надуть*, *околпачить* кого-л. и *подметки на ходу срезáть* (о высшей степени ловкости и воровского и другого мастерства). Рус. *На безрыбье и рак рыба*, перс. *Howz-i ke māhi nist qurbāqe sepahsālār ast*, букв. ‘В пруду, где не водится рыба, лягушка — полко-

водец'. Рус. *Всяк кулик свое болото хвалит*, перс. *kas-i naguyad duq-e man torš ast* 'Никто не скажет: «Мой дуг — кислый»'. Рус. шуметь/кричать, как на базаре, перс. *mesl-e hammāt-e zanāne*, букв. 'как в женской бане'.

По-русски обычно говорят: *Не лезь поперед батьки в пекло*. Как оказалось, имеется вариант, предполагающий не *пекло*, а *петлю*: *Прежде батьки в петлю не лезь*; *Не суйся наперед отца в петлю* (В.И.Даль); *Прежде отца в петлю не суйся* (Д.Н.Ушаков). В персидском этот смысл выражен следующими оборотами: *piš /qabl az āxund/ qāzi tembar marow*, букв. 'Прежде ахунда/кази не поднимайся на минбар'; *piš az moazzen bar manāre marow* 'Не поднимайся на минарет раньше муэдзина'; разг. *hanuz qure našode mixād maviz beše*, букв. 'Не став зеленым виноградом, хочет стать изюмом'. Все эти обороты выражают общую мысль о недопустимости спешки, призывают не высккивать вперед, не выставяться без нужды.

Наиболее интересными представляются персидские ФЕ с именами, отражающими характерные иранские реалии. Именно в них наиболее отчетливо видна роль фразеологизмов как хранителей информации, накопленной в различных сферах деятельности человека, и прежде всего в бытовой. Мы приведем здесь в качестве таких реалий: из животного мира — осла, из пищевых блюд — маст и баклажан, из атрибутов внешности — бороду, из косметических средств — хну (хной, в частности, красили бороды и руки).

Итак, ФЕ с лексемой *хар* 'осел': *Быть круглым дураком* — перс. *har-e bā tašdid budan* букв. 'быть ослом с ташдидом' (ташдид — диакритика, означающая удвоение звука), т.е. значение ФЕ — 'быть вдвойне ослом'. Таким образом, в русском экспрессия осуществлена за счет полноты охвата, а в персидском — за счет количества. *Тебе что за дело?* — перс. *har-at be čand ast?* букв. 'Сколько стоит твой осел?'. *Хлопотать о своей выгоде*, т.е. устраивать свои личные дела, не думая о других — перс. *har-e hod-rā az pol gozarāndan*, букв. 'переправлять своего осла через мост'. *Каждый о своем* — перс. *har kas har-e hod-aš-rā mirānad*, букв. 'Каждый погоняет своего осла'. *Попасть в беду* — перс. *har-aš be gel oftāde* 'Он попал в бедственное положение', букв. 'его осел упал в грязь'.

В Иране очень употребительно блюдо *маст* (*māst*) — нечто среднее между кислым молоком, простоквашей и кефиром. Лексема *māst* входит в состав ряда ФЕ: *Строчить* (кому-либо) *козни*, *сеять раздоры* — перс. *angošt be/tu-ye māst-e/ šir-e kasi zadan* букв. 'Совать пальцы в чужой маст (или молоко)'. Значение 'Он очень точен, аккуратен в работе' передается по-персидски двояко: а) *māst-rā az kare jodā mikonad*, букв. 'Он отделяет маст от сливочного масла'; б) *miy-rā az māst mikašad*, букв. 'Он вынимает волос из маста'. *Стушеваться*,

поджечь хвост» — перс. *māsthā-rā kise kardan*, букв. 'Прятать [обратно] в мешок свой маст (мн.ч.)'. Выражение 'Ты что такой вялый?' передается в персидской разговорной речи как *magar māst xorde-i?* букв. 'Ты, что ли, съел маст?'.

Г.С.Голева и в своем фразеологическом словаре, и в очень интересной статье [Голева 1997] подробно рассматривает фразеологизмы с лексемой *riš* 'борода'. Она приводит, в частности, поговорку перс. *riš sekke-ye mard ast* 'Борода — это кредит мужчины (его гордость и честь)'. Стоит напомнить, что слово *sekke* (помимо значения 'монета') имело раньше также значения 'чекан, штамп'; 'характер, натура', редко — 'блеск, сияние; красота'. Комментарий к этой поговорке таков: «Борода с незапамятных времен — важнейший портретный штрих иранца, предмет его особых забот». «Борода как важный атрибут внешности... олицетворяет личность, степенность, достоинство. Древних иранцев изображают с длинными бородами. В средневековые персы также носили бороны. В новое время мода несколько меняется: так, шах Аббас I Сефевид (1581–1628), турок по происхождению, изображен без бороды. Но и Надир-шах (1737–1777), и Фатх Али-шах (1799–1834) запечатлены на портретах с длинными окладистыми бородами. Современные иранцы, за исключением духовенства, бороду не отпускают. Однако после провозглашения Ирана Исламской республикой борода постепенно вновь вошла в моду, и в последнее время бороду отпускают и молодые». По нашим наблюдениям, в настоящее время эта мода не является господствующей.

Итак, приведем несколько персидских фразеологизмов со словом *riš* 'борода': *Be riš-e kasi xandidan* 'смеяться (кому-либо) в глаза, насмехаться (над кем-либо)', букв. 'смеяться над чьей-либо бородой'. *Řiř be bād dādan* 'срамиться, терять авторитет, репутацию', букв. 'пускать по ветру, губить бороду'. *Be riř-e kasi řasbīdan* 'надеяться, полагаться (на кого-либо)', букв. 'прилипнуть к (чьей-либо) бороде'. *Řiř-ař be řiř-e mořtari nemīānad* 'Он не выглядит покупателем, он не склонен делать покупку', букв. 'Его борода не похожа на бороду покупателя'. *Řiř ge-row gozāřtan* 'ручаться, клясться, божиться', букв. 'оставлять свою бороду в залог'. *Bā in řiř be Tajriř?* 'Куда тебе! Чего захотел!', букв. 'С такой бородой — в Таджриш?!' (Таджриш — прежде богатый дачный район в пригороде Тегерана, сейчас — часть города). Эта поговорка соответствует русским: *С суконным рылом в калашный ряд; С калашным рылом, да в булочную!*

Значение опытности, житейских знаний связывается в персидском языке с понятием белой (седой) бороды, см., например, персидский фразеологизм *magar řiř-am-rā dar āsyā sefid karde am?* 'За кого вы меня принимаете? Я человек опытный', букв. 'Разве я на мельнице посе-ребрил себе бороду?'.

Яркий пример ассоциативно-образного значения представлен в персидских ФЕ с лексемами *bādenjān* ‘баклажан’ и *hand* ‘хна’: *Bādenjān dour-e qāb ċidan barā-ye kasi* ‘лестить (кому-либо), заниматься подхалимажем, угодничать’, букв. ‘раскладывать баклажаны вокруг блюда кого-либо’; с тем же значением — *Bād dar/be āstin-e kasi andāxtan/kardan*, букв. ‘наполнять воздухом, раздувать чьи-либо рукава’. ФЕ *bād dar/be āstin andāxtan* ‘раздувать рукава’ применительно к субъекту действия употребляется со значением ‘задаваться, много о себе воображать’. Варианты этой ФЕ: *bād dar/be borut/bini/demāy andāxtan*, букв. ‘раздувать усы, раздувать нос’.

ФЕ *hanā-yaš rang dārad/nadārad* ‘иметь (не иметь) вес, авторитет’ мотивирована образом хны и интенсивности ее цвета: ‘имеет авторитет, вес’, ‘с ним считаются’, букв. ‘(его) хна имеет цвет’; наоборот, ‘не имеет веса’, ‘его не уважают’, букв. ‘(его) хна бесцветна’.

ФЕ ‘тревожить, беспокоить (кого-либо)’ мотивирована образом блохи: *kak dar tombān-e / šālvār-e kas-i andāxtan*, букв. ‘бросить блоху в чьи-либо штаны’.

Необычные для русских образы в персидских ФЕ *sine-ye pā* ‘подъем ноги’, букв. ‘грудь ноги’ и *sine-ye kuh* ‘склон горы’, букв. ‘грудь горы’; *ru nist sang-e pā-st* ‘ни стыда, ни совести’, букв. ‘это не лицо, а пемза’.

Экспрессивные ФЕ в русском и персидском: русск. *потерять голову*, перс. *Sar az pā našenāxtan*, букв. ‘не отличать голову от ног’ или *dastopā-ye xod-rā gom kardan*, букв. ‘потерять свои руки-ноги’ с тем же значением ‘растеряться, потерять голову, рассудок’. Еще ряд персидских ФЕ с лексемой *sar* ‘голова’: *Sar-aš bu-ye qormesabzi midehad* ‘Он отчаянный человек, занимается опасным делом’, букв. ‘Его голова пахнет жареным мясом с зеленью’. Можно вспомнить русскую ФЕ *запахло жареным* или *дело пахнет керосином*. Перс. *Sar-aš tu-ye lāk-e xod-aš ast* ‘Он всецело занят своим делом (и не обращает внимания на окружающее)’, букв. ‘Его голова в своем деревянном ушате’. *Sar-e kasi-rā bā pambe boridan* ‘действовать тихой сапой; вредить незаметно, исподтишка’, букв. ‘отрезать (кому-либо) голову ватой’. *Sar-e kasi-rā šire mālidan* ‘вводить в заблуждение, обманывать, втирать очки’, букв. ‘втирать (кому-либо в голову) виноградный сироп’.

Ряд ФЕ строится на **гиперболах**. Например, в рус. (вы) *драть как сидорову козу* неизвестен Сидор, который неизвестно за что и как драл свою козу. А вот в персидском встречаем устрашающий эквивалент: *pust az sar-e kas-i kandan*, букв. ‘сдирать кожу с головы’. Русскому разг. *Чтоб он подавился!* соответствует перс. разг. *Sar-aš-rā bexorad*, букв. ‘пусть съест свою голову!’. Вместе с тем очень забавна поговорка перс. *muš be surāx namiraft, jāru be dom bast*, букв. ‘Мышь и сама бы в щель не пролезла, а она еще и веник к хвосту прицепила’ (= не может справиться с собственным делом, а еще берется за чужие).

Ряд своеобразных ФЕ, не всегда поддающихся объяснению: перс. *mesl-e sib-zamini* ‘как картошка’ — говорится о холодном, бесстрастном человеке; *sib-zamini-st* ‘это — картошка’ в значении ‘размазня’, ‘тюфяк’ — о человеке безвольном. Здесь я могу лишь высказать предположение, что образное основание этих ФЕ связано с понятиями **старой персидской медицины** о свойствах материи. В этой медицине у человеческих организмов и у веществ различали четыре вида основных свойств: тепло, холод, влагу и сухость, и соответственно природные вещества и продукты определялись как горячие, холодные, влажные и сухие или как комбинации этих свойств.

Некоторые персидские ФЕ содержат **сравнение с буквами персидско-арабского алфавита**: перс. *mesl-e dāl* букв. ‘как даль’, где ‘даль’ — название буквы *ḍ* — говорится о человеке, сгорбленном от старости или болезни. Перс. *dālguš* ‘лопоухий’, букв. ‘с ушами [как] даль’. В рус. *лопоухий* можно предположить сравнение ушей с лопухом. У В.И.Даля [1989, II, 237, 238, 267] в статье *Лапа* встречаем *лопоухий* ‘с отвислыми ушами’. Там же, в статье *Лопу́га*, *лопу́ха*, *лопу́хъ*, *лопу́шникъ* и пр., см. *лапуга* «(от лапа?). Трава лопух, от нее живот распух».

Перс. разг. *jim šodan* ‘улизнуть, смыться’, букв. ‘стать [буквой] джим’. Мотивировка не совсем ясна. Впрочем, и у рус. *улизнуть* (как и *улететь/улетать*) этимология точно не установлена.

Перс. *sabz šodan* ‘неожиданно появиться, вырасти словно из-под земли’, букв. ‘стать зеленым’.

Иногда кажется, что нет логического основания для мотивировки ФЕ, например: *Mesl-e sag doruṣ miguyad* ‘Врёт, как собака’, ср. русский фразеологизм *врет, как сивый мерин*. В.И.Даль [Даль 1989, II, 321] предполагал, что *врёт* появилось вместо *прёт*. А для современного персидского здесь можно найти историческое объяснение: общее негативное для мусульман отношение к собаке — в противовес предшествующей религии, а именно зороастрийской, где собака почиталась. См. об этом [Бойс 1988, с. 191–192; Голева 2000, с. 374].

Г.С.Голева приводит еще коннотативные ФЕ с лексемой ‘собака’: *mesl-e sag pāče-ye hame-rā gereftan* ‘грубо браниться, сквернословить’, букв. ‘как собака хватать всех за ноги’; *pā ru-ye dom-e sag gozāštan* ‘задевать низкого, презренного человека’, букв. ‘наступать собаке на хвост’; *mesl-e sag pašimān šodan* ‘раскаиваться, как собака’ (о неискреннем раскаянии).

Разная степень мотивированности в перс. *gorg-e bārān dide* ‘волк, попадавший под дождь’ и рус. *стреляный воробей* — обе ФЕ со значением ‘бывалый, опытный, прошедший огонь и воду’.

Перс. *mesl-e inke tuyāš-rā āteš zade and* ‘появился внезапно’, букв. ‘словно подожгли ему волосы на голове’.

Значение ‘все, от начала до конца’ — перс. *az sir tā piyāz*, букв. ‘от чеснока до лука’.

Значение ‘Слушаюсь! Рад стараться!’ передается ФЕ [be] *čašt*, где *čašt* ‘глаз’. Из современного персидского эта ФЕ необъяснима. Между тем в языке классической персидской литературы представлен также вариант *ba sar-u čašt* с лексемами ‘голова и глаз’. Этот вариант сопоставляется (Мирзой Гаффаровым) с аналогичным арабским фразеологизмом (с такими же лексемами) ‘*alā ar-ra’s wa al-‘ayn* в значении ‘С удовольствием! Охотно!’’. Таким образом, персидская ФЕ может быть калькой с арабского.

Хотелось бы еще отметить богатую **вариативность** персидских фразеологизмов. Так, например, А.А.Веретенников насчитал 17 вариантов у фразеологизма со значением ‘возить какую-либо вещь туда, где эта вещь обычна или широко распространена’ (типа рус. *ехать в Тулу со своим самоваром*), а именно: *zire be Kermān bordan* ‘везти тмин в Керман’ (а также: осла в Хорасан, миски в Китай, самоцветы в Оман, яхонт в Бадахшан, финики в Басру, сахар в Хузистан и др.). Изосемантическая модель ‘избежать одной опасности и подвергнуться другой, еще большей’ (типа русск. *из огня да в полымя, из кулька в ро-гожку*) представлена вариантами: *raft abru-yaš-rā dorost konad čašmaš-rā kur kard*, букв. ‘Пошел исправить брови — проткнул себе глаз’; *az čāh darāmadān va be čāle ofiādan* ‘выбраться из колодца и попасть в яму’; *az bārān zir-e nāvedān gorixtan* ‘убежать из-под дождя [и попасть] под водосточный желоб’ и др.

В заключение хочу выразить свои пожелания в адрес многоуважаемого юбиляра с помощью персидского фразеологизма: *Sar-aš sabz bād!* ‘Да сопутствует ему удача! Дальнейшего ему процветания!’

Литература

- Бойс 1988 — Бойс М. Зороастрийцы. Ворования и обычаи. Пер. и примеч. И.М.Стеблин-Каменского. Изд. 2-е. М., 1988.
- Веретенников 1993 — Веретенников А.А. Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М., 1993.
- Гаффаров 1927 — Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. Т. I. М., 1914; т. II. М., 1927.
- Голева 1997 — Голева Г.С. Персидская фразеология (лингвосоциокультурологический аспект). — Вопросы языкознания. 1997, № 5.
- Голева 2000 — Голева Г.С. Фарси-русский фразеологический словарь. М., 2000.
- Даль 1989 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. СПб.-М., 1989.
- Иванов 1999 — Иванов В.Б. Учебник персидского языка. Ч. I. М., 1999.
- Персидско-русский словарь. Т. I-II. Изд. 2-е. М., 1983.
- Рубинчик 1981 — Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.

- Рубинчик 1983 — Рубинчик Ю.А. Основные структурные типы фразеологических единиц. — Персидско-русский словарь, т. II, с. 809–811 (в «Грамматическом очерке персидского языка»). М., 1983.
- Восканян 1998/9 — Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. Тегеран, 1998/9 (Farhang-e rusi be fārsi. Moallef: G.A.Voskānyān. Našr-e Bašārat, 1377).
- Толковый словарь современного русского языка. Под ред. Д.Н.Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.
- Узина 1976 — Узина М.С. Социально-стилистическая дифференциация современного персидского языка (на материале формул вежливости). АКД. М., 1976.
- Фасмер Макс 1986–1987 — Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Пер. с нем. и дополнения О.Н.Трубачева. М., 1986–1987.

Типологический портрет тайских языков

Перечень типологических признаков языков мира включает десятки определений. Одни из них наиболее общие, охватывающие самые существенные черты языков, другие, наоборот, частные, объясняющие только некоторые стороны языка. Общие дефиниции бывают слишком широкими, применимыми к структурно довольно разным языкам. Например, тайский и бирманский одинаково считаются изолирующими, но практически они очень непохожи друг на друга. Еще большая пропасть разделяет тайский и английский, хотя и тот и другой относятся к аналитическим. Напротив, частные дефиниции бывают слишком узкими, объясняющими только некоторые, второстепенные, периферийные аспекты языка. Представляется, что у каждого языка имеется свой типологический портрет. Ниже делается попытка нарисовать типологический портрет тайских языков (ТЯ).

1. Прежде всего в ТЯ слог, а не отдельная фонема может выступать экспонентом смысловой единицы. В них нет однофонемных языковых единиц типа английского артикля *the*, русского предлога *в*, латинской приставки *a-*, придающей значению слова противоположный характер. Такие монофонемные единицы, как *ng*² «ты» в языке мулам, *m*³ «не» в языке лы, едва ли можно считать полностью безвокальными, так как сонорный компонент в них ярко выражен, что позволяет модулировать их разными тонами. Это обстоятельство служит основанием определить ТЯ как силлабические (слоговые) в отличие от фонемных в указанном выше списке.

2. ТЯ не просто силлабические, а моносиллабические, поскольку до 90% существующих в них слогов служат звуковой оболочкой минимальной смысловой единицы, т.е. — морфемы, хотя это не значит, что в ТЯ все морфемы или слова односложные. Вообще тайский слог

является важнейшим строительным элементом языка. Структура тайского слога отличается жесткостью, она с большим трудом поддается изменениям под воздействием окружения, тайскому слогу чужда рессиллабизация. Устойчивость структуры слога обуславливает изоляцию как синтаксическую черту ТЯ, определяет важнейшую роль порядка слов в выражении синтаксических отношений, жесткая структура слога предполагает аналитизм при выражении различных семантико-синтаксических категорий, наконец, такая структура слога подразумевает словосложение в качестве основного средства образования номинативных единиц. Коротко говоря, характер тайского слога определяет тип ТЯ в целом, в тайском слоге как в зеркале отражается типологический портрет и структура ТЯ.

3. Деление тайского текста на слоги, как правило, семантически значимо или совпадает с членением на морфемы. Такого рода слоги в отечественной восточной лингвистике принято называть слогоморфемами, так как внешне названная единица является слогом, а по существу — минимальной значимой единицей, т.е. морфемой. Слогоморфемы в большинстве своем могут выступать в качестве синтаксически самостоятельной единицы или слова. Исходя из этого, можно сказать, что слогоморфема является основной структурной единицей в ТЯ, а сами ТЯ являются слогоморфемными, в отличие от флективных языков, в которых основной единицей выступает слово, а сами языки в типологическом плане являются словесными.

4. При первом же знакомстве с ТЯ обнаруживается, что номинативные единицы в них представляют собой либо одиночные слогоморфемы (морфосиллабы), либо их сочетания, сформированные по синтаксическим правилам. Словообразующих, или деривационных, аффиксов в ТЯ практически нет или ничтожно мало, исключение составляют некоторые литературные языки, типа тайского (сиамского), лаосского, шан и лы, в которых имеется несколько словообразовательных морфем. В каждом ТЯ насчитывается не более нескольких тысяч слогоморфем, из которых можно создавать практически бесконечное число комбинаций, или номинативных единиц. Это служит основанием для того, чтобы называть ТЯ словослагающими, а не словообразующими. В этом их коренное отличие, например, от флективных языков.

5. Сами тайские слова не имеют показателей синтаксических отношений к другим словам. Последние выражаются преимущественно порядком слов или, частично, с помощью служебных слов. Причем большинство так называемых служебных слов в ТЯ этимологически прозрачны и не абстрагировались полностью от знаменательных слов. Языки с такими свойствами принято относить к изолирующим. Но термин «изолирующие языки» сейчас часто используется очень рас-

ширенно, поэтому термин «конфигурационный язык» в данном случае мне представляется более адекватным.

6. Одновременно лингвистический анализ показывает, что в ТЯ все значения, как лексические, так и грамматические, передаются отдельными слогоморфемами либо их комбинациями, синтетических форм практически нет. Это значит, что аналитизм составляет еще одну характеристику ТЯ.

7. Анализ тайских текстов свидетельствует о том, что глаголу принадлежит господствующее место в структуре ТЯ. Без большого увеличения можно сказать, что вся структура тайского высказывания определяется семантико-синтаксическими свойствами глагола. Глагол всегда находится в центре высказывания, в нем имплицитно заложены все связи с участниками действия. Сам тайский глагол не обладает формами времени, вида и т.д. но он является центром, вокруг которого собираются различные морфемы, служащие средством выражения указанных категориальных значений. Безглагольных предложений в ТЯ незначительное количество. В отличие от глагола, существительное в ТЯ очень слабо, если вообще связано с выражением каких-либо грамматических категорий. На основании сказанного выше ТЯ можно охарактеризовать как глаголоцентрические.

8. В прагматическом плане ТЯ ориентированы на слушающего. Это следует из того, что все зависимые члены всегда следуют за главными. Указанное положение справедливо для всех ТЯ.

9. Порядок слов в поверхностной структуре тайской фразы соответствует естественному ходу вещей, события перечисляются в том порядке, в котором они следуют в действительности. Тезис последовательности «предшествование—следование» реализуется в формуле «предшествующее действие — последующее действие». Так, высказывание «он читает в очках» в сознании тайцев (в данном случае лаосцев) состоит из двух последовательно связанных пропозиций: «он надевать очки» и «/он/ читать книга», т.е. *laaw² sai² ween³-taa¹ aan² nang⁵ syu²*. Следование естественному ходу событий является настоящим требованием языковой нормы. Поэтому ТЯ принято считать иконическими (аналогическими).

10. Несмотря на правило фиксированного порядка слов в предложении, допускается топиализация почти любого члена предложения. Всякий предмет мысли (факт), имеющийся в пропозиции, может быть представлен как тема высказывания (топик). Наиболее часто топик ассоциируется с объектом действия. Тайскому языковому мышлению, очевидно, чужда дихотомия активности и пассивности, что явствует из фактического отсутствия пассивной формы глагола, будь то синтетической или аналитической. В этих условиях топиализация выступает как важное средство выражения субъектно-объектных отноше-

ний. Хотя в ТЯ тема и подлежащее в большинстве случаев совпадают, но они могут и не совпадать. В коммуникативном плане ТЯ ориентируются на тему, а не на подлежащее.

11. Все понятия о внешнем мире в языках выражаются с помощью лексических и грамматических средств. Соотношение лексических и грамматических способов и средств служит важным критерием при типологической оценке языков. С этой точки зрения в ТЯ превалируют лексические способы.

К числу лексических средств во всех языках принадлежат лексемы, а к грамматическим средствам относятся синтетические элементы (аффиксы и т.д.), служебные слова, порядок слов и просодия.

Подходя к ТЯ с этих позиций, очевидно, что в них практически отсутствуют синтетические формы для выражения реляционных значений или для образования новых слов. Число служебных элементов в ТЯ крайне незначительно. Большинство морфем, зачастую относимых к служебным, на самом деле еще не отпочковались от полнозначных слов. Таким образом, если сопоставить лексические и грамматические средства выражения понятий о внешнем мире в ТЯ с аналогичными средствами во флективных языках, то становится очевидным, что в ТЯ решительный перевес — на стороне лексических средств.

Наглядным примером лексического характера изолирующих ТЯ и, напротив, грамматического характера флективных языков является возможность составить с помощью средств последних грамматически корректные, но совершенно бессмысленные предложения, типа известного русского «Глокая куздра штеко будланула бокра», и невозможность формирования такого предложения с помощью средств ТЯ. Благодаря флексиям согласования и управления синтаксическое значение приведенного выше примера вполне очевидно: субъект «куздра», обладающий качеством «глокая», совершает действие «будлануть» в отношении объекта «бокра». Если же написать или произнести несколько совершенно корректных с точки зрения тайской фонетики, но не соотносящихся со значением слогов, то они окажутся для тайца лишь хаотическим набором звуков. Только осмысленные единицы, относящиеся к определенному классу и расположенные в определенном порядке, формируют законченное высказывание. Например, лао *faa³ hoong⁶* «гром гремит» букв. «небо кричать», маонань *laak⁴ ee³ to³ bja³* «дети ловят рыбу» букв. «ребенок маленький ловить рыба». В случае изменения порядка следования компонентов обе последовательности превращаются в набор самостоятельных, не связанных друг с другом единиц, и не образуют высказывания.

Во флективных и агглютинативных языках знаменательные слова обычно не мыслятся и не существуют без формы, по которой можно было бы судить об их классной принадлежности и других свойствах,

если их лексическое значение неясно, как в приведенном примере. В ТЯ ничего подобного не существует. Например, для тайца вполне правильный слог *suuk*² или какой-нибудь другой, не соотносимый с определенным смыслом, в отличие от «куздра», «будланула», ничего не значит, он остается организованным набором звуков, и только. В то время как словам «куздра», «будланула» можно придать любую другую, синтетическую или аналитическую форму, они все равно останутся именем и глаголом с определенными грамматическими характеристиками, тайскому слогу *suuk*² нельзя придать никакой грамматической формы, которая предполагала бы какие-то вероятные синтаксические характеристики данного элемента. В окружении других морфем он может временно обрести какое-либо значение, лишенный окружения, он тут же превращается в нонсенс. Тайское слово не имеет грамматически релевантного нуля.

Все сказанное выше позволяет характеризовать ТЯ лексическими, в отличие от флективных и агглютинативных языков, являющихся грамматическими. Хотя сказанное нельзя понимать абсолютно. Без грамматики нет языков. Но соотношение грамматического и лексического в языках разное. В этом отношении ТЯ являют собой пример преимущественно или относительно лексических языков. Грамматика для ТЯ — это прежде всего синтаксис семантем, а не манифестация формальных средств.

Кроме указанных типологических признаков ТЯ можно назвать еще некоторое количество, но они будут отражать менее существенные черты ТЯ. Так, например, говоря о ТЯ, европейские авторы обычно отмечают наличие у них фонологически значимых тонов. Однако это далеко не главная типологическая черта ТЯ. Тоны присущи еще многим языкам Юго-Восточной Азии, Африки и Америки. Из перечисленных признаков-дефиниций, как мне представляется, наиболее существенными являются такие, как моносиллабический с жесткой структурой слога, иконический и лексический. Именно эти черты в первую очередь определяют типологический портрет ТЯ.

Фразеологизмы с компонентом-антропонимом «Адам» в современном арабском языке

Употребление имен Адама и Евы в составе устойчивых выражений, фразеологизмов характерно как для арабского, так и для многих других языков. Библейские мифы, известные всем народам мира, представляют общий элемент культуры разноязычных обществ. Так, миф о сотворении мира и человека находит свое отражение в языке и фразеологии как христианских, так и мусульманских и иных народов.

Адам — первый человек, созданный Богом, и Ева — жена Адама, первая женщина и праматерь рода человеческого, одинаково воспринимаются всеми людьми, независимо от их национальной и культурной принадлежности. Толковые словари разных языков фиксируют эти значения, добавляя, что они символизируют мужчину и женщину вообще.

Наличие компонента-антропонима «Адам» в составе фразеологических единиц (ФЕ) либо непосредственно связано с текстом Библии: первичные БФ, по терминологии В.Г.Гака (см. [1, с. 736]), либо более отдаленно: вторичные БФ, когда они отражают специфику мировосприятия носителя данного языка.

В русском языке говорят: ОТ АДАМА: с древности, издалека, с незапамятных времен.

С АДАМА (шутливо или иронично): с предыстории чего-либо, издалека (начинать сообщение, изложение).

В КОСТЮМЕ АДАМА (ЕВЫ): нагишом, без всякой одежды. Синоним: в чем мать родила.

ДОЧЬ ЕВЫ (шутливо): о женщине, страдающей излишним любопытством.

В языке иврит Адам — человек, каждый, мужчина; *ben adam* «человек», в противоположность *ben haiim* «животное». *Adam haiar* — «орангутанг» (человек леса); *Adam ilion* — «сверхчеловек» (верховный человек); *Adam harison* — собственно Адам (первый человек).

В арабском Адам воспринимается и толкуется как первый человек, праотец: *abu-l-bašar* «отец рода человеческого», соответственно Ева (*hawwa'*): *umm al-bašar* «мать рода человеческого» (см. [9]).

О необходимости этимологического анализа ряда изафетных ФЕ, в том числе с компонентом-антропонимом, при исследовании вопросов образования фразеологического значения говорят многие отечественные языковеды, в частности известный специалист в области персидской фразеологии профессор Ю.А.Рубинчик (см. [4, с. 52]).

В арабском литературном языке (АЛЯ) Адам впервые появляется в Коране (см. [2]), в ряде сур, где пересказывается библейское предание о сотворении его Богом, пребывании в раю и изгнании из райского сада вместе с женой, Евой, на землю [суры 3: 59; 7: 11–25].

В Коране употребляется также ФЕ *banu Adam*: в суре 7 — сразу после изгнания Адама и Евы из рая Господь обращается к их потомкам: *banu Adam* «О сыны Адама! Мы ниспослали вам одежды... О сыны Адама! Пусть Сатана не искусит вас, как (искусил он) ваших праотцев и тем исторгнул их из рая...» (см. [7: 26, 27, а также 7: 31, 35]).

Затем постепенно *banu Adam* становится обозначением не только непосредственных потомков Адама и Евы, но и людей вообще, рода человеческого. В той же суре 7 далее находим: «Когда Господь твой из сынов Адама, из чресл их, извел потомков их и повелел им...» (см. [7: 172]). Здесь связь еще довольно тесная, но степень обобщения выше, чем в начале суры; в суре же 17 связь значительно ослабевает: «Мы оказали честь сынам Адама, Мы их носили по земле и по морям, и наделяли их благами, чистыми дарами, и их возвысили над многим из того, что сотворили» (см. [17: 70]).

Наивысшего обобщения употребление в Коране фразеологической единицы (ФЕ) *banu Adam* достигает в суре «Иа син» при описании Судного дня: «Не Я ли вам заповедал, сыны Адама, не поклоняться Сатане — ведь он ваш враг заклятый. Меня вы почитать должны — таков путь истинный» (см. [36: 60, 61]).

Далее упоминание об Адаме и потомках Адама встречается в сказках «Тысячи и одной ночи». Необходимо отметить, что здесь, как и в Коране, Адам выступает в качестве *библейского персонажа*, наряду со святым Иосифом:

«Не будь доверчив к женщинам,
Учись на жизни Иосифа, —
Ведь знаешь ты: твой отец Адам

Не верь обетам и клятвам их...
И там найдешь ты обманы их.
Из-за них уйти тоже должен был».

См. «Из рассказа о царе Шахрияре» [3, т. I, с. 16, 17].

Снова — намек на изгнание из рая. В другой сказке (о Джиллиаде и Шимасе) также пересказывается данный сюжет как объяснение мальчику, в чем начало послушания и как оно сочетается с раскаянием. «Ведь все люди возводят себя к потомкам сыновей Адама, а Аллах создал Адама в истине», — говорит мальчик, недоумевая, почему люди постоянно пребывают в неповиновении. Они склонны к тому, что осуждает Аллах, и отходят от любви к истине (см. [3, т. VIII, с. 71–72]).

Однако в сказках о животных и птицах фразеологизм *ibn Adam* «сын Адама» употребляется еще в значении «человек» в противоположность другим живым существам. Говоря между собой и обсуждая свой страх перед человеком, его и свои действия, сказочные звери и птицы называют его именно *ibn Adam*, а не *insan*, что по-арабски также значит «человек».

Это нашло свое выражение и в переводе сказок с арабского на русский язык, выполненном М.А.Салье. Вот говорит утка:

Wa 'I'lami 'anna ibn Adam yahtalu 'ala-l-hitan fa-yuhrijuha min al-bihar, wa yarmi at-tayr bi-bandaqah min tin... wa ibn Adam la yaslamu 'ahad min šarrihi, wa la yanju minhu tayr wa la wahš, wa qad ballagtuka ma sami'tuhu 'an ibn Adam.

«Знай, что сын Адама может вытащить рыбу из моря, попасть в птиц глиняными пулями... от зла сына Адама никто не уцелеет, и не спасется от него ни птица, ни зверь. Вот, я сообщила тебе то, что слышала о сыновьях Адама» (см. [3, т. III, с. 7]).

В последнем случае ФЕ *ibn Adam* переведена на русский язык в форме множественного числа: «о сыновьях Адама», хотя в тексте оригинала употреблено единственное. Это можно оправдать наличием у данного фразеологизма формы множественного числа в значении «человек — люди»: *ibn Adam* — *banu Adam*. В той же сказке читаем:

'innani maridah min al-huzn wa hawfi min ibn Adam, fa-l-hazar summa-l-hazar min bani Adam.

«Я больна от ужаса и от страха перед сыном Адама. Берегись, и еще раз берегись сыновей Адама!» (см. [там же, с. 6]).

Очевидно, что если «сын Адама» заменить в переводе на «человек», это было бы правильно, учитывая частую повторяемость ФЕ в данной сказке. К подобному выводу, по всей видимости, пришел и сам переводчик, поскольку далее в тексте сказки читаем: «Ты длинный и толстый, так что же ты боишься сына Адама при твоём большом теле и быстром беге... Несмотря на твою величину, человек покори́л тебя и не испугался твоей длины и ширины». Эти слова обращены к коню (с. 9). В арабском же варианте везде употребляется *ibn Adam*.

Средневековый арабский языковед ас-Саалиби в своем труде «*Šimar al-qulub fi-l-mudaf wa-l-mansub*» (см. [6]) фиксирует следующее

устойчивое сочетание *šuhrat Adam* «известность Адама», «слава Адама», которая приводится в пример арабами. Он цитирует средневекового поэта, который жалуется своему покровителю на грубость привратника, преградившего ему путь и посмеявшегося его не узнать и не пропустить к господину. Гневная тирада заканчивается такими словами:

'ankarani 'ankum 'ala za'mihi
li'annani bayna bani Adamin
...Я был поражен,
Средь сынов человеческих с давних времен

falam 'azal fi 'ajabin da'imi
muz huliqu 'ašharu min Adami
Как меня не пускал он упрямо.
Славней самого я Адама.

См. [6, с. 39].

Поэтический образ построен на соположении мифологемы «Адам», известной всем и каждому, и представителя «сынов Адама», известней которого, по его мнению, нет никого, включая и самого прародителя Адама.

С течением времени мифологема «Адам» в АЛЯ постепенно отходит от исходного образа первого человека, сотворенного Богом, и воспринимается все более отвлеченно.

В современном арабском языке выражение *ibn Adam* (*banu Adam*) можно встретить в различных типах дискурса как в литературном, так и в разговорном языке.

Мифологический дискурс

В историческом романе Джирджи Зейдана «Завоевание Кербелы» в разговоре об исламе один из персонажей говорит, что ислам положил конец духу племенной непримиримости. В подтверждение своих слов он приводит цитату из хадиса:

'inna Allah 'azhaba 'ankum gaybat al-jahiliyyah wa fahraha li-'annana wa 'antum banu Adam, wa Adam min at-turab.

«Аллах увел вас от гордости (за свое племя) и от поклепа (на другие племена), потому что и мы, и вы — дети Адама, а Адам — из праха земного» (см. [7, с. 5]).

В том же романе почтенный шейх говорит, обращаясь к своей собаке:

Sahibtuka ba'da 'an malaltu suhbat al-insan wa 'araftu šurur bani Adam.

«Я стал дружить с тобой, когда мне наскучила дружба человека и я узнал зло, приносимое людьми» (см. [7, с. 24]).

В первом примере — мифологема, во втором — обобщенное значение, противопоставление людей и животных, отмеченное в сказках «Тысячи и одной ночи».

В газетной публицистике ФЕ *banu Adam* и ее вариант *'abna' Adam wa Hawwa'* «сыновья Адама и Евы» обладают не просто обобщенным значением «люди», но подчеркнутым значением «все люди» либо «человеческие существа», что соответствует английскому варианту «human beings», приводимому в арабско-английском словаре Х.Вэра [8]: *'inna li-kullin min 'abna' Adam wa Hawwa' hiwayah.*

«У каждого человека — свой конек (букв. «У каждого из сынов Адама и Евы — свой конек») (см. [«ас-Саура», 1978]).

Интересно, что появляются также варианты ФЕ *banu Adamin* и *Adamiyyuna*, где компонент *Adam* получает морфологическую форму целого множественного числа, что свидетельствует о все большей слитности этого словосочетания.

Wa liza fasma' ya ra'id huzay: man yufakkiru 'anna-l-'arab laysu Adamiyyina fa-huwa yašbahu bi-d-dabt, wa lakinna bi-d-dabt, man yufakkiru 'anna-l-yahud laysu Adamiyyina.

«Так что послушайте, майор Хузай, тот, кто не считает арабов людьми, в точности, как две капли воды, похож на того, кто не считает евреев людьми!» (см. [«ал-Иттихад», 10.06.1983]).

Разговорно-бытовой дискурс

Современные египетские писатели часто вводят в свои произведения диалект, народно-разговорный язык. Он присутствует в диалогах, царит в пьесах, в кино- и телефильмах, приближая художественные произведения к действительности.

В рассказе Юсефа Идриса «Дауууд» есть такой диалог:

— Абу Самир.	— Abu Samir.
— Что с тобой?	— ma lik?
— Я боюсь.	— ana haifah.
— Чего же?	— lieh ya sitti?
— Кошку.	— al-qittah.
— Она плачет, как человек.	— di bi-tibki zayyu-l-bani Adamin.

(букв. «Она плачет, как сыны Адамовы»).

В пьесе Ю.Идриса «Фарфуры», в реплике одной из героинь, также слышим:

Ihna fi-l-masrah, wa-l-masrah ihtifal, igtima' kabir, mahragan, nas ktir, nas, bani Adamin. Sabu-l-mašakil barrah wa gayin.

«Мы же в театре, а театр — праздник, большое сборище, целый фестиваль, много людей; люди, сыны Адамовы, оставили все свои проблемы да пришли сюда...»

В разговорном языке ФЕ *banu Adam* претерпевает структурное изменение, из генитивной превращается в атрибутивную конструкцию,

а то и в сложное слово, как в первом случае: хотя al-bani Adamin графически изображается как два слова, артикль al- имеется только у первого из них, что свидетельствует о большой степени семантической слитности. Во втором примере banu Adamin употребляется в синонимическом ряду, подобно тому как в русском просторечном языке можно услышать: «Эх вы, люди-человеки...». Связь с мифологемой «Адам» здесь уже практически утрачена, остается только внешняя оболочка, созвучная ФЕ — «сыны Адама».

Необходимо отметить и другое явление: в современном египетском диалекте форма множественного числа фразеологизма banu Adam все больше вытесняет форму единственного числа, а для обозначения множественного употребляется упомянутая выше аналитическая форма banu Adamin, имеющая окончание целого множественного числа мужского рода. Приведем примеры:

anta fi'lan nushah! Nushah min bani Adam illi ahbabtuh.

«Ты и впрямь копия! Ты — копия человека, которого я любила», — говорит жена своему мужу — компьютерному гению, создающему виртуальные копии людей (современная пьеса «Вот — я, вот — он»).

dol min lahmak wa damak ya bani Adam!

«Они же — твоя плоть и кровь, эх ты, человек!» — говорит отцу двух сестер муж одной из них, упрекая его в черствости (кинофильм «Мягкие руки»).

В обоих случаях выражение bani Adam употребляется с оттенком презрения, упрека, с уничижительной интонацией. Собеседник не назван по имени, он уподобляется сотням других человеческих существ, ставится в этот безликий ряд, сливается с человеческой массой. В то же время ему как бы напоминают, что он — человек, потомок Адама, и должен вести себя соответственно, более достойно.

В рамках этого дискурса прослеживается также реминисценция употребления ФЕ banu Adam в сказках «Тысячи и одной ночи»: человек в противоположность животным. В колонке «Рассуждения ослика» в газете «al-Masa'», ослик сообщает, что он опасается человека, который может «съесть его локоть». На занятиях по курсу «Средства массовой информации» преподаватель объясняет студентам: «haif min bani Adam illi yumkin yakul dira'uh iza kan ga'an» «Он боится, что человек, если будет голоден, съест часть его ноги (букв. „локоть“), поэтому не хочет раздражать его».

В отличие от сказок, здесь снова употребляется форма не единственного числа — ibn, а множественного — banu Adam. Ее же можно услышать в разговоре о тишине и безлюдности улиц в Александрии зимой:

Tihruqi barrah bi-l-layl ma tla'ish bani Adam fi-š-šari'.

«Выйдешь вечером на улицу, не встретишь ни одного живого существа».

В последнем примере — самая высокая степень обобщенности: ФЕ *bani Adam* выступает как обозначение «человеческого существа» вообще, может быть, даже не только человеческого, но любого живого существа, и тогда она становится синонимичной слову *mahluq* «творение», «создание» (*ma tla'is wa la mahluq wahid*).

Безусловно, употребление ФЕ *bani Adam* придает репликам большую выразительность, эмоциональность, экспрессивную насыщенность, но при этом носители языка не задумываются о происхождении этого словосочетания, о его связи с мифологемой «Адам» и библейских корнях самого мифа о праотце рода человеческого.

Литература

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
2. Коран. Перевод смыслов и комментарии В.Пороховой. М., 1997.
3. Книга «Тысячи и одной ночи» в восьми томах. Пер. с араб. М.А.Салье. М., 1958.
4. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
6. *As-Sa'alibi, Abu Mansur. Simar al-qulub fi-l-mudaf wa-l-mansub*. Al-Qahirah, 1965.
7. *Zaydan, Jirji. Garat Karbala'*. Al-Qahirah, 1963.
8. *Wehr H.A. Dictionnary of Modern Written Arabic*. Beirut–London, 1974.
9. *Al-Mu'jam al-Wasit, al-juz' as-sani*. Al-Qahirah, 1978.

О новом учебнике «Вводный курс языка пушту»

Необходимость написания данного учебника возникла в связи с тем, что по языку пушту существовали только «Вводный курс пушту» Н.А.Дворянкова, изданный в 1962 г., и «Вводный фонетико-орфографический курс», являющийся частью «Учебника языка пушту» К.А.Лебедева, изданный в 1969 г., а интенсификация учебного процесса и рост требований к учебникам и учебным пособиям поставили новые задачи перед исследователями языка пушту, потребовали новых методических подходов.

По сравнению с «Вводным курсом» Н.А.Дворянкова в новом «Вводном курсе» дается более полная характеристика звуков пушту, больше внимания уделяется выработке правильной интонации. В основу урока положен текст, через который осуществляется презентация звуков, букв, лексического и грамматического материала. К каждому тексту дается грамматический комментарий. Темы уроков отобраны с учетом одной из целей учебника — отразить реалии Афганистана, познакомить со страной изучаемого языка, ее бытом, культурой, традициями. Все тексты даны в двух вариантах – печатном и рукописном. Печатный вариант предназначен для развития навыка чтения, рукописный — для чтения и письма. Транскрипция используется как вспомогательное средство в списках слов, пояснениях к текстам, некоторых заданиях.

В учебник включена лексика первого курса вузов гуманитарного профиля, что дает возможность с первых уроков аудиовизуально воспринимать лексический материал, предназначенный для активного усвоения на данном этапе.

Основная цель учебника состоит в том, чтобы путем углубленного овладения знаниями по различным аспектам (фонетика, лексика,

грамматика), через развитие навыков и умений устной и письменной речи на текстовом материале выработать у обучаемых способность устно и письменно выражать свои мысли на языке пушту по тематике учебника.

Задачи учебника подчинены достижению этой основной цели и являются следующими: выработка нормативного произношения и умений правильной артикуляции, особенно труднопроизносимых звуков, на материале отдельных слов и фраз; осознанное овладение основными типами интонации предложений, для чего в соответствующих уроках даются теоретические сведения по данным вопросам; работа над техникой чтения; овладение основами орфографии; приобретение активного запаса лексики как через основные тексты урока, так и через тематически увязанные с ними дополнительные тексты и упражнения; отработка в устной речи предусмотренных программой грамматических структур; овладение знаниями по морфологии и синтаксису языка пушту.

Исходя из основной цели и задач обучения пушту на I курсе в основу построения учебника положены такие методические принципы, как оригинальность, речевая направленность, комплексность в подаче материала, научность, достигающаяся, в частности, тем, что весь теоретический материал учебника (грамматика, комментарии) отвечает последним достижениям в изучении пушту; дозировка и подача теоретического материала подчинены практическим целям обучения, грамматическая часть каждого урока организована по принципу «дифференциальный уровень — семантический уровень» (фонетика, морфология, лексика, словообразование, синтаксис), а система упражнений строится по принципу «язык–речь» (аспектные, предречевые, речевые упражнения); языковой материал вводится и отрабатывается системно, с учетом нарастания трудностей как от урока к уроку внутри учебника, так и от раздела к разделу внутри урока, и закрепляется повторением через каждые несколько уроков.

Оригинальность учебника состоит в том, что адаптация произведения в целом на уровне предложения.

Проведение в учебнике принципа комплексности в подаче и отработке учебного материала заключается в том, что различные аспекты языка изучаются во взаимосвязи, а не изолированно, причем на едином в структурном и содержательном отношении языковом материале, через который раскрывается тема.

Материал и система упражнений учебника способствуют овладению навыками чтения и понимания, говорения (как монологической, так и диалогической речи), письма и аудирования.

В соответствии с принципом последовательности выработки речевых умений и по степени нарастания трудностей все упражнения

в учебнике могут быть подразделены на языковые (тренировочные), направленные на отработку фонетики, лексики, грамматики; предречевые (полутворческие), строящиеся на базе связанных речевых образцов с задачей более или менее точного воспроизведения их в учебном процессе, и, наконец, речевые упражнения (творческие), основной целью которых является развитие комплексных навыков и умений свободного владения устной и письменной речью. В построении системы упражнений выдерживается принцип «восходящей трудности»: все упражнения имеют опору в текстах и по мере прохождения урока должны подвести к знанию темы и свободному владению ею в устной и письменной форме.

Общая структура урока включает в себя грамматику (а также фонетику, морфологию, словообразование, синтаксис), один или несколько монологических текстов, один или несколько диалогических текстов, дополнительный текст, слова и выражения к текстам, грамматический комментарий, языковые (тренировочные), предречевые (полутворческие) и речевые (творческие) упражнения к текстам и выглядит следующим образом:

- 1) фонетика;
- 2) графика: буква;
- 3) текст в графическом изображении;
- 4) лексика к тексту;
- 5) грамматическая тема;
- 6) упражнения на развитие и закрепление грамматических, лексических и фонетических навыков.

Кроме того, в каждом уроке предусмотрены контрольные упражнения и упражнения на повторение.

Грамматические темы, отраженные в учебнике, включают следующие разделы: морфология — имя существительное (род существительных, множественное число следующих групп существительных мужского и женского рода: с нулевым аффиксом (суффиксы мн.ч. *-ina*, *-ān*), с окончанием *-au* (окончание мн.ч. *-i*), с окончанием *-a* ударное (мн.ч. *-e* ударное), *-a* безударное (окончание мн.ч. *-i* безударное), с окончанием *-ā* (суффиксы мн.ч. *-gāni*, *-wi*), с окончанием *-au*, с окончанием *-j* (окончание мн.ч. *-i* безударное), с окончанием *-an* (окончание мн.ч. *-i*). Падежные отношения: прямой и косвенный падеж единственного и множественного числа вышеперечисленных групп существительных; имя прилагательное (качественные и относительные прилагательные, согласование прилагательных с существительными в роде, числе и падеже, слабые и неизменяемые прилагательные, прилагательные, оканчивающиеся на *-au* ударное и *-au* безударное; местоимения (личные местоимения, притяжательные место-

имения, местоименные энклитики в роли притяжательных местоимений, указательные местоимения *dā, daḡa, haḡa*, их употребление с существительными, вопросительные местоимения *cāṅga, co, cīri, cā, cok, cowām, kum*, определительное местоимение *har*). Косвенный падеж личных местоимений, согласование указательных местоимений с существительными в роде, числе и падеже. Косвенный падеж указательных местоимений и вопросительных местоимений *kum, cowām*, отрицательные местоимения *hic, hicok*; наречия (обстоятельственные и определительные наречия *dalā, cīri, kala, nān, os, halā*), числительные (количественные и порядковые), простые, составные и сложные, употребление числительных с существительными); глагол (простые, отыменные, приставочные, инфинитив, основа настоящего времени, настоящее время несовершенный вид, личные окончания глагола, глагол-связка, спряжение глагола в настоящем времени, глагольное управление); предлоги и послелоги как основное средство сочинения слов. Самые распространенные предлоги и послелоги: *pā... ki, pā... bāndi, dā... cxa(na), tār... lāndi, tār... puri, dā... sara (lā... sara)*.

Синтаксис: порядок слов в простых повествовательных предложениях с глагольным и именным сказуемым, в вопросительных предложениях с вопросительным словом и без него, в отрицательных предложениях с глагольным и именным сказуемым; дополнение; прямое и косвенное; место в предложении прямого и косвенного дополнения, согласованного и несогласованного определения.

Предусмотрен следующий порядок изучения материала:

Фонетическая характеристика вводимого звука.

Печатный и рукописный вариант буквы, обозначающий вводимый звук.

Прослушивание текста со зрительной опорой на текст.

Введение лексического и грамматического материала текста.

Интонационный рисунок текста.

Прослушивание текста, повторение предложений.

Чтение текста синхронно с диктором.

Самостоятельное чтение.

Выполнение заданий.

Заучивание наизусть пословиц, стихов, выражений.

Кроме того, рекомендуется на каждом занятии выполнять упражнения, разработанные специально для развития навыков чтения, которые имеются в приложении к каждому уроку. Эти упражнения представляют собой задания на развитие как техники чтения (такие задания, как повторение за диктором со зрительной опорой на текст отдельных фраз, предложений, синхронное чтение с диктором предложений в различном темпе и т.п.), так и формирования умения быстро-

го выделения главной мысли прочитанного (на это направлены такие задания, как деление предложения на синтагмы, выделение различных частей речи в предложении и т.п.).

Учебник также включает методические рекомендации, грамматический справочник, пушту-русский словарь.

Такой комплексный подход в подаче материала в учебнике применен впервые за все время преподавания пушту как в России, так и за рубежом.

Учебник прошел апробацию в различных учебных заведениях гуманитарного профиля, в том числе на факультетах ИСАА.

В заключение можно отметить, что выработанная новая методика преподавания языка пушту, учитывающая рекомендации современной методической науки, создала основу для написания других учебников пушту, в частности «Основного курса языка пушту» (авторы Л.С.Яцевич, В.Б.Остапенко), а также сможет стать в дальнейшем опорой для исследований по созданию новых учебников и учебных пособий по языку пушту.

Литература

1. Асланов М.Г. Афганско-русский словарь. М., 1996.
2. Лебедев К.А. Учебник языка пушту (начальный курс). М., 1969.
3. Лебедев К.А. Грамматика языка пушту. М., 1970.
4. Дворянков Н.А. Вводный курс пушту. М., 1962.
5. Ремизовская Р.И. Принципы определения фонематических систем неблизкородственных языков с учетом их фонетических реализаций в речи. Автореф. канд. дис. Киев, 1983.
6. Стальская И.П. Вводный курс. М., 1984.
7. Усманов Н.К. и др. Литература Востока в новейшее время. 1917–1945 гг. Учебник для студентов филол. спец. ун-тов. М., Московский университет, 1977.
8. Халидов Б.В. Заметки по фонетике афганского языка. — Труды Среднеазиатского госуниверситета им. В.И.Ленина. Ташкент, 1957.
9. Заир Абдуразак. Хрестоматия. Ташкент, 1971.

Наречия и их синкретические формы в монгольских языках

Наречия в качестве особого разряда слов были выделены еще в античной грамматике, где они характеризовались как приглагольные определители. В этом же значении они были восприняты римскими грамматистами, и впоследствии этот термин из латинской грамматики перешел в грамматики европейских языков [ЛЭС 1990, с. 323].

Наречия — это особый лексико-грамматический разряд неизменяемых слов, как правило, обозначающих признак действия или качества и выступающих в предложении в качестве обстоятельств при глаголах-сказуемых или определений при прилагательных.

В качестве самостоятельной части речи они вычленяются по совокупности семантических, морфологических и синтаксических признаков.

К морфологическим признакам наречия относятся: 1) отсутствие словоизменения; 2) лексическая и словообразовательная соотносительность с другими классами знаменательных слов; 3) в меньшей степени наличие своего (наречного) морфологического инвентаря.

В большинстве случаев эта характеристика применима и к определению монгольских наречий.

Однако, выражая признак признака, наречия семантически сближаются с обстоятельственными формами других частей речи. В таких случаях соотносительность морфологических показателей наречий со словообразовательными и словоизменительными морфемами других классов слов порой недостаточно четко обособляет их от последних.

За исключением не слишком большого количества собственных словообразовательных морфем, единственным формальным признаком наречий остается их неизменяемость. Однако для монгольских языков этот признак послужил и основанием для включения в состав

наречий всех прочих неизменяемых разрядов слов либо самих наречий в состав этих разрядов. Поэтому в ранних грамматических исследованиях по монгольским языкам наречия имели довольно разноречивую характеристику. Почти все авторы монгольских грамматик XIX — начала XX в. независимо от того, выделяли ли они наречия как самостоятельную часть речи или включали их в разряд частиц «пустых слов» или «недостаточных имен», относили сюда все то, что не входило в состав имен и глаголов, т.е. это были собственно наречия, послелогов, союзы, частицы, междометия; сюда же нередко попадали некоторые формы имен существительных, прилагательные, местоимения [Ковалевский 1835, с. 92; Бобровников 1849, с. 186–196; Котвич 1902, с. 129–143; 1929, с. 323–324; Поппе 1937, с. 68; Luvsangvandan 1939, с. 110].

Исключение представляла «Грамматика калмыцкого языка» А.Попова, в которой наречия рассматривались в качестве самостоятельной части речи и определялись как «принадлежность глаголов и имен прилагательных». Однако и здесь автор причислял к наречиям некоторые явные падежные формы имен существительных: *герт* 'в юрте', *дала-гар* 'морем' [Попов 1847, с. 177].

Впервые после грамматики А.Попова наречия как самостоятельная часть речи, отличающаяся от послелогов и других служебных слов с описанием их подгрупп, функции и места в предложении, были исследованы Г.Д.Санжеевым [Санжеев 1940, с. 61; 1941, с. 41–45]. Обособление наречий от других классов слов было значительным шагом в давнем споре монголоведов по проблеме частей речи в монгольских языках.

С тех пор наречия как самостоятельный разряд слов не только выделяются в грамматиках по монгольским языкам, но и стали объектом монографических исследований [Алексеев 1941; Барайшир 1958; Барайшир 1974; Монраев 1980].

Однако, несмотря на то что проблема наречий как самостоятельной части речи в монгольских языках снята, среди ученых еще остаются расхождения как в их определении, так и особенно в их составе.

Некоторые наречия (главным образом производные) находятся как бы на переходной ступени от слов изменяемых к неизменяемым, поэтому проведение четкой грани для этой части речи бывает порой затруднительным. В живых языках существует непрерывный с исторической точки зрения процесс перехода одних частей речи в другие, слов изменяемых в неизменяемые, знаменательных в служебные. И этот процесс особенно нагляден в формировании класса наречий, так как многие из них возникли и продолжают возникать на базе лексических единиц, относящихся к другим частям речи.

Чаще всего наречия вычленяются по своей основной синтаксической функции обстоятельственных слов, как средства выражения абстрактных логических категорий пространства, времени, причины,

цели и т.п. и как результат абстрагирования понятия качества в качественной характеристике действия. Закрепление за какой-либо лексической единицей несвойственной для нее только одной синтаксической функции — обстоятельственной, влечет за собой семантическое переосмысление этой единицы и переход ее в разряд наречий. Подобный способ образования наречий ведет к тому, что по своим морфологическим показателям они совпадают с единицами других классов слов, хотя в таких случаях это не что иное, как парадигматически неполноценные, обособившиеся и изолированные формы имен или иных частей речи, закрепившиеся в значении наречий. В таких случаях происходит качественный сдвиг в значении самой словоформы, она выпадает из словоизменительной парадигмы, наполняется новым содержанием и превращается в грамматический омоним по отношению к исходной форме.

По своей словообразовательной структуре наречия подразделяются на:

I. Немотивированные, т.е. те, корни или основы которых давно утратили соотнесенность с другими живыми грамматическими классами слов. Это, прежде всего, наречия непроизводные, возникновение которых относится к далекому прошлому, например: *öter* [SH, § 98] 'быстро, немедленно'; *masi* [SH § 69] 'очень, весьма'; *basa* [SH, § 19] 'снова, опять'. В современном монгольском языке: *авд* 'сразу, тотчас', *сая* 'недавно', *сэм* 'тихо, осторожно' и др. Во-вторых, это некоторые производные наречия, мотивирующие корни-основы которых не употребляются самостоятельно: *ende* 'здесь' <**en* + *de*, *tende* 'там' <**ten* + *de*, *urida* 'прежде' <**uri* + *da*, *erte* 'давно' <**er* + *te*. Элементы *-da/-de*, *-te* обычно рассматриваются как древние показатели дат.-местн. падежа. Это и ряд производных наречий, образованных посредством наречных суффиксов, присоединяемых также к ныне самостоятельно не употребляемым корням-основам, но входящим в состав таких наречий: наречия с суффиксом *-на* обозначают место совершения действия: *гадна* 'снаружи, вне дома' (ср. *гадаа* <*гадау* -а 'снаружи', *гадар* 'внешний покров'), *цаана* 'дальше, по ту сторону' (ср. *цааш* 'дальше', *цаагуур* 'подальше, глубже'), *хойно* 'сзади, позади' (ср. *хойгуур* 'севернее-позади').

Суффикс *-ш/-гш* наращивается к тем же самостоятельно не функционирующим основам и образует наречия, указывающие на направление действия: *цааш* 'дальше, далее', *дээш* 'выше, вверх, наверх', *доош* 'вниз, ниже', *нааш* 'сюда, ближе', *ийш* 'сюда', *урагш* 'вперед', *гадагш* 'наружу, во двор', *дотогш* 'вовнутрь', *дорогш* 'вниз'.

II. Наречия мотивированные, т.е. те, в которых явно прослеживается соотносительность с другими классами знаменательных слов.

Суффикс *-даа/-таа* присоединяется к различным основам и образует наречия со значением способа протекания действия: *аажимдаа* 'медленно, тихо, постепенно' < *аажим* 'медленный, тихий, спокойный', *заримдаа* 'иногда' < *зарим* 'некоторый, частичный', *цугтаа* 'вместе, совместно' < *цуг* 'вместе с кем-л.'. Суффикс *таа/тээ* присоединяется к местоименным основам: *энэтээ* 'на этой стороне' < *энэ* 'этот', *тэртээ* 'на той стороне' < *тэр* 'тот' — и к основам, обозначающим стороны света: *зуунтээ* 'слева, на восточной стороне' < *зуун* 'восток', *баруунтаа* 'справа, на западной стороне' < *баруун* 'запад'. Посредством суффикса *-уу* образовано некоторое количество наречий от глагольных основ: *дэндуу* 'чрезмерно, чересчур, слишком' < *дэнд* 'переходить меру', *энгэруу* 'слишком, чересчур' < *энгэр* (?).

Незначительное количество наречий образовано посредством суффиксов: *-тар/-тэр*: *сайтар* 'хорошенько' < *сайн* 'хороший, хорошо'; *-жин*: *өнөөдөржин* 'в течение сегодняшнего дня' < *өнөөдөр* 'день'; *-ээ*: *хэдийнээ* 'уже давно' < *хэдийн* 'тогда, в прошлый раз'.

Но несмотря на ограниченность суффиксального способа образования наречий, эта категория слов в современных языках постоянно пополняется за счет процесса адвербиализации ряда падежных именных форм, некоторых деепричастий, реже — причастий, которые в силу своих синтаксических функций и в какой-то степени изменения лексического значения (утрата словом своего предметного или глагольного значения) переходят в разряд наречий. Это наречия, образованные:

I. На базе падежных форм имен существительных: 1) дат.-местн. падежа: *ард* 'сзади, позади' < *ар* 'спина, зад, тыл', *амандаа* 'про себя' < *ам/ан/* 'рот, уста', < *дашрамд* 'попутно, кстати' < *дашрам* 'случай, повод'; 2) орудн. падежа: *дунджаар* 'в среднем' < *дундаж* 'средняя величина', *биеэр* 'лично' < *бие* 'тело', *ундсээр* 'совсем, окончательно, в корне' < *ундэс* 'основа, источник, корень'; 3) исходного падежа: *алсаас* 'издали' < *алс* 'даль, дальний', *араас* 'сзади' < *ар* 'зад, 'спина; северная сторона горы'.

II. На базе имен прилагательных. Этот процесс происходит довольно активно путем наращивания форманта орудного падежа *-аар*: *шинээр* 'вновь, заново' < *шинэ* 'новый', *зөөлнөөр* 'мягко, нежно' < *зөөлөн* 'мягкий, нежный', *унэнчээр* 'честно, искренне' < *унэнч* 'правдивый, искренний, честный'.

III. На базе имен числительных: *нэгэнт* 'уже, однажды' < *нэг/эн/* 'один', *нэгэнтэйгуур* 'одновременно; в то же время' < *нэгэн+тэй* +*гуур*. Эта группа наречий определяется количеством самих числительных и наличием их удвоенных форм: удвоением одной или разных основ числительных со вторым компонентом в форме орудного падежа: *нэг нэгээр* 'поодиночке, один за другим'; *нэг хоёроор* 'по

одному-двое', а также устойчивыми сочетаниями: *нэг адил* 'одинаково', *нэг амиар* 'сразу, залпом, одним духом'.

IV. На базе глагольных форм. Имеются в виду деепричастные, реже — причастные формы, которые с утратой глагольных признаков: способности глагольного управления, залогообразования и лексико-грамматической изоляции — переходят в разряд наречий. Например: *дахин* 'снова, опять, еще раз' — по форме слитное деепричастие от глагола *дахи-* 'повторять, возобновлять', *дөнгөж* 'едва, только лишь' — форма соединительного деепричастия от глагола *дөнгө-* 'справляться с трудом, делать что-л. на скорую руку'; *заавал* 'обязательно, во что бы то ни стало, непременно' — форма условного деепричастия от глагола *заа-* 'указывать, учить, наставлять'; *удтал* 'долго, продолжительно' — форма деепричастия предела от глагола *уд-* 'медлить, задерживаться'.

V. На базе причастий образовано незначительное количество наречий с *удахгуй* и *удсангуй* 'вскоре, в скором времени' — формы будущего и прошедшего причастий с отрицательной частицей *гуй* от глагола *уд-* 'медлить, задерживаться'; *даруй* 'немедленно, вскоре' — устаревшая глагольно-именная форма глагола *дар-* 'давить, притеснять'. (Подробнее о всех способах образования производных наречий см. [Орловская 1974, с. 185–206].)

Но на периферии наречий находятся и смешанные категории слов. В процессе развития языка появляются совпадающие по форме, но различные функционально грамматические категории. Это происходит при возникновении определенных сдвигов в соотношении формы и содержания языковой единицы, причем это свойственно всем уровням языка и речи [ЛЭС 1990, с.446]. Это так называемые «синкретические формы».

С.А.Чареков высказал предположение, что «синкретизм в современном языке, по всей видимости, связан с первичным синкретическим словом архаического языка в той его стадии, когда части речи в нем отсутствовали и первоначальная дифференциация и формирование частей речи зависели не от словообразовательных элементов, а исключительно от семантики самого слова, способного (или неспособного) назвать предмет и одновременно характеризовать этот предмет по его отличительному признаку, свойству» [Чареков 2000, с. 154].

В литературе по алтайским языкам синкретические формы известны также как «недифференцированные имена», «имена с нерасчлененной семантикой», «имена качества», или «качественные имена», «имена с неполной склоняемостью», или «дефектные» [Чареков 2000, с. 152–153].

Трудности при определении категориальной принадлежности таких имен в монгольских языках вызваны прежде всего их морфоло-

гической неоформленностью. Это и послужило основанием для дискуссий среди монголоведов по проблеме частей речи в целом и поводом для вычленения из среды наречий особой группы слов, не входящих в традиционные разряды существительных, прилагательных, наречий. Среди выделенных в алтайских языках синкретических форм прилагательное-наречие принадлежит к наиболее распространенным [Чареков 2000, с. 154–171].

Аналогичное явление наблюдается и в современных монгольских языках. Наличие в языке такой категории слов определяется прежде всего их атрибутивным характером. Эти единицы по своей семантике соответствуют как прилагательным, так и наречиям, а в предложении характеризуют значение и предметов, и действий. Тем самым эти единицы отличаются как от собственно прилагательных, так и от «чистых» наречий. По вполне справедливому замечанию С.А.Чарекова, «ведущее значение в словоформах этого типа несомненно принадлежит прилагательному, и лишь в отдельных случаях можно предположить, что ведущее значение является значением наречия» [Чареков 2000, с. 157].

Выполнение двойственной синтаксической функции подобными словами связано и с характером выраженного в них признака. В большинстве случаев это не конкретный признак, принадлежащий какому-то предмету или характерный для ряда предметов, а признак общий, абстрагированный. Именно наличие общего абстрагированного понятия качества обуславливало широкое синтаксическое использование таких единиц, в данном случае в качестве определителей как признака предмета, так и признака действия.

В состав синкретических форм прилагательных-наречий входят непрямые и производные единицы.

К непрямым принадлежит группа слов, первоначально не имеющих или давно утративших морфологическую членимость: *ойр*: *ойр төрөл* 'близкий родственник' — *ойр орших* 'близко располагаться'; *муу*: *муу чанар* 'плохое качество' — *муу хийх* 'делать плохо'; *хурдан*: *хурдан морь* 'быстрый конь' — *хурдан унших* 'быстро читать'; *тургэн*: *тургэн явцтай* 'быстрыми темпами' — *тургэн довтлох* 'быстро скакать'.

К производным относятся образования с суффиксами: *-уу*: *хатуу төмөрлөг* 'твердый металл' — *хатуу мэдэх* 'твердо знать'; *-нгуи*: *дэлгэрэнгүй илтгэл* 'пространный, обширный доклад' — *дэлгэрэнгүй ярих* 'пространно говорить'; *-рхай*: *тодорхой арга хэмжээ* 'конкретные меры' — *тодорхой үзэгдэх* 'отчетливо виднеться'; *-сэг*: *элэгсэг* 'дружеский, благосклонный' — *элэгсэг уулзах* 'дружески встретиться'; *тай*: *шийдвэртэй арга хэмжээ* 'решительные меры' — *шийдвэртэй шаардах* 'решительно требовать'.

В современном языке из состава прилагательных и их синкретических рядов идет процесс вычленения собственно наречий посредством присоединения к их основам суффикса *-аар* (формант орудного падежа), например: *шинэ* 'новый' — *шинээр* 'вновь'; *хурдан* 'быстрый, быстро' — *хурднаар* 'быстро'; *муу* 'плохой, плохо' — *муугаар* 'плохо'; *халуун* 'теплый, тепло' — *халуунаар* 'тепло'; *сайн* 'хороший, хорошо' — *сайнаар* 'хорошо'; *том* 'большой, крупный' — *томоор* 'крупно'.

Этот процесс служит также подтверждением того, что в подобных единицах исходным и превалирующим является значение прилагательного.

Литература

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
SH — Index to the Secret History of the Mongols. By I.De Rachewiltz. Bloomington, 1972.
Алексеев 1941 — Алексеев Д.А. Наречия в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941.
Барайшир 1958 — Барайшир Ш. Монгол хэлний дайвар уг. Улаанбаатар, 1958.
Барайшир 1974 — Барайшир Ш. Орчин цагийн монгол хэлний дайвар уг. Улаанбаатар, 1974.
Бобровников 1849 — Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
Ковалевский 1835 — Ковалевский О. Грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835.
Котвич 1902 — Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902.
Котвич 1929 — Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929.
Luvsangvandan 1939 — Luvsangvandan Š. Monɣol Kelen-jüi Ulayanbayatur, 1939.
Лувсанвандан, Дэмчигдорж 1951 — Лувсанвандан Ш. Дэмчигдорж Б. Монгол хэлний зүй, 1-р дэвтэр. Авиа ба угсийн зүй. Улаанбаатар, 1951.
Монраев 1980 — Монраев М.У. Наречие в современном калмыцком языке. Элиста, 1980.
Орловская 1964 — Орловская М.Н. О неизпроизводных наречиях в монгольском языке. — Краткие сообщения Ин-та Народов Азии, № 83. М., 1964.
Орловская 1974 — Орловская М.Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке. — Исследования по восточной филологии. М., 1974.
Попов 1847 — Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
Поппе 1937 — Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М., 1937.
Санжеев 1940 — Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.—Л., 1940.
Санжеев 1941 — Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941.
Чариков 2000 — Чариков С.А. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. СПб., 2000.

О семантике пассивных форм глагола языка дари

1. Пассивные формы глагола языка дари понимаются здесь как финитные формы, состоящие из причастия прошедшего времени знаменательного глагола и одной из спрягаемых форм вспомогательного глагола *šodan* (букв. ‘делаться’, ‘становиться’); например: *nawâxta mêšod* ‘исполнялось (на музыкальных инструментах)’ в (1) *Âhang-e Âstâ borô nawâxta mêšod* ‘Исполнялась свадебная мелодия’; *čida šoda bud* ‘было расставлено’ в (2) *Atrâf-e mêz čawkihâ-ye maqbul čida šoda bud* ‘Вокруг стола были расставлены красивые стулья’².

Пассивные формы чаще всего встречаются при передаче значения пассивного (страдательного) залога (ср. (1), (2)). В то же время в работах по языку дари отмечалось употребление этих (или внешне схожих) форм и при передаче «оттенка возможности», и в составе безличных предложений; см. [Дорофеева 1960: 59]. В данной работе предпринимается попытка показать, что пассивные формы употребляются в языке дари не в одном, а в нескольких разных, не сводимых друг к другу значениях.

2. Данная работа базируется на модели структурно-ономасиологического описания глагольного словоизменения языка дари, которая разрабатывается нами с опорой на некоторые идеи, содержащиеся

¹ Необходимо особо подчеркнуть, что при идентификации данной формы ее семантика нами во внимание не принимается, и поэтому выбранное для нее наименование — «пассивная форма» — носит чисто условный характер.

² В качестве иллюстративного материала здесь использованы отрывки из художественных произведений, из школьных учебников, из лингвистической литературы, а также наши собственные полевые записи. Примеры с литерами (типа (4a), (4b)) составлены специально для иллюстрации тех или иных утверждений.

в [Якобсон 1972]. Ниже вкратце излагаются основные положения, лежащие в основе этой модели.

Всякая финитная форма содержит в неявном виде информацию о четырех базовых событиях: 1) сообщаемое событие, или просто событие (без эпитета «базовое»), — сокращенно Е (от англ. event); 2) сообщение о событии — М (от message); 3) событие-ориентир, или просто ориентир, — R (от reference point), т.е. некое другое событие (иногда — неконкретное), на которое ориентировано событие Е; 4) действие — А (от action), т.е. то действие (в широком смысле, включая и состояние, и переход в новое состояние), которое передается в данном случае данной глагольной лексемой. Кроме того, финитная словоформа содержит информацию о некоторых участниках базовых событий; среди них различаются: 1) активные участники — AP (от active participant), 2) пассивные участники — PP (от passive participant), 3) косвенные участники — IP (от indirect participant). Базовые события и их участники именуются далее базовыми единицами.

Характеристики базовых единиц по различным параметрам при условии, что эти характеристики морфологически значимы (т.е. хотя бы в некоторых случаях определяют выбор между финитными формами), образуют глагольные категории. Среди них различаются: 1) категории-десигнаторы, каждая из которых характеризует одну определенную базовую единицу безотносительно к другим; 2) категории-коннекторы, каждая из которых характеризует соотношение между двумя базовыми единицами. Всякая категория-десигнатор характеризует данную базовую единицу по одному из пяти параметров: 1) состав — Cont (от content), 2) форма, или конфигурация, — Shape, 3) масштаб — Scale, 4) модальность — Modal, 5) полярность — Polar. Всякая категория-коннектор характеризует соотношение между двумя базовыми единицами по одному из двух параметров: 1) темпоральное соотношение — Temp (от temporality), 2) идентификационное соотношение — Ident (от identification). Например, категория числа глагола представляет собой характеристику активного участника события по составу: [Cont APE], а категория таксиса — темпоральное соотношение между событием и ориентиром: [Temp E:R].

Из всех многочисленных категорий, обнаруживаемых в глагольном словоизменении языка дари при изложенном выше подходе, далее обсуждаются всего три категории, каждая из которых насчитывает по две грамлеммы — немаркированную и маркированную: 1) [Ident PPA:APE] — идентификационное соотношение (нетождественно vs. тождественно) между пассивным участником действия (объектом) и активным участником события (подлежащим): PPA≠APE vs. PPA=APE; 2) [Modal A] — модальная характеристика действия (реальное vs. допускаемое): real-A vs. ass-A (от assumed); 3) [Polar APE] — полярностная характе-

ристика (наличие vs. отсутствие) активного участника события: pos-APE vs. neg-APE (от positive, negative).

3. Категория-коннектор [Ident PPA:APE] в общепринятой терминологии соответствует категории залога.

Вообще говоря, идентификационные соотношения между базовыми единицами являются определяющими не только у данной категории, но и у некоторых других, в частности у категории лица; ср.: (3a) Man *mênawisam* 'Я пишу' (APE=APM — подлежащее тождественно отправителю сообщения: 1-е лицо); (3b) Tu *mênawisi* 'Ты пишешь' (APE=PPM & APE≠APM — подлежащее тождественно адресату, но не отправителю сообщения: 2-е лицо); (3c) Ô *mênawisad* 'Он пишет' (APE≠PPM & APE≠APM — подлежащее не тождественно ни отправителю, ни адресату сообщения: 3-е лицо).

Залоговые отношения суть идентификационные соотношения между участниками события и действия. Правда, не все эти соотношения морфологически значимы. Например, в оппозиции «актив vs. каузатив» в (4a) Man (ba dast-e hod) *derêši dôxtam* 'Я (своими руками) *пошил* костюм' (APA=APE) — (4b) Man bâla-ye хаууât *derêši dôxtam* 'Я *пошил* костюм у портного' (т.е. каким-либо образом понудил портного пошить костюм — IPA=APE & APA=IPE); как нетрудно видеть, разные залоговые отношения на выбор финитной формы не влияют. Однако совершенно иначе обстоит дело в оппозиции «актив vs. пассив»; ср. (4a) (APA=APE & PPA=PPE) — (4c) *Derêši ba dast-e man dôxta šod* 'Костюм *был пошит* мною' (APA=IPE & PPA=APE): здесь выбор финитных форм однозначно определяется нетождеством vs. тождеством объекта действия и подлежащего: (4a) (PPA≠APE) — (4c) (PPA=APE).

Таким образом, одно из значений пассивных форм сводится к тождеству пассивного участника действия и активного участника события: PPA=APE. Например: (1); (2); (5) разг. Da maktab-xu elm *yâd gerefta mêša* 'Ведь в школе *изучается* наука'³; (6) Âb-e çah-e mâ *hoşk šoda*, bâyard do metr-e digar *kanda šawad* 'Наш колодец высох, надо выкопать (букв. 'надо, чтобы было *выкопано*') еще два метра'; (7) Kâr-e zeyâd ya'nê çi? — Ya'nê kâr-ê ke ba tu wazifa *dâda našoda ast* 'Что значит лишняя работа? — Значит, работа, которая тебе *не поручена*'. Это значение именуется здесь пассивностью. Разумеется, значение пассивности способны принимать только те финитные формы, которые образуются от переходных глаголов, ибо только они могут иметь при себе прямой объект.

³ Здесь и далее при наличии глагольных фразеологизмов, или сложных глаголов (например, *yâd gereftan* 'изучать', букв. 'брать (в) память'), отрезки текста, выделяемые курсивом в транскрипции и в русском переводе, могут не совпадать по семантическому наполнению, поскольку в транскрипции выделяется не фразеологизм целиком, а только его глагольная часть.

4. Категория-десигнатор [Modal A] в качестве глагольной категории обычно не выделяется (о причине — см. ниже).

Вообще говоря, модальная характеристика базовых единиц является определяющей не только у рассматриваемой категории, но и у некоторых других, в частности у категории [Modal E] (наклонение), которая в отличие от [Modal A] насчитывает более двух граммем; ср.: (8a) разг. *Laylâ xâna-st* 'Лейла находится дома' (реальное событие — real-E) — (8b) разг. *Aga Laylâ xâna-st* (или *xâna bâša*)... 'Если Лейла (допустим) находится дома...' (допускаемое событие — ass-E) — (8c) разг. *Laylâ xâna bâša* 'Лейла пусть находится дома' (желаемое событие — des-E, от *desired*) — (8d) разг. *Laylâ xâna xât bâša* (или *bâša*) 'Лейла, вероятно, находится дома' (предполагаемое событие — hyp-E, от *hypothetical*).

Маркированная граммема категории [Modal A] обычно передается вспомогательным глаголом *tawânestan* (букв. 'мочь'); ср.: (9a) *Man mēgōyat* 'Я говорю' (real-A) — (9b) *Man gofta mētawānam* 'Я могу сказать' (ass-A). Например: (10) *Dasthâ-yê ke âbâd mēkonad xarâb ham karda mētawānad* 'Руки, которые строят, могут и разрушать'; (11) разг. *Emrôz tefl-e xod-em kam-ê taw dâšt, âmada natânest* 'Сегодня мой ребенок был немного нездоров (букв. 'имел легкий жар') и не смог прийти'⁴.

При сочетании маркированных граммем PPA=APE и ass-A вспомогательные глаголы *šodan* и *tawânestan* в составе финитной формы могут выступать вместе; например: (12) *Zarrât-e boxârât-e âb ânqadr xord-and ke ba čašm dida šoda namētawānand* 'Частицы водяных паров так малы, что не могут быть увидены глазом'. Однако чаще глагол *tawânestan* в подобных случаях опускается; в частности, вместо финитной формы *dida šoda namētawānand* в (12) вполне можно без какого-либо ущерба для смысла употребить и форму *dida namēšawand* (букв. 'не видятся'). В результате появляется та же пассивная форма, но уже с несколько иным значением, нежели рассмотренное в п. 3; например: (13) *Bâqî-ye nawešta xânda namēšod* 'Остальные записи были неразборчивы' (букв. 'не читались', т.е. не могли быть прочитаны).

Таким образом, еще одно значение пассивных форм сводится к совмещению тождества пассивного участника действия и активного участника события (PPA=APE) и допускаемости (потенциальности)

⁴ Многие иранисты не признают за глаголом *tawânestan* в конструкциях такого рода статус вспомогательного глагола, а за самими этими конструкциями — статус финитных форм; см., например, на таджикском материале: [Расторгуева, Керимова 1964: 155–156]; именно поэтому они и не рассматривают модальную характеристику действия как глагольную категорию (см. выше). Однако, как мы пытались показать в [Островский 1997: 103–108], аргументы, приводимые в обоснование этого непризнания, достаточно спорны.

действия (ass-A). Например: (13); (14) *Har ta'wizak-e ô ke... ba-sâdagi waraq zada mêšod mota'alleg ba yak mazmun mêbud* 'Каждая его шпаргалка, которую... легко можно было перелистывать (букв. 'которая легко *перелистывалась*'), обычно относилась к одному из предметов'; (15) разг. *Mard-o nâpard az ruy-e dôst-o rafiq-eš šenâxta mêšan* 'Порядочного человека можно отличить от непорядочного (букв. 'мужчина и немужчина *узнаются*'), т.е. могут быть распознаны) по его друзьям и приятелям'; (16) разг. *Yag dandân-e sâxtagi mêxâyom ke sâxtagi budan-eš fâmidâ naša* 'Я хочу (вставить) искусственный зуб, который не отличался бы от натурального' (букв. 'чтобы его искусственность *не понималась*', т.е. не могла быть понята). Это значение именуется здесь потенциальной пассивностью. Значение потенциальной пассивности (как и просто пассивности — см. п. 3) способны принимать только те финитные формы, которые образуются от переходных глаголов.

5. Категория-десигнатор [Polar APE] в качестве глагольной категории обычно тоже не выделяется, так как оппозицию «личность vs. безличность» принято обсуждать не в разделе морфологии, а только в разделе синтаксиса.

Вообще говоря, полярностная характеристика базовых единиц является определяющей не только у данной категории, но и у некоторых других, в частности у категорий [Polar A] (наличие vs. отсутствие действия) и [Polar E] (наличие vs. отсутствие события); ср. (17a) *Ahmad mêwa xarid* 'Ахмад *купил* фрукты' (действие налицо — pos-A) — (17b) *Ahmad mêwa na(xarid)* 'Ахмад *не купил* фрукты' (действие отсутствует — neg-A); (18a) *Emrôz agar bârân nêst* (или *nabâšad*) *dar bây çakar mêzanêtm* 'Если сегодня нет дождя (букв. 'дождь *не есть*'), мы *погуляем* по саду' (оба события налицо — pos-E) — (18b) *Emrôz agar bârân na(mê)bud dar bây çakar mêzadêtm* 'Если сегодня *не было бы* дождя, мы *погуляли бы* по саду' (оба события отсутствуют: имеется в виду, что в действительности дождь идет, а поэтому гулять мы не пойдем — neg-E).

Маркированная граммема категории [Polar APE] в литературно-письменной разновидности языка дари во многих случаях передается заменой личной формы на безличную или неличную; ср.: (19a) *Mêta-wânêtm beistêtm* 'Мы можем остановиться' (букв. 'можем, чтобы *остановились*' — pos-APE) — (19b) *Mêta-wân istâd* 'Можно остановиться' (безличная форма одного глагола плюс усеченный инфинитив II другого — neg-APE).

Однако в устно-разговорной разновидности дари эта граммема часто передается вспомогательным глаголом *šodan*; ср: (20a) разг. *Bâyad fawtan azinja barâyom* 'Я должен немедленно отсюда выйти' (букв. 'следует, чтобы (я) *вышел*') — (20b) разг. *Bâyad fawtan azinja barâtada šawa* 'Следует немедленно отсюда выйти' (букв. нечто вроде 'следует, чтобы *было выйдено*'). В результате появляется все та же пассивная

форма, но в значении, резко отличном от тех, которые рассматривались в пп. 3 и 4: достаточно упомянуть хотя бы тот факт, что эта форма образована от непереходного глагола. Иногда пассивные формы в подобном значении встречаются и в литературном (или полулитературном?) языке; например: (21) *Har qadar ke jelaw rafta šawad* хатар бѣстар мѣшавад ‘Сколько ни идти (букв. нечто вроде ‘идётся’) дальше, становится все опаснее’.

Пассивные формы в рассматриваемом значении могут быть образованы не только от непереходных глаголов (как в (20b), (21)), но и от переходных. При этом в отличие от ранее рассмотренных случаев (см. пп. 3 и 4) объект действия здесь тождествен не подлежащему (ибо оно отсутствует), а прямому дополнению (PPA=PPE). Например: (22) *Wa agar ô râ ba hâl-e xod gozârda šawad* ham ba’d az moddat-ê xod-baxod ba hâl-e tabi’i mēâyad ‘Если же его оставить (букв. ‘его будет оставлено’) в покое, то через некоторое время он сам собой придет в нормальное состояние’; (23) *Ba’d peyâz râ bâlâ-ye rawyan andâxta kamkam âb râ niz andâxta šawad* ‘Затем следует опустить лук в масло и понемногу подливать также воды’ (букв. нечто вроде ‘да наливается также воду’)⁵.

Таким образом, еще одно значение пассивных форм сводится к безличности, т.е. к отсутствию подлежащего — активного участника события (peg-APE); например: (21)–(23) (все указанные примеры почерпнуты из [Дорофеева 1960: 59, 81]). Это значение именуется здесь имперсональностью.

6. Наконец, сочетание маркированных граммем *peg-APE* и *ass-A* (рассмотренных выше, в пп. 4 и 5) также может передаваться пассивной формой, образуемой как от переходных, так и от непереходных глаголов. Например: (24) *Âwâz-e ânhâ râ ba-moškel šonida mēšod* ‘Их песню можно было расслышать (букв. нечто вроде ‘их песню слышалось’) с трудом’; (25) разг. *Da i čawki šešta namêša* ‘На этом стуле невозможно сидеть’ (букв. ‘не сидится’); (26) разг. *Az u râ da môtar rafta mēšod?* ‘Можно ли было проехать (букв. ‘ехалось ли’) по той дороге на машине?’ Это значение именуется здесь потенциальной имперсональностью.

7. Из всего изложенного выше следует, что пассивные формы глагола языка дари способны передавать четыре значения: 1) пассивность (PPA=APE); 2) потенциальную пассивность (PPA=APE & ass-A);

⁵ На первый взгляд может показаться, что в (22) и (23) налицо элементарная стилистическая небрежность; однако это впечатление, вероятнее всего, обманчиво, так как подобные же обороты встречаются и в некоторых других языках, включая славянские; ср., например: польск. *Zbudowano szkołę* букв. ‘Построено школу’ (см. [Мельчук 1974: 343]); русск. диал. *У меня было телёнка зарезано* (см. [Кибрик 1982: 25]).

3) имперсональность (neg-APE); 4) потенциальную имперсональность (neg-APE & ass-A).

Литература

- Дорофеева 1960 — *Дорофеева Л.Н.* Язык фарси-кабули. М., 1960.
- Кибрик 1982 — *Кибрик А.Е.* Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.
- Островский 1997 — *Островский Б.Я.* Вспомогательные глаголы в языке дари // Исследования по иранской филологии. Вып. I. М., 1997.
- Расторгуева, Керимова 1964 — *Расторгуева В.С., Керимова А.А.* Система таджикского глагола. М., 1964.
- Якобсон 1972 — *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Именная группа в кхмерском: число и референция

Считается, что категория числа в языках мира возникает для передачи оппозиции смыслов «один»/«больше одного». Однако характер выражения этой оппозиции в кхмерском языке говорит о том, что ее грамматикализация связана не столько с выражением количества (т.е. объема референциального множества), сколько с выражением референтности.

В данной статье рассматриваются правила употребления числовых выражений (ЧВ) в кхмерском языке, при помощи которых выражается значение единичности или множественности референтов, и делается вывод, что их употребление/неупотребление носит обязательный характер и зависит от логико-семантического и функционального типа именной группы (ИГ), в составе которой они выступают. Правила употребления ЧВ зависят от коммуникативной структуры высказывания и логической структуры дискурса, т.е. употребление ЧВ связано с логическими и прагматическими аспектами высказывания.

Таким образом, число в кхмерском языке — это не чисто дескриптивная категория, а категория, связанная с субъективными моментами высказывания. Тем самым показатели числа в традиционно изучаемых европейских языках и ЧВ в языках типа кхмерского несопоставимы: хотя и те и другие выражают семантику количества — единичности или множественности, их функции в языке разные. ЧВ в кхмерском языке — это начальная стадия грамматикализации числа, на которой употребление ЧВ еще жестко связано с выражением референтности. На этой стадии грамматикализации получают объяснение те аномалии, которые можно обнаружить в употреблении числовых форм в языках с полностью грамматикализованной категорией числа, например такие, как нейтрализация противопоставления числовых форм в нереферентных ИГ (*go on foot; aller a pied; people recognized him in the*

street; made by hand; picture dictionary и т.д.). Итак, при описании функционирования ЧВ в языках типа кхмерского наибольшую объяснительную силу имеют положения, связанные с логическими, логико-коммуникативными и функциональными аспектами языка¹.

Функциональный подход к описанию языка исходит из признания того факта, что языковая форма в конечном счете мотивирована двумя основными функциями языка — создание сообщения и выражение отношения говорящего к сообщаемому или к участникам коммуникативного акта. В рамках функционального подхода предполагается, что наиболее важные и универсальные свойства языковой структуры не могут быть описаны без обращения к этим двум основным функциям языка. Функциональный подход предполагает также необходимость описания всех фактов естественного языка, поэтому, например, нерегулярный характер употребления ЧВ в языках типа кхмерского в рамках функционального подхода столь же значим и должен быть мотивирован основными функциями языка как средства организации когнитивного и коммуникативного содержания. При логическом подходе предложение и его составляющие рассматриваются в их отношении к структуре суждения. При логико-коммуникативном подходе предполагается, что семантика слова формируется под влиянием его роли в сообщении [Арутюнова 1998]. Эти три подхода объединяет то, что они кладут в основу мотивированность языковой формы, то, как она адаптирована к двум основным функциям языка, к структуре суждения и структуре логического дискурса.

В кхмерском, как и в других языках ареала Юго-Восточной Азии, не все ИГ с общим именем в вершине имеют показатели числа; отсюда обычно делается вывод о том, что грамматической категории числа нет [Горгониев 1966]. Необязательный характер употребления ЧВ в языках типа кхмерского принято объяснять избыточностью, т.е. считается, что если число референциального множества понятно из ситуации, ЧВ можно всегда опустить, так что нет грамматических правил, а есть только здравый смысл. На самом деле это не так, во многих случаях в условиях семантической избыточности ЧВ обязательны и, наоборот, могут быть не употреблены в условиях семантической недостаточности. Такой подход к объяснению характера функционирования ЧВ в языках типа кхмерского является причиной того, что в работах по общей лингвистике и лингвистической типологии изолирующие языки и по сей день иногда называются «экзотическими»

¹ Так, говоря о китайском языке, Тань Аошуан отмечает, что «китайский языковой строй в значительной степени ориентирован на семантику и прагматику. Грамматическая маркировка в нем непосредственно связана с текущим состоянием знания участников коммуникации и опирается на то, что для говорящего субъекта является релевантным в момент общения или создания текста» [Тань Аошуан 1994].

[Croft 1993]. Это надо понимать таким образом, что в «нормальных» языках все ИГ должны содержать показатели числа. Однако, если подходить к языку как средству организации когнитивного и коммуникативного содержания, можно сказать, что традиционно изучаемые языки ничуть не менее, а возможно, и более «экзотичны» в том, как они организуют содержание, а их грамматические категории часто противоречивы и неадекватны в том, как они выражают логическую и коммуникативную структуру высказывания. Исходить из признания того, что грамматическая категория числа в языках типа кхмерского не существует, — значит оставить без внимания очень сложный, детализированный и важный фрагмент их грамматической структуры, без знания которого невозможно строить правильные высказывания. Более того, останется незамеченным существование некоторых явлений, важных для универсальной грамматики и грамматической типологии, без изучения которых невозможно адекватное понимание того, что такое язык как средство организации коммуникативного и когнитивного содержания и как он функционирует.

Числовые формы даже в таком языке, как русский, могут сложным образом соотноситься со смыслом высказывания, и эксплицитное описание их функции требует обращения к разным уровням представления высказывания. Например, как известно, в русском языке числовые формы могут употребляться со значением противоположного числа: *Собаки бежали подняв хвост; Кто тут кошельки разбираывает?* Употребление формы мн.ч. в последнем примере иногда квалифицируется как особое «множественное гиперболическое» [Гловинская 1998]. Но совершенно очевидно, что в данном случае форма мн.ч. употребляется не только для обозначения предмета, находящегося в поле зрения участников коммуникативного акта, она ориентирована на передачу другого, неэксплицитного смысла, содержащегося в данном высказывании. Главная коммуникативная задача данного высказывания — не выяснение того, кто владелец данного кошелька, а утверждение общего характера о том, что так обращаться с кошельками нельзя. Выражение данного смысла требует нереферентного (универсального) статуса ИГ, и форма мн.ч. в данном случае его выражает². То есть в данном случае можно говорить о сдвоенном денотативном статусе ИГ [Падучева 1985] и референциальном конфликте в поверхностно-синтаксическом представлении.

² Ср. пример из академической Грамматики русского языка, где употребление формы мн. ч. квалифицируется как намеренное отстранение лица от конкретной единичности: *В дверь просунулся Яков Узелков. — Можно? — Нельзя, — сказал Ванька и, выглянув в коридор, строго отчитал постовых: зачем они пропускают разных граждан с улицы? — Я не с улицы! — закричал Узелков. — Я представитель прессы. — Представители пусть приходят утром, — сказал Ванька* [РГ 1982, с. 472].

Числовые формы русского языка употребляются недифференцированно по отношению к двум разным функциям имени общего, которое может указывать и на понятие, и на предмет. В кхмерском языке этот функциональный дуализм имени общего находит свое формальное выражение в том, что в случаях, когда предметное имя указывает на экстенционал, т.е. употребляется как семантический предикат, ЧВ не может быть употреблено, как в следующих примерах:

- (1) *nih ciə to?* ‘Это стол’.
- (2) *rəbəh tēəŋ nih ciə to?* ‘Это столы’.

Референтные ИГ

В кхмерском языке ЧВ, т.е. языковые формы, выражающие значение единичности или множественности, являются обязательными в **интродуктивных дескрипциях** — референтных ИГ, вводящих конкретный предмет или предметы в дискурс, и в ИГ, представляющих собой первую номинацию предмета или предметов, помещаемых в общее поле зрения участников коммуникации.

Единичность в кхмерском выражается при помощи служебного слова *tiəj* ‘один’ с классификатором или без него. Следует различать две разные функции служебного слова *tiəj*: выражение единичности и употребление в чисто интродуктивной функции наподобие того, как употребляется местоимение *один* в русском языке (*На улице я встретил одного человека*). Кхм. *tiəj* является маркером единичности в отсутствие каких-либо других способов выражения этого значения, и его употребление в предметных интродуктивных ИГ обязательно. Интродуктивное *tiəj*, как и местоимение *один* в русском языке, выступает как катафорическое средство в определенных семантических типах интродуктивных дескрипций, например в семантически слабых дескрипциях, т.е. таких, дескриптивный компонент которых недостаточен для успешности речевого акта (ср. ?*На улице я встретил человека* и *На улице я встретил одного человека*). Как отмечают многие авторы (см., например, [Шмелев 2002]), местоимение *один* в таких случаях указывает на референциальное намерение говорящего сообщить какие-то дополнительные сведения о референте. Кхм. *tiəj* выполняет чисто интродуктивную функцию и в тех случаях, когда оно выступает в непердметных ИГ, как в следующем предложении: *khəyom thlōəp baan totuəl nəw khruh thna? tiəj* ‘Со мной произошел один несчастный случай’. Приведем примеры предложений, в которых *tiəj* выступает как ЧВ единичности:

- (3) *viə thmec phnək tēəŋ svəŋ khaəŋ srəp tae
rumpic nuh viə khəəŋ mōəŋ khvay miəy, nuw khnoŋ caan, viə*

kəv baək phneək yaaj rəhah mōən khvay₃ kəv viniəh baat tuw / viə kəv thməc phneək mɔvəŋ tiət haaj viə khəəŋ nuw ləə caan muəj₄ miən num dɔmnəp phləe frambov₅ phvəŋ ‘Он закрыл глаза и вдруг увидел жареную курицу₁ (ЧВ) в тарелке₂. Он открыл глаза — курица₃ исчезла. Он снова закрыл глаза и увидел на тарелке₄ (ЧВ) пирожное с вареньем и кремом₅’ (А.Толстой).

В этих предложениях интродуктивными являются ИГ₁ и ИГ₅, в последней выступает неисчисляемое родовое слово *num* ‘мучное изделие’, поэтому оно не имеет ЧВ единичности, хотя в принципе это возможно; тогда *muəj* выступало бы как транспонирующее средство. Однако важно другое: эти предложения (которые описывают чудесные видения голодного субъекта) коммуникативно асимметричны, будучи симметричными во всех других отношениях. Это отражено в изменении порядка следования актантных ИГ («курица в тарелке» и «на тарелке пирожное»). Как мы увидим ниже, правило обязательного употребления ЧВ распространяется только на ИГ высокого ранга — синтаксического, семантического и коммуникативного, как правило субъектную и первую объектную. В данном примере применение интродуктивной стратегии в отношении ИГ₄ и продвижение ИГ₄ в позицию перед ИГ₅ мотивировано тем, что объекты, обозначенные в ИГ₄ ИГ₅, некорреферентны.

- (4) *kaarlou rūəh nuw khnoŋ khtɔəm muəj₁*
kraom cəndaə / khnoŋ nuh kōət khmiən dak avej tēəŋ vɪ kraw pii
lɔv kəmdaw muəj₂ dɔv lɔv khnoŋ cəŋcəəŋ tūəl muk thviə ‘Карло жил в маленькой каморке₁ (ЧВ) под лестницей, где у него ничего не было, кроме красивого очага₂ (ЧВ) — в стене против двери’ (А.Толстой).
- (5) *nuh nɔ juvəəʔniərii mněək srəh bəmprɔəŋ aaju? prɔmaən ciə dɔp*
pramtuəj cnam ‘Вот что, это, оказывается, молодая девушка
(ЧВ КЛФ)’, свежая и цветущая, лет пятнадцати-шестнадцати’ (Тие Срэнг).
- (6) *nuw kbae khaəŋ bɔrɔh cəəriə nih miən khmèeŋ kəmlah mněək*
muk mōət srəh bɔh vɛkuj cam bəmraə thaə rəəksaa cəŋŋuʃ
rɔbɔh bɔrɔh cəəriə daoŋ kerejaə ruəkpiə srəpòon srəpəp srəŋuʃ
ət miən riik riəŋ bəntec sɔh daoŋ nəək khom vɪ ŋəŋuʃ trōəm cəŋŋuʃ
rɔbɔh bɔrɔh cəəriə dael trəw ciə əwpuək bəŋkaət rɔbɔh khluən
vɪ veliə bej riətrej haaj ‘Рядом с этим стариком находился молодой человек
(ЧВ КЛФ), вид у него был подавленный и измученный, совершенно безрадостный, так как вот уже три ночи он, не смыкая глаз, сидел у постели больного, который, по-видимому, был его отцом’ (Ньот Тхаем).

* КЛФ — классификатор.

Отмечаются случаи, когда *tuaj* выступает в интродуктивной дескрипции вместе с дейктическими элементами. Так, в следующем примере введение в дискурс объекта, находящегося в поле зрения участников коммуникативной ситуации, осуществляется при помощи интродуктивной ИГ в режиме так называемого жестового дейксиса:

- (7) *kèe baan thvuuh damboul slæk muaj nih*
prək kaa piə prēəh vŋ nuŋ kəmdaw tʰaj nuŋ phliəŋ jaəŋ kʰəət
mʰəət '[Несмотря на все это, верующие стараются ухаживать за остатками наследия, за этим дорогим местом.] Они соорудили вот эту крышу из листьев ('крыша из листьев ЧВ этот'), чтобы надежно защитить божество от дождя и солнца' (Тие Срэнг).

Множественность в кхмерском языке выражается при помощи различных морфосинтаксических средств. В «Грамматике кхмерского языка» Ю.А.Горгониева [Горгониев 1966] в качестве основных и наиболее грамматикализованных отмечаются три способа выражения значения множественности: постпозитивное служебное слово *těəŋ laaj*, которое употребляется с названиями лиц, животных и предметов; препозитивное служебное слово *pruək*, которое употребляется с названиями лиц (в исключительно редких случаях — предметов) и выражает групповое множество, а также редупликация имени, которая используется с односложными названиями лиц. Из этих трех способов в интродуктивных ИГ используется только *těəŋ laaj*, поскольку слово *pruək* используется только в ИГ с денотативным статусом определенности, а редупликация имени используется в ИГ с универсальным денотативным статусом.

Помимо *těəŋ laaj* в интродуктивных ИГ используются другие ЧВ множественности. Одним из наиболее распространенных является редупликация определения. Приведем примеры:

- (8) *kaal baə luu səu piək plaək plaək₁ kan tae muən səw srual khnom*
nuik pruək dpl prəpuən koun proh srej touc₂ touc₂ nuw prēəh
 'Как только я услышал новости₁ (ЧВ), которые становились все тревожней, я начал беспокоиться о жене и маленьких детях₂ (ЧВ), оставшихся дома' (Су Чомраен).
- (9) *baə taam sɔmdej claəj cləvŋ khniə pii dambouŋ dambouŋ*
aac sɔmkəəl baan thaə kèe ciə bəvŋ pʰoun sac niət nuŋ khniə
jaəŋ cet bəmphot 'Насколько можно было судить по первым словам, которыми они обменялись, они были близкими родственниками' (Су Чомраен).
- (10) *tuəy srəbək sou siəŋ cəmriəŋ ləvəəy ləvəəy*
rəsaət mək pah saot bəsaət yuʔvəəʔcəən 'На какой-то миг слабые звуки пения (ЧВ) долетели до слуха юноши' (Тие Срэнг).

В качестве ЧВ множественности могут использоваться лексические повторы — антонимический или (квази)синонимический; так, например, в следующем предложении выступает антонимический повтор:

- (11) *borɔh khnoŋ aek sɔnthaan top prɛj... trəw baan totuəl svaakum pii mcah ptɛəh tɛəŋ caah tɛəŋ kmeɛŋ* ‘Мужчину в форме партизан приветствовали хозяева, молодые и старые’ (Су Чомраен).

Еще одним распространенным ЧВ множественности является употребление служебного слова *nɔəm khniə* (букв. ‘вести вместе’) в позиции непосредственно перед сказуемым. Данное служебное слово выражает совместность и, таким образом, может функционировать как ЧВ со значением групповой множественности, оно употребляется в интродуктивных номинациях. Приведем пример:

- (12) *khae mithonaa / tjaŋ kdaw haen / sesanuseh tnak tii pram baan nɔəm khniə seŋ tuw kɔmsaan prɛj paŋ miəŋ tjaŋ* ‘Июнь. Знойный день. Ученики пятого класса (ЧВ) отправились погулять в лес на целый день’ (Сухомлинский).
- (13) *kɔmtom kɔmlɔh dael trəw ciə mət phɛək khaaŋ koun kɔmlɔh koun kɔmtom nɔəm khniə taen kaaj sɔvɔh phum phiən priəp baan nuŋ sreŋ suəkkia* ‘Девушки и молодые люди, которым предстояло выступать в роли шаферов и подружек невесты (ЧВ), принарядились так, что друзьям они казались райскими созданиями’ (Хак Чейхок).

Обязательность ЧВ в интродуктивной дескрипции мотивирована ее функцией. Как отмечает Н.Д.Арутюнова [1998], собственно суждению о предмете предшествуют следующие два этапа, его подготавливающие: утверждение о существовании некоего предмета (экзистенциальная фаза) и сообщение о вхождении данного предмета в класс (таксономическая фаза). В кхмерском языке ЧВ, выступающее при общем имени в интродуктивной дескрипции, манифестирует экзистенциальную фазу, поскольку можно измерить объем только референциального, существующего множества.

В кхмерском языке ЧВ не употребляются в **идентифицирующих** дескрипциях — именных группах, являющихся второй и последующими номинациями объекта, введенного в дискурс, кореферентных соответствующим интродуктивным ИГ. Это мотивировано функцией идентифицирующей дескрипции, которая заключается не в том, чтобы повторять смысловые компоненты предыдущей номинации, а в том, чтобы обеспечить референцию к тому же объекту или объектам посредством отношения кореферентности. Таким образом обеспечивается связанность дискурса. Механизм семантической анафоры является важным средством установления кореферентных отношений; по этой

причине идентифицирующие дескрипции часто представляют собой ту или иную степень семантической редукции предшествующей номинации, и анафорические местоимения являются не единственным средством осуществления этой семантической редукции. Поскольку функция идентифицирующей дескрипции — это выделение предмета из предметной области дискурса посредством указания на уже введенный предмет, для ее выполнения достаточно только таксономической части дескрипции.

ЧВ могут употребляться, но не являются обязательными в другом функциональном типе идентифицирующих дескрипций: реляционных идентифицирующих дескрипциях — ИГ, которые являются первой номинацией объекта или объектов, идентификация которых возможна в силу того, что они находятся в определенном отношении к объекту, уже введенному в дискурс, а именно: партитивном, посессивном, отношении смежности, соотносительности; так, в следующем примере в ИГ₁ ЧВ не употребляется, а в ИГ₂ употребляется:

- (14) *tɲay muəy viə daə lèŋ tæ mñəək aəŋ cəŋ tət̚w suən muk ptəəh viə krɔleek khəŋ mēe mōŋ, bɔndaə koun mīəy voŋ*
'Как-то раз, прогуливаясь в одиночестве, он вышел в сад перед домом и увидел курицу₁ с цыплятами (ЧВ КЛФ)', (Рыенг Нитиен).

Рассмотрим случаи, в которых нарушаются правила употребления ЧВ, сформулированные выше, а именно: когда в референтных ИГ, представляющих собой первую номинацию предмета или предметов, вводимых в общее поле зрения участников коммуникации, ЧВ не употребляется.

ЧВ единичности не используется в интродуктивных параметрических дескрипциях, т.е. таких, которые включают компонент, обозначающий размеры референта. Приведем пример:

- (15) *kēe mɔək dɔl mōət crūəh dael miən lbak tuək kɔmpūəh prɔhael ciə bej meət* 'Он дошел до края обрыва, где был водопад высотой около пяти метров' (Тие Срэнг).

Другими словами, ЧВ единичности и множественности и параметрические выражения изофункциональны. Данное явление связано с тем, что функция ЧВ заключается не в том, чтобы обозначать количество, а в том, чтобы выделить из экстенционала общего имени, которое представляет собой абстрактное множество, конкретный объект или множество объектов для референции. ЧВ позволяет индивидуализировать объект, придать ему экзистенциальный статус. Такую же функцию способна выполнять и параметрическая дескрипция.

В интродуктивных дескрипциях ЧВ не используются, если осуществляется указание на объект, существование или появление которого

создает ситуацию, являющуюся неожиданной или неприятной для говорящего. Отсутствие ЧВ в такой дескрипции маркирует ИГ как нереперентную и выступает как оператор, делающий фактивное суждение нефактивным. Рассмотрим пример, который является продолжением дискурса в примере (12):

- (16) *luh tɲaj riəŋ crɛɛ bɔntec srap tae dɔm pɔpɔɔk khmaw*
baan rɔsat mɔɔk pii kraoɲ prɛj phkɔɔ kɔv cap pdaəm krɔhɯm
kruum kruum 'Когда солнце уже начинало садиться, вдруг, откуда ни возьмись, выплыло облако и раздались раскаты грома' (Сухомлинский).

Пропозиция, вводимая данным суждением, нарушает безоблачную и в прямом, и в переносном смысле ситуацию, описанную в предыдущем дискурсе. Употребляя нереперентную дескрипцию, говорящий изображает реальную ситуацию как нереальную. Данное коммуникативное намерение говорящего связано именно с тем, что событие неприятное и нежелательное. Приведем еще один пример, где данный прием используется для описания реальной ситуации, но неожиданной, комической и нелепой.

- (17) *siən ej pèel nuh sɔmbok vɲkɔvɲ dæl nuw pii luw daəm snaaj*
srap kɔv pʔaəl chuh dɔuc kèe cap vɲruən haaj tlɛək ròoj mɔɔk
luw juveʔbɔrɔh tɛəŋ pii thaəm tiət
bɔndaal aɔj puək kèe tɲou lɔən rompɔŋ prɛəh trəw vɲkraaŋ kham
pɛŋ khluən 'Вдруг в довершение ко всему, как на беду, муравьи наверху дерева снай в ужасе и с шипением стали разбегаться, как если бы кто-то начал трясти дерево, и посыпались на юношей, которые принялись громко стонать и кричать, потому что муравьи их искушали, не оставив живого места' (Конг Пончхиен).

Оба предложения помимо собственно лексических средств, выражающих идею неожиданности, нелогичности ситуации (*srap, srap tae* 'внезапно, вдруг', *siən ej pèel nuh* 'бывает же такое'), содержат частицу *kɔv*, в толкование которой в одном из ее употреблений входит отсылка к presupпозиции ложного ожидания.

ЧВ также не употребляются в метафорических интродуктивных дескрипциях. Приведем пример:

- (18) *kɔmpuciə prɔciəthipataj saan tae tiərunakam nuw kraol pikhiət*
mɔnuh prɔciəcɔn cɔəp truɲ khnoŋ rɔbaŋ deek thaəm nɛj sthaan
nɔrɔɔk lòokeja? 'Демократическая Кампучия породила жестокость и варварство, построила скотобойни для людей, люди попали в клетки из стальных прутьев сущего ада на земле'.

Данное ограничение на употребление ЧВ связано с тем, что имя общее в метафорическом употреблении — это, по сути, семантический предикат. Если метафора «извлекает признак из предмета и превращает мир предметов в мир смыслов» [Арутюнова 1990], то ЧВ в кхмерском имеют прямо противоположное назначение — извлекать предметы из мира смыслов и тем самым обеспечивать имени общему субстантивное употребление. Приведем также пример, где две предикатные ИГ имеют симметричное вхождение в одну координативную синтагму, однако в неметафорической ИГ₂ ЧВ наличествует, а в метафорической ИГ₁ — отсутствует, хотя, как мы увидим ниже, в предикатных ИГ, имеющих определения, в особенности сентенциальные, ЧВ *muəj* регулярно употребляется:

- (19) *kèe baan khàən miətoʔphuum ciə tii snaehaa ... klaaj tuw ciə tii heethemaʔ₁ daoj saa mǝəhaa viniəh bat bəŋ arejathǝə ciət... haəj praə klaaj ciə tii liən muəj₂ prəkəp tuw daoj kaa thvuu tuk tǝo mǝn* ‘Они увидели, как любимая страна... превратилась в кладбище₁, где была похоронена прекрасная цивилизация... превратилась в место (ЧВ)₂ горя и печали’ (Пон Тхибури).

Для кхмерского языка, как и для других языков ЮВА, характерно употребление общих имен в дейктической функции, т.е. для отсылки к участникам речевого акта — говорящему и адресату речи. В кхмерском языке ЧВ множественности, как правило, не подвергаются редукции во второй и последующих номинациях, делающих отсылку к адресату речи. Так, например, в предисловии к одному сборнику рассказов для чтения в начальной школе в этой функции неоднократно используются номинации *rʔouŋ rʔouŋ* ‘дети’ (редупликация), *rʔouŋ rʔouŋ komaə* ‘дети’ (редупликация + синонимический повтор).

Предикатные и нереферентные ИГ

В кхмерском языке ЧВ не употребляются в **предикатных и нереферентных** ИГ, т.е. именных группах, которые не вводят конкретный объект или объекты в дискурс. В следующих ниже примерах выступают ИГ, не содержащие ЧВ: в (20) — предикатная, в (21) — родовая:

- (20) *mǝəl pii cəŋŋaəy khàən hak douc ciə mǝhaa kəmpaəŋ khəw* ‘Издалека (она) выглядела как огромная голубая стена’ (Тие Срэнг).
 (21) *pǝəl phniəw bəvrotèeh cəŋ tuw vjəŋ phiək craən miən juə ruup cəmlak* ‘Когда иностранцы выходят (с рынка), многие несут в руках статуэтки/статуэтку’.

В (22) интродуктивная ИГ₁ содержит ЧВ, в отличие от нереферентных родовых ИГ₂ и ИГ₃:

- (22) *viə khəəŋ sat lʔut muəy₁ dæɭ prəhək prəhael nuŋ sat kənlaət, bəntək pəntae viə miən kbaal douc kəndooɔp* ‘Он увидел существо₁, немного похожее на таракана₂, но с головой как у кузнечика₃’ (А.Толстой).

Однако в кхмерском языке в предикатных ИГ, имеющих определения различной семантики и структуры, ЧВ единичности обязательно употребляются. Это одна из тех ситуаций, когда логические, семантические и прагматические факторы вступают в конфликт, и возникает проблема выбора стратегии маркирования. В случае предикатных ИГ с определением модификатор открывает семантическую валентность, которая должна быть заполнена референтной сущностью. Общее имя, выступающее в предикатной ИГ в качестве семантического предиката, сообщает только универсальные, эталонные признаки, и они задаются дедуктивно. В модификаторе же часто представлены оценочные и прочие предикаты, которые являются частью суждения о конкретных объектах. Поэтому такая ИГ имеет сдвоенный денотативный статус. В кхмерском языке это манифестируется тем, что предикатная ИГ данного типа маркируется как референтная³. Рассмотрим примеры предикатных ИГ с определением, в которых выступают ЧВ единичности:

- (23) *phnum kuulen ciə rĕəmĕəniyĕə?thaan tĕesaacvə muəy sthuut nurw iisaan ney tii kroŋ siəmriəp* ‘Гора Кулен — это туристическая достопримечательность (ЧВ), расположенная на северо-востоке города Сиенриеп’ (Тие Срэнг).
- (24) *bopĭəborĕh juuŋ ciə ciət muəj miən aarjathōə khpəŋ khpuh* ‘Наши предки были нацией (ЧВ) высокой культуры’ (Тие Срэнг).

Интересно, что в кхмерском языке правило обязательного маркирования при помощи ЧВ распространяется и на непредметные ИГ, например:

- (25) *nuw kroŋ samaj paccəvəŋ phiəsaavitĭə kuw ciə muk vicciə muəj dæɭ prəkəp daoj lĕəkhana? vitjasah cbah lōəh haəj baan tuw ciə kamvōətho? nej kammvōvithi nuw utdomseksaa haəj miən tuə niətii smæ nuŋ kaa seksaa phnaek vksəvəl ruw pravōətte?sah* ‘В настоящее время языкознание — это подлинная наука (ЧВ),

³ Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в английском языке, где нереферентная ИГ изменяет детерминант при добавлении определения, например: *Once she went to the cinema* и *Once she went to a large local cinema*; *He was taken to hospital* и *He was taken to a general hospital*; *Her children go to school* и *Her children go to an elementary school*. И в кхмерском, и в английском конфликт стратегий маркирования в нереферентных ИГ означает, что на поверхностном уровне нереферентная ИГ маркируется как референтная.

которая включена в программу высшей школы и занимает в ней такое же место, как литература или история' (Лонг Сеам).

Однако не только логико-семантические факторы определяют функциональный тип ИГ, во внимание должны приниматься и такие прагматические факторы, как отношение говорящего и цель коммуникации. Они могут влиять на то, какой денотативный статус имеет ИГ: рассматривает ли говорящий тот объект, на который она указывает, как участника ситуации (партиципанта, актанта) или нет. Прагматические факторы становятся важными в случае ИГ с низким синтаксическим, семантическим и коммуникативным рангом, например инструментальных и локативных. Так, в предложении (12) локативная ИГ не имеет ЧВ, а в предложении (26) инструментальная ИГ имеет ЧВ. Объясняется это тем, что в данной ситуации говорящий несколько дидактичен и выступает в роли инструктора по отношению к своему незадачливому и несообразительному другу, и инструмент является важным компонентом этого инструктажа, т.е. партиципантом, вот почему ИГ, его представляющая, получает референтный статус и имеет ЧВ:

- (26) *khyom niyiaŋ kaa puut nih dɔl kaaloo aəŋ uəək kəmbuət muəy chlaak ciə ruup təkəv nuw ləə vŋkat chəə nih* 'Я дело тебе говорю, возьми нож (ЧВ) и вырежи из него куклу' (А.Толстой).

Другая ситуация, при которой логико-семантические и прагматические факторы приходят в конфликт, возникает, когда интродуктивная ИГ повторяется там, где нормально мы должны ожидать идентифицирующую ИГ. Это происходит в силу многих причин и часто имеет отношение к эмотивному аспекту высказывания. Полный или частичный повтор интродуктивной ИГ во второй и последующих номинациях — явление, обнаруживаемое и в других языках. Но в кхмерском из всех дескриптивных компонентов интродуктивной ИГ часто повторяется именно ЧВ, в то время как другие компоненты могут опускаться. Это может быть связано с выражением самых разных эмоций: удивления, иронии, гнева и др. Когда говорящий использует интродуктивную стратегию маркирования вместо идентифицирующей стратегии при обозначении объекта, уже введенного в дискурс, его намерение заключается в том, чтобы держать этот объект в фокусе внимания слушающего. Рассмотрим следующие примеры, где ЧВ повторяется в идентифицирующей ИГ:

- (27) *haet vvey baan ciə psaa cəmnaŋ muəy nih trəw baan cəŋ bəvɔtəeh niyut cool cet* 'Почему же иностранцы так любят этот старый рынок ('рынок старый ЧВ этот')?'
(28) *viə miən muət phəək snət snaal mnəək muən meen cəŋ ciət iitaalii tēe tuw daə lēəŋ juɔp ciə muəy khniə məəl kon ciə muəy*

khniā haay aa mnēak nuh koo pum khcey duŋ thaā əwpuk mdaay rəbəh koon khnom ciā nəənaa daə ‘У нее был близкий друг, не итальянец, они вместе ходили вечерами в кино, скоро этот негодяй (‘ЧВ КЛФ’) узнал, кто ее родители...’

Итак, рассмотренные ЧВ в кхмерском языке — это начальная стадия грамматикализации числа, на которой ЧВ больше связаны с выражением референции, а не количества. Универсальный характер грамматикализации числа в языках связан с удивительным и загадочным феноменом естественного языка — дуалистической природой общих имен, которые могут использоваться как для референции к объекту, так и для выражения собственно понятия. Этот дуализм структурно затемнен в языках с полностью грамматикализованной категорией числа и остается прозрачным в языках типа кхмерского. Так, в английском языке ИГ имеют показатели числа даже в следующих предложениях: *What is a rose? Roses are beautiful. A rose needs a lot of sunshine*, где грамматическое число не имеет никакого отношения к выражению количества, и правила выбора ЧВ очень сложны, иногда нелогичны, всегда лингвоспецифичны.

В языках типа кхмерского, в которых нет полностью грамматикализованной категории числа, правила употребления числовых выражений, хотя и не менее сложны, больше отражают логическую структуру высказывания в дискурсе. Имя общее само по себе не предназначено для референции, оно имеет экстенционал, т.е. множество потенциально возможных объектов, по отношению к которым данное имя имеет истинностное значение, это — абстрактное множество [Падучева 1985]. Как представляется, грамматикализация категории числа мотивирована тем, что благодаря числу возможно выделение конкретных объектов для референции, число делает ИГ референтной.

В северном диалекте кхмерского языка представлена еще более ранняя стадия грамматикализации ЧВ. Здесь отмечаются два структурных типа интродуктивных дескрипций: в одном из них ЧВ вводится при помощи классификатора, как в стандартном кхмерском, в другом — при помощи связки [Roopawiboon 1983], например:

(29) <i>miian</i>	<i>ktom</i>	<i>koon</i>	<i>ktom</i>	<i>tiuu</i>
имеется	девушка	ребенок	CLF	один
‘Жила-была дочка’.				

(30) <i>miian</i>	<i>mee</i>	<i>cah</i>	<i>nəə</i>	<i>tiəu</i>
имеется	мать	старый	СОР	один
‘Жила-была старая мать’.				

Второй структурный тип интродуктивной номинации свидетельствует о том, что первоначально ЧВ выступало как отдельная предика-

ция, которая в дальнейшем подверглась синтаксической компрессии. В этом структурном типе интродуктивной номинации таксономический и экзистенциальный компоненты еще не объединены⁴.

В заключение приведем цитату из Грамматики Пор-Рояля, где говорится о том, что категория числа имеет отношение к референции: «Неопределенное значение имен нарицательных... побуждает не только употреблять эти имена в двух числах — единственном и множественном, с тем чтобы ограничивать это значение. Определять неясное значение имен нарицательных можно еще и иначе. Почти во всех языках для этой цели были введены некоторые частицы, названные артиклями, которые иным образом, нежели числа, определяют это неясное значение как в единственном, так и во множественном числе» [Грамматика 1998, с. 115].

Литература

- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Гловинская 1998 — *Гловинская М.Я.* Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. М., 1998.
Горгониев 1996 — *Горгониев Ю.А.* Грамматика кхмерского языка. М., 1996.
РГ — *Русская грамматика*. Т. 1. М., 1982.
Грамматика 1998 — *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля*. М., 1998.
Падучева 1985 — *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
Тань Аошун 1994 — *Тань Аошун*. Китайский язык и концептуальный мир говорящего // ВЯ, № 5, 1994.
Шмелев 2002 — *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
Croft 1993 — *Croft W.* Typology and Universals. Cambridge University Press, 1993.
Poopatwiboon 1983 — *Poopatwiboon Somkiet*. Participant Reference in Northern Khmer // Mon-Khmer Studies XI. Honolulu, 1983.

⁴ Ср. высказывание Арутюновой: «Всякое предложение, выражающее конкретное суждение, предваряют следующие этапы: 1) утверждение о существовании некоторого неспецифицированного предмета, субстанции (существует *x*), 2) сообщение о вхождении данного предмета в некоторый, известный говорящим класс, множество (*x* относится к классу людей) [...]. В естественных языках, не пользующихся логическими переменными, первые два этапа необходимо объединены: в бытийном предложении, в котором обычно фигурирует имя таксономического типа, сообщается и о существовании некоторого объекта, и о его вхождении в определенный класс» [Арутюнова 1998].

Сложные речевые единицы персидского языка как объект системного анализа

Польза системы для мышления состоит не только в том, что о вещах начинают мыслить упорядоченно, по известному плану, но и в том, что о них вообще мыслят.

Г.Лихтенберг

В лингвистических исследованиях язык единодушно признается системой, однако системный характер речи, и прежде всего звуковой (устной) речи, актуализирующей в ее единицах (от звука до фразы), вплоть до последнего времени ставился в ряде работ под сомнение (5). Между тем положение о том, что язык системен, а речь асистемна, не выдерживает критики.

Язык есть такое системное образование, которое возникает и функционирует из настоящей потребности общения людей друг с другом. Целевое предназначение языка определяется его коммуникативной функцией, которая реализуется в обществе через речь. На нерасторжимую связь языка и речи неоднократно указывал Ф. де Соссюр: «Язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым эффективна; речь, в свою очередь, необходима для того, чтобы сложился язык; последний потому и орудие и продукт речи» (15).

В свете функционально-системного подхода язык получает следующее определение: *относительно статическое системное образование, упорядоченная совокупность средств и правил, необходимый и достаточный отбор из которой части этих средств и правил и введение их в процесс функционирования для решения конкретных задач коммуникации приводят к «порождению» множества речевых произ-*

ведений, получающих свою особую организацию и поэтому способных реализовывать главную функцию языка: сформулировать, выразить и передать в качестве основной смысловую информацию.

Язык функционирует в виде устной и письменной речи, первая из которых выступает определяющей, а нередко и единственной формой человеческого общения. К обоснованию системного характера речи можно подойти также и со стороны теории информации, которая устанавливает, что только организованная по определенным законам система может быть носителем информации (15).

Под звуковой (устной) речью как одной из форм функционирования языка понимается упорядоченное множество целостных, системно организованных по определенным законам звуковых комплексов (речевых произведений), несущих в качестве главной семантическую информацию и предназначенных для реализации языком коммуникативной функции.

Таким образом, и язык и речь представляют собой сложноорганизованные системные объекты, которые находятся во взаимосвязанных отношениях; не совпадающие при этом ни по качественным параметрам своих единиц, ни по закономерностям их организации, ни по специфике связей и взаимодействий, ни по характеру состояния (статика-динамика), оба эти объекта следует относить к классам *различающихся систем* (11; 12; 14; 15).

Наиболее важными, существенными свойствами и признаками, определяющими природу и функционирование системно организованных объектов, в том числе и таких сложных речевых единиц, которыми выступают сложносочиненные и сложноподчиненные фразы персидского языка, являются:

а) целевое назначение, направленность на достижение определенной *цели*, прежде всего на реализацию в обществе своей главной, коммуникативной функции;

б) сложная *структура*, целостность и упорядоченность внутренней организации;

в) *взаимодействие* и взаимосвязь составляющих элементов друг с другом и с окружением, что приводит к изменению состояния объекта и определяет его *поведение*;

г) способность сохраняться под различного рода воздействиями и *регулировать*, изменять в сторону повышения уровень организованности и системности.

Таким образом, комплексное и достаточно полное изучение объекта — системы в рамках системного анализа должно включать в себя следующие аспекты: *целевой, структурный, динамический и регулирующий*.

Целевое предназначение и смысловое содержание фразы как основной и минимальной сообщаемой единицы речи произведены от ее

функционального различительного признака, от предикативности и создаются в результате взаимодействия следующих факторов: предикативного минимума, номинативного минимума, лексического наполнения, интонации завершенности и актуального членения. Если фраза не простая, а сложная, то в ней сообщается как минимум о двух ситуациях и в разветвленную сеть отношений добавляется еще как минимум одно отношение, одна взаимосвязь между этими ситуациями.

Составляющим элементом фразы является синтагма. Сформированная на базе словосочетания, она входит в состав единицы сообщения как ее необходимый непредикативный компонент, элемент системы, распространяющий эту единицу. В этом состоит основная, первичная функция словосочетания-синтагмы (6).

В персидском языке с различной степенью функциональной нагруженности представлены как монопредикативные речевые единицы в виде простых (элементарных) фраз, так и полипредикативные речевые единицы в виде сложных (сложносочиненных и сложноподчиненных) фраз.

Смысловые отношения между элементаристскими компонентами внутри синтагмы и фразы находят свое формальное выражение, объективируются в синтаксических связях и отношениях, которые в совокупности составляют содержание *структурного аспекта* данных речевых единиц. Анализ показывает, что в персидском языке синтагма и фраза, различаясь в смысловом и функциональном отношениях, различаются и структурно, являясь единицами разного синтаксического качества. К числу синтаксических связей персидских синтагм относятся: изафетная связь, примыкание и порядок слов, предложная связь, местоименная связь. Соответственно в персидских фразах наблюдаются следующие виды связей: сочинение, предложная связь, примыкание и аппозиция (8). Кроме того, системно-структурные закономерности формируются благодаря действию правил просодики для синтагм и фразовой интонации для фраз (2; 3; 6; 10; 11).

Наибольшие различия между персидской синтагмой и фразой проходят по линии *динамического и регулирующего аспектов* этих единиц. Анализ показывает, что синтагма как система выступает в речи в качестве устойчивого объекта, крайне «чувствительного» в процессе функционирования к каким-либо изменениям и нарушениям в структуре и взаимодействиях между составляющими ее элементами. *Поведение синтагмы-системы* таково, что, несмотря на любые внутренние и внешние воздействия, она должна функционировать в полном наборе присущих ей свойств и признаков. Напротив, фраза, в отличие от синтагмы, которая является только компонентом, частью законченного высказывания, способна сама быть законченной сообщаемой единицей, т.е. без опоры на другие фразы, сформировать информативно

законченный отрезок речи. В составе сложного целого (полипредикативной единицы) она может демонстрировать относительно меньшую контекстуальную зависимость и соответственно большую возможность изменения своего местоположения в ряду других подобных ей единиц, а также большую возможность изменения взаимодействий и взаимосвязей с этими единицами. Чаще всего лабильность, т.е. способность к модификациям и приспособлению своих свойств и признаков к новым условиям функционирования, выявляется в персидских высказываниях, относящихся к разряду общеинформативных (11).

Проблемы как простых (элементарных) фраз, так и коммуникативных единиц, «порождаемых» на базе сложного предложения, остаются слабо или совершенно не разработанными ни в практическом, ни в теоретическом отношении на материале персидского языка. Отсутствуют также и специальные работы экспериментального характера. В курсе лекций «Теоретическая фонетика современного литературного персидского языка» (10) и в монографии «Персидская фонетика. Опыт системного исследования» (11), созданной на базе диссертационного исследования, нами проведено комплексное экспериментально-теоретическое исследование речевых единиц, в том числе и разных типов простых и сложных повествовательных фраз персидского языка в рамках системного анализа.

В данной статье излагаются некоторые из полученных выводов по сложным персидским фразам, могущие, по нашему мнению, представить интерес не только для преподавателей, читающих курсы теоретической фонетики, но и для преподавателей, обучающих практическому владению звучащей речью.

Сложносочиненные фразы

В персидском языке, как и в других языках, сложносочиненной называется такая сложная (полипредикативная) фраза, составляющие части которой (монопредикативные единицы) объединены при помощи союзов либо без помощи таковых, а только интонационными средствами. В последнем случае такой тип фразы будет определяться как сложносочиненная фраза с бессоюзной связью. Структура, динамические и регулирующие свойства, поведение, лабильность и интонация сложносочиненной фразы будут дифференцироваться в зависимости от того, имеет место союзная или бессоюзная связь. Установлено, что сложносочиненные фразы с бессоюзной связью распространены в персидском языке в меньшей степени, имеют меньшую функциональную нагрузку, чем сложносочиненные фразы с союзной связью. Помимо прочих факторов это объясняется также и тем, что персидская система пунктуации разработана слабо. В процессе актуали-

зации письменной речи в речь звучащую порой трудно установить границы между фразами и определить в целом их тип: являются ли следующие друг за другом фразы самостоятельными объектами и на письме между ними должны стоять точки, или они объединены в одну сложносочиненную фразу, и между ними нужно ставить запятые. Понятно, что эти структурные различия ведут к тому, что и поведение, и интонация, и другие свойства в каждом случае проявляют себя по-разному.

Интонация сложносочиненной фразы с бессоюзной связью характеризуется как интонация законченного сообщения, единая для всего сложного целого, интонационная взаимосвязь и взаимодействие частей которого в достаточной степени сильные. Это находит свое отражение в том, что в конечных слогах последнего слова непоследних фраз (элементаристских объектах сложного образования) наблюдается повышение тона гласных, что говорит о незавершенности всего высказывания в целом и его продолжении в последующих элементах сложной фразы. Исходы всех простых фраз, кроме последней, которая характеризуется понижением тона, оформляются по закону неконечных синтагм (10; 11). Между фразами имеются незначительные паузы. В общем, контур интонации этого типа фразы от начала к ее концу — понижающий. Например: // ма / сáвар-э-такси шодим /-/ анһа / пийаде рафта́нд // «Мы поехали на такси, они пошли пешком».

Интонация сложносочиненной фразы с союзной связью в отличие от интонации аналогичной фразы с бессоюзной связью строится с учетом того, что связь между элементами сложного речевого произведения осуществляется с помощью сочинительных союзов. Вступает в силу «принцип замены» А.М.Пешковского (9): роль интонационного фактора снижается из-за введения в действие лексического фактора (сочинительных союзов), что ведет к изменениям в интонационном контуре всей сложной фразы и к снижению ее лабильности как системного объекта. В персидских сложносочиненных фразах с союзной связью используются:

— соединительные союзы — ва́ «и, а»; на́... на́ «ни... ни»; хаһ... хаһ «как..., так и» и др.;

— противительные союзы — а́мма, ва́ли, ликáн «но, однако, а»; ба́лке «а, но», га́рнá «а не то» и др.;

— разделительные — йа «или, либо»; йа...йа «или...или» и др.

Наличие сочинительных союзов однозначно указывает на то, что перед нами сложноорганизованное единство, а не ряд простых самостоятельных фраз, следующих одна за другой. Тем самым интонация сложной фразы, включая в себя интонации простых фраз, не является их механическим сложением, а качественно новой структурой, характеризующей по-новому все сложное целое. В конечных слогах конечных слов неконечных простых фраз имеет место незначительное по-

вышение тона, однако менее сильное, чем в сложносочиненных предложениях с бессоюзной связью, потому что задача указания на незавершенность высказывания распределяется теперь между интонационными и лексическими (союзы) средствами. Затем, непосредственно перед союзом имеется слабовыраженная пауза; остальная часть сложного целого строится в соответствии с тем, какое положение занимает та или иная элементаристская единица в составе этой сложной фразы. В целом интонация сложносочиненной фразы с союзной связью, так же как и интонация сложносочиненной бессоюзной фразы, в персидской речи понижающая. Например: // *mārdha / amādānd / - / vā zānha / amādānd* // «Мужчины пришли, и женщины пришли». // *pēdār vā mādar-ē šoma bēš goftānd / - vāli u / čizi nafāhmīd* // «Ваши родители сказали ему, но он ничего не понял».

Таким образом, при интонировании сложносочиненной фразы с бессоюзной связью необходимо последний слог последнего слова во всех простых фразах, кроме последней, несколько протягивать. Тем самым дается указание на незавершенность всего высказывания. В противном случае будут получаться отдельные интонации этих простых фраз, а не единая интонация сложного системного целостного образования.

При интонировании сложносочиненной фразы с союзной связью конечный слог последнего слова (перед союзом) во всех неконечных простых фразах следует протягивать несколько меньше, поскольку имеются в качестве компенсирующих лексические средства (союзы), как еще одни указатели на незавершенность сложного высказывания.

Сложноподчиненные фразы

Сложноподчиненной называется такая сложная фраза, составные элементаристские части которой — главная и придаточная — соединены при помощи подчинительных союзов. В персидском языке подчинительные союзы классифицируются на:

— временные — *vāxtike*, *moūf'ēzike* «когда»; *hāminke* «как только» и т.п.;

— изъяснительно-определительные — *ke* «что, который» и т.п.;

— причинные — *čun*, *čunke*, *zira*, *zira-ke* «так как, потому что» и т.п.;

— целевые — *ke*, *bāraie inke*, *bāraie anke* «для того, чтобы»; *ta*, *take* «чтобы» и т.п.;

— сравнительные — *manāndē inke*, *manāndē anke*, *māsle inke* «подобно тому, как» и т.п.;

— следствия — *bētoūrike*, *bēgēs-ike* «так что» и т.п.;

— исключения — *bēdun-ē anke* «без того, чтобы» и т.п.;

— уступительные — āġarġe, ħār ħānd «хотя»; ба анке «несмотря на то, что» и т.п.;

— условные — āġār, ħār ġaħ «если» и т.п.

Самым распространенным среди других подчинительных союзов является союз «ке», который благодаря универсальности утратил в основном свое специальное значение и превратился в формальный показатель подчиненности одного предложения другому. Структура сложной фразы с подчинительной связью более жесткая и менее всего поддающаяся изменениям под воздействием внешних и внутренних факторов, чем структура сложных предложений с сочинительной связью.

В некоторых случаях, например с союзом «ке», подчинительная часть не может начинать сложное целое, и поэтому она всегда в конце, только после главной фразы. При других союзах такой строгости не наблюдается, и обе части — каждая в свою очередь — могут как начинать, так и завершать сложное высказывание.

Интонация сложноподчиненных фраз, в которых придаточная часть вводится как союзами, имеющими в своем составе «ке» (например, wāħtike), так и другими союзами, дифференцируется в зависимости от того, какое место она занимает в этих сложноподчиненных фразах. Если придаточная часть стоит впереди главной, начинаясь с подчинительного союза, то имеет место более резкое повышение тона гласных в конечных слогах последнего слова этой придаточной части, что говорит о незаконченности всего высказывания и о его продолжении в главной части. Другими словами, в позиции стыка двух фраз — придаточной и главной — нет другого средства, кроме интонационного, которое сигнализировало бы о незаконченности всего высказывания. И в этом находит объяснение повышение тона гласных в конце первой фразы. Например: // чун бимар будāнд / - / анĥа бэ бимарэстан рафтāнд/ «Так как они были больны, они пошли в больницу». Если стоящая впереди главной придаточная часть начинается с подчинительного союза āġār «если» или ему подобных, то эти союзы в ритмико-мелодическом отношении как бы «присоединяются» к следующему после них подлежащему, и мелодическая вершина «охватывает» и подлежащее и союз. Например: // āġār шома / ми-ħāhid/ - / бāрадāр-э-у / пиш-е-шома миайāд// «Если вы хотите, то ее брат придет к вам». Когда же на первом месте стоит главная фраза, а за ней следует придаточная, указание на интонационную незавершенность высказывания в виде повышения тона гласных в конечных слогах последнего слова главной фразы также наблюдается, но оно более слабое, чем в первом случае, поскольку теперь в стыке двух фраз имеется кроме интонационного и лексическое связующее средство в виде подчинительного союза. Например: // анĥа / бэ бимарэстан рафтāнд / чунке бимар будāнд // «Они пошли в больницу, потому что были

больны». Союз «ке», с которого не может начинаться сложное высказывание, интонационно чаще всего входит в главную фразу, и незначительное повышение тона, приходящееся на ее исход, охватывает и этот союз. Например: // у / гофт ке/ кетаб надарад// «Он сказал, что у него нет книги».

Таким образом, при интонировании сложноподчиненных фраз необходимо постоянно учитывать местоположение главной и придаточной части, а также роль и место подчинительного союза в создании взаимодействия между этими частями.

Общий вывод состоит в том, что при изучении всего комплекса проблем сложных фраз, включая и их интонацию, нужно постоянно иметь в виду, что нормальный, устоявшийся интонационный контур, характерный для данного типа фразы, может быть нарушен, когда интонацией передаются экспрессия, различные чувства говорящего или особый смысл, который не находит выражения непосредственно в словах, а исключительно в подтексте высказывания.

Литература

1. Арзумян О.А. Вопросительное предложение в современном персидском языке. Канд. дис., 1965.
2. Восканян Г.А., Рубинчик Ю.А. Вводный курс современного персидского языка. М., 1951.
3. Гаприндашвили Ш.Г., Гиунашвили Дж.Ш. Фонетика персидского языка. Тб., 1964.
4. Гиунашвили Дж.Ш. Фонологическая структура литературного персидского языка. Докт. дис. Тб., 1966.
5. Евдошенко А.П. Проблемы структуры языка. Кишинев, 1967.
6. Завьялова В.И. Синтагматическое членение предложения в персидском языке. — Уч. записки ЛГУ. Языки народов Востока. 1961, № 305, вып. 15.
7. Завьялова В.И. Интонация обращения в персидском языке. — Уч. записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. 1962, № 306, вып. 16.
8. Пейсигов Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
9. Пешковский А.М. Интонация и грамматика. — Известия по русскому языку и словесности. Т.1, кн. 2. М., 1928.
10. Поляков К.И. Теоретическая фонетика современного литературного персидского языка. Курс лекций. М., 1977.
11. Поляков К.И. Персидская фонетика. Опыт системного исследования. М., 1988.
12. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка М., 2001.
13. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.
14. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
15. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Проблемы дальнейшего изучения персидского языка

Персидский язык и классическая литература являются основными компонентами иранской культуры. Знание и изучение персидского языка, классической литературы признаются важными средствами консолидации мусульман обширного региона, а также разнообразных народов, населяющих Иран. Особо важное значение в этом плане придается персидскому языку, который после завоевания Ирана Арабским халифатом в VII в. постепенно вытеснил арабский язык из круга официального и неофициального общения и приблизительно в XII в. стал литературно-письменным и государственным языком страны. В этот период он сыграл большую роль в распространении ислама и его закреплении среди населения. И сейчас этот язык не только провозглашается, но и фактически является «вторым языком ислама». В связи с этим по-новому встает вопрос о месте персидского языка в культурном наследии народов Ирана, о его роли в культурно-религиозном объединении и развитии мусульманских народов обширного азиатского региона.

В результате Исламской революции в Иране произошли существенные изменения в государственном и общественном строе, установилась новая форма политического и религиозного правления, была выработана особая концепция исламского пути развития, в основе которой лежит исламизация всех сторон жизни страны, и в первую очередь культуры и системы образования. Исламизация не могла не отразиться и на лексико-фразеологическом составе персидского языка. На начальном этапе развития Исламской Республики Иран (ИРИ) персидский язык подвергся еще большей арабизации, это коснулось главным образом его лексико-фразеологического состава: получили распространение многие арабские слова и выражения, заимствованные из Ко-

рана. В первую очередь они встречались в выступлениях религиозных руководителей страны и ранее либо совсем не употреблялись, либо встречались редко, в письменном языке.

Руководство ИРИ уделяет большое внимание различным вопросам совершенствования современного персидского языка, его словарного состава и грамматического строя. В настоящее время имеются значительные успехи в изучении и преподавании этого языка, в распространении его как внутри страны, так и за ее пределами.

Языковая политика, проводимая в настоящее время в ИРИ, определяется новой конституцией, принятой в результате референдума в декабре 1979 г. В ней установлен статус персидского языка как официального языка ИРИ (разд. 2, ст. 15), второе место по значимости закреплено за арабским языком (при сохранении главенствующего положения персидского), а на третье место поставлены языки национальных меньшинств (разд. 2, ст. 15, 16).

В первые годы после Исламской революции много внимания уделялось распространению арабского языка; было развернуто обучение языку по всей стране, организованы специальные радио- и телепередачи на арабском языке, были распространены разнообразные курсы арабского языка. Естественно, что усиление влияния арабского языка в ИРИ не могло не сказаться на дальнейшей арабизации персидского языка, на проникновении в язык большого количества арабских слов. В прессе и периодических изданиях стало употребляться значительно больше религиозных терминов и особых религиозных формул, заимствованных из Корана. Изречения из Корана стали часто встречаться в устной и письменной речи не только религиозных деятелей, но и официальных и неофициальных лиц. Термины, которые раньше охватывали преимущественно сферу религиозной деятельности, стали проникать в общественно-политическую терминологию. Например, слово *etāmat*, встречавшееся раньше в значении 'должность и звание имама', стало употребляться в значении 'духовное руководство', 'правление', 'управление'. Широкое распространение получило слово *ommat* 'народ' (имеется в виду не всякий народ, а народ, исповедующий ислам). Стали употребительными такие слова, как *faqāhat* 'знание мусульманских законов; ученость'; *qadāsāt* 'святость', *marja'iyat* 'духовное наставничество' и т.д.

Во второй половине 80-х годов XX столетия языковая обстановка в ИРИ изменяется: внимание к распространению арабского языка несколько ослабевает. В центре языковой политики снова становится персидский язык. Пополнение персидской лексики арабскими словами значительно уменьшилось.

Светское и духовное руководство ИРИ уделяет большое внимание вопросам состояния иранской культуры, в частности развитию и со-

вершенствованию персидского языка и литературы. Это выражается в создании ряда научных и научно-практических учреждений, которые занимаются пополнением и изучением словарного состава и грамматического строя и заменой иноязычных слов, способствуют распространению этого языка за рубежами. Стали издаваться литературно-филологические журналы, на страницах которых наряду с чисто литературными произведениями публикуются статьи, посвященные характеристике современного персидского языка, его историческому развитию, анализируются отдельные проблемы иранских языков, дается информация о публикуемых работах и об изучении персидского языка и литературы в зарубежных странах. Особо следует выделить два журнала — *Zabānšenāsi* 'Языкознание', в котором рассматриваются теоретические вопросы не только персидского, но и местных языков, диалектов и говоров на территории Ирана, и *Soxan-e ešq* 'Слова любви', в котором публикуются краткое изложение и анализ работ, посвященных персидской литературе и языку и опубликованных как в Иране, так и за границей.

После Исламской революции 1979 г. руководство страны обращает большое внимание на распространение персидского языка и литературы в зарубежных странах. С этой целью были созданы специальные учреждения при Министерстве культуры и исламской ориентации — *Sāzmān-e farhang va ertebātāt-e eslāmi* 'Организация исламской культуры и связей' и *Sowrā-ye gostareš-e zabān va adabiyyāt-e fārsi* 'Совет по развитию персидского языка и литературы'. Эти организации занимаются подготовкой кадров преподавателей и преподаванием персидского языка (чаще всего за рубежом).

Нельзя не отметить важную роль нынешнего духовного руководителя Исламской революции аятоллы Хаменеи в развитии и совершенствовании персидского языка, в сохранении чистоты словарного состава этого языка. Известны несколько выступлений аятоллы Хаменеи, в которых он высказывался о значении персидского языка в жизни иранцев и других персоязычных народов, в развитии иранской культуры и распространении ее за рубежом.

В 1996 и в 1999 гг. в Тегеране состоялись знаменательные события, связанные с изучением и преподаванием персидского языка, — прошли первая и вторая Всемирные ассамблеи преподавателей персидского языка и литературы, в работе которых принял участие аятолла Хаменеи. В ходе своего первого выступления аятолла высказал конкретные пожелания и рекомендации, которые, по его мнению, способствовали бы улучшению словарного состава персидского языка.

Не менее содержательным и интересным было выступление аятоллы Хаменеи на второй Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка в марте 1999 г. В частности, он заявил, что персидский

язык способствовал распространению и укреплению ислама в Иране и соседних странах, только благодаря персидскому языку человечество познакомилось с произведениями таких выдающихся поэтов средневековья, как Руми, Аттар, Хафез, Саади, Фирдоуси и др. Этот язык является важным средством распространения древнейшей философии и культуры Ирана и не нуждается в заимствовании каких-либо иноязычных лексико-фразеологических средств для своего развития. Аятолла Хаменеи обратил внимание на необходимость упорядочения обиходно-разговорного языка, получившего распространение по всей стране. В своем выступлении аятолла высказался также о необходимости создания новых словарей персидского языка, которые бы полно отражали лексику современного языка и которыми было бы легко и удобно пользоваться [Эюбизаде 1378, с. 132–136].

Третья Всемирная ассамблея преподавателей персидского языка, которая проходила в Тегеране в октябре 2001 г., была посвящена изучению персидского языка за рубежом Ирана. Выступавшие представители разных стран (Индии, Пакистана, России, Венесуэлы, Украины, Молдавии, Болгарии и др.) говорили о расширении изучения языка, об успехах в изучении персидского языка и об увеличении выпуска учебников персидского языка.

В конце 1999 г. в Москве был открыт Культурный центр при Посольстве ИРИ, который способствует более глубокому и всестороннему изучению жизни и культуры древнего иранского народа, проводит конференции, посвященные великим иранским поэтам. Центр систематически организует разнообразные выставки, приглашает на встречи с российскими слушателями ученых и артистов из Ирана. В Институте востоковедения РАН благодаря заботам Культурного центра созданы курсы по изучению персидского языка.

При поддержке и помощи Посольства ИРИ в Москве создано несколько хорошо обустроенных кабинетов иранской культуры, которые расположены в учебных заведениях и научно-исследовательских институтах, в которых собрано большое количество иранских книг, имеются компьютеры и телевизоры. Эти кабинеты оказывают существенную помощь в изучении персидского языка и литературы, древней и современной культуры Ирана, жизни современных народов этой страны.

В укреплении и расширении политических, культурных и экономических связей между народами России и Ирана большую роль всегда играли филологические работы иранистов этих стран. В первую очередь обратим внимание на работы российских специалистов (приблизительно конец XVII и начало XVIII в.). Изучение персидского языка в тот период в России диктовалось чисто экономическими потребностями, имеет богатый опыт и давние традиции. Первые серьезные по-

пытки изучения персидского языка и других восточных языков были предприняты еще в период правления Петра I. В более позднюю эпоху при различных учебных заведениях России, в частности при Петербургском, Московском, Казанском университетах, создаются первые учебники и учебные пособия по персидскому языку, персидско-русские и русско-персидские словари. Из дореволюционных работ отметим две: грамматику К.Г.Залемана и В.А.Жуковского [1890] и словарь М.А.Гаффарова [т. 1, 1914; т. 2, 1927]. Обе эти работы до сих пор пользуются успехом у иранистов.

Грамматика академика К.Г.Залемана и профессора Петербургского университета В.А.Жуковского первоначально была издана в Санкт-Петербурге на немецком языке. Она отличается строгостью и четкостью метода изложения, стройностью и систематичностью подачи иллюстративного материала, содержит подробные описания стихотворного размера и структуры персидского стиха. Несмотря на некоторые неточности в толковании отдельных элементов грамматики (с точки зрения теории настоящего времени), она до сих пор считается классическим образцом подобного рода работ. Это первое в России научное описание персидского языка классического периода. Значение этой грамматики в истории исследования персидского языка чрезвычайно велико, и она сохраняет актуальность до наших дней.

Такого же внимания заслуживает двухтомный персидско-русский словарь М.А.Гаффарова (т. I — под редакцией акад. Ф.Е.Корша, т. II — под редакцией проф. Л.И.Жиркова). Он создавался в течение длительного периода из-за Первой мировой и Гражданской войн. Он отражает лексику языка классической персидско-таджикской литературы и содержит большое количество примеров из произведений персидских поэтов-классиков. Свидетельством популярности словаря среди иранистов служит то, что в 1974 г. он был переиздан в Москве.

В годы после второй мировой войны работа иранистов в России была особенно плодотворной. В этот период были опубликованы персидско-русские словари (например, Б.В.Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1950; изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1953; изд. 3, М., 1960), русско-персидские (например, И.К.Овчинникова, Г.А.Фуругян, Ш.М.Бади. Русско-персидский словарь. М., 1965), терминологические словари (например, Х.Г.Короглы. Персидско-русский и русско-персидский общезакономерный и внешнеторговый словарь. М., 1957; Г.Г.Алиев. Персидско-русский и русско-персидский военный словарь. М., 1972). Были опубликованы грамматики персидского языка, в которых по-новому решались многие теоретические проблемы грамматического строя языка (например, грамматические очерки В.С.Расторгуевой — 1950; Ю.А.Рубинчика — 1960, 1970), книги по фонетике (например, Г.А.Восканян, Ю.А.Рубинчик — Вводный курс

современного персидского языка. М., 1951; Ш.Г.Гаприндашвили, Дж.Ш.Гиунашвили. Фонетика персидского языка. Тб., 1964; К.И.Поляков. Персидская фонетика. Опыт системного исследования. М., 1988).

В эти же годы были изданы многочисленные книги и статьи по грамматике, фонетике, лексике и фразеологии, подготовлены и опубликованы разнообразные учебники и учебные пособия, защищены кандидатские и докторские диссертации по многим теоретическим вопросам персидского языка. Некоторые из этих работ переведены на иностранные языки, в том числе на персидский.

Во многих странах мира пользуются словарями, подготовленными отечественными иранистами. Русско-персидский словарь Г.А.Восканяна (М., 1986; в ближайшее время должно выйти новое издание словаря) и двухтомный «Персидско-русский словарь», созданный под руководством Ю.А.Рубинчика (первое издание — М., 1970; вышло два издания — 1983, 1985). И русско-персидский и персидско-русский словари неоднократно издавались в ИРИ. В настоящее время в Иране вышло новое издание двухтомного «Персидско-русского словаря», подготовленное издательством «Гутенберг». К сожалению, перепечатка сделана с первого издания словаря в Москве, содержащего некоторые опечатки и изданного еще до Исламской революции 1979 г. В новом издании отсутствуют дополнение новых слов и новый список географических названий, сделанные Ю.А.Рубинчиком. Это значительно снижает качество словаря.

В 2000 г. вышел из печати «Русско-англо-персидский внешнеэкономический словарь» Г.Г.Наджафова, содержащий около 35 тыс. терминов и рассчитанный на широкий круг специалистов, работающих в различных областях внешних экономических связей. В этом же году увидел свет «Фарси-русский фразеологический словарь» Г.С.Голевой. Такого рода словарь издан впервые и содержит около шести тысяч наиболее употребительных фразеологизмов, пословично-поговорочных выражений и афоризмов современного языка фарси.

В послевоенные годы велась постоянная работа над учебниками и учебными пособиями персидского языка. Но после Исламской революции лексико-фразеологический и текстовый материал ранее подготовленных учебников устарел, и необходимо было срочно готовить новые учебники и учебные пособия, опираясь на более совершенные и эффективные методы преподавания.

«Учебник персидского языка» (ч. I. М., 1999) В.Б.Иванова представляет собой существенную переработку «Курса персидского языка» (М., 1983), написанного коллективом авторов. При подготовке книги использовались иранские учебники для начальной и средней школы, а также другие учебники персидского и близкородственных языков. По сравнению с прежним в новом учебнике добавлен совре-

менный страноведческий, грамматический материал и лексический комментарий. Учебник может быть использован также для практического изучения персидского языка в старших классах средней школы, в вузах и как самоучитель.

В 1999 г. вышел «Учебник персидского языка» Е.Л.Гладковой, предназначенный для студентов высших учебных заведений, овладевших основами грамматики и имеющих запас слов в объеме первого курса института. Текстовый материал учебника охватывает страноведческую тематику: государственный строй, географию, историю, литературу, искусство, ремесла, религию и экономику Ирана.

Учебник включает 12 уроков, персидско-русский и русско-персидский словари, а также словарь географических названий.

Вышедший недавно из печати «Учебник персидского языка» И.К.Овчинниковой [2002] долгое время не издавался (автор умерла в мае 1979 г.). Поэтому редактору учебника В.Б.Иванову пришлось проделать большую работу по осовремениванию содержания текстов, по доведению лексического и грамматического материала до современного уровня. Редактирование персидских текстов провел С.Борзу, для которого персидский язык является родным. Учебник предназначен для студентов первого года обучения востоковедных вузов, содержит значительное количество пояснительного текста и может быть использован при самостоятельном изучении языка. Как говорится в самом начале учебника, он ориентирован на программу и учебный план Института стран Азии и Африки при МГУ.

Важнейшая задача иранистов — дальнейшее углубленное изучение персидского языка и улучшение его преподавания. В первую очередь следует иметь в виду новые подходы и высказывания отечественных иранистов в отношении разных явлений фонетики, грамматики и лексики персидского языка. К сожалению, многие фундаментальные исследования российских ученых еще не получили откликов лингвистов Ирана. И хотя дискуссии по ряду проблем ведутся сравнительно давно, их окончательных и полных решений нет. Думается, совместная деятельность российских и иранских филологов способствовала бы улучшению теоретической и практической работы в области персидского языка. Для большей наглядности достаточно упомянуть несколько спорных, вызывающих дискуссии вопросов, от решения которых зависит улучшение преподавания персидского языка не только иностранным учащимся, но и учащимся собственных учебных заведений ИРИ.

1. Употребление выделительного артикля в современном персидском языке вызывает немало трудностей у изучающих язык. Во-первых, у некоторых иранистов еще нет четкого представления о том, что выражают эти 'i' — обозначают ли они одно явление или несколько. Во-вторых, что является показателем семантического разграниче-

ния этих 'i' и как оно проявляется в тексте? В-третьих, имеются ли в персидском языке грамматические категории определенности и неопределенности, о которых пишут в некоторых грамматиках и учебниках?

Мы не противопоставляем употребление артикля после определяемого имени (антецедент), к которому относится придаточное определительного предложения, употреблению артикля без придаточного предложения, ибо выделительная функция проявляется приблизительно одинаково и в том и в другом случае. Возьмем для примера два предложения:

Ādam-i-ke āmad, dust-e man ast 'Человек, который пришел, — мой друг';

Ādam-i āmad 'Пришел какой-то человек'.

В первом предложении определительное предложение делает имя выделенным, определенным [Рубинчик 1959, с. 182].

Но разве случаи употребления выделительного артикля сводятся только к сочетанию имени существительного с определительным предложением или к обозначению неопределенности имени существительного? Случаи употребления артикля многообразны, и они должны быть четко охарактеризованы в виде конкретных грамматических правил.

2. До сих пор в грамматической литературе по персидскому языку не существует ясного и четкого определения природы сложного глагола (СГ), хотя такое определение чрезвычайно важно как для преподавательской работы, так и для составления словарей. Считать СГ сложным словом нельзя, ибо сам он состоит как минимум из двух знаменательных слов, самостоятельность каждого из которых доказывается фонетически и грамматически. В действительности это типичный глагольный фразеологизм.

Известно, что от многокомпонентных глагольных устойчивых словосочетаний СГ отличаются своим двухкомпонентным составом и в зависимости от наличия/отсутствия предлогов перед именной частью они бывают предложными или беспредложными. Иранскими грамматистами сложные предложные глаголы иногда противопоставляются беспредложным и рассматриваются как разные виды словосочетаний, не совместимые друг с другом по структуре. Так, П.Ханляри отделяет глагольные двухкомпонентные словосочетания с предлогом от сложных глаголов и называет их «глагольными выражениями». Такие словосочетания рассматриваются им вместе с многокомпонентными глагольными словосочетаниями, состоящими из трех и более знаменательных слов [Ханляри 1349, с. 81–87]. В результате в персидских словарях беспредложные сложные глаголы даются самостоятельными словарными статьями, а предложные сложные глаголы — внутри словарных статей, что затрудняет работу читателя со словарем.

3. Персидскому языку свойственно особое построение глагольных фразеологических единиц, которое не получило подробного описания ни в научных работах, ни в учебниках. При таком построении между постоянными членами фразеологизмов вклиниваются одно или несколько слов, ни структурно, ни семантически не входящих в их состав. В грамматической литературе по персидскому языку такое разобщенное построение глагольного фразеологизма принято называть рамочной конструкцией (РК).

Для учебной и словарной работы большое значение имеет знание видов рамочной конструкции, особенностей ее структурно-стилистического употребления.

Глагольные фразеологизмы, которые способны иметь не только контактное, но и дистантное положение компонентов, образуют **факультативную рамочную конструкцию**. Она свойственна преимущественно сложным глаголам. Например, СГ *taqdim kardan* 'дарить', 'вручать', у которого именная часть и компонирующий глагол находятся в контактном положении (например, *be u taqdim kardam* 'я ему подарил'), может образовать рамочную конструкцию *taqdim-e kas-i kardan* 'дарить кому-либо' (между именной частью и компонирующим глаголом вклинивается непостоянный член *kas-i*, выступающий в роли косвенного дополнения). Особо следует отметить, что в пределах даже небольшого отрезка текста нередко можно встретить рамочное и нерамочное построение одного и того же сложного глагола. Естественно, возникает вопрос, чем же рамочное построение отличается от нерамочного, приводит ли изменение способа подчинительной связи в случае образования рамочной конструкции к изменению синтаксической функции второстепенного члена. Анализ показывает, что при образовании РК синтаксическая функция вставочного компонента не меняется, однако вид подчинительной связи изменяется (например, предложная связь меняется на изафетную, послеложная — на изафетную).

Факультативной рамочной конструкции противостоит **постоянная** рамочная конструкция, характерная главным образом для многочисленных глагольных фразеологизмов. Она представляет собой единственное допустимое построение как устойчивая структурная модель данной фразеологической единицы: *dandān-e kas-i-rā šomordan* 'считать кого-либо за простака, дурака', 'злоупотреблять чьей-либо наивностью' (букв. 'считать чьи-либо зубы').

Анализ большого количества примеров на использование СГ в форме рамочной и нерамочной конструкции позволил выделить три группы сложных глаголов в зависимости от того, какое построение СГ (дистантное или контактное) является наиболее типичным:

1) СГ, для которых основной формой существования служит рамочная конструкция: *dārā-ye kas-i (čiz-i) budan* 'иметь кого-либо (что-

либо); *dočār-e čiz-i šodan* 'столкнуться с чем-либо' и т.д. Возможно также нерамочное, контактное построение этих СГ: *dārā budan, dočār šodan*;

2) СГ, которые употребляются преимущественно при контактном положении компонентов: *taškil dādan* 'организовывать', *towzih dādan* 'разъяснять' и т.д.;

3) СГ, у которых рамочное и нерамочное построения встречаются приблизительно одинаково: *taqdim kardan* 'дарить', *dāxel šodan* 'входить' и т.п.

Возникает вопрос, в каких случаях необходимо отражать рамочную конструкцию. Совершенно очевидно, что постоянная рамочная конструкция всегда должна фиксироваться в словаре. Нет строгой необходимости фиксировать в словаре факультативную рамочную конструкцию, даже если она наиболее характерна для данного СГ (пункты 2 и 3), ибо для понимания значения этого глагола достаточно зафиксировать его при контактном положении компонентов. Однако при желании отметить и наглядно показать преимущественное употребление СГ в форме «рамки» следует показать и его рамочное построение внутри словарной статьи.

4. К числу проблем, ждущих серьезного научного исследования, относится использование различных видов фразеологизмов в формировании грамматического строя языка. Персидский язык — язык фразеологический, в котором ряд понятий может быть выражен только при помощи фразеологизмов. Однако не всегда ФЕ соотносятся с частями речи. Те фразеологизмы, которые соотносятся с частями речи, обычно получают грамматические показатели соответствующих частей речи. Фразеобразование персидского языка подчиняется строгим правилам. Можно выделить ФЕ, обладающие грамматическими признаками глаголов, существительных, прилагательных, наречий и т.д. Возникает возможность классифицировать фразеологизмы в соответствии с признаками частей речи. Результаты сопоставления фразеологизмов с частями речи могут быть полезны для составления толковых и переводных словарей, для написания учебников и преподавания персидского языка.

5. Одним из спорных и до конца не решенных вопросов персидской фонетики и фонологии является вопрос о наличии/отсутствии в языке гортанного смычного глухого согласного, обозначаемого на письме буквой *eun* или орфографическим знаком «хамза». В связи с этим возникает другой вопрос: сколько всего согласных звуков имеется в персидском языке? В случае признания этого звука фонемой следует считать, что их 23, в случае непризнания — 22. В фонетической транскрипции этот звук обозначается при помощи знака «апостроф», изображаемого в виде надстрочной запятой '. Поскольку звучание

смычного согласного ближе всего походит на звучание орфографического знака «хамза» в арабском языке, его условно можно было бы назвать звуком «хамза».

Звук ' в персидском языке является рефлексом двух самостоятельных арабских согласных: гортанного смычного глухого и зевного смычного звонкого. В словарях и учебниках персидского языка существуют расхождения по вопросу о произношении и транскрибировании слов арабского происхождения, имеющих в своем составе орфографический знак «хамза» или букву *هـ*. В некоторых работах этот звук совсем исключается из персидского консонантизма.

Экспериментальные исследования показывают, что употребление звука «хамза» зависит от его позиции в слове и звукового окружения: в начале и в середине между гласными этот звук не возникает. Следовательно, в таких позициях этот звук не должен отражаться в транскрипции (например, в словах *elm* 'наука', *axz* 'получение', *sāat* 'часы'). В отдельных случаях возникновение его носит сугубо факультативный характер; он может совсем отсутствовать либо превращаться в прерыв голоса. В ряде случаев пропуск звука «хамза» невозможен. Для этого достаточно сравнить слова с этим звуком и без него: *su* 'зло' и *su* 'направление'; *joz* 'часть' и *joz* 'кроме'; *man* 'запрет' и *man* 'я'; *ta'ne* 'упрек' и *tane* 'тело'. Пропуск этого звука в подобных словах мог бы привести к искажению смысла слов и образованных при их участии словосочетаний.

Затронутые выше вопросы далеко не полно отражают тот в известной степени спорный материал, над которым следует настойчиво продолжать работать, но они активно стимулируют иранистов к поискам новых проблем и к дальнейшим плодотворным исследованиям.

Литература

- Намэ-йе Фархангестан 1374 — Majalle-ye «Nāme-ye Farhangestān». Tehrān, 1374.
Рубинчик 1959 — Рубинчик Ю.А. Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке. М., 1959.
Ханляри 1349 — Parviz Xānlari. Tārix-e zabān-e fārsi, baxš-i az jeld-e dovvom. Sāxtemān-e fe'l. Tehrān, 1349.
Эюбизадэ 1378 — H. Eyubizade. Dovvomin majma'-e beynolmelali-ye ostādān-e zabān-e fārsi. Majalle-ye «Nāme-ye pārsi». Bahār-e 1378. № 1.

Новые слова в китайской лексике

Вопросы нормирования китайской лексики, особенно новой, всегда привлекали к себе внимание ученых. За последние два десятилетия мы наблюдаем большие изменения в новой лексике, часть старой исчезает или постепенно уменьшается в своем употреблении, т.е. переходит в малопродуктивную и малочастотную. Эти явления в лексике вызывают большое внимание лингвистов и тщательное изучение причин данного явления.

Носители языка также придают большое значение норме языкового употребления. Тем более когда возникают варианты, язык как экономное средство общения стремится к выбору одного из них или дифференциации в стилях употребления. Может возникнуть языковая ситуация, которая и не подлежит нормированию. Всегда ли пользователи языка могут легко принять нормированные варианты и надо ли этого добиваться? Тем более добиваться от всех носителей языка? Иногда возникают споры, происходят дискуссии относительно того, является ли нормирование лексики делом только носителей языка. Это не означает, что большинство решает всё. Только сами лингвисты могут решать вопросы нормирования лексики, опираясь на основные принципы языка, на частоту употребления новой лексики.

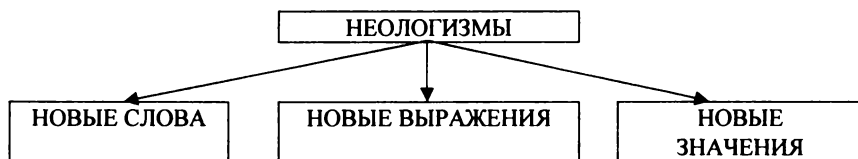
Лексика китайского языка должна рассматриваться в отношении к норме, а не просто как к естественному явлению. Изменение эпохи, а также изменение окружающей ситуации вызывают у пользователей языка (по крайней мере у значительной их части) изменение способов выражения, перехода к более стандартной лексике. Отмечается замена одних слов другими, это касается и счетных слов китайского языка. Например, ранее не так часто употреблявшееся счетное слово 件 *jian*

уже заменяет 所 suo, а счетное слово 架 jiā заменяет 台 tai, 有利两件大学合作 you li liang jian daxue hezuo «это выгодно для сотрудничества двух университетов».

В данной статье сделан акцент на новообразованиях в китайской лексике за последние двадцать с лишним лет. Ее цель — описание тех быстрых изменений, которые происходят в китайском словообразовании, показ некоторых тенденций и особенностей эволюции китайского словарного состава.

С точки зрения количественной характеристики новых лексических единиц следует отметить рост числа многосложных образований, причем они могут быть производными не первой ступени деривации. Наблюдения над речевой практикой массмедиа показывают, что новые трех- и более сложные слова составляют около 37% всех новообразований. Этому способствует активизация таких типов словообразования, как разные виды сложения и аффиксация.

Начиная с 1979 г. в Китае проводится курс реформ и открытой политики. Большие изменения в жизни китайского общества отражаются в лексике языка, появляется огромный массив неологизмов — новых слов, новых выражений и новых значений слов. Эту ситуацию можно представить следующей схемой:

Создание новых слов обычно происходит на основе базовой лексики. Их появление связано со следующими условиями:

- они должны отражать современное развитие общества;
- четко передавать значение;
- они должны приниматься в обществе и широко употребляться;
- должны соответствовать законам образования китайских слов.

Из 800 новых слов, ежегодно появляющихся в китайском языке, часть живет непродолжительно, промелькнет быстро, как метеоры; другая же часть без всяких усилий со стороны лингвистов стихийно, широко распространяется.

Новые слова чаще всего встречаются в газетах, журналах, новейших изданиях по экономике, политике. Наиболее употребительными, частотными словами на страницах газет в последние годы стали:

改革 gaige «реформы»;

市场 shichang «рынок»;

国情 guoqing труднопереводимо, обозначает совокупность исторических, национальных, культурных особенностей.

Появились и другие, соответствующие новому времени понятия:

市场经济 shichang jingji «рыночная экономика»;

再就业 zaijiuye «снова трудоустроиться»;

人才市场 rencai shichang «рынок людей, ищущих работу» (досл.: «рынок талантов»).

В газетах встречаются выражения:

推向市场是个过程 tuixiang shichang shige guocheng «продвижение к рынку является процессом»;

面向市场 mianxiang shichang «повернуться лицом к рынку»;

开拓需求市场 kaituo xuqiu shichang «развернуть рынок потребностей».

Когда говорят о развитии в Китае нового типа телефонов — видеотелефонов 可视电话 keshi dianhua, отмечают тот факт, что «видеотелефоны партиями поступили на рынок» (可视电话批量上市 keshi dianhua piliang shangshi). Появление акционерных компаний — 公司 gongsi, акционерных компаний с ограниченной ответственностью 有限公司 youxian gongsi вызвало к жизни целый ряд новых слов, обозначающих различные явления в сфере акции — 股票 gupiao.

Можно было бы привести еще большое количество неологизмов. Однако уже приведенные примеры убедительно свидетельствуют о следующих тенденциях в развитии китайской лексики за последние двадцать лет.

Во-первых, подавляющее число неологизмов — производные слова, что объяснимо: гораздо легче использовать уже имеющиеся модели и элементы (первичные лексемы), чем создавать новый фонетический комплекс, который не имеет внутренней мотивированности значения.

Во-вторых, большинство новых слов — многосложные (двух- и более сложные).

Неологизмов — устойчивых словосочетаний — намного больше, чем односложных, т.е. язык чаще прибегает к соединению существующих языковых элементов, чем к созданию новых единиц. При этом образуются устойчивые словосочетания фразеологического характера, переосмысление в них не обязательно.

Примеры:

美育 meiyu «эстетическое воспитание»;

快餐 kuaican «быстрая еда», «минутка»;

科盲 kemang «несведущий в науках»;

收录机 shouluji «магнитоадиола»;

方便面 fangbianmian «лапша быстрого приготовления»;

展销 zhanxiao «выставка-продажа», «представлять товар на выставке и продавать его».

В-третьих, многие неологизмы уже приобрели общезыковой характер. Они приняты обществом, получили право на существование, зафиксированы в словарях новых слов. Войдя в общее употребление, став общепонятным, слово перестает быть неологизмом.

В-четвертых, значительное количество неологизмов создается общественными деятелями, писателями, журналистами по случаю. Часто в стилистических целях их называют окказионализмами, они еще не успевают фиксироваться словарями новых слов. Например, 打飞的 da feidi «летать на самолете» как ездить на такси.

Поскольку словообразование является живым процессом, невозможно строго разграничить слова на окказиональные, разового употребления и часто употребляемые, воспроизводимые, вошедшие в язык.

В-пятых, неологизмы создаются по нормативным словообразовательным моделям, т.е. они не нарушают норм лексической сочетаемости, принятой в китайском языке. Поэтому их внутренняя форма ясна и они легко запоминаются, принимаются обществом. Прозрачную внутреннюю форму имеют не только новые общепотребительные слова, но и специальные термины научного и профессионального характера, например:

丰产田 fengchǎntián «высокоурожайный участок» (от 丰 fēng «богатый» + 产 chǎn «производить» + 田 tián «участок»);

晒图纸 shàitúzhǐ «светокопировальная бумага» (от 晒 shài «сушить» + 图 tú «рисунок» + 纸 zhǐ «бумага»).

В-шестых, значительная часть новой лексики образуется с помощью суффиксов, полусуффиксов и префиксов.

В-седьмых, многие новые слова представляют собой фонетические заимствования.

В 80-е годы для обозначения такси наряду с уже имеющимся в китайском языке словом 出租车 chūzūchē «арендуемая машина», «такси» стали использовать термин 的士 dìshì. Это фонетическое заимствование английского слова taxi, т.е. передача средствами китайского языка английского слова, для чего и были выбраны два иероглифа. Так возникло слово 的士 dìshì.

Позднее появились такие слова, как 打的 dǎ de, 打的士 dǎ dìshì «взять такси». Они стали конкурентом исконному словосочетанию 出租车 dǎ chūzūchē «взять такси», «ездить на такси».

公共汽车 gōnggōng qìchē «общественный (многоместный) автомобиль», «автобус» вытесняется фонетическим заимствованием 巴士 bāshì (от англ. bus). Появилось слово 摩的 mó de «мототакси», 奔驰的 bēnchí de «Benz такси», 陪的 péi de «сопровождающий в такси» (обычно ночная охрана), 的哥 dì ge «водитель такси — мужчина», 的姐 dì jiě «женщина — водитель такси».

В-восьмых, неологизмы могут возникать посредством семантического словообразования, поскольку они не только называют явления, но и придают словам и словосочетаниям новые стилистические оттенки.

Примеры:

希望小学 *xiwang xiaoxue* «школа надежды» (надежда уйти от нищеты для очень бедных, неграмотных детей, обучающихся в начальной школе);

绿色食品 *luse shipin* «зеленые продукты» (овощи без химических удобрений; продукты из овощей, зерна, фрукты);

心理咨询电话 *xinli zixun dianhua* «телефон психологических вопросов»;

救命电话 *jiuming dianhua* «телефон спасения»;

投诉电话 *tousu dianhua* «телефон доверия».

Возможен также гибридный способ образования новых слов, когда один из компонентов передает звучание, а второй — семантику заимствуемого слова. Например:

面的 *miandi* «такси-микроавтобус»;

打面包车的士 *da mianbaoche dishi* «ездить на такси-микроавтобусе».

В-девятых, имеет место бурное развитие всех типов аббревиации, свойственных китайскому языку. Примеры:

干休所 *ganxiusuo*: 干部休养所 *ganbu xiuyangsuo* «дом отдыха для кадровых работников»;

电大 *dianda*: 电视大学 *dianshi daxue* «телевизионный университет»;

轻纺 *qingfang*: 轻工业 *qing gongye*, 纺织工业 *fangzhi gongye* «легкая и текстильная промышленность»;

请调 *qingdiao*: 请求调动 *qingqiu diaodong* «просьба о переводе».

Новые слова иногда могут выступать и в краткой, и в полной форме. Например, 彩电 *caidian* — сокращение вместо 彩色电视机 *caise dianshiji* или 彩色电视 *caise dianshi*.

Сокращения, так же как и полные наименования, достаточно информативны и дают представление о новых явлениях в жизни общества. Причина их появления — тенденция к экономии языковых средств. В процессе употребления языка говорящие стремятся отобрать наиболее рациональные средства. При этом они руководствуются требованием к сокращению текста при условии сохранения его информативности. Первоначально сокращенные варианты возникают как вторичные наименования, и в этом плане можно говорить об их избыточности. В дальнейшем они часто становятся единственным средством обозначения данного понятия. Такие образования, появляясь на страницах газет, получают право на существование, они остаются в языке, словари фиксируют их как лексические единицы.

Сокращенные формы иностранных слов также непосредственно входят в язык, например: QC — quality control.

В-десятых, иностранных слов в лексике так много, что их не успевают перевести на китайский язык, а допускают иноязычные вкрапления типа В 超 B-chao «ультразвуковое исследование», 托福 tuofu TOEFL (Test of English as Foreign Language) «экзамен по английскому для студентов», GRE — Graduate Record Examination «экзамен по английскому для аспирантов». Это свидетельствует об употреблении слов в непривычной для китайского языка форме. Они дословно непереводимы. Но до сих пор не нашли способа для передачи этих реалий; возможно, они так и войдут в лексику как интернационализмы.

Каждая лексическая единица представляет собой единство звучания и значения — иными словами, она имеет свой план содержания и план выражения. Если оценивать новизну лексической единицы с точки зрения нового внутри слова, то перед нами предстанут следующие случаи (теоретически возможные).

	План содержания	План выражения	Примеры
1	новый	новый	健美操 jianmeicao «аэробика» 的哥 dige «мужчина — водитель такси» 的姐 dije «женщина — водитель такси» 海姐 haijie «морячка»
2	новый	старый	红娘 Hongniang «сваха»
3	старый	новый	的士 dishi «такси» (арендуемая машина)
4	старый	старый	—

Первый случай

健美操 jianmeicao «здоровый» + «красивый» + «гимнастика» — «гимнастика здоровья и красоты», «аэробика»; здесь план содержания и план выражения — новые;

的哥 dige «такси» + «старший брат» — «мужчина-водитель такси», здесь план содержания и план выражения — новые;

的姐 dije «такси» + «старшая сестра» — «женщина-водитель такси», здесь план содержания и план выражения — новые;

海姐 haijie «море» + «старшая сестра» — «морячка», «женщина, служащая на корабле», здесь план содержания и план выражения — новые.

Второй случай

红娘 Hongniang Хун-нян — служанка героини китайской классической драмы «Западный флигель». Впоследствии ее имя становится

нарицательным и обозначает сваху. В современном языке оно приобрело значение «посредник» (в каких-либо делах, например торговых, коммерческих). Здесь старый план выражения и новый план содержания.

Третий случай

的士 *dishi* «такси», это фонетическое заимствование английского слова *taxi*. В китайском языке уже есть с таким же значением 出租汽车 *chuzu qiche*, поэтому здесь новый план выражения, но старый план содержания.

Четвертый случай практически невозможен, поскольку слово, имеющее и старый план содержания, и старый план выражения, не может быть неологизмом. В китайской лексике новейшего времени часто употребляются сложные образования, построенные по модели, где в качестве первого компонента выступает числительное. Эта особенность связана с китайскими обычаями, культурой, психологией китайцев. Конструкции с числительным интересны в национально-культурном отношении. Магия чисел отражает китайскую традицию, сложившуюся в древности. К примеру, в феодальном Китае в древности соблюдались «три начала и пять постоянных принципов»:

三纲五常 *san gang wu chang* «подчинение подданного государю, подчинение жены мужу и подчинение сына отцу; гуманность, справедливость, вежливость, разумность и верность».

В наше время употребляется:

三好 *san hao* «три хорошо» (хорошо укреплять здоровье, хорошо работать, хорошо учиться);

三高 *san gao* «три повысить», т.е. 高产量 *gao chanliang*, 高质量 *gao zhiliang*, 高效益 *gao xiaoyi* «повысить урожайность, качество, эффективность»;

三个有利于 *sange youliyu* «три выгодно», т.е. выгодно для развития производительных сил общества, выгодно для укрепления силы социалистического государства, выгодно для повышения жизненного уровня народа.

В образовании новой лексики большую роль играют модели с суффиксами и полусуффиксами. Приведем несколько примеров.

Модель с суффиксом 性 *xing*

Данный суффикс обладает большими потенциальными возможностями образования слов в речи, имеет широкую сочетаемость. Он выступает как суффикс существительных, соответствует русскому *-ость*. С его помощью образуются как широко употребительные, так и окказиональные слова.

Примеры:

趣味性 *quweixing* «интерес» + 性 *xing* → «занимательность»;

侦探性 zhentanxing «расследование» + 性 xing → «детективность»;
可读性 keduxing «можно» + «читать» + 性 xing → «читабельность»;
连续性 lianxuxing «непрерывность»;
危险性 weixianxing «опасность»;
可接收性 kejieshouxing «приемлемость».

При образовании новых слов по данной модели в отдельных случаях возможна замена компонента 可 ke на компонент 易 yì «легко». Взаимозаменяемость сохраняется и в прилагательных, образованных от этих же основ.

Примеры:

可变性 kebianxing «можно» + «изменять» + 性 xing → «вариабельность»;

易变性 yibianxing «легко» + «изменять» + 性 xing → «вариабельность».

Можно предположить, что данная модель словообразования будет увеличивать количество новых наименований в современной китайской лексике, обозначая свойства и состояния, при этом производящее слово может быть сложным по своей структуре.

Модель с полусуффиксом 星 xing

В прямом значении слово «звезда» (星 xing) обозначает «небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой» (Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 1, с. 600).

Например, ночью хорошо видна 北极星 beijixing «Полярная звезда». Существуют термины: «свет звезды» — 星光 xingguang «звездное небо» — 星空 xingkong. Астрономы составили «звездные карты» — 星图 xingtu. Вы можете быть свидетелями появления на ночном небе множества «падающих звезд» (метеоритов), это «метеоритный дождь», или «звездный дождь» — 流星雨 liuxingyu (букв. «падать» + «звезда» + «дождь»). В астрономии есть термины: 星团 xingtuan «звездные скопления»; 星协 xingxie «звездные ассоциации»; 星等 xingdeng «звездная величина».

В 80–90-е годы в китайской лексике широкое распространение получило второе значение, заимствованное из английского star: «О человеке, прославившемся в какой-либо сфере деятельности, о знаменитости». Данное переносное значение развилось из первого, прямого — «звезда (как небесное тело)». Заметим, что такой же процесс развития значения слова «звезда» произошел и в русском языке. Здесь можно не только сказать «яркая звезда», «на небе много звезд», но и «звезды экрана», «звездный миг», «звездная болезнь», «звездный час».

«Звезды» могут проявлять себя в разных сферах человеческой деятельности, первоначально появление новых терминов коснулось искусства и спорта.

Примеры:

跳星 tiaoxing «прыгать» + «звезда» — «звезда по прыжкам в длину»;

影星 yingxing «кинозвезда»;

歌星 gexing «эстрадная звезда»;

球星 qíuxing «звезда мяча» (спортсмен, добившийся успехов в футболе, волейболе, баскетболе и т.п.);

诗星 shixing «звезда поэзии»;

视星 shixing «телезвезда»;

跑星 paoxing «чемпионы по бегу»;

科星 kexing «звезды в науке», сделавшие открытия.

Словосочетание 体坛新星 titan xinxing «новые звезды на спортивной арене» употребляется для обозначения только что появившихся известных спортсменов (артистов). Здесь идет своеобразная перекичка с астрономическими терминами: в астрономии термин 新星 xinxing обозначает «только что появившиеся звезды, небесное тело». В течение короткого времени их яркость может увеличиться в тысячи и десятки тысяч раз, затем постепенно снизиться до первоначальной степени яркости. Для обозначения «звезда в какой-либо сфере деятельности» параллельно со словом 星 xing употребляется слово 明星 mingxing.

Примеры:

电影明星 dianying mingxing «звезда кино»;

足球明星 zuqiu mingxing «звезда футбола»;

交际明星 jiaoji mingxing «звезда общения».

Появились также 明星企业 mingxing qiye «предприятия-звезды», которые умело ведут хозяйство, и их успехи значительны. Еще раньше возникли 明星城市 mingxing chengshi. Это «звездные города, в которых быстро развивается промышленность, делая большие успехи».

Лексика китайского языка находится в постоянном обновлении. Появление неологизмов демонстрирует неисчерпаемые возможности словообразования. Если сравнить потенциальные слова языка с индивидуально-авторскими новообразованиями, то первые с точки зрения языка стандартны, вторые — нестандартны. Первые являются реализацией законов словообразования, вторые — иногда нарушением этих законов. Однако и те и другие показывают возможности, заложенные в системе языка, только в первом случае — это возможности, которые уже пробили себе дорогу, а во втором — это возможности глубинные, лишь изредка, с трудом выбивающиеся на поверхность. Что касается сознательного отступления от норм, то здесь необходимо тонкое знание язы-

ка. Основная, бóльшая часть неологизмов появляется для обозначения новых понятий и предметов (это могут быть и слова, и словосочетания). Они могут появляться и как синонимы уже имеющихся в языке слов.

Отличительная черта китайских неологизмов — обилие новых слов в публицистике, пропаганде, которая использует их как действенное оружие. Чаще всего они появляются именно в газетно-публицистической речи.

Процесс словообразования не имеет пределов. Могут возникать новые словообразовательные типы и модели. Никто не может утверждать, что в будущем не появятся новые типы и модели. Но нельзя предсказать, какие это будут модели.

Литература

Рубинчик Ю.А. Структурные типы фразеологизмов и их размещение в словарной статье. — Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.

Семенов А.Л. Фразеология в китайских словарях. — Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.

Подклассы глаголов в языках Юго-Восточной Азии

Любой словарь (одноязычный и двуязычный) содержит слова, которые наделены определенным лексическим содержанием и характеризуются определенными грамматическими свойствами. Слов без грамматической «одежды» в словарях не бывает. Естественно, что эти слова разнородны и по своим лексическим, и грамматическим значениям. В словарях любых языков лексические значения даны эксплицитно, так же эксплицитны и грамматические значения в словарях языков неизолирующего типа. Но грамматические свойства слов в словарях изолирующих языков неэксплицитны.

В свое время В.М.Солнцев [5] разработал теоретический постулат о неоднородности элементов языка, который он считал важным для понимания механизма организации языка. По его мнению, неоднородность элементов является одним из фундаментальных свойств языка. На этом свойстве языковых элементов, как он считал, покоятся парадигматические, синтагматические и иерархические отношения в языке, которые также считаются фундаментальными свойствами языка.

На свойстве неоднородности, по мнению В.М.Солнцева, держится принцип линейности, и только благодаря свойству неоднородности элементов языка возможна реализация принципа линейности языка. Данный принцип линейности, введенный Ф. де Соссюром [6], относится к разряду основных, от которого, как считал Соссюр, зависит весь механизм языка. Принцип линейности «заключается в том, что звуковые комплексы, несущие смысл, представляют собой протяженность, и эта протяженность лежит в одном измерении: это линия» (цит. по [5, 61]).

В.М.Солнцев полагал, что «принцип линейности в языке оправдан лишь постольку, поскольку элементы языка характеризуются свойством неоднородности» [5, 62].

Этот вывод он обосновывал тем, что «одномерность расположения элементов требует высокой степени неоднородности элементов для образования четко отличающихся друг от друга конфигураций» [5, 62].

Свойство неоднородности характерно для языковых элементов всех уровней. Оно характерно и для словесного уровня. Для слова «свойство неоднородности реализуется в плане лексико-грамматических свойств слова, проявляющихся, в частности, в комбинаторных возможностях слова...» [5, 55].

Неоднородность элементов может быть абсолютной и относительной.

На словесном уровне абсолютно неоднородными являются классы слов, а относительно неоднородными — подклассы слов внутри классов слов.

Каждый подкласс наделен своими общеграмматическими свойствами и значениями, а также особенностями комбинаторики, т.е. особым сочетанием со словами других подклассов, классов слов и служебными словами. Во многих изолирующих языках ЮВА подклассы глаголов формально, эксплицитно не выражены. Их можно выделять только на основе их сочетаемости со служебными словами и на основе их употребления в определенных конструкциях.

Для выделения определенных подклассов среди глаголов изолирующих языков в известной мере применима классификация предикатов, предложенная Р. Ван Валином и У.Фоли [1]. По их мнению, предикаты являются основным средством описания ситуации и они могут быть классифицированы по нескольким основаниям, среди которых наиболее важные два: а) является ли ситуация динамической или статической и б) контролирует ли данную ситуацию какой-либо участник или нет. Исходя из этих двух оснований, Р. Ван Валин и У.Фоли выделяют четыре основных типа предикатов (см. табл. 1).

Таблица 1

Типы предикатов

Тип	Характер предикатов	Примеры
I	предикаты статические, неуправляемые	‘весить’, ‘высокий’, ‘больной’
II	предикаты динамические, неуправляемые	‘сверкать’, ‘расти’, ‘падать’, ‘умирать’
III	предикаты статические, управляемые	‘стоять’, ‘сидеть’, ‘лежать’
IV	предикаты динамические, управляемые	‘ударять’, ‘есть’, ‘бежать’, ‘прыгать’

Следует иметь в виду, что в этой классификации, во-первых, не показано отличие между статическими глаголами типа ‘весить’ и динамическими глаголами типа ‘сверкать’, ‘умирать’. Во-вторых, в ней не раскрыто содержание понятия «неуправляемость». С моей точки зрения, изменения в состояниях, обозначаемых статическими и динамическими предикатами, могут происходить в результате как естественных причин, так и непредумышленных, нечаянных, случайных действий участников.

Неуправляемость, таким образом, может быть связана с непреднамеренностью действий участника. Изменения в состоянии могут зависеть от природных условий, что расширяет понятие участника ситуации, однако эти изменения никак не связаны с понятием непреднамеренности.

Очевидно, более правильно к динамическим неуправляемым глаголам относить те, которые в латинском языке относили к медиальным глаголам. Это глаголы, у которых в их лексико-грамматическом значении содержится указание на изменение в состоянии. Изменения в состоянии никем не управляются и происходят независимо от чьей бы то ни было воли.

В языках ЮВА к числу динамических неуправляемых глаголов, а точнее, к медиальным глаголам относятся глаголы типа 'болеть', 'ломаться', 'портиться', 'разбиваться', 'рваться'. В ряде языков ЮВА типа ксингмул и рук, сохранивших старую морфологию, эти глаголы, как правило, отличаются своей формой от глаголов других подклассов. В ряде же других языков ЮВА, типа вьетнамского языка, языка мыонг, языка лаха, медиальные глаголы не отличаются своей формой от других подклассов глаголов. См. примеры из этих языков в I разделе табл. 2.

Во II разделе табл. 2 приведены примеры, из которых ясно видно, что изменения в состоянии происходят в связи с непреднамеренным действием участника.

Особенность подобных медиальных глаголов в данных языках ЮВА заключается в том, что они могут непосредственно принимать показатель пассива. Примеры см. в III разделе табл. 2.

Как известно, факт употребления показателей пассива с подобными глаголами нередко рассматривался в качестве доказательства отсутствия категории пассива в языках ЮВА.

С моей точки зрения, употребление этих глаголов с показателями пассива указывает на то, что изменение в состоянии, выраженное медиальными глаголами, происходит **вынужденно**.

Изменения в состоянии у этих глаголов переводят их, таким образом, в разряд управляемых. Медиальное значение глаголов при этом из лексико-грамматического превращается в грамматическое благодаря показателю пассива. Поэтому в данном случае, по-видимому, следует говорить о медиопассиве. Естественно, что в этом случае говорить о равенстве значений у глаголов типа *ót* 'болеть' и *bj ót*, где *bj* — показатель пассива, нельзя.

Кроме того, медиальные глаголы в этих языках могут приобретать значение управляемых в каузативной конструкции, когда к ним присоединяется показатель каузации, произошедший от глагола 'делать'. Медиальный глагол с показателем каузации обозначает динамическое, переходное, управляемое действие. Участник действия в этом случае назван в подлежащем. Примеры см. в IV разделе табл. 2. В связи с тем что медиальные глаголы с показателем каузации приобретают значение

Таблица 2

Динамические, неуправляемые глаголы

Раздел	Язык	Примеры
I	вьет.	vở 'разбиваться', 'gây' 'ломаться', 'hỏng' 'портиться', 'ломаться'; rách 'рваться', ốm 'болеть'
	мьонг	bẻ 'разбиваться', hư 'портиться', 'hư' 'рваться', ốm 'болеть'
	лаха	tek 'разбиваться', dok 'ломаться', phe 'портиться', 'ломаться'; ban 'рваться', ốm 'болеть'
II	вьет.	cái chén vỡ vụn dần 'Чашка разбилась из-за них'
	мьонг	kaj ³ cen ³ ni ¹ bẻ ⁴ taj ³ nỏ ³ da ² (taj ⁵ 'из-за' предлог) 'Чашка разбилась из-за них'
III	вьет.	cái áo kia bị rách túi 'У той рубашки были порваны карманы' (bị — показатель пассива)
	мьонг	phứt ⁵ ư ⁴ ẻ ⁶ cơ ³ bạn ¹ thông ⁴ 'У той рубашки были порваны карманы' (cơ — показатель пассива)
	вьет.	tất cả ghế đều bị hỏng 'Все стулья были сломаны' (bị — показатель пассива)
	рук	ka ⁴ hư ⁴ ye ³ de ⁴ bi ⁴ Lx ⁴ 'Все стулья были сломаны' (bi ⁴ — показатель пассива)
IV	вьет.	Em làm hỏng cái ghế 'Младшая сестра сломала стул' (làm — показатель каузации «делать»)
	мьонг	un ³ an ² la ¹ hư ² kaj ³ kẻ ³ 'Младшая сестра сломала стул' (la ¹ — показатель каузации «делать»)
	лаха	ôn ⁶ đơ ² thàng ³ phe ⁴ 'Младшая сестра сломала стул' (đơ ² — показатель каузации «делать»)
V	вьет.	cái ghế bị em An làm hỏng 'Стул был сломан Аном'
	мьонг	kaj ³ kẻ ³ kaj ³ un ³ An ² la ¹ hư ² 'Стул был сломан Аном'
	лаха	gên ⁶ cơ ³ na ¹ vik ¹ nơ ² đơ ² tuj ¹ 'Я утомлен этой работой'

Таблица 3
Возвратные глаголы

Раздел	Язык	Примеры
I	вьет. мьонг лаха	<i>câu bé tắm suối</i> 'Мальчик купался (мылся) в ручье' <i>sang¹ ie³ kon² sam³ ho³</i> <i>pa^w o⁶ ap⁴ a⁴ hong²</i>
II	вьет. лаха рук	<i>mẹ tắm cho con</i> 'Мать моет ребенка' (<i>cho</i> – показатель адресата) <i>em giặt¹лак¹ap⁴</i> <i>m⁶ε⁴ m²хх⁴ ? aч³ cу³ hăn³</i> 'Мать надела рубашку на него' (<i>cу³</i> – показатель адресата)
III	вьет.	<i>mẹ mặc áo cho nó</i> <i>ăn mặc đẹp</i> 'хорошо одеваться' <i>ăn mặc giản dị</i> 'одеваться просто (скромно)'
IV	вьет.	<i>mẹ tắm cho con rồi tắm cho mình</i> 'Мать купала ребенка, а потом выкупалась сама'

переходных, управляемых, они фактически приобретают статус переходных глаголов. И уже в этом статусе они могут употребляться в пассивных конструкциях, где в косвенном дополнении назван участник действия. Именно этот участник управляет ситуацией. Примеры см. в V разделе табл. 2.

Помимо этого подкласса глаголов в названных языках ЮВА имеется еще один интересный подкласс глаголов. Особенность значения глаголов этого подкласса также выявляется только в их сочетании со служебными словами и в их комбинаторике. Я имею в виду глаголы типа 'мыться', 'купаться', 'одеваться', 'бриться' и т.п. Эти глаголы в упомянутых выше языках можно назвать возвратными. «Возвратность» составляет суть их лексико-грамматического значения, поскольку здесь всегда обозначается действие, которое участник совершает сам над собой. Эти глаголы являются динамическими, управляемыми, но участник действия один. См. примеры в I разделе табл. 3. Для того чтобы действие этого участника переключить на другого участника, в языках ЮВА используется показатель адресата, этимологически восходящий к глаголу 'давать' (см. примеры во II разделе табл. 3.).

Возвратность подобных глаголов проявляется в их сочетаемости со словами других классов.

Возвратность у глаголов данного подкласса отчетливо проявляется в случаях употребления при них личных местоимений. Интересен пример, когда вьетнамское местоимение *minh* 'я' употреблено с показателем адресата *cho* (см. примеры в IV разделе табл. 3.).

Из сказанного, очевидно, можно сделать следующие выводы:

наличие данных подклассов глаголов, обладающих особыми лексико-грамматическими значениями, подтверждается их комбинаторикой;

по-видимому, в словарях в словарных статьях с глаголами этих подклассов необходимо приводить примеры подобного рода, в целях раскрытия подклассного значения данных глаголов;

в словарях в словарной статье возвратные глаголы должны записываться по-русски только с суффиксом возвратности *-ся*.

Литература

1. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
2. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык лаха. М., 1986.
3. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык мяонг. М., 1987.
4. Материалы Российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Вып. 4. Язык рук. М., 2001.
5. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.

Свободные копулятивные словосочетания в современном персидском языке

Для персидского языка «учение о словосочетании имеет важное значение, так как синтаксическая функция членов словосочетания не может быть выведена по форме слова» [Арендс 1941, с. 3]. Вообще, словосочетание в языке аналитическом представляет собой более монолитную структуру, чем во флективном. Слова аналитического языка, опираясь на свое лексическое окружение, сужают и конкретизируют семантическое поле компонентов в составе словосочетаний.

Персидский язык по своим парадигматическим и синтагматическим свойствам принадлежит к языкам аналитически-флективного строя, и грамматическое значение слова определяется через его связи с другими словами, входящими в словосочетание. «Более того, иногда и лексическое значение слова, несмотря на его самостоятельность, выясняется по связи с рядом стоящими словами — членами словосочетания» [Пейсиков 1959, с. 4]. Поэтому в центре внимания при изучении синтаксиса всегда был вопрос синтеза слов в составе словосочетаний.

В теории персидского языка достаточно хорошо изучены три типа словосочетаний с подчинительной связью:

изафетное словосочетание — подчиняющее слово, находящееся на первом месте, связывается с последующим подчиненным словом при помощи изафета — безударного грамматического показателя *-e* (после гласного *-ye*): *miz-e tahrir* 'письменный стол', *kāqaz-e sefid* 'белая бумага', *ers-e pedar* 'наследство отца', *sandali-ye dabir* 'стул учителя', *havā-ye daryā* 'морской воздух';

предложное словосочетание — подчиняющее слово, находящееся на первом месте, связывается с последующим подчиненным словом при

помощи предлогов *az*, *bā*, *bar*, *be*, *dar* (могут быть как собственно предлоги, так и отыменные), которые вносят в эту связь свое значение: *defā' az mihan* 'защита родины', *mobāreze bā bisavādi* 'борьба с неграмотностью', *dāyer bar poštibāni* 'основанный на поддержке', *safar be Tehrān* 'поездка в Тегеран', *dānešāmuz dar kelās* 'ученик в классе';

словосочетание, построенное на примыкании, — подчиняющее слово, находящееся на первом месте, связывается с последующим подчиненным словом без соединяющих звеньев в виде грамматических показателей — морфем, служебных слов или изафетной частицы: *in dānešju* 'этот студент', *nāme neveštan* 'писать письмо', *behtarīn rafiq* 'самый лучший товарищ'.

Как видно из приведенных выше примеров, перечисленные словосочетания образуются соединением двух (и более) знаменательных слов при помощи одного из средств подчинительной связи.

Но разновидности словосочетаний в персидском языке, по нашим наблюдениям, не ограничиваются только названными выше видами.

Как нам удалось установить, в персидском языке наравне с подчинительными словосочетаниями существуют и сочинительные словосочетания с копулятивной грамматической связью, которые играют важную роль в синтаксической и стилистической организации текста. Компонентами таких словосочетаний являются в основном **синонимы с соединительным союзом**. Эти словосочетания до сих пор оставались вне поля зрения исследователей.

В отличие от других видов словосочетаний в копулятивных сочинительных словосочетаниях отсутствуют атрибутивные отношения между сочетаемыми словами, нет главного и зависимого компонентов. Слова, входящие в словосочетания этого типа, принадлежат к одному грамматическому ряду и легко выделяются в составе предложения. Минимальное число сочетающихся компонентов сочинительных словосочетаний — два, в связи с чем в лингвистической литературе можно встретить термины «парные слова» и «парные словосочетания», «биномы» и «биномины».

Рассматривая сочинительную связь в русском языке, В.В.Виноградов отмечал возможность сохранения термина «сочинительные словосочетания» только за парными сочетаниями слов, принадлежащих к одной и той же части речи: *отец и мать (родители)*, *день и ночь (сутки)*, *муж и жена (супруги)* и т.п. Надо отметить, что приведенные выше примеры из русского языка имеют точные эквиваленты соответствующих словосочетаний в персидском. Они употребляются с теми же компонентами и в той же номинативной функции: *pedar-o mādar* 'отец' и 'мать' (*родители*), *šab-o ruz* 'день' и 'ночь' (*сутки*), *zan-o šowhar* 'муж' и 'жена' (*супруги*). Такие сочетания, по мнению В.В.Виноградова, подверглись лексико-семантической стабилизации, что

обусловило их широкую номинативную функцию [Грамматика 1954, с. 42].

Однако необходимо учесть, что теория невозможности образования сочинительных словосочетаний основана на материале русского языка. Вместе с тем «лексикология того или иного языка обязана базироваться на природе слова в системе данного языка» [Виноградов 1947, с. 8], и, опираясь на собранный материал, можно сказать, что в отличие от русского персидскому языку свойственно образование **сочинительных словосочетаний**. Если в подчинительных словосочетаниях обязательно определяется опорное (стержневое, или главное) слово, в составе сочинительных каждый компонент сохраняет свое самостоятельное лексическое значение; при этом отсутствует грамматическая зависимость одного компонента от другого. Такие словосочетания в грамматическом плане не представляют собой подчинительное словосочетание, но на семантическом уровне компоненты не являются случайными и сочетаемые слова имеют практически одно значение. В сочинительных словосочетаниях, видимо, можно говорить о некоторой подчиненности на семантическом и синтаксическом уровнях. Например: *ranj-o zahmat* 'усилие' (букв. 'труд' и 'усилие'), *baxt-o eqbāl* 'судьба' (букв. 'доля', 'судьба' и 'фортuna'), *lāzem-o zaruri* 'необходимый' (букв. 'нужный' и 'необходимый', 'важный'), *eltemās-o xāheš* 'просьба' (букв. 'упрашивание', 'мольба' и 'просьба'), *bayān-o tašrih* 'объяснение' (букв. 'описание', 'разъяснение' и 'комментирование'). Как видно из приведенных примеров, словосочетания образуются из синонимических пар.

Составляющими компонентами копулятивных сочинительных словосочетаний могут быть:

существительные: *māč-o buse* 'поцелуй' (букв. 'поцелуй' и 'поцелуй'), *jān-o del* 'душа' (букв. 'душа' и 'сердце'), *čehre-vo ruu* 'облик' (букв. 'лицо' и 'лицо');

прилагательные: *nāz-o kerešme* 'кокетливый' (букв. 'кокетство', 'жеманство'), *bozorg-o bihesāb* 'очень большой' (букв. 'большой' и 'неисчислимый'), *tamiz-o morattab* 'приведенный в порядок' (букв. 'чистый' и 'аккуратный');

наречия: *u māt-o mabhut goft* 'он сказал изумленно' (букв. 'изумленный' и 'пораженный'); *alanan-o biparde* 'откровенно' (букв. 'открыто', 'публично', 'явно' и 'открыто', 'прямо', 'неприкрыто');

причастия прошедшего времени: *xaste-vo farsude* 'очень уставший' (букв. 'уставший' и 'измученный'), *xaste-vo dar mānde* 'очень уставший' (букв. 'уставший' и 'изнеможенный').

Известно, что словарный состав персидского языка имеет разные по происхождению слова. В нем сосуществуют и взаимодействуют в течение многих лет исконно иранские слова наряду с заимствован-

ной лексикой, совместное употребление которых стало обычным явлением. На русский язык эти сочетания обычно переводятся одним словом — наиболее экспрессивным — или двумя словами — атрибутивным словосочетанием. Например: *bu-yo atr-e gol* 'аромат цветов' (букв. 'запах' и 'благоухание', 'аромат'), *ensān-e ra'uf-o mehrefān* 'сердобольный человек' (букв. 'милостивый, милосердный' и 'добрый, ласковый, сердечный'). Но если компоненты копулятивных словосочетаний состоят из контекстуальных синонимов (например: *āfiāb-e suzan-o nurzanande* 'палящее и светящее солнце'; *havā-ye xub-o āftābi* 'хорошая и солнечная погода'), при переводе можно сохранить порядок их следования.

Компоненты копулятивных сочинительных словосочетаний могут быть классифицированы по происхождению как слова:

персидские: *talāš-o kušeš* 'усилие', 'старание' (букв. 'усилие', 'старание' и 'старание', 'усилие'), *pāk-o sefid* 'чистый' (букв. 'чистый', 'опрятный' и 'белый', 'чистый', 'неисписанный'), *čamān-o čarān* 'луг' (букв. 'луг' и 'луг'), *rāh-o jād(de)* 'дорога' (букв. 'дорога', 'путь' и 'большая дорога'), *dust-o yār* 'друг' (букв. 'друг', 'приятель' и 'друг', 'приятель', 'подруга'), *yār-o yāvar* 'друг' (букв. 'друг', 'приятель', 'подруга' и 'друг', 'товарищ');

арабские: *vāqeiyyat-o haqiqat* 'действительность' (букв. 'действительность' и 'реальность', 'факт'), *zabt-o sabt* 'запись' (букв. 'регистрация' и 'запись'), *e'temād-o eiminān* 'вера' (букв. 'вера', 'доверие' и 'уверенность' и 'развитие' и 'расширение');

арабские и персидские или персидские и арабские: *say'-o kušeš* 'старание', 'усилие' (букв. 'старание', 'усилие', 'хлопоты' и 'старание', 'усилие'), *mehr-o mahabbat* 'любовь', 'привязанность' (букв. 'любовь', 'привязанность' и 'любовь'), *eltemās-o xāheš* 'мольба' (букв. 'мольба' и 'просьба');

заимствования из других языков, европеизмы: *file-vo rāste* 'филе' (букв. франц. 'филе' и 'филе'), *trāfik-o hamlonāql* 'транспорт' (букв. франц. 'транспорт' и 'транспорт'), *swap-o ta'viz* 'обмен' (букв. англ. 'обмен' и 'обмен'), *mosābeqe-vo konkur* 'соревнования' (букв. 'соревнование' и франц. 'соревнование'), *gardešgar-o turist* 'турист' (букв. 'турист' и франц. 'турист'), *xošnevisi-vo kāligrāfi* 'каллиграфия' (букв. 'каллиграфия' и франц. 'каллиграфия').

Свободные копулятивные словосочетания невоспроизводимы подобно устойчивым словосочетаниям, их компонентный состав не является постоянным. Обычно многозначное слово входит в словосочетание в одном из своих значений, которое определяется значением последующего компонента. Например, многозначное слово *ranj* имеет значения: 1) 'труд', 'усилие'; 2) 'боль', 'страдание', 'горе'; 3) 'обида', 'страдание', и в нижеследующих сочетаниях его значение определяется вторыми компонентами словосочетаний:

ranj-o zahmat 'труд' (букв. 'труд' и 'труд');
ranj-o goccə 'печаль', 'горе' (букв. 'страдание', 'горе' и 'печаль', 'горе');
ranj-o azāb 'страдание' (букв. 'обида', 'страдание' и 'мучение', 'страдание').

Таких примеров можно привести много:

sāket 'тихий', 'молчаливый': *sāket-o ārām* 'тихий' (букв. 'тихий' и 'тихий'), *sāket-o sāmet* 'молчаливый' (букв. 'молчаливый' и 'молчаливый');

ārām 'спокойствие', 'тихо': *ārām-o qarār* 'спокойствие' (букв. 'спокойствие' и 'спокойствие'), *ārām-o bisarosadā* 'тихо' (букв. 'тихо' и 'без шума');

tašakkor 'признательность', 'благодарность': *tašakkor-o sepāsgozāri* 'признательность' (букв. 'благодарность' и 'благодарность'), *tašakkor-o qadrdāni* 'благодарность' (букв. 'благодарность' и 'благодарность', 'признательность');

xaste 'усталый', 'утомленный', 'измученный': *xaste-vo mānde* 'усталый' (букв. 'усталый' и 'усталый'), *xaste-vo dar-mānde* 'утомленный' (букв. 'утомленный' и 'утомленный'), *xaste-vo farsude* 'измученный' (букв. 'измученный' и 'измученный') и др.

Как подтверждают примеры, в состав копулятивных сочинительных словосочетаний входят слова одного грамматического ряда, близкие по значению и входящие в одно семантическое поле. Компоненты объединяются одним общим понятием и ритмико-интонационным рисунком.

Таким образом, сочинительные словосочетания в персидском языке представляют собой объединение знаменательных слов, связанных соединительным союзом *va/o* 'и', и состоят из раздельно оформленных единиц. В основе образования такого рода словосочетаний лежит синтаксическая модель «слово+союз+слово+...». Связующим элементом выступает союз *va/o* 'и', именуемый в персидских грамматиках как *vāv-e atf* 'соединяющий вав' [Машкур 1349, с. 135; Анвари и Ахмади Гиви 1375, с. 253; Хаджери 1377, с. 240]. В «Грамматике персидского языка» Г.Анвари и Г.Ахмади Гиви отмечается, что этот союз «в древнеперсидском языке произносился как *'utā*', в среднеперсидском — *'u*', *'o*' или *'ud'*» [Анвари и Ахмади Гиви 1375, с. 253]. В современном персидском языке *vāv-e atf* является обязательным соединительным элементом в копулятивных сочинительных словосочетаниях и в зависимости от окончания первого компонента произносится как *'o*' или *'vo/yo*'. Если первый компонент словосочетания оканчивается на гласный звук, *vāv-e atf* произносится как *'vo/yo*', если на согласный — *'o'*: *ārām-o qarār* 'спокойствие' (букв. 'покой' и 'спокойствие'), *eštebāh-o sahv* 'заблуждение' (букв. 'ошибка' и 'заблуждение'), *sahv-o xatā*

‘ошибка’ (букв. ‘ошибка’ и ‘погрешность’), *tahqiq-o porsju* ‘опросы’ (букв. ‘исследование’ и ‘расследование’), *eyb-o naqs* ‘недостаток’ (букв. ‘недостаток’ и ‘порок’, ‘изъян’), *pušide-vo maxfi* ‘тайный’ (букв. ‘скрытый’ и ‘тайный’, ‘замаскированный’), *da’vā-vo sarosadā* ‘ссора’ (букв. ‘спор’ и ‘ссора’, ‘скандал’), *hamhame-vo sarosadā* ‘шум’ (букв. ‘шум’ и ‘гам’).

Копулятивные сочинительные словосочетания могут состоять:

из двух слов: *hadaf-o maqsad* ‘цель’, ‘намерение’; *talāš-o kušeš* ‘старание’, ‘стремление’; *nazm-o tartib* ‘порядок’, ‘система’, *fešār-o tazyiq* ‘давление’, ‘нажим’, ‘репрессия’. Прослеживается широкое употребление двухкомпонентных сочинительных словосочетаний как в письменной, так и в устной речи;

из трех слов: *towqe’iyyat-o owzā-vo ahvāl* ‘положение’ и ‘состояние’; *aqvām-o qabile-vo tāyefe* ‘народ’, ‘племя’ и ‘племя’, ‘род’ и ‘племя’, ‘род’, ‘семья’; *revāyat-o hekāyat-o ahādīs* ‘предание’, ‘сказание’, ‘рассказ’ и ‘рассказ’, ‘повесть’, ‘история’ и ‘рассказы’, ‘предания’, ‘хадисы’; *pir-o alil-o bimār* ‘старый’ и ‘больной’, ‘хилый’, ‘слабый’ и ‘больной’; *trāfik-o obur-o morur* ‘движение’ и ‘проход’, ‘прохождение’ и ‘прохождение’;

из четырех слов: *jang-o da’vā-vo nezā-vo kotakkāri* ‘ссора’, ‘скандал’, ‘драка’, ‘спор’ и ‘ссора’, ‘скандал’ и ‘драка’; *haq(q)-o haqiqat-o salāh-o ensāniyyat* ‘правда’ и ‘истина’ и ‘доброта’ и ‘гуманность’.

Надо отметить, что в основном (особенно в устной речи) встречаются двухкомпонентные копулятивные словосочетания; словосочетания же из трех и четырех слов встречаются реже, преимущественно в художественной литературе, где преобладает высокий стиль изложения. Проза Х.Шахани и Б.Алави отличается наличием многокомпонентных копулятивных словосочетаний, которые придают контексту особый колорит.

Если рассматривать сочетания слов с копулятивной грамматической связью с точки зрения общей теории словосочетаний, можно отметить, что копулятивное сочинительное словосочетание, как и любое словосочетание:

- не является ни словом, ни предложением;
- свободно делится на слова;
- чаще всего является сочетанием двух слов;
- представляет собой строительный материал для предложения;
- является результатом семантического притяжения синонимиче-

ских по значению слов.

Частое употребление в персидском языке словосочетаний с синонимическими компонентами является характерным стилистическим свойством [Пейсигов 1959, с. 30; Рубинчик 1981, с. 77], и в использовании таких словосочетаний ярко проявляется идеотническая осо-

бенность языка. Такие словосочетания в основном образуются сочетаниями синонимов, в связи с чем М.Бахар назвал их «*tarkibāt-e motarā-defāt*» 'словосочетания синонимов' [Бахар 1337, т. I, с. 265–266]. Он рассматривает синонимы в составе словосочетаний и отмечает, что «употребление в тексте двух и более синонимов с соединительным союзом встречается уже в среднеперсидском языке, с четвертого века, в речах простого народа, особенно во время молитв и восхвалений, происходит нанизывание синонимов» [Бахар 1337, т. I, с. 265–266]. Автор отмечает, что сочинительные словосочетания с синонимичными компонентами прослеживаются в Коране, в таких произведениях, как «Карнамак», «Шахнамэ» и «История Бальями» [Бахар 1337, т. I, с. 253, 265]. Источником копулятивных словосочетаний он называет «Голестан» Саади.

Интересен факт, что сам М.Бахар при изложении этого языкового явления активно употребляет словосочетания с синонимичными компонентами: *qodrat-o niru* 'мощь' (букв. 'могущество', 'сила', 'мощь', 'власть') [Бахар 1337, т. I, с. 101], *sarvat-o barumandi* 'богатство' (букв. 'изобилие', 'богатство') [Бахар 1337, т. I, с. 252], *aql-o xerad* 'мудрость' (букв. 'ум', 'разум', 'мудрость', 'интеллект') [Бахар 1337, т. I, с. 265], *moallef-o mosannef* 'авторы' (букв. 'автор' и 'автор') [Бахар 1337, т. I, с. 287], *maqāsed-e moxtalef-o aqrāz-e gunāgun* 'различные цели' (букв. 'различные цели' и 'различные намерения') [Бахар 1337, т. I, с. 252]. Автор отмечает, что такие словосочетания часто употребляются для обозначения особого и точного отношения к предмету, являются подтверждением мысли и высказывания и украшением текстов.

Монография Ю.А.Рубинчика «Основы фразеологии персидского языка» [Рубинчик 1981] представляет собой новый этап в разработке проблемы сочинительных словосочетаний (свободных и устойчивых), в частности копулятивных фразеологизмов. В третьей части «Грамматики современного персидского литературного языка» главу «Словосочетания» автор начинает с вопроса: «Возможны ли сочинительные словосочетания?». Именно такая постановка вопроса и утверждение самого автора, что «к синтаксическим словосочетаниям можно отнести парные соединения синонимов с союзом, выражающих одинаковые понятия» [Рубинчик 2001, с. 362], дали нам возможность рассмотреть параллельное употребление синонимов в защищенной под руководством Ю.А.Рубинчика диссертационной работе «Копулятивные словосочетания в персидском языке» [Талыбова 2002] и сделать вывод, что **копулятивные** сочинительные словосочетания в персидском языке, подобно **изафетным, предложным** и построенным по способу **примыкания**, функционируют как средство удобного обозначения определенных отрезков действительности и придают речи особое стилистическое своеобразие.

Литература

- Анвар и Ахмади Гиви 1375 — *Анвар Г., Ахмади Гиви Г. Dastur-e zabān-e fārsi. Tehran, 1375.*
- Арендс 1941 — *Арендс А.К. Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.–Л., 1941.*
- Бахар 1337 — *Бахар М.Т. Sabkšenāsi yā tatavvor-e nasr-e fārsi. Т. 1–3. Tehran, 1337.*
- Виноградов 1947 — *Виноградов В.В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке. — Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л., 1947.*
- Грамматика 1954 — *Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. М., 1954.*
- Машкур 1349 — *Машкур М.Дж. Dasturnāme dar sarf-o nahv-e zabān-e pārsi. Tehran, 1349.*
- Пейсигов 1959 — *Пейсигов Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.*
- Пейсигов 1975 — *Пейсигов Л.С. Лексикология современного персидского языка. М., 1975.*
- Рубинчик 1981 — *Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.*
- Рубинчик 2001 — *Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.*
- Талыбова 2002 — *Талыбова С.Э. Копулятивные словосочетания в персидском языке. Канд. дис. М., 2002.*
- Хаджери 1377 — *Хаджери З. Farhang-e vandhā-ye zabān-e fārsi (pišvandhā, miyān-vandhā, pasvandhā). Tehran, 1377.*

О работе над вторым изданием «Грамматики амхарского языка»

Речь идет о подготовке 2-го издания «Грамматики амхарского языка» Е.Г.Титова, 1-е издание которой вышло в Москве в 1991 г. в издательстве «Наука» (ГРВЛ). Работа над 2-м, дополненным и частично пересмотренным изданием этой «Грамматики» представляется весьма важным и необходимым делом. Это связано не только с большим дополнительным материалом, собранным по отдельным проблемам после выхода в свет 1-го издания, но также и с необходимостью включения в новое издание совершенно новой главы, посвященной вопросам морфонологии.

Если рассматривать морфонологию как связующее звено между фонологией и морфологией и принять во внимание, что в задачи морфонологии входит изучение чередования фонем, составляющих морфему, то в амхарском языке в связи с этим можно отметить такие типичные явления, как изменение согласной фонемы в корневой морфеме слова.

Если конечным согласным глагола, от которого образуется так называемое имя деятеля, являются переднеязычные *t, d, ʈ, s, z, n* или *l*, то при прибавлении суффикса *-i* указанные выше согласные превращаются в соответствующие среднеязычные, т.е. *t+i>č, d+i>ğ, ʈ+i>č, s+i>š, z+i>ž, n+i>ñ l+i>y*: *amerrete* 'веять зерно' — *amrač* 'веяльщик'; *temwaggete* 'защищать в суде' — *temwagač* 'адвокат'; *meserrete* 'основывать' — *mesrač* 'основатель'; *lemmede* 'приобретать навык' — *lemağ* 'новичок'; *woddede* 'любить' — *wodağ* 'друг, любовник'; *aččede* 'жать, косить' — *ačağ* 'жнец'; *alemmede* 'приручать' — *almağ* 'дрессировщик'; *awwallede* 'оказывать помощь при родах' — *awwalağ* 'акушерка'; *ammallede* 'ходатайствовать' — *ammalağ* 'ходатай'; *aqqelammede* 'доносить' — *aqqelamağ* 'доносчик'; *qerrete* 'взимать пошлину' — *qerač*

‘таможенник’; *šeqqetē* ‘торговать мелочью’ — *šeqqač* ‘торговец мелочью’; *merretē* ‘выбирать’ — *merač* ‘избиратель’; *amellete* ‘убегать’ — *amlač* ‘беглец’; *alemmeṭe* ‘лстыть’ — *almač* ‘лстец’, *roṭe* ‘бежать’ — *rwač* ‘бегун’; *qetēqqetē* ‘ковать’ — *qetqač* ‘кузнец’; *kessese* ‘обвинять’ — *kesaš* ‘обвинитель’; *worrese* ‘наследовать’ — *woraš* ‘наследник’; *deggeṣe* ‘угощать’ — *deggaš* ‘хозяин (угощения)’; *arrese* ‘пахать’ — *araš* ‘пахарь’; *tekkose* ‘стрелять’ — *tekkwaš* ‘стрелок’; *alebbese* ‘одевать’ — *albaš* ‘костюмер’; *merreze* ‘отравлять’ — *terraž* ‘отравитель’; *azzeze* ‘командовать’ — *azzaž* ‘командующий’ и др.

Подобные же изменения в корневой морфеме можно наблюдать, например, среди имен существительных, образованных от трех-, реже — от двухсложных глаголов: *qemṣese* ‘пробовать’ — *qamša* ‘кусочек (мяса и т.п.)’; *nekkese* ‘кусать; жалить’ — *naḵša* ‘укус’; *worrede* ‘спускаться’ — *warğa* ‘выкидыш’; *worrese* ‘наследовать’ — *warša* ‘наследство’; *ferrese* ‘разрушаться’ — *faṣša* ‘разрушение’; *gebbeze* ‘угощать обедом’ — *gəbša* ‘угощение; обед’; *derrese* ‘прибывать, приходить’ — *dərša* ‘часть, доля (т.е. то, что причитается кому-л.)’; *belleṭe* ‘превосходить’ — *baḷča* ‘превосходство’; *merretē* ‘выбирать’ — *mərča* ‘выборы’; *mallede* ‘умолять’ — *məḷğa* ‘мольба’; *roṭe* ‘бежать’ — *ručča* ‘бег’; *keffele* ‘платить’ — *kəfəyu* ‘плата’; *beqqele* ‘прорастать’ — *buqayu* ‘росток’.

Согласные фонемы *t, d, ṭ, s, z, n, l* могут чередоваться в рамках корневых морфем с согласными фонемами *č, ġ, ǧ, š, ž, ṇ, y* в тех случаях, когда от глаголов образуются соответствующие имена орудия и места: *keffete* ‘открывать’ — *mekfeča* ‘ключ’; *merrete* ‘быть провеянным’ — *memreča* ‘место, где провеивается зерно’; *garrede* ‘завешивать’ — *megareğa* ‘занавес’; *neddede* ‘гореть’ — *mendeğa* ‘печь’; *aberrede* ‘охладжать’ — *mabreğa* ‘графин’; *gelleṭe* ‘объяснять, разъяснять’ — *meḡleča* ‘объяснение, разъяснение’; *reggeṭe* ‘наступать ногами’ — *mergeča* ‘педаль’; *qelleṭe* ‘расплавляться’ — *meḡleča* ‘плавильня’; *lebbese* ‘надевать’ — *melbeša* ‘покрывало’; далее следуют примеры с именами, образованными от двухсложных глаголов: *qedda* ‘черпать’ — *meqğa* ‘ведро, бадья’; *teredda* ‘уяснять, устанавливать’ — *merreğa* ‘сведения, данные’; *asredda* ‘объяснять, доказывать’ — *masreğa* ‘обоснование, доказательство’; *teqetṭa* ‘наказывать’ — *meqqeča* ‘штраф’; *tenessa* ‘вставать, подниматься с места’ — *menneša* ‘начальный пункт’; *gezza* ‘покупать’ — *meḡza* ‘покупка’; примеры с именами, образованными от четырехсложных глаголов: *amelekkete* ‘подавать заявление’ — *ma-melkeča* ‘заявление’; *qoseqqose* ‘разжигать’ — *meqosqoša* ‘кочерга’, *mennekkose* ‘становиться монахом’ — *memenkoša* ‘монастырь’, *aqezzeqqeze* ‘охлаждать’ — *maqezzeḡza* ‘холодильник’.

Разумеется, что все рассмотренные случаи морфологического чередования консонантных фонем относятся к так называемому истори-

ческому смягчению, т.е. к модели палатализации «дентальный смычный/сибилянт–аффриката».

Иногда встречаются случаи, когда в корневой морфеме фонема *r* чередуется с *y*, а фонема *k* — с фонемой *h*: *serrere* 'покрывать самку' — *sərrəy* 'случка', *temekka* 'хвастаться, хвалиться' — *təmkəht* 'хвастовство, похвальба'. Возможен и такой случай, когда в образованном от глагола *temare* 'учиться' существительном *təmhərt* вдруг появляется корневая морфема *h*, которая в современной глагольной форме уже исчезла (в народно-разговорном языке слово *təmhərt* может произноситься как *təmərt*, т.е. *h* превращается в «ноль звука»).

В структуре корневых морфем некоторых имен орудия и места наблюдается удвоение одного из корневых согласных. Это обычно случается, когда имена образуются от глаголов типа «В», которым присуще удвоение одного из корневых согласных почти во всех формах словоизменения, и эта особенность распространяется на некоторые группы словообразования: *čerrese* 'кончать, завершать' — *məčerreša* 'конец, завершение'; *tekkose* 'гладить утюгом' — *metekkoša* 'утюг'; *addese* 'ремонттировать' — *maddeša* 'ремонтная мастерская'; *deggene* 'целиться' — *medeggeña* 'прицел, прицельная планка'; *šeffene* 'покрывать' — *məšeffeña* 'обложка книги'.

Необходимо иметь в виду, что иногда удвоение одного из согласных в именах орудия и места объясняется процессом ассимиляции предшествующего согласного *t*, с которого начинается страдательно-возвратная или аналогичная ей форма соответствующего глагола: *tə-mallede* 'быть подкупленным' — *temmaleğa* 'взятка'; *tenaffese* 'дышать свежим воздухом' — *mennafəša* 'сквер, парк'; *telemammede* 'тренироваться' — *mellemateğa* 'тренировка'; *tenaggese* 'царствовать' — *men-nageša* 'резиденция негуса'; *tečawwote* 'играть' — *məččawoča* 'игрушка'.

Один из корневых согласных морфемы в именах остается удвоенным в тех случаях, когда имя орудия или места образуется от глагола, уже имеющего это удвоение (обычно это глаголы с понудительным префиксом *a-*, происходящие от страдательно-возвратной формы): *aṭṭarra* 'фильтровать' (от *təṭarra* 'фильтроваться') — *maṭṭariya* 'фильтр', *abbazza* — 'размножать' (от *tebazza* 'размножаться') — *mabbaža* 'трафарет, шаблон', *ammelallese* 'возить, перевозить' (от *temelallese* 'перевозиться') — *mammelaleša* 'транспорт'.

В общем и целом амхарская морфонологическая характеристика определяется некоторыми общепросодическими законами.

Преобразование гласных на стыках морфем обусловлено запретом на стечение гласных в пределах слова. Соответственно, на стыке гласных происходят следующие преобразования:

а) CV+V>CV, т.е. происходит выпадение гласного по правилу $\text{ə} + \text{ə} > \text{ə}$; $\text{e} + \text{ə} > \text{e}$; $\text{e} + \text{a} > \text{a}$; $\text{a} + \text{a} > \text{a}$, например: уе- (префикс принад-

ложности) + *ante* ('ты', местоимение 2-го л. м.р., ед.ч) > *yante* ('твой'), но *ye* + *me* ('я') > *yene* 'мой'; глагольная основа *aṭṭeb-* 'мыть' + *te-* (префикс страдательно-возвратного залога) > *taṭṭebe* 'мыться'; на конце слова V+V = VC: *zebeñña* 'сторож' + *-oč* (суффикс мн.ч.) > *zebeññoč* (мн.ч.); *beqlo* 'мул' + *-oč* > *beqloč* (мн.ч., разговорная форма);

б) в литературном языке между двумя гласными в последнем случае вставляется глайд *-w-*: *beqlo* + *-oč* > *beqlowoč*; *bere* 'бык' + *-oč* (суффикс мн.ч.) > *berewoč*; *astemari* 'преподаватель' + *-oč* > *astemariwoč* (мн.ч.);

если именная основа оканчивается на *-i/ -e /-o*, то гласный замещается соответствующим глайдом: *bere* 'бык' + *-ač(č)ow* ('их') > *bery-ač(č)ow* 'их бык'; *beqlo* 'мул' + *-ač(č)ow* ('их') > *beqlw-ač(č)ow* 'их мул';

если именная основа оканчивается на *-a*, то при присоединении к ней притяжательных суффиксов на *-a*, последний гласный основы выпадает: *geta* 'господин' + *-ač(č)ow* ('их') > *get-ač(č)ow* 'их господин';

в) в соответствии с запретом на стечение гласных имеет алломорфы постпозиционный показатель определенности: *-u* (после согласного) и *-w* (после гласного): *bet* 'дом' + *u* > *betu* 'известный дом' или 'его дом', но *wəṣṣa* 'собака' + *-w* > *wəṣṣaw* 'известная собака' или 'его собака' и т.п.

Фонологически состав морфемы и слова в амхарском языке может быть частично противопоставлен как состав корневой морфемы и как состав некорневой морфемы: в корневой морфеме обязательно присутствие хотя бы одного согласного, например в предлогах: *be* 'в, на, с, под, за'; *ke* 'от, из, с, в, у, под'; в повелительной форме глагола *ni* 'приходите!'; в указательном местоимении *ya* 'тот' и т.п.

Служебная сегментная морфема в качестве части слова может быть представлена как отдельным согласным, так и отдельным гласным или же их сочетанием, например: суффиксальный показатель определенности муж. рода *-t* при личной форме причастия: *yemettu* 'пришедшие (люди)' — *yemettu-t* 'данные пришедшие (люди)'; *bet* 'дом' — *bet-u* 'известный дом'. Суффиксальный показатель определенности жен. рода может иметь несколько алломорфов: *set* 'женщина' — *set = wal/set = itul/set = əyyowal/set = əyyoitu* 'известная, данная женщина'. Некоторые из приведенных алломорфов в дополнение к определенности придают слову оттенок сочувствия, сострадания, уменьшительности и т.п.

Префикс принадлежности имеет структуру CV- (*ye-*: *yemari* 'ученика, ученический', где *temari* 'ученик'; *ye-bet* 'домашний', где *bet* 'дом'). Префиксы залогов могут иметь структуру V/VC/CV: *a-*, *as-*, *te-*, например: *qom-e* 'стоял', *a-qom-e* 'остановил', *as-geddel-e* 'заставил убить' (*geddel-e* 'убил'), *sebber-e* 'разбил' — *te-sebber-e* 'был разбит'.

Корневая морфема в амхарском представлена по большей части (за исключением неизменяемых частей речи: местоимений, числительных, частиц и предлогов) консонантным составом, который, как правило, сохраняется не только при словоизменении, но и при словообразовании. Однако сразу же следует отметить (ниже будет рассмотрено подробнее), что консонантный состав, например трехсогласного корня, может претерпевать квантитативное изменение: просодически не обусловленное удвоение (геминацию) второго корневого согласного или редупликацию второго слога.

Геминацией второго корневого согласного характеризуются глагольные основы по сравнению с простейшими именными основами, например: *ləbs* 'одежда' — *lebbes-ε* 'одевался'. Другая группа корневых основ представлена вторым геминированным согласным как в глагольной, так и в именной основе (например: *fellege* 'хотел' — *fəllag-ot* 'желание', *ṭebbeq-ε* 'присмотрел' — *ṭəbbeq-a* 'присмотр', *šeffen-ε* 'накрыл' — *šəffən* 'накрытый') или редупликацией: *lemmed-ε* 'тренировался' — *ləmməmməd* 'тренировка'.

Глагольное и именное словообразование в амхарском, так же как и в других семитских языках, характеризуется так называемыми прерывистыми морфемами (при понимании их как единиц сегментных), иначе — внутренней флексией, т.е. чередованием гласных (в супraseгментном понимании этого слова); ср., например: *dəgan* 'лук' — *dəggen-ε* 'он целился', *fəttər-ε* 'он творил', 'создавал' — *fətur* 'создание, существо'. Если, например, слово *yədənəl* 'он спасается, спасется' представляет собой грамматическую форму настоящего-будущего времени от двухсогласного глагола *dane* 'спасаться', то в этом случае будет наблюдаться чередование *a-ə* в корневой морфеме *dan > dən* (*dane* — *yədənəl*). Таким образом, в принципе примеры морфонологии в амхарском можно наблюдать в корневой морфеме не только среди согласных, но и в рамках чередования гласных фонем.

В отличие от корневой основы имен и глаголов вокалический состав служебных морфем остается неизменным, хотя и может быть обусловлен просодически.

В связи с указанными особенностями фонологической структуры в амхарском языке деление слова на слоги и морфемы может не совпадать, ср., например: морфемное деление *bet* 'дом' + *wa* 'свой, её' + *-n* (окончание вин. п.) + *as-* (каузативный префикс) + *ayy* 'видеть' + *-eč* (суффикс 3-го л. ж. р. ед.ч.) = 'дом свой (вин.п.) она показала' — и слоговое деление *bet* + *wan* + *asay* + *yəč*. Таким образом, две «служебные морфемы» (*wa* и *-n*) объединяются в один неразрывный слог, а «корневая морфема» с удвоенным *y* (*-ayy-*) может быть «расщеплена» и ее части могут находиться в разных слогах слова (*asay-* и *-yəč*).

В амхарском языке морфонологическая оппозиция гласных по долготе отсутствует. Оппозиция согласных «простой–геминированный» является морфонологической для второго корневого согласного трех-согласной глагольной основы по отношению к простой именной основе, ср., например: *tellem-ε* 'он бороздил поле' — *talm* 'борозда'; *worres-ε* 'он унаследовал' — *wars* 'наследство'; *qelled-ε* 'он шутил' — *qeld* 'шутка'; *negger-ε* 'он говорил' — *neger* 'речь, слово'.

В большинстве случаев геминированные словообразовательные модели сопровождаются также чередованием гласных и/или дополнительными аффиксами. Это явление может поставить под сомнение морфонологический характер описанной выше геминации. Однако геминация второго корневого согласного не может быть объяснена и фонетико-просодическими условиями, которые в амхарском вызывают ассимиляцию согласного префикса с последующим согласным корневой основы.

Геминация первого типа несводима к фонетической позиции и, по-видимому, имеет историческое объяснение. Она как бы компенсирует утрату сильного ударения, приходившегося ранее на гласный, следующий за вторым корневым согласным.

Геминация второго корневого согласного в глагольной основе иногда, по нашему мнению, обусловлена просодически-слоговой структурой слова и возникает, скорее всего, во избежание открытых слогов в слове.

В ряде случаев геминация корневого согласного различает исторические омонимы, возникшие в результате редукции фонологической системы амхарского языка. Ср., например: *all-ε* 'есть, имеется' (< *hlw*) — *al-ε* 'он сказал' (< *bhl*).

Вторичный морфонологический характер приобретает геминация при различении: а) заимствованной и амхарской основ: *fəraš* 'матрас' (араб. *firaš*) и *fərraš* 'развалины, руины'; б) основной и производной основы с ассимилированным согласным префикса: *meffelleḡ* 'желать' — *meffeleḡ* 'быть желаемым' (< *met-fēleḡ*).

Литература

- Титов 1971 — Титов Е.Г. Современный амхарский язык. М., 1971.
 Титов 1991 — Титов Е.Г. Грамматика амхарского языка. М., 1991.
 Юшманов 1936 — Юшманов Н.В. Строй амхарского языка. Л., 1936.
 Cohen 1936 — Cohen M. Traité de langue amharique. P., 1936; 1970.
 Guidi 1935 — Guidi I. Grammatica elementare della lingua amarica. Roma, 1935.
 Hartmann 1980 — Hartmann J. Amharische Grammatik. Wiesbaden, 1980.
 Leslau 1995 — Leslau W. Reference Grammar of Amharic. Wiesbaden, 1995.
 Praetorius 1972 — Praetorius F. Die amharisch Sprache. Halle, 1879; Lpz., 1972.

- Titov 1969 — *Titov E.G.* Système des temps dans la langue amharique contemporaine. Moscow, 1969.
- Titov 1976 — *Titov E.G.* The Modern Amharic Language. Moscow, 1976.
- Mersə'e Hazen 1956 — *Mersə'e Hazen. Wolde Qirqos.* Baddis sər'at yetesenadda yamarəñña sowasəw. Addis-Abeba, 1956 (на амх. яз).
- Tekle-Maryam Fantaye 1960 — *Tekle-Maryam Fantaye.* Hohte řəbeb zəsəne řəhuf. Addis-Abeba, 1960 (на амх. яз).

Ситуация эндогенной диглоссии в персоязычной культуре

Условия функционирования и развития современной персоязычной культуры со всей очевидностью указывают на то, что наряду с авторитетной кодифицированной нормой литературного книжно-письменного языка в иранском обществе синхронно существует и применяется еще одна не менее авторитетная функционально-стилистическая норма, а значит, еще один язык, определяемый как «обиходно-разговорный язык» [Рубинчик 1987], «общий разговорный язык персов» [Пейсигов 1960] или «устный разговорный язык» [Овчинникова 1983].

Одновременная представленность в иранском обществе двух названных форм — книжно-письменной и устно-разговорной — в составе единого национального общенародного языка позволяет нам говорить о «диглоссии как одновременном существовании в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах» [ЛЭС 1990:136].

В связи со сказанным важно указать на следующий существенный момент, который состоит в том, что эту диглоссию, сложившуюся в персоязычном этнолингвокультурном ареале, следует определить как эндогенную, т.е. диглоссию, вызванную к жизни и обусловленную причинами внутреннего свойства, характерными для функционирования и развития иранского общества.

Сделанный вывод важен с точки зрения ориентальной лингводидактики, развивающейся на иранской ветви индоевропейских языков, так как он указывает на необходимость включения в предметную область методики обучения персидскому языку еще одной формы языка как объекта усвоения, что неизбежно имеет следствием значительное обогащение содержания обучения персидскому языку, так как в диглоссной ситуации, к примеру, от переводчика требуется владение обе-

ими формами языка, в данном случае литературным и обиходно-разговорным.

Конкретным проявлением диглоссии в Иране является представленность на синхронном уровне в национальной языковой картине мира двух языков: с одной стороны, книжно-письменного, кодифицированного литературного языка, а с другой — его функциональной разновидности — обиходно-разговорного языка, функции которых находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

В целом проявление диглоссии обусловлено социальными ситуациями общения, предполагающими способность и готовность субъекта речи пользоваться то одной функционально-коммуникативной системой, то другой.

Явление диглоссии, взятое в синхронном плане функционирования языка, применительно к конкретным условиям персоязычной картины мира, показывает, что способностью модифицировать свое языковое и коммуникативное поведение в зависимости от экстралингвистических условий общения обладают лишь грамотные носители языка, тогда как многомиллионная масса неграмотных и малограмотных людей такой способности лишены и остаются в сфере действия только одной формы — обиходно-разговорного языка и в этом смысле являются как бы своего рода «монолингвами» функционирующего в устно-речевой форме в рамках единого общенародного языка персов. В этом и состоит, на наш взгляд, одна из важнейших этнолингвокультурных особенностей манифестации диглоссии в персоязычной культуре.

Строго говоря, не только идея о диглоссной ситуации в иранском обществе, но и многие другие фундаментальные разработки и труды Юрия Ароновича Рубинчика оказались в высшей степени плодотворными для ориентальной лингводидактики, значительно обогатили ее понятийно-категориальный аппарат, что способствовало существенному обогащению содержания педагогических идей в области обучения персидскому языку и персидской культуре в востоковедных вузах России и стран СНГ.

Особого внимания в свете рассматриваемой проблемы диглоссной ситуации заслуживает работа Ю.А.Рубинчика «О соотношении персидского литературного и обиходно-разговорного языка».

Исследование проблемы обиходно-разговорного языка персов, выполненное на широком социально-политическом фоне развития и становления иранского общества, позволило Ю.А.Рубинчику убедительно показать, как обиходно-разговорный язык, считавшийся в кругах правящей верхушки «языком второго сорта, языком базара и неграмотного населения», в современных условиях «перестал быть предметом отрицательного и пренебрежительного отношения со стороны интеллигенции и используется не только неграмотными, но

и грамотными людьми в повседневной жизни и в быту» [Рубинчик 1982:118].

Генетические и структурно-функциональные особенности обиходно-разговорного языка, по мнению Ю.А.Рубинчика, «дают основание рассматривать его не как разговорную форму литературного языка, а как самостоятельную наддиалектную форму — одну из разновидностей персидского национального языка» [Рубинчик 1987:120].

Таким образом, ситуация эндогенной диглоссии является объективным фактором функционирования общенародного персидского языка в синхронии.

Вместе с тем вряд ли можно усомниться в том, что у этого явления должна быть достаточно длительная диахронная история, опирающаяся на генезис книжно-письменного и бесписьменного разговорного языков.

Очевидно, что генетически книжно-письменный язык является более поздним по отношению к устному народно-разговорному языку и вырастает из народной традиции функционирования разговорных форм.

Для персоязычного ареала вопросы соотношения форм книжно-письменного и устного бесписьменного народно-разговорного языков имеют принципиальное значение.

Дело в том, что ни одна из систем письменности, веками применявшихся в книжно-письменной форме литературного языка (а это древнеперсидская клинопись, различные модификации арамейского письма и арабская графика), не была приспособлена для передачи полного фонетического облика слов, особенно его вокализма.

Как отмечает И.М.Оранский, «трудности, заложенные в самом характере письменности, усугубляются чрезвычайной консервативностью литературной нормы, исторической орфографией, скрывающей от исследователя ответ на вопрос о времени и месте возникновения тех или иных фонетических и грамматических инноваций, о диалектных особенностях языка тех или иных памятников и т.п.» [Оранский 1979:106].

И далее он пишет, что «лишь обращение к живым формам современного персидского и современного таджикского языков показало, что эта „неподвижность“ была кажущейся, что в действительности на протяжении этого периода в языке произошли весьма серьезные сдвиги, развитие которых скрыто от глаз исследователей за оболочкой традиционной, консервативной письменности» [там же, с. 107].

Собственно, об этом же говорит и А.А.Керимова, отмечая, что «таджикский литературный язык, базирующийся на языке классической персидско-таджикской литературы (IX–XV вв.), едином для носителей современного персидского, таджикского и дари языков, имеет тысячелетнюю историю. В течение многих столетий этот литератур-

ный язык, известный такими поэтами, как Рудаки, Фирдоуси, Хафиз, Саади и др., существенно не изменялся с точки зрения грамматической структуры; изменения касались в основном лексики и стиля. Между тем живой народный разговорный язык развивался и претерпевал изменения как в грамматике, так и в лексике» [Керимова 1997:3].

Словом, если учесть социально-экономические факторы — практически поголовную неграмотность населения того времени, экономическую отсталость, феодальную раздробленность страны, а также горно-пустынный рельеф местности, изолирующий один регион от другого, отсутствие дорог и эффективных средств связи, то книжно-письменный кодифицированный литературный язык следует признать языком главным образом правящего класса, достоянием элитарной культуры, языком, недоступным для широких народных масс.

И уже по одному только этому признаку можно говорить об издавна сложившейся в персоязычном этнолингвокультурном ареале диглоссии, когда один язык — литературный книжно-письменный — был языком знати и правящей верхушки, а другой — бесписьменный, звуковой — языком подавляющей массы неграмотных простолюдинов.

Обобщая, можно сказать, что народно-разговорный язык был и является неотъемлемой частью всего уклада народной жизни, он неизменно отражает и выражает чаяния и надежды человека из народа.

В этой функционально-стилистической форме общенародного языка происходили (в диахронии) и происходят (в синхронном состоянии) события, по существу определяющие процесс развития как отдельной языковой личности, так и национального языка и культуры в целом.

Как отмечает И.К.Овчинникова, «по мере неуклонного расширения функций разговорного языка как средства живого двустороннего общения книжный язык постепенно все более превращается лишь в способ передачи односторонней информации в официальных ситуациях (лекторы, ораторы, гос. деятели, официальные заявления)» [Овчинникова 1983:38].

Обучение персидскому языку и иранской культуре в условиях активно сложившейся и повсеместно проявляющейся эндогенной диглоссии ставит перед востоковедной лингводидактикой сложную задачу обучения владению обеими формами общенационального языка — книжно-письменной и устно-разговорной, естественно, отдавая предпочтение в плане обучения видам речевой деятельности обработанному мастерами слова, кодифицированному литературному персидскому языку, в последующем все более интенсивно обогащая знания учащихся фактами и реалиями обиходно-разговорного языка и в конечном счете формируя у них способность применять полученные знания в зависимости от ситуации общения с опорой либо на литературный книжно-письменный, либо на обиходно-разговорный язык.

Литература

- ЛЭС, 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС), 1990.
- Оранский 1979 — *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М., 1979.
- Пейсигов 1960 — *Пейсигов Л.С.* Тегеранский диалект. М., 1960.
- Рубинчик 1982 — *Рубинчик Ю.А.* О соотношении персидского литературного и обиходно-разговорного языка // Иранское языкознание. Ежегодник. 1982.
- Керимова 1997 — *Керимова А.А.* Современный таджикский литературный язык (функционирование и развитие). — Автореф. дис. д-ра филол. наук.
- Овчинникова 1983 — *Овчинникова И.К.* Обучение устной речи персидского языка в ИСАА (полемиические заметки) // Вестник МГУ, сер.13, № 1.

Религия, общество и язык

Арабы довольно четко самоидентифицируются по своей принадлежности к той или иной религии. Этот принцип соблюдается и когда они определяют свое отношение ко всем людям. При этом обязательно учитывается, является ли человек, с которым они вступают в контакт, мусульманином или христианином, исполняет ли он правила, изложенные в текстах священных книг, соблюдает ли религиозные обряды, ритуалы и предписания. Всякий раз, когда я начинал говорить с арабами по-арабски, меня обычно спрашивали: ты мусульманин? Религия помогает ответить на вопрос о смысле жизни, о цели существования, дает ощущение полноты жизни, удовлетворение и душевный покой, стимулирует совершенствование личности. Это — основа, стержень народного, национального духа. Образ жизни арабов, отражающий в первую очередь истинные ценности ислама, исполнен прежде всего духовного смысла. Естественно, что иностранец, независимо от своей религиозной принадлежности, никогда не должен забывать о той главенствующей, определяющей роли, которую играет религия в жизни арабов, насколько глубоко она проникла в их общественную психологию и быт. Строгое следование этому правилу позволит избежать всякого рода высказываний или действий, которые могут так или иначе неумышленно затронуть чувства арабов, их понимание правил и норм благочестивой жизни, совершенно неожиданно вызвать негативную реакцию.

Духовные вожди ислама учат, что усердное служение Богу и исполнение его предписаний являются исходным пунктом рассуждений о данном человеке, основой его имиджа, весьма важным фактором, говорящим об отношении человека к миру и его духовной культуре, что весьма ценится в арабском обществе, которое негативно и подозрительно относится к любому атеисту или агностику. Если вы не относите себя ни к христианам, ни к мусульманам, ни к иудеям, не входите ни в какую религиозную секту, а являетесь убежденным атеистом,

то при общении с арабами для вас лучше всего об этом умолчать, ни в коей мере не раскрывать и уж тем более не рекламировать свои воззрения и свой образ мыслей. Ведь, по мнению арабов, чтобы считаться благочестивым человеком, необходимо быть в первую очередь верующим, соблюдать традиции и обряды. Поверьте, что если они узнают о том, что вы атеист, то ничего, кроме удивления (!) и неприязни, на их лицах вы не прочтете. Буквально в один день вы можете лишиться уважения, которым пользовались до этого разоблачения.

Арабы воздают должное благочестию и религиозным чувствам любого человека, они уважают верующего независимо от его религиозной принадлежности. Всегда уважают человека, который умеет хранить и строго соблюдает все религиозные заповеди. Впрочем, это и неудивительно, ибо они сами все делают для того, чтобы ни в коей мере не нарушить заповеди и ритуал, предписанные религией. Даже в дни египетско-израильской войны, когда объявлялась воздушная тревога, они продолжали молиться согласно традиционному ритуалу. Военнослужащие из СССР, которые были в те дни на фронте в Египте, вспоминают, как летчики, прежде чем поднять свои самолеты в воздух, вставали на колени и молились, прося у Аллаха благословения. Можно сказать, что религия пронизывает всю жизнь арабов: каждый араб ежедневно стремится подтвердить свою приверженность, свою верность избранной им религии.

Религии, ее постулатам и обрядам обучают в школе. В арабском языке можно найти сотни и тысячи выражений, словосочетаний, которые своим происхождением целиком обязаны религии. В арабском обществе не принято скрывать свою принадлежность к религии, все ее предписания соблюдаются открыто. Когда юноши приезжают на учебу в Соединенные Штаты, то в первые же дни занятий они обращаются с посланием к декану колледжа или президенту университета с просьбой выделить им специальное помещение — зал либо комнату, где они могли бы совершать дневную или вечернюю молитву. Впрочем, с такой же просьбой арабские студенты обращались и в Университет дружбы народов.

Свою религиозность, свою принадлежность к исламу они демонстрируют настолько явно и откровенно, что со стороны это может быть оценено как чрезмерное усердие или даже показуха. На самом же деле за этим стоит стремление выполнить одно из пяти фундаментальных предписаний ислама — совершать молитву пять раз в день. Свои религиозные чувства они выражают самыми разнообразными способами: религиозными символами на машинах и домах, крестами из золота на ювелирных изделиях, миниатюрными Коранами или брелоками, на которых высечены надписи — наиболее популярные изречения из Корана; детям, как правило, дают имена из Корана или других священных религиозных книг. Неудивительно, что среди моих знакомых-арабов

подавляющее большинство носят имена Мухаммед, Али, Ахмед, Ибрахим, Сулейман, Исмаил и т.д. В арабо-мусульманском мире Коран почитается как «слово божие». Он оказывал и оказывает влияние на формирование отношений между людьми, на их мировоззрение, на нормы поведения и общения, на сам арабский язык, выступая в качестве эталона. Своеобразие Корана заключается в том, что он представляет собой не только историко-культурный памятник, но и источник, который обогащает языковую жизнь современного арабского мира и способствует устойчивости языковых норм и культурных традиций. О связи религии и языка достаточно четко упоминается в тексте Корана: *инна* 'анзалнаху кур'анан 'арабиййан («Мы ниспослали его (в виде) Корана на арабском языке» [сура «Йусуф», 2]).

Перед отправлением в поездку, перед началом своего выступления на любом очередном рабочем совещании или приступая к выполнению серьезного задания, порой таящего в себе какую-либо опасность и с непредсказуемым концом, — вообще начиная любую работу, верующий мусульманин обязательно произнесет вслух следующие слова из Корана: *Бисмиллахи ар-рахмани ар-рахим* («Во имя Аллаха милостивого и милосердного»). Иногда в переводе этой формулы можно встретить некоторые дополнительные уточнения: «бесконечно милостивого и всегда милосердного». Эта формула начинается со слова «Аллах», за которым следуют два определения — *ар-рахман* и *ар-рахим*, образованные от одного и того же корня — *рахима* (смилиться, простить, пожалеть) и выражающие разные характеристики божественного милосердия. Эта формула со строгим порядком следования слов не допускает никаких вставок или нарушений. Она, как правило, напечатана или написана в самом верху любого делового письма. Несколько ниже следует обращение непосредственно к адресату, а затем и сам текст послания. Без упоминания этой формулы не обходится ни один текст любого рапорта, отчета, доклада, даже военного донесения, не говоря уже о личных письмах. Более того, вряд ли какие-либо другие коранические выражения могут с ней конкурировать по частотности употребления. Формулу *Бисмиллахи...* можно найти даже... на товарных чеках и разного рода квитанциях!

Женитьба и развод осуществляются в арабских странах, как у мусульман, так и у христиан, в соответствии с религиозным кодексом. В ряде стран гражданский брак как юридический акт вообще не имеет никакой законной силы. Брак должен обязательно пройти официальную регистрацию и быть зафиксирован как акт религиозный в присутствии соответствующих служителей церкви. Обычно брак благословляют, употребляя следующие слова: *Баракя Аллаху лякя уа баракя 'алеикя уа джама'а байнакума фи хайрин* («Аллах благословил тебя и соединил вас обоих в добре»). Все, что связано с наследованием имущества, у мусульман как правило, совершается в соответствии

с требованиями религиозного права. Чтобы более полно представить себе, насколько широко распространено действие религиозного права в арабском мире, надо сказать, что, например, в ряде арабских стран, которые традиционно принято относить к категории консервативных, положения этого права используются и при определении меры наказания людям, которых относят к категории преступников в связи с тем, что они нарушили закон.

Характер деятельности исламских банков, сами принципы их работы с годами не только вызывают интерес, но и приобретают популярность в сфере экономики. Растет число клиентов, заявляющих о своей готовности к сотрудничеству с ними. Известно, что исламская религия запрещает предоставлять ссуды или давать деньги взаймы под определенный процент, потому что подобный акт противоречит религиозным принципам и недопустим с точки зрения использования самих денег. Я останавливаюсь на действиях банков, потому что их влияние на экономику и развитие промышленности особенно очевидно. Исламские банки, принимая деньги инвесторов, открывают для них специальный счет; при этом партнеры делят между собой опасность риска, так как процент на размещенный вклад довольно нестабилен и целиком зависит от прибыли, которую могут принести инвестиции. В 1984 г. насчитывалось около 30 банков, которые работали по принципам, позволяющим отнести их к разряду исламских. Эти банки функционировали в Иордании, Египте, Судане, Кувейте, Бахрейне, странах Персидского залива и в Саудовской Аравии.

Если мы посмотрим на ислам с разных сторон, то тогда роль, которую играет религия в арабском обществе, покажется более очевидной. Данные рассуждения я не ограничил рассмотренными аспектами, подобный ход мыслей возможно проецировать на другие стороны жизни арабских стран.

Браки с представителями других религий — явление среди мусульман относительно редкое (здесь многое зависит от страны, ситуации и т.д.), хотя исламская религия не запрещает мусульманину взять в жены женщину иудейского или христианского вероисповедания. К тому же подобный брак не оговаривается требованием перейти в мусульманскую веру. Что же касается женщин-мусульманок, то здесь ситуация отличается коренным образом: они лишены подобного права и могут выйти замуж только за мусульманина. Считается, что подобного рода ограничение становится надежной гарантией, что дети от этого брака обязательно станут мусульманами. Мусульманское общество нашло форму самосохранения, твердо веря, что она должна оказаться в высшей степени плодотворной: обычно дети принимают религию своего отца.

При общении с арабами не рекомендуется высказывать какие-либо критические замечания в адрес религиозного ритуала. В соответствии

с действующими принципами арабской культуры ко всем без исключения религиям и религиозному ритуалу всегда следует относиться с уважением. Это касается стереотипов поведения мусульман.

Представим себе такую ситуацию: вы приехали в арабскую страну и обратились с просьбой к одному из ваших знакомых арабов-христиан пойти вместе с ним на церковную церемонию или службу. Вам хотелось посмотреть, отличается ли церковный ритуал в этой стране от ритуала, к которому вы привыкли у себя на родине. Можете быть уверены, что вы встретите положительную реакцию и в ответ услышите только слова одобрения. Поведение такого рода связано с целым комплексом условностей и моральных установлений. Но подобного рода отношение вы вряд ли встретите, когда обратитесь к кому-либо из мусульман с просьбой посодействовать вам, чтобы вы могли присутствовать на религиозной службе в мечети. Сначала надо получить разрешение на посещение мечети. Не знаю, как в других мусульманских странах, но в арабских отношение к иностранцам, которые изъявляют желание посетить мечеть, весьма различно и зависит не только от страны, но и даже от мечети, которую вам захотелось посетить.

Некоторые сведения об исламе

Чтобы познакомиться с арабской культурой, понять, в чем заключается ее самобытность, надо усвоить хотя бы основные положения и идеи, периоды становления и развития ислама, существующие в нем различные течения, его историю и саму доктрину. Естественно, удовлетворить это пожелание в течение небольшого периода времени невозможно. Без знания и понимания арабской самобытности не может быть эффективных взаимоотношений с арабами. Если вам удастся не просто прочесть литературу по указанным вопросам, но и понять, что же такое ислам без всякого рода политизированных интерпретаций, если знания об этой новой, ранее малознакомой для вас религии станут неотъемлемой частью вашей собственной культуры, вы наверняка станете довольно редким, может быть, даже уникальным человеком среди европейцев или своих российских сограждан, всех тех, кого принято относить к носителям западной культуры. Лишь немногие специалисты знакомы с собственным исламом, одной из трех важнейших мировых религий. Вас по-настоящему очень высоко будут ценить арабы, в первую очередь мусульмане, будут благодарить за ваши усилия, направленные на то, чтобы познать ранее неведомый вам мир, с которым связана общественная, культурная и духовная жизнь многих миллионов людей на всех континентах земного шара.

Диалог между исламом и другими религиями ведется теперь не только в Азии или Африке, но и в Америке и Европе, где в ряде стран ислам стал третьей после католичества и протестантизма религиозной

конфессией. Мусульманство и в Европе становится силой, которой нельзя пренебрегать и которую нельзя оставить без внимания, особенно когда речь идет о межкультурных контактах.

Зарождение исламской религии относится к VII в. н.э. Географически это имело место в северной части Аравийского полуострова. Доктрина ислама, его основные идеи были заложены в так называемых откровениях, внушаемых Богом в течение более чем 20 лет его последнему посланнику на Земле — пророку Мухаммаду, который поддерживал «прямую» связь с божеством и связывал всю свою деятельность с божественным вдохновением. Эти «пророческие откровения» — проповеди, излагающие основные религиозные правила и утверждающие веру в истинность Аллаха и пророческую миссию самого Мухаммада, были сохранены, собраны и изложены в главной священной книге мусульман — Коране, который уже более 1000 лет выступает в качестве неизменного руководства и критерия в жизни мусульманского общества.

Культ Бога у мусульман можно сравнить с культом единобожия, характерным для иудаизма и христианства. Ведь, как известно, *Аллах* — слово, столь часто употребляемое мусульманами, по-арабски означает «Бог».

В Коране подчеркивается, что Аллах — первопричина жизни и творец мироздания. В тексте содержатся предупреждения и предписания, которые указывают мусульманам, как следует себя вести, чтобы в Судный день (*йаум ад-дин*) не подвергаться никаким наказаниям. Помимо того, в этой священной книге есть описание ада (*джаханнам*) и рая (*ал-джанна*), содержатся различного рода поучительные истории, которые показывают благосклонность Аллаха, его необыкновенную щедрость и, естественно, необычайную, ни с чем не сравнимую мощь и силу. Значительную часть содержания священной книги составляют общественные и социальные законы и правила, религиозно-правовые предписания, знание и соблюдение которых определяет образ жизни мусульманского общества, саму его сущность, так или иначе затрагивая все стороны общественной жизни современных мусульманских государств. Коран и сегодня является источником социальных установок, этико-культурных норм и стандартов общения, играет важную роль в сфере религиозной практики. Само слово «ислам» означает «покорность», «подчинение воле Бога». А мусульманин — это человек, который повинуетеся Богу.

Если, не вдаваясь в подробности, попытаться рассказать об основных доктринах исламской религии, определяющих основы народного бытия в арабских странах, то в первую очередь следует отметить, что ее считают как бы продолжением, развитием религий, которые существовали ранее: иудаизма и христианства. Их учения были хорошо известны на Аравийском полуострове. Ислам в известной степени разделяет основные идеи иудаизма и христианства, по-своему пере-

толковывая их. Для мусульман иудеи и христиане выступают как «люди Библии».

Вскоре после того, как в VII в. арабы приняли ислам, они весьма энергично и настойчиво начали оккупировать одну за другой страны и территории, примыкающие к их землям, и по прошествии времени распространили свое завоевание на огромную территорию — от Испании до Индии, навязывая народам, проживающим на этих землях, и свою религию. Принятие ислама населением стран Ближнего Востока и Северной Африки привело к тому, что сегодня, согласно официальным данным, более 90% арабов исповедуют мусульманскую религию. Подавляющее большинство арабов-мусульман относят себя к суннитам, т.е. тем, кто признает сунну («обычаи», «пример») как второй после Корана источник сведений о жизни Мухаммада. Их называют также ортодоксами, которые совершают правильные поступки в соответствии с сунной, где поступки Мухаммада трактуются как образец для каждого мусульманина.

Второй по численности группой среди мусульман считаются шииты, которые, по мнению суннитов, внесли в ислам запрещенные новшества. Довольно большое число шиитов проживают в настоящее время в Ливане, Ираке (больше половины населения) и странах Персидского залива. Разделение мусульман на суннитов и шиитов произошло более 1000 лет тому назад, после смерти пророка Мухаммада, когда в ходе ожесточенных споров решался вопрос о том, кому должна перейти верховная власть, кто станет законным наследником и духовным преемником пророка Мухаммеда. Несмотря на разделение мусульманской общины, на существование некоторых различий как в вероучении, так и в отправлении религиозного культа и ритуалов, сунниты и шииты признают право каждой группы относить себя к мусульманам.

Мусульманское общество во всех своих деяниях исходит из предписаний шариата (исламского права), которые основаны на Коране и сунне. Сунна состоит из хадисов («новости», «рассказы»), т.е. преданий о делах (*фи'л*) и словах (*ка'л*) пророка, которым надо следовать. Именно хадисы были средством, которое помогло приспособить ислам к тем социальным ситуациям, которые возникали на протяжении его многовековой истории. Когда речь заходит об интерпретации исламского права и необходимости придерживаться его в жизни, мусульманские юристы обращаются также к принципам *ал-кийās* («аналогия») — суждение по аналогии и *ал-'иджмā'a* («консенсус») — согласие, единое мнение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу.

Ал-кийās позволяет анализировать каждое правовое явление, избегая нагромождения фактов. Для сопоставления прибегают к использованию текстов Корана, сунны, а также широко известных, проверенных историй, достоверных фактов. *Ал-кийās* оценивают как один из

источников права, с одной стороны, и как метод практической деятельности — с другой.

Что же касается *ал-’иджмā’а*, то это один из источников мусульманского права, его суть заключается в соблюдении требования о единстве мнения ученых-законоведов относительно обсуждаемого вопроса; именно тогда принимаемое ими решение становится правовой нормой.

Применение мусульманского права нередко зависит от страны и местной интерпретации как Корана, так и шариата. Некоторые страны (Саудовская Аравия, Ливия, Судан) прибегают к использованию принципов мусульманского права исключительно в гражданском праве, в частности когда принимается решение по разного рода криминальным делам. Однако подавляющее большинство арабских стран вносят в юридические законы, которые имеют силу на их территории, различные добавления или изменения в соответствии со своими собственными требованиями и традициями, что в известной степени связано с существованием и ростом локализма.

Исламским юристам нередко приходится сталкиваться с совершенно новыми проблемами, которые ставит сама жизнь, с разного рода непредвиденными обстоятельствами, о которых у них нет ни согласованных заранее мнений, ни окончательных, однозначно воспринимаемых во всех мусульманских странах решений и суждений. Неудивительно, что, если судить по публикациям в арабской прессе, довольно часто они вынуждены принимать решения по тому или иному делу, исходя из своего личного опыта, либо обращаться к практике ряда европейских стран. Для примера приведем историю, связанную с введением контроля за рождаемостью. Официально этот контроль разрешен в большинстве мусульманских государств, однако в некоторых его открыто поощряют, а в других не только осуждают, но и объявляют незаконным актом, ссылаясь на принципы мусульманской религии. Так, например, поступил Пакистан. Коран важен для современной оценки идей, этических идеалов и правовых стандартов мусульманского мира, которые нередко неправильно воспринимаются и трактуются на Западе.

Неоспоримо огромное влияние Корана на формирование тех фундаментальных принципов, которые в значительной степени определяют всю жизнь мусульманина. Если судить по произведениям арабских писателей, то душа и характер мусульманина представляют собой своеобразную мозаику, в которую вкраплены самые разные коранические постулаты. Именно они пронизывают всю жизнь мусульманского общества. Некоторые из этих постулатов настолько распространены и глубоки, что так или иначе должны быть рассмотрены, чтобы понять, как же мусульмане осознают, что такое жизнь, как они

ее оценивают. К числу самых первых фундаментальных концепций Корана, с которыми знакомится мусульманин и затем слепо их соблюдает, относится *аш-шахада* — «свидетельство или доказательство» — *ла шлах алла Аллах. Уа анна Мухаммадан Расулу Ллахи* — «Нет богов, кроме Единого Бога — Аллаха, и Мухаммад — посланник Его». Это признание единобожия и пророческой миссии Мухаммада. *Аш-шахада* — исповедание веры — считается альфой и омегой ислама, первоисточником, из которого, по сути дела, вышла сама доктрина этой религии. Признано, что тот человек, который произносит шахаду, в принципе знает буквально все. Неудивительно, что в призыве к молитве формула шахады звучит несколько раз.

Публичное произнесение этой традиционной формулы с искренностью в голосе в присутствии двух мусульман — лиц мужского пола — в качестве свидетелей вполне достаточно для того, чтобы человек, который прошел через этот ритуал, был признан мусульманином. По сообщению «Независимой газеты» (№ 4, июнь 1999 г., дайджест НГ-религии, с. 10), протоиерей Вячеслав Полосин, клирик Калужской иерархии, возглавляющий аппарат Комитета по связям с общественными объединениями и религиозными организациями Государственной думы РФ, перешел в ислам. «Я решил привести свой социальный статус в соответствие со своими убеждениями», — заявил В.Полосин и произнес формулу, свидетельствующую о принятии им ислама.

Если во время беседы с мусульманами вы заявите о своей вере в Бога и о том, что вся жизнь человека находится под его контролем, они будут полностью с вами солидарны. Вторым столпом веры является совершение молитвы (*ас-салам*). Мусульманин молится каждый день в установленное время и с соответствующим ритуалом. Ежедневный молитвенный цикл состоит из пяти молений (*ас-салават аль-хамс*), которые совершаются на рассвете, от зари до восхода солнца (утренняя молитва — *салам ас-субх*), в полдень (полуденная — *салам аз-зухр*), после полудня (предвечерняя — *салам аль-'аср*), на закате (*салам аль-Магриб*) и с наступлением ночи (вечерняя — *салам аль-'иша*). Часы совершения этих молитв по дням необязательно должны точно совпадать.

О том, что наступило время молитвы, мусульманину напоминает призыв муэдзина по радио, в соответствующий час раздающийся с минарета мечети. Звучит громко, доходит до слуха каждого проживающего в округе. Во время молитвы становятся лицом по направлению на Каабу в Мекке. В обряд моления входит произнесение молитвенных формул, следующих друг за другом в определенном порядке, а также соблюдение установленных религиозной традицией молитвенных поз и движений (*рака'ат*), цикл которых зависит от времени совершения молитвы. Каждый молящийся предварительно расстилает молитвенный коврик (*саджжду*), на котором он совершает обряд мо-

ления. Молитва может совершаться индивидуально или коллективно в любом подходящем месте: в мечети, дома, в офисе, в разного рода публичных местах. Однако само место для молитвы должно быть ритуально чистым. Во время молитвы никто не имеет права проходить перед молящимся, как-то мешать ходу моления. Это может вызвать негативную реакцию. Во время молитвы нельзя разговаривать, совершать какие-либо действия, так или иначе отвлекающие от хода молитвы. Только больные или инвалиды могут несколько упростить обряд, даже ограничиваться при его совершении мысленными движениями.

После *шахады* наиболее важной и часто употребляемой молитвенной формулой считается *Бисмиллах ар-рахмани ар-рахим*, о которой мы говорили выше: формулой *Басмалах-бисмиллах*, которая представляет собой в сокращенном виде формулу *Бисмиллах ар-рахмани ар-рахим*, начинается каждая глава Корана, за исключением тех, которые по своей сути являются логическим продолжением предшествующей главы. Эта формула стоит в самом начале и суры «ал-Фатиха» (первой суры Корана), которую произносят вслух несколько раз в день во время совершения молитв. По мнению многих исследователей Корана, именно в этой суре излагается сущность той главной концепции, которая столь детально и образно передается всем текстом Корана. Эта сура состоит из семи (!) строф: три — о Боге, три — о человеке и одна — об истинной сути тех отношений, которые существуют между милостивым и милосердным Богом и человеком.

Можно предположить, что не все мусульмане знают точный смысл формулы *Басмалах-бисмиллах*, однако они признают ее священную силу, и потому любое действие, любой свой шаг в жизни, даже самый обыкновенный и привычный, как, например, прием пищи или начало любого путешествия, посадка в самолет, машину, любое транспортное средство, они начинают с произнесения этой формулы, которая вызывает к божественному милосердию, благословляя и освящая деяния человека.

По своему смыслу близка к *Басмалах-бисмиллах* вторая шахада — *Мухаммадун расул Аллах* — «Мухаммад — посланник Аллаха» — продолжение первой шахады. Вторая шахада утверждает, что все положительное, созданное на земле, исходит от самого Бога, а его посланником является Мухаммад.

Ал-хамду ли Ляхи — «хвала Аллаху» — эта формула также очень широко употребляется в повседневной речи мусульман не только в арабских странах. Если произнесением формулы *Басмалах-бисмиллах* обычно начинают какое-либо действие, то формула *Ал-хамду ли Ляхи* звучит после его завершения. Именно благодаря Аллаху все начинается, и только по его милости все так или иначе заканчивается.

В арабских странах часто можно услышать и другие устойчивые выражения-формулы, в частности *Аллаху 'акбар* — «Аллах велик».

Звучит она и в призыве на молитву. Прилагательное 'акбар в арабском языке выражает одновременно сравнительную и превосходную степень, что позволяет переводить всю формулу Аллаху 'акбар как «Аллах великий, а также и величайший». Что касается повседневной жизни, то указанная формула наряду с возвеличиванием Бога подчеркивает незначительность человека, его подчиненность, зависимость от божьей милости.

И наконец, к числу наиболее употребляемых формул, украшающих речь арабов в самых различных ситуациях, следует отнести: *инша' Аллах* — «если Бог пожелает», *ма ша' Аллах* — «то, что пожелал Бог».

Первая формула обращена в будущее и выражает убежденность человека, что все, что происходит в жизни, всецело зависит от воли Всевышнего, без него никто ничего сделать не может. Она употребляется, когда речь идет о таких аспектах действительности, реализация которых так или иначе связана с нашими собственными возможностями, зависит именно от нас и уж никак не продиктована внешними обстоятельствами.

Что касается выражения *ма ша' Аллах*, то его употребляют после завершения какого-нибудь дела, оно звучит как своего рода напоминание, что, что бы ни случилось, что бы ни произошло, сколько бы усилий ни приложил человек во имя дела, все равно все исходит от Аллаха, зависит от его воли.

Есть и другие коранические выражения, которые обязательно употребляются в повседневной жизни, в самых обычных беседах. Вряд ли кто-либо станет возражать, что сам этот факт следует рассматривать как своеобразное постоянное присутствие, функционирование Корана в жизни мусульманского общества.

И действительно, Коран не только определяет правовую и религиозную культуру арабского народа, всю его социальную жизнь, но и является хранилищем этических и языковых стандартов, выступая свыше 1000 лет в качестве наиболее влиятельной книги, которую знает весь мусульманский мир.

Третьим столпом ислама считается уплата «закята», смысл которого состоит в том, что обеспеченные мусульмане ежегодно отчисляют часть своих доходов обществу, оплачивают налоги в пользу неимущих и немощных. Описывая подробности поведения арабов-мусульман, невольно обращаешь внимание на то, как и кому они подают подаяние. По-арабски это называют *садака*. Слово *садака* образовано от корня, который означает «говорить правду, быть искренним». От этого же корня образованы слова, передающие значение «обходиться дружелюбно, дружить».

Если какой-нибудь нищий обращается к вам за подаянием, то правильнее будет, если вы дадите ему небольшую сумму денег, например несколько монет. В том случае, когда вы ничего ему не подаете, не

произносите слово «нет» или любое другое, обозначающее отказ, — подобное поведение может быть расценено как проявление невежливости, даже грубости. Надо сказать: *Аллах йу'тик* («Аллах подаст тебе»); по крайней мере вы произнесете формулу благочестия, принятую в мусульманском обществе, которая традиционно используется, когда хотят успокоить страждущего или просителя.

В жизни мусульманской общины благотворительность, милосердие издревле играют важную роль. Согласно предначертаниям Аллаха, люди должны помогать друг другу. Для благочестивого мусульманина милосердие — одна из норм его жизни, средство, помогающее смягчить, как бы устранить существующее в обществе социальное неравенство. Помогите сегодня нуждающемуся, гласит мудрость, ибо завтра, кто знает, ты сам можешь оказаться в таком же или более тяжелом положении. Поможешь ты — помогут и тебе.

У мусульман принято поститься (*саум*) в течение месяца Рамадана. Рамадан — девятый месяц мусульманского лунного календаря. Во время Рамадана мусульмане не едят, не пьют и не курят в течение всего светлого времени суток, т.е. между восходом солнца и закатом. С наступлением темноты запреты снимаются. Цель поста — научить людей «умению» переносить голод, противостоять всякого рода лишениям, проявлять самодисциплину, благочестие, смирение и верность избранной религии.

Пост в дни Рамадана не является обязательным для тех людей, здоровью которых в результате поста может быть нанесен вред. От него освобождаются также те, кто не может по каким-либо обстоятельствам его соблюсти (путешественники, туристы). Однако следует иметь в виду, что те, кому по какой-то причине пришлось воздержаться от соблюдения поста в дни Рамадана, должны тем не менее поститься соответствующее число дней позднее, в удобное для них время, конечно при условии, если состояние их здоровья это позволит. В подавляющем большинстве религиозных общин Рамадан приносит с собой и праздничную атмосферу. Люди собираются вместе, приходят все члены семьи, друзья. Ночью пост прерывается и все приступают к еде, которая, как правило, довольно обильна и разнообразна, как принято говорить — на любой вкус.

В дни Рамадана люди заняты неполный рабочий день, часы работы магазинов тоже меняются, вся деятельность людей приходится либо на ранние утренние, либо на поздние ночные часы. В дни поста всем иностранным лицам — немусульманам рекомендуется быть предельно внимательными, помнить, что в стране их пребывания жители соблюдают пост: воздерживаются от еды, не пьют даже воду, не позволяют себе курить в общественных местах. В дни, предшествующие Рамадану, или в дни самого праздника для поддержания добрых отношений рекомендуется поздравлять всех мусульман с торжеством,

высказывая при этом добрые пожелания, которые полнее всего выражаются в традиционной формуле: *Рамадан карим* — «Рамадан милостив». В ответ соблюдающий пост обязательно произнесет: *Аллаху 'акрам* — «Бог еще более милостив».

Тенденция к строгому соблюдению заповедей Корана наблюдается и в совершении паломничества (*ал-хаджж*) в Мекку, священный город мусульман, которое совершается хотя бы раз в жизни при условии, что мусульманин в состоянии его совершить. Паломничество — *ал-хаджж* — считается одним из главных столпов религии и играет важнейшую роль в религиозных обрядах. Пребывание в Мекке и Медине, по мнению мусульман, наиболее достойное событие жизненного пути мусульманина и во многом влияет на его престиж в глазах единоверцев. Видные *алимы* (религиозные ученые) из разных стран считают своим долгом совершить *ал-хаджж* несколько раз. Паломничество происходит в двенадцатый месяц — *зу-л-хиджжа* — по лунному мусульманскому календарю. В это время мусульмане со всего мира стремятся собраться вместе. *Зу-л-хиджжа* считается важнейшим мусульманским праздником и отмечается во всех странах, где проживают мусульмане. *Ал-хаджж* состоит из целой серии обрядов, которые совершаются в течение шести дней в нескольких городах, расположенных неподалеку от Мекки, в долинах Мина и Муздалифа. Обязательными среди этих обрядов являются стояние у горы Арафат и хождение вокруг Каабы. Паломники, мужчины и женщины, облачаются в белые одежды и тем самым символизируют, что они хранят чистоту и равны перед Богом.

Период паломничества завершается празднеством, во время которого совершается жертвоприношение животных, как правило овец, купленных богатыми паломниками тут же у торговцев и бедуинов. Овец закалывают и разделяют и тут же раздают всем паломникам.

Когда кто-либо из мусульман отправляется в *ал-хаджж*, его обязательно напутствуют следующими словами: *ал-хаджж мабрүк* — «паломничество похвально». Совершивший паломничество получает наряду с почетным званием *хаджи* право носить зеленую чалму. Когда паломник возвращается, его все поздравляют и отныне к его личному имени прибавляют титул *хаджи* (мужчинам) или *хаджийа* (женщинам). (Исключение составляет Саудовская Аравия, где титул *хаджи* не употребляется.)

Ислам запрещает употребление спиртных напитков. Опьянение есть грех, оно отрицательно воздействует на здоровье человека. В суре «ал-Маида» говорится: опьяняющие напитки «возбуждают вражду и ненависть среди вас и мешают вам помнить о Боге и выполнять его заветы и установления, и рабская зависимость от них отвращает вас от единственного пути к счастью и ведет к неводержанности».

Роль вторичного корнеобразования в развитии словарного состава арабских обиходно-разговорных языков

При относительной стабильности словаря арабского литературного языка (АЛЯ), восходящего к классической и послеклассической лексике, словарный состав арабских территориальных диалектов (АД) и городских региональных обиходно-разговорных языков (ОРЯ) быстро развивается и изменяется, все больше удаляясь от общеарабской корневой основы. Центробежные тенденции ОРЯ обусловлены причинами языковыми (анализм и отсутствие падежей в АД, ОРЯ и синтезм и сохранность падежей в АЛЯ) и неязыковыми (государственно-географическая раздробленность арабских стран, разнотипность их социально-экономического статуса и их связей со странами Европы, Азии, Африки). Для ОРЯ, в отличие от АЛЯ, стали характерны открытость для структурных инноваций и неограниченная свобода иноязычных заимствований. Грамматические нововведения оказывают разнонаправленные воздействия на словообразовательные процессы, сокращая или, наоборот, расширяя ряды словообразовательных моделей. Так, утрата форм морфологической категории страдательного залога в ОРЯ привела к количественному расширению и продуктивности моделей VII, VIII и V пород глагола, передающих значение страдательности. Вместе с тем сокращаются и унифицируются модели нескольких пород: II, IV>II; II, IV, I>I.

О дальнейшем обособлении лексики ОРЯ от АЛЯ свидетельствует такое важное явление, как вторичное корнеобразование, общее для всех арабских региональных ОРЯ. Своеобразие этого процесса состоит в том, что традиционные арабские словообразовательные модели

и приемы используются здесь нетрадиционно, например когда слово не образуется от этимологического корня, а возникает в результате свободного, чисто внешнего, формального установления нового (производного) корня, т.е. путем вторичной деривации либо раздвоения вторичных корней и т.д.:

егип. [hyu]: II *hayya* 'приветствовать', имя действия *tahiyya* 'приветствие; привет' > [thy] II *tahha* 'приветствовать';

алж. [rwh]: VIII *riāh* 'отдыхать' > [rth] II *rattah* 'дать отдохнуть';

сир., егип. 1) [*ḏn* > *zn*]: I '*azan* 'разрешать', '*izn* 'разрешение';

2) сир., егип. [*ḏn* > *ḏn*]: сир. '*addan*, егип. '*addin* 'призывать на молитву', '*adān* 'призыв на молитву'; 3) сир. '*idn*, егип. *widn* 'ухо'.

Структура корня слова — одна из важнейших проблем арабского языкознания. Различные аспекты корнеобразования в арабском языке и других семитских языках освещались в работах Н.В.Юшманова [Юшманов 1985; 1998], Б.М.Гранде [Гранде 1963], Ю.Н.Завадовского [Завадовский 1962], А.Г.Беловой [Белова 1994; 1999], В.М.Белкина [Белкин 1975], а также ряда арабских и европейских ученых. Специально проблеме вторичного корнеобразования в современных арабских обиходно-разговорных языках (египетском, сирийском, алжирском) посвящена кандидатская диссертация М.А.Ивановой, в которой автор основное внимание уделяет анализу семантико-структурных, фонетических и стилевых особенностей корнеобразования [Иванова 2003].

Рассмотрим наиболее продуктивные явления вторичного корнеобразования, ограничившись в основном материалами египетского ОРЯ. (Приводимые ниже материалы почерпнуты из нашего «Арабско-русского словаря. Современный египетский разговорный язык», который в настоящее время готовится к изданию в издательстве «Восточная литература».)

Вторичный, новый уровень возникает из основы производного имени, которое, в свою очередь, образовалось от этимологического, первичного корня; новые корни могут состоять из трех, четырех и более согласных:

[gwz]: IV '*agāz* 'отправлять в отпуск' > '*agāza* 'отпуск' > [gz]: II '*aggiz* 'брать отпуск';

[rh]: II '*arraḥ* 'датировать' > *tariḥ* 'дата' > [trh]: II '*tarraḥ* 'датировать';

[šy]: *šwayya* 'малость' > [šwy]: X '*istašwa* 'считать маленьким, незначительным';

[hlw]: *ḥilw* 'сладкий' > [hlwn]: I '*ḥalwin* 'делать сладким; подслащивать';

[rb'] '*arbi* 'in 'сорок' > [rb']: I '*rab'an* 'достигать сорокового дня после рождения';

[slm]: muslim 'мусульманин' > [mslm]: II 'itmaslim 'стать мусульманином, принять ислам';

[rf]: rufayya 'тонкий; утонченный' > [rfn]: rufanna 'и [rfnt]: rufanta 'изящный'.

Особенно значительно количество новых отыменных глаголов, образованных непосредственно от первичных основ:

'ustāz 'учитель' > X 'istatiz 'поучать высокомерно';

zamzam 'Замзам' (священный колодец у храма Кааба) > I zamzim 'совершать омовение в Замзаме';

lagna 'комитет' > laggin 'передавать в комитет';

dawša 'шум, гам' > I dawāš 'шуметь; поднимать шум';

dīk 'петух' > II dayyik 'быть чопорным, напыщенным';

'unfid 'ѐж' > VIII it'anfid 'сжигаться'; ср. также: сауд. gahwa, марок. qahwa 'кофе' > сауд. II tighawa, марок. II tqahwa 'пить кофе'.

Большое место в этом процессе корнеобразования занимают заимствованные имена из различных языков:

dublāz (<фр. doublage) 'дублиаж' > I dabliž 'дублировать';

nirfiz (<англ. nervous) 'нервный' > II 'imarfiz 'нервничать';

budra (<фр. poudre) 'пудра' > II baddar 'пудрить';

wirwir (копт.) 1 'свежий, сочный (о растениях)'; 2) 'зеленый, неопытный (о человеке)' > I warwir 1) 'становиться свежим, сочным (о растениях)'; 2) 'быть неопытным, неумелым (о человеке)'; wirwira 1) 'свежее, сочное растение'; 2) 'цыпленок; птенец'; 3) жарг. 'девушка';

munawra, minawra (<фр. manoeuvre) 'маневрирование; маневр' > III nāwir 'маневрировать';

kabtin (<англ. captain) 'капитан' > II itkabtin 'командовать; приказывать';

'awit (<англ. out) спорт. 'аут' > II 'awwit 'выбить мяч в аут'.

Вновь образованные отыменные корневые гнезда могут расширяться, образуя формами производных глагольных пород:

boks (<англ. box) 1) спорт. 'бокс'; 2) (мн. -āt, 'abkās, bikās) 'удар кулаков' > III bākis 'боксировать', VI itbākis 'боксировать друг с другом', II bakkis 'избивать кулаками', V itbakkis 'быть избитым кулаками', mibaksa 'боксирование', mibākis 'боксирующий';

riglāš (<фр. réglage) тех. 'регулировка; настройка' > I ragliš тех. 'регулировать; настраивать', II itragliš 'быть отрегулированным; быть настроенным'; miragliš 'регулирующий, настраивающий; отрегулированный; настроенный';

barṭūš (мн. barṭīš) (ит. pertuzo) 'изношенная обувь' > I barṭāš 'изнашивать (обувь)'; II itbarṭāš 'изнашиваться, быть изношенным' (об обуви); barṭāša 'изнашивание (обуви)'; mibarṭāš 'износивший (обувь)'; 'изношенный (об обуви)'.

Вторичное словообразование широко развивается также за счет четырехгласных глаголов, которые образуются в ОРЯ намного продуктивнее, чем в АЛЯ:

а) путем редупликации двухсогласных глаголов:

I 'aḏḏ 'кусать' > I 'aḏ'aḏ 'грызть; разгрызть';

I bašš 'улыбаться' > I bašbiš 'радостно встречать';

I bašš 'смотреть' > I bašbaš 'подмигивать';

б) путем редупликации двухсогласных именных основ:

ḥarāra 'жар' > I ḥarḥar 'быть горячим';

ḥaṭṭ 'утки' > I ḥaṭbaṭ 'крякать';

ḥitta 'кусочек' > I ḥaṭḥit 'разбивать на мелкие кусочки';

в) путем внутренней перестановки фонем трехсогласной основы или добавления к ней новых согласных:

I ra'ab 'устрашать' > I ra'bib 'пугать; запугивать';

II 'alla 'вешать' > I ša'la 'вешать';

IV 'asra 'спешить' > I sarba 'подгонять';

I tiḥin 'быть толстым' > I taḥtaḥ 'толстеть';

II saḥḥam 'пачкать' > I saḥmaṭ 'марать';

III 'āfa ['fw] 'быть здоровым' > I 'afwin 'стать сильным';

'ālam 'мир, вселенная' > 'awlama 'глобализация'.

Для характеристики аналогичных явлений в других арабских ОРЯ приводим следующий сравнительный материал:

егип. *da'*, ирак., алж., *dagg* 'стучать' > *da'da'*, ирак. *dagdag* 'ударять, стучать', алж. 'разбивать, дробить'.

Нередко подобные явления в совокупности можно наблюдать в преобразованиях одного и того же корня: II *daḡḡaš* 'затемнять' > I *daḡḡiš* 'быть тусклым', *daḡmiš* 'делать тусклым', *daḡwiš* 'затуманить'.

Новые, вторичные корни и основы могут возникать по чисто фонологическим причинам из-за раздвоения древних корневых гнезд, так как в разговорном языке некоторые согласные фонемы получили новую, двоякую реализацию (*d* > *d*, *z*; *f* > *f*, *s*; *z* > *z*, *ḏ*): I *laḏḏ* > 1) I *lazz* 'улаживать'; 2) I *ladd* 'быть приятным';

— [*zlm*]: 1) I *ḡalam* 'угнетать'; *ḡulm* 'угнетение';

2) I *ḡalam* 'затемнять', *ḡalma* 'темнота'.

— [*ḥdt*]: 1) II *ḥaddit* 'рассказывать'; 2) IV *aḥdas* 'создавать; устраивать'.

— [*nṯ*]: 1) *'unūsa* (лит. *'unūta*) 'женственность'; 2) *niṯāya* (лит. *'ūniṯā*) 'женщина, самка'.

В большей степени, чем в литературном языке, в арабских ОРЯ появляются новые сложные основы и корни, возникшие в результате словосложения:

а) именные формы:

balāš (< *bala* + *še*) 'ничто; даром' > II *balliṣ* 'распродать весь товар';

— *bani'ādam* (< *bani* + *'ādam*) 'человек, мужчина', ж.р. *bani'adma* 'женщина', мн. *bani'ādmīn*;

— *yusafandi*, *yustafandi*, *safandi*, *'istafandi* (< *yūsif* + *'āfandi*) 'мандарины'; имя единич. *yusafandiyyāya*, *safandiyyāya*, *'istafandiyyāya* 'мандарин';

— *dar'ami* (мн. *dar'amiyyin*, *dara'ma*) выпускник университета Дар аль-Улюм (в Каире);

— *iddal'adi* неизм. 'уважаемый, дорогой';

— *barrimā'i* (< *barr* + *mā'i*) 'земноводный';

— *maward* (< *mā'* + *ward*) 'розовая вода';

— *tamriḥinna* (< *tamr* + *ḥinna*) бот. 'цветы хны';

б) глагольные формы: *gāb* (< *gā* + *bī*) 'приносить';

в) различные разряды наречий: *innaharda* 'сегодня'; *imbāriḥ* 'вчера'; *dilwa'ti* 'сейчас'; *ṣuwayya*, *ba'ḍiṣi* 'немного'; *biṣwēṣ* 'понемногу'; *lissa*, *madām* 'пока, еще'; *'iṣḥāl* 'как?'; *'iṣmi'na* 'почему?'; *'ikminnu* 'поэтому'; *'emta* 'когда?'; *kamān* 'тоже; также'.

г) различные разряды местоимений: *'ēh* 'что?'; *'ēṣ* 'что?'; *maḥaddiṣ* 'никто';

д) различные разряды частиц: *'aywa* 'да', *'adi* 'вот'.

е) различные разряды числительных: *talattāṣar* 'тринадцать', *tul-timiyya* 'триста'; *ḥamastāṣar* 'пятнадцать', *ḥumsimiyya* 'пятьсот'.

Специфичный композиционный глагол I *basmil* (то же II *'itbasmil*) (имя действия *basmaḥ*) означает 'произносить слова': *bi'ismillāh ir-raḥman ir-raḥīm* 'во имя Аллаха Милостивого и Милосердного'. На его основе возникло сложное слово *bismilla* с тем же значением. Оно употребляется как приглашение: 'Просим к нам за стол!' (говорят гостю или посетителю, неожиданно пришедшему во время еды).

В структурном плане отыменные глаголы бывают трех- и четырехсогласные. Многие иноязычные именные заимствования имеют пятисогласные основы. При образовании глаголов от подобных основ в соответствии с нормами арабского языка «излишние» начальные или конечные согласные отпадают:

— *maḡnaṭis* (<греч. *magṇḗfēs*) 'магнит' > [*mɣnɬ*]: I *maḡnaṭ* 'намагничивать'; II *'itmaḡnaṭ* 'быть намагниченным'; *maḡnaṭa* 'намагничивание'; *mimaḡnaṭ* 'намагничивающий; намагниченный';

— *kokayīn* (фр. *cocaïne*) 'кокаин' > [*kyn*]: V *'itkayyin* *'ikkayyin* 'стать пьяным от кокаина'; *mitkayyin* 'опьяневший от кокаина';

— *'asfalt* (фр. *asphalte*) 'асфальт' > [*sflɬ*]: I *saflit* 'асфальтировать'; II *'itsaflit* 'быть асфальтированным'; *saflata* 'асфальтирование'; *misafalit* 'асфальтирующий; асфальтированный'.

Многие заимствованные слова, особенно имена, вошедшие в арабские ОРЯ недавно и функционирующие в некоторых областях науки и техники, различаются стилевыми уровнями своего употребления.

Часть специальных заимствований представлена общеупотребительными терминами, характерна для нейтрального стиля: *'intirmit* (<англ. *internet*) 'интернет'; *kompitar* (<лат. *computare*) 'компьютер', *sêrvîs* (<англ. *service*) 'сервис'.

Другая часть заимствованных терминов свойственна только языку образованных людей, представителей интеллигенции, характерна для высокого стиля: *fayl* (<англ. *file*) 'файл'.

Одни иноязычные термины представлены в разных стилевых уровнях своими разными фонетическими вариантами: высок. *pirovayder* — нейтр. *birofayder* (<англ. *provider*) 'провайдер'; другие — синонимичными вариантами из разных языков: высок. *mubāyil* (лат. *mobilis*) — нейтр. *tilifōn maḥmūl* 'мобильный телефон, мобильник'.

Некоторые заимствованные термины пока еще не освоены широкими слоями населения. Поэтому параллельно с ними в ОРЯ употребляются арабские синонимы. Таковы, например, следующие термины из области компьютерной технологии:

- высок. *notbuk* — нейтр. *daftar* 'ноутбук';
- высок. *Windows* — нейтр. *nāfiza* 'Windows';
- высок. *monitor* — нейтр. *šāšit il-gihāz* 'монитор';
- высок. *maus* — нейтр. *fāra* 'мышь, мышка';
- высок. *migabayit* — нейтр. *wiḥdit il-qiyās* 'мегабайт'.

Большинство заимствованных имен образуют только самостоятельные именные словарные гнезда. Эти иноязычные лексемы выполняют функции производящих основ, в дальнейшем обрастая различными словообразовательными и формообразующими морфемами. Продуктивность морфем нередко зависит от структуры имени-основы. Так, основы с усложненной многоконсонантной структурой выражают множественное число посредством суффикса *-āt*:

- *'iksibrēs* (<англ. < лат. *express*) (мн. *'iksibresāt*) 'экспресс';
- *'iksiliḥōn* (< фр. *xylophone*) (мн. *'iksiliḥōnāt*) 'ксилофон'.

Формы и целого, и разбитого множественного числа могут получать основы с более простой конструкцией:

- *villa* (<лат. *villa*) (мн. *villāt, vilal*) 'вилла';
- *vatrīna* (<фр. *vitrine*) (мн. *vatrīnāt, vatarīn*) 'витрина';
- *botīk* (<фр. *boutique*) (мн. *botīkāt, bawatīk*) 'ботик';
- *mutōr* (<лат. *motor*) (мн. *mutorāt, mawatīr*) 'мотор'.

Аналогичные явления наблюдаются и в области словообразования в современных арабских ОРЯ. Например, суффиксы *[-a]* и *[āya]* образуют имена единичности существительных, обозначающих собираемость, массу чего-либо:

- *'ananās* собир. 'ананасы' > *'ananāsa, 'anasāya* (мн. *'anansāt*) '(один) ананас';
- *sosīs* собир. 'сосиски' > *sosīsa, sosisāya* (мн. *sosisāt*) 'одна сосиска';

— *banzīn* ‘бензин’ > *banzīna* (мн. *banzināt*) 1) ‘бензоколонка’,
2) ‘канистра’.

Таковы некоторые способы развития арабского словаря благодаря специфическим путям вторичного образования корней и основ в арабских ОРЯ.

Литература

- Белкин 1975 — *Белкин В.М.* Арабская лексикология. М., 1975.
Белова 1994 — *Белова А.Г.* Историческая морфология арабского языка. М., 1994.
Белова 1999 — *Белова А.Г.* Очерки по истории арабского языка. М., 1999.
Гранде 1963 — *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963.
Завадовский 1962 — *Завадовский Ю.Н.* Арабские диалекты Магриба. М., 1962.
Иванова 2003 — *Иванова М.А.* Активные процессы корнеобразования в современных арабских обиходно-разговорных языках и диалектах. Канд. дис. М., 2003.
Юшманов 1985 — *Юшманов Н.В.* Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М., 1985.
Юшманов 1998 — *Юшманов Н.В.* Работы по общей фонетике, семитологии и арабской морфологии. М., 1998.

О некоторых параметрах описания синтаксиса филиппинских языков в контексте интегральной лингвистической типологии *

1. Вводные замечания

Цель данной работы — предложить ряд параметров описания синтаксиса филиппинских языков (далее — ФЯ) в контексте интегрально-типологического подхода к сопоставлению языковых систем. Имеется в виду то направление типологии (интегральное, целостно-системное, холистическое — *holistic*), которое ставит своей целью изучение согласованного варьирования (по языкам) свойств различных уровней и подсистем языковой структуры (см., например, определение (во вступительном слове от редакторов) целей нового журнала — *Linguistic Typology* (vol. 1, no. 1: 1), см. также [Comrie 1987; Klimov 1987]).

В связи с поставленной задачей рассматривался материал следующих языков: пангасинан, илокано, капампанган (северное подразделение филиппинских языков), тагальский и биколь — центральное подразделение, в рамках которого себуано и хилигайнон представляют бисайскую подгруппу. Источниками данных по указанным языкам служили [Benton 1971a, 1971b, 1971c; Bernabe, Lapid, Sibayan 1971; Bunye, Yap 1971; Constantino 1971a, 1971b; Forman 1971a, 1971b; Mirikitani 1972; Mintz 1971a, 1971b, 1971c; Motus 1971a, 1971b; Santos 1983; Shibatani 1988; Wolfenden 1971; Wolff 1972; Yap, Bunye 1971].

В данной работе в центре внимания — согласованное варьирование свойств синтаксиса и лексикона — такое, которое задается макси-

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РГНФ, грант № 01-04-00119а.

мально обобщенной чертой лексикона ФЯ — слабой различимостью частей речи. Указанная грамматическая особенность ФЯ хорошо известна специалистам по австронезийским языкам. Ее изучение на материале тагальского языка, в рамках типологически ориентированного исследования внутренней системности этого языка [Шкарбан 1995], показало, в частности, следующее: недостаточной разграниченности частей речи соответствует такое устройство синтаксиса, при котором грамматические составляющие синтаксических структур (члены предложения) неотчетливо сформированы. Это определяется доминацией прагматически обусловленных коммуникативных структур над собственно синтаксическими, в частности неотчетливой формальной разграниченностью двух этих видов структур. Естественно, что в данных условиях не может быть формально выраженных соответствий между членами предложения (синтаксическими функциями) и классами слов. Тем самым части речи, понимаемые в современной лингвистике как классы слов, специализирующиеся на определенных синтаксических функциях, не имеют основы для функционального и формального размежевания, т.е. не могут быть в полной мере сформированы.

Один из важнейших диагностических признаков того типа связи между синтаксисом и лексиконом, который наблюдается в ФЯ, — характер формального и семантического соотношения между подлежащно-сказуемостной и тема-рематической структурами. В данной работе предметом рассмотрения являются синтаксические свидетельства неотчетливой разграниченности коммуникативных (тема-рематических) и собственно синтаксических (подлежащно-сказуемостных) структур. Принципиально важны в связи с этим свойства служебных средств синтаксиса — те, в которых проявляется тенденция их непосредственного подчинения коммуникативным структурам. (О морфологических и морфонологических проявлениях слабой различимости частей речи в нескольких крупных (major) филиппинских языках см. [Шкарбан 2002]; детальный анализ этих явлений в тагальском языке см. [Шкарбан 1995].)

Есть очевидные свидетельства того, что языки различаются по степени формальной разграниченности прагматически обусловленных и чисто грамматических структур в синтаксисе. Соответственно они различаются по степени разграниченности служебных инвентарей этих структур. Данные различия между языками могут оцениваться по шкале, которую предварительно назовем шкалой прагматической ориентированности синтаксиса. В этой связи нас интересуют те параметры описания синтаксиса филиппинских языков, которые в дальнейшем могли бы быть полезными при подобном шкалировании языков (взаимодополнительном с оценкой языков по шкале различимости частей речи).

II. Из истории вопроса

В принимаемом нами рабочем определении синтаксиса филиппинских языков как прагматически ориентированного ключевым является определение «прагматический» и соответственно понятие прагматики.

На основании этого из многочисленных публикаций по проблемам синтаксиса тагальского и других ФЯ мы отметим ниже те, которые прямо или косвенно свидетельствуют о важности понятия прагматики для анализа и понимания синтаксиса ФЯ.

Существует определение синтаксиса тагальского языка как имеющего преимущественно прагматическое основание (основу?) (*predominantly pragmatically based*). Данное определение, предложенное Т. Ги-воном, применено к тагальскому языку в [Naylor 1986].

Ряд более конкретных дискуссионных проблем синтаксиса ФЯ связан с понятием подлежащего (*subject*). Многими филиппинистами оспаривается наличие подлежащего в структуре предложения в ФЯ (см., например, [Шахтер 1982]). Для нас существенно, что в качестве альтернативы понятию подлежащего принимается понятие топика (*topic*) и соответственно в качестве альтернативы предикативной, подлежащно-сказуемостной связи предстает связь *topic-comment* (см., например, [Benton 1971a: 160]) или *topic-predicate* (как в [Schachter, Otanez 1972]). В общетеоретической литературе по синтаксису понятие топика рассматривается как аналогичное (при некоторых условиях — как тождественное) понятию темы (обсуждение проблемы см. [Тестелец 2001: 462–463]), что, несомненно, перекликается с упомянутым выше определением синтаксиса тагальского языка как имеющего преимущественно прагматическое основание.

Существует, однако, противоположная точка зрения, согласно которой подлежащее в тагальском и других ФЯ есть, хотя у него не вполне отчетливо выражены признаки канонического подлежащего. Обсуждение этой проблемы занимает одно из центральных мест в глубоком исследовании проблем тагальского синтаксиса [Kroeger 1991], а также в [Shibatani 1988] — работе, посвященной залогу в ФЯ; см. также [Bloomfield 1917; McKaughan 1973].

Упомянем еще одну обсуждаемую в литературе проблему, существенную для исследования прагматической ориентированности синтаксиса ФЯ в контексте интегральной типологии.

Речь идет об особенностях категории залога в ФЯ. Так, дискуссионным является само наличие такой категории в ФЯ. Нюансы расхождений между лингвистами разнообразны. Мы отметим наиболее распространенную альтернативную ее трактовку как категории фокуса (см., например, [Naylor 1986; Benton 1971a; Schachter, Otanez 1972]), что предполагает ее сущностную связь с прагматически обусловленными ком-

муникативными структурами. Чаще всего, обосновывая выбор в пользу категории фокуса, используют понятие «фокус внимания». Неоднозначность этого понятия (в фокусе внимания — данная, активированная информация (тема) или новая информация (в частности, рема) придает предлагаемым трактовкам значительную неопределенность. Ср. отказ П.Шахтера по этой причине от фокусной трактовки [Schachter 1987], ранее ее авторитетного пропагандиста (ср. [Schachter, Otanez 1972]).

Многие филиппинисты принимают интерпретацию этой категории как категории залога, отмечая при этом различные ее особенности (см., например, [Constantino 1971; DeWolf 1988; Shibatani 1988]). Отметим в этой связи интерпретацию залога в ФЯ как прагматического в [Плунгян 2000: 206–207]. Существенно также высказанное в [Shibatani 1988: 92] мнение о залоге в ФЯ как о явлении, характеризующем топикализацию (a characteristic of topicalisation).

Мы исходим из применимости понятия «залог» к рассматриваемой категории, поскольку она соответствует представлению о залоге как механизме, регулирующем диатезу предложения, т.е. схему соответствия между членами предложения и семантическими актантами (ситуационными ролями; см. в связи с этим [Мельчук, Холодович 1970]). Особенности же залога выводимы, на наш взгляд, из прагматической ориентированности синтаксиса ФЯ (подробнее см. ниже).

III. Общие сведения о рассматриваемых единицах — служебных средствах и структурах синтаксиса ФЯ

Особенности служебных средств синтаксиса, обусловленные его прагматической ориентированностью, принципиально важны для данного исследования (см. п. I). Из этих служебных средств наиболее важны аналитические падежные показатели (проклитические частицы). Они составляют общий служебный инвентарь коммуникативных и собственно синтаксических структур, свидетельствуя уже этим о слабой разграниченности тех и других. Их способность участвовать в кодировании информации прагматического характера обусловлена их близостью к дейктической сфере, придающей им артиклевые и местоименные черты.

С проявлениями этой близости связана первая группа предлагаемых параметров. Они призваны отразить: а) основные черты организации парадигмы аналитических падежных показателей, определяемой в первую очередь различным соотношением у них референциальных свойств и ролевых семантических характеристик; б) их соотношенность с синтетическими падежными формами местоимений — личных и указательных; в) универсальную сочетаемость рассматриваемых проклитик со словами различных частей речи.

Синтаксические структуры, организуемые с помощью аналитических падежных показателей, классифицируются ниже на основе характеристик подлежащно-сказуемостной связи. Но свойства падежных показателей, реализуемые в ее рамках, делают ее формально не отграниченной от тема-рематической связи.

По частеречным признакам сказуемого различаются: 1) именные предложения (виды именного сказуемого: а) характеризующее/таксономическое, немаркированное; б) идентифицирующее, маркированное артикле- и местоименообразным показателем именительного падежа, номинатива); 2) глагольные предложения.

Другое важное различие между синтаксическими структурами — их деление на базовые и производные. К базовым структурам мы относим, вслед за Шахтером и Отанес, «наиболее короткие и простые модели законченных предложений» — такие, что производные структуры «могут быть описаны как результат преобразований (elaboration) и комбинирования элементов базовых типов» [Schachter, Otanez 1972: 59]. И именные и глагольные предложения могут быть базовыми и производными. Формальные и семантические свойства производных структур позволяют считать, что они специализируются на экспликации тема-рематической структуры предложения, компенсируя невыраженность в ряде случаев тема-рематической значимости некоторых базовых подлежащно-сказуемостных структур. Их можно трактовать, образно говоря, как свидетельства «запаса прочности» прагматически ориентированного синтаксиса.

IV. Некоторые параметры синтаксического описания филиппинских языков с точки зрения прагматической ориентированности синтаксиса этих языков

1. Как указывалось выше (п. III), первая группа параметров призвана продемонстрировать близость к дейктической сфере аналитических падежных показателей общих и личных имен.

1.1. Парадигматические отношения между аналитическими ПП и падежными формами местоимений.

Для работ по ФЯ характерна тенденция совокупного рассмотрения свойств аналитических ПП и единиц, очевидным образом относящихся к дейктической сфере (личных и указательных местоимений). Вспомним в этой связи о том, что наряду с трактовкой рассматриваемых служебных единиц как падежных показателей существует точка зрения на них (в основном представленная в относительно ранних работах по ФЯ) как на артикли или падежные формы артикля (см., например, [Brandstetter 1916; Blake 1925]). В этом же контексте любопытным представляется высказывание в связи с анализом синтаксиса

языка мансака (одного из малых языков Филиппин) в [Thomas 1958: 240] о том, что падежные формы местоимений в мансака суть фактически алломорфы соответствующих падежных показателей.

Ниже приведены объединенные парадигмы единиц—носителей одновременно и дейктических, и падежных характеристик. Из них три (по языкам тагальскому, биколь и себуано) представлены в [Shibatani 1988: 9–11] и модифицированы нами для данной работы; таблицы по языкам илокано и пангасинан составлены нами. В таблицах отмечены различия между ПП общих имен по сочетаемости у них ролевых и референциальных свойств. С точки зрения близости аналитических ПП к дейктической сфере принципиально важно само наличие у аналитических ПП общих имен различных референциальных свойств (подробнее о различиях между ПП в этом отношении см. ниже, в разделах об именных и глагольных предложениях).

(1) Таг		NOM	GEN/ERG	ACC	DAT/DIR
ПП	Опр.реф.	ang	nang	sa	sa
общих имен	Неопр.реф./Нереф.	–	nang	nang	sa
ПП личных	имен	si	ni	kay	kay
Личн. мест.	1 л.	ako	akin/ko	sa akin	sa akin
	3 л.	siya	kaniya/niya	sa kaniya	sa kaniya
Указ. мест.	‘это/этот’	ito	nito	nito	dito

(2) Бик		NOM	GEN/ERG	ACC	DAT/DIR
ПП	Опр.реф.	an	ki	ki	sa
общих имен	Неопр.реф./Нереф.	–	kan	kan	sa
ПП личных	имен	si	ni	ki	ki
Личн. мест.	1 л.	ako	ko	saku	saku

(3) Себ		NOM	GEN/ERG	ACC	DAT/DIR
ПП	Опр.реф.	ang	sa	sa	sa
общих имен	Неопр.реф./Нереф.	–	sa	ug	sa
ПП личных	имен	si	ni	ni	kang
Личн. мест.	1 л.	ako	nako	nako	kanako
	3 л.	siya	iya/niya	kaniya	kaniya
Указ. мест.	‘это/этот’	kini	niini	niini	niini

(4) Панг		NOM	GEN/ERG	ACC	DAT/DIR
ПП	Опр.реф.	so/-y	na/-y	na/-y	ed/-d
общих имен	Нереф.	–	na/-y	na/-y	ed/-d
	Неопр.реф.	so/-y	na/-y	na/-y	ed/-d
ПП личных	имен	si	nen	nen	kinen/ed si
Личн. мест.	1 л.	siak/ak	ko	siak	ed siak
Указ. мест.	‘это/этот’	saya	saya	saya	ed saya

Универсальная сочетаемость аналитических ПП со знаменательными словами — характерная черта ФЯ, свидетельствующая о неотчетливой функциональной разграниченности частей речи. Синтаксические сочетания типа «ПП + глагол» или «ПП + прилагательное» являются (падежно маркированными) именными группами: ПП в данном случае выполняет номинализирующую (в синтаксическом смысле) функцию.

Справедлива, однако, и более широкая трактовка функции ПП относительно вводимых знаменательных слов любой части речи как функции релятивизации, а образуемых ими групп — как релятивированных, со значением 'X, который...', где X — аналитический ПП местоименнообразного характера (см., например, [McFarland 1976: 4–5]).

Следует отметить высокочастотное во всех рассматриваемых ФЯ явление релятивизации показателем номинатива глагольных групп. Эти релятивированные глагольные группы занимают подлежащую позицию в производных структурах, образованных на основе исходных глагольных предложений, подлежащее которых перемещается в сказуемую позицию в производной структуре. Результат такого преобразования — экспликация тема-рематической значимости подлежаще-сказуемой структуры (подробнее см. ниже, п. 2.2). В данном же разделе иллюстрируется свободная сочетаемость аналитических падежных маркеров с глаголами. Примеры:

(10) Себ [Wolff 1972]

Pan	ang	iya	-ng	gi-		palit
хлеб	NOM	им	LNK	PASS-		купить

'Он купил хлеб' (букв. 'то-что он купил — хлеб')

(11) Панг [Benton 1971a: 98]

Saray	too	so	nan-	i-	inom	dia
DET.PL	человек	NOM	ACT-	IMPF-	пить	здесь

'Здесь пили те люди' (букв. 'те-кто пили здесь — те люди')

Приведем примеры сочетаемости неноминативных ПП с глаголами, а также показателей номинатива и других падежей с прилагательными:

(12) Себ [Wolff 1972: 834]

Kamahal	sa	imu	-ng	gi-	bayad!
дороговизна	GEN	тобой	LNK	PASS-	платить

'Как дорого ты заплатил!' (букв. 'дороговизна заплаченного тобой')

(13) Панг [Benton 1971a: 52]

Say	on-	la	ed	Cebu	so	mairap
DET.NOM	ACT-	идти	в		NOM	трудно

'Трудна поездка в Себу' (букв. 'то-что трудно — это ехать в Себу')

(14) Илок [Constantino 1971a: 16]

Nan-	gan	iti	adu	diay	rawet
ACT-	есть	ACC	многое	DET.NOM	обжора

'Обжора съел много'

Следующие два примера иллюстрируют релятивизацию номинативными ПП предложений:

- (15) Tag [Pascual 1957: 6]
 Mahirap ang wala roon ang tatay mo
 трудный NOM нет там NOM отец твой
 'Плохо, что там не было твоего отца'
- (16) Илок [Constantino 1971a: 25]
 Narigat ti sadut ti anak na
 трудно NOM ленивый NOM ребенок его
 'Трудно, когда ребенок ленив'

2. Именное предложение

На данном этапе исследования рассматривается роль аналитических ПП (и их местоименных коррелятов) в формировании предикативной структуры в ФЯ, точнее, в формировании двух ее непосредственных составляющих — групп П и С.

Особая значимость двусоставности предикативной структуры в ФЯ, ее членимости на две образующие ее синтаксические группы определяется повышенной формальной и семантической близостью этой структуры к тема-рематической, их слабой формальной и семантической разграниченностью. Соответственно существенным представляется рассмотрение конституирующей роли прономенидных/артиклеобразных маркеров номинатива в отношении групп П и С, как и роли их местоименных коррелятов, т.е. номинативных форм указательных местоимений в позиции синтаксических маркеров ИГ или в качестве заместителей ИГ.

Исследуются базовые и производные структуры именных предложений, и в обоих случаях рассматриваются два вида сказуемых: а) характеризующие/таксономические (отнесения к классу) и б) идентифицирующие.

Поскольку единственным формальным различием между двумя видами сказуемых является облигаторная маркированность номинативным падежным маркером (или его местоименным субститутом) идентифицирующего и облигаторная немаркированность характеризующего/таксономического сказуемых, будем говорить о сказуемой подпарадигме номинативных ПП — материально выраженного и нулевого, например tag. *ang/∅*, панг. *so/∅*, илок. *ti/∅*.

Местоименообразные аналитические ПП с их неограниченными комбинаторными возможностями выражают именное начало в линейном ряду языковых знаков, независимо от вводимых ими знаменательных слов. В частности, они организуют противопоставленность маркированной группы П и немаркированной группы С на основе различия референтной и нереферентной ИГ соответственно. В конечном счете любое двусоставное предложение в ФЯ предстает как именное — в той мере, в какой это выражено на уровне аналитических ПП, т.е. на наиболее абстрактном уровне семантической организации П–С структуры.

Ниже представлены имеющиеся в ФЯ разновидности маркеров П (или и П и С — при маркированном, т.е. идентифицирующем, С), а также местоименные заместители (маркеров) П и С:

- а) ПП NOM общих имен;
- б) DET (детерминативы = артикли);
- в) DEM.NOM (указательные местоимения в номинативной форме);
- г) ПП NOM личных имен;
- д) личные PRON NOM.

Различия между ФЯ наблюдаются по следующим параметрам приведенной совокупности единиц:

- 1) наличие/отсутствие артиклей;
- 2) состав указанных групп единиц (большая/меньшая численность и функциональная дифференциация);
- 3) тождественность/нетождественность парадигм маркеров и местоимений у групп П и С (при идентифицирующем С).

2.1. Именные предложения базовой структуры.

2.1.1. Именные предложения базовой структуры с характеризующим/таксономическим (немаркированным) предикатом.

Примеры:

(17)	Tag			
	Maganda	ang		dalaga
	красивый	NOM		девушка
	'Девушка красива'			
(18)	Tag			
	Titser	ang		babae
	учитель	NOM		женщина
	'Женщина — учитель'			
(19)	Панг [Benton 1971a: 161]			
	Benger	ima-	у	ogaw
	капризный	DET-	NOM	ребенок
	'Ребенок — капризный'			
(20)	Панг [Benton 1971a: 89]			
	Libro	(i)tan		
	книга	DEM		
	'Это книга'			
(21)	Илок [Constantino 1971a: 38]			
	Napintas	diay		balasang
	красивый	DEN.NOM		девушка
	'Девушка красива'			
(22)	Илок [Constantino 1971a: 386]			
	Naraniag	ti		masakbayan
	яркий	NOM		будущее
	'Твое будущее ярко'			

Таксономический предикат (отнесения к классу) в именном предложении в себуано см. выше (10).

2.1.2. Именные предложения базовой структуры с идентифицирующим предикатом.

При обращении к именным предложениям с идентифицирующим предикатом обнаруживаются различия между ФЯ по формальному соотношению групп П и С, а именно — по наличию/отсутствию в языке тенденции их формального разграничения. Как представляется, можно говорить о тенденции преодоления той семантической близости, которая создается их одинаковым референциальным статусом.

В данном отношении своего рода водораздел проходит между северными ФЯ (в нашей работе это языки пангасинан, илокано. капампанган) и центральной группой ФЯ (тагальский, биколь и языки бисайской подгруппы — себуано и хилигайнон).

В центральных ФЯ (например, в тагальском) наблюдается тождественность инвентаря служебных и местоименных средств, используемых при кодировании групп П и С. Ср. с распространенным в работах по этим языкам определением предложений с идентифицирующим С как уравнительных (equational). Кроме того, инвентарь этих средств беднее, чем в северных ФЯ. В тагальском языке, например, этот инвентарь, общий для групп П и С (идентифицирующего), состоит из ПП NOM общих имен ang, ПП NOM личных имен si, номинативных форм указательных и личных местоимений. Примеры:

- (23) Tar
 Ang titser nila ang babae -ng iyon
 NOM учитель их NOM женщина -LNK DEM
 'Та женщина — их учительница'

Две ИГ из приведенного примера (23) свободно взаимозаменяемы в позициях П и С:

- (24) Tar
 Ang babae -ng iyon ang titser nila
 NOM женщина -LNK DEM NOM учитель их
 'Их учительница — та женщина'
- (25) Tar
 Ito ang bahay nila
 это NOM дом их
 'Их дом — этот'
- (26) Tar
 Ang bahay nila ito
 NOM дом их это
 'Это — их дом'

Укажем некоторые отличия северной группы ФЯ от центральной на примере языка пангасинан, в котором эти отличия представляются достаточно отчетливыми. Инвентарь синтаксических маркеров (с дейктическими свойствами) и указательных местоимений в языке пангасинан более богат и функционально более диверсифицирован, чем, например, в тагальском языке. В этом проявляется тенденция разграничения инвентарей единиц, маркирующих/замещающих группу С, с одной стороны, и группу П — с другой. Так, в языке пангасинан есть единицы, используемые при кодировании либо только группы С (идентифицирующего), либо и группы С и группы П. Они противопоставлены единицам, используемым при кодировании только группы П.

В указанном отношении наиболее показательны три группы единиц, отсутствующие в центральных ФЯ:

1) так называемые артикли (см. [Benton 1971a: 51–52]), способные маркировать группу С (идентифицирующего), указывая на ее определенно-референтный статус, а также способные замещать в группе П ее падежный номинативный маркер *so* (не способный маркировать группу С), эксплицируя или, во всяком случае, усиливая выражение определенной референтности как характеристики П (примеры 27, 28);

2) указательные местоимения, которые в предметном значении (типа ‘это’, ‘то’, т.е. в субстантивном употреблении) специализируются на замещении идентифицирующего предиката (пример 29);

3) указательные местоимения с (бытийно-)локативным значением (*nia* ‘(есть) здесь’, *nitan* ‘(есть) там’ и др.), которые употребляются только в позиции С (existential demonstratives [Benton 1971a: 90]; противопоставлены локативным указательным местоимениям, употребляющимся только адвербиально (*dia* ‘здесь’, *ditan* ‘там’ и др.; пример 31). Приведем иллюстративный материал:

(27) Панг [Benton 1971a: 120]

Say	masitera	ko	so	angitanem	-an
NOM	цветочный	горшок	мой	NOM	PF.сажать
ko	-у	араяс			
мног	-ACC	папайя			
‘Я посадил папайю в мой цветочный горшок’					

(28) Панг [Benton 1971c: 100]

Maong	say	balo	-n	kabat	yo
хороший	DET.NOM	новый	-LNK	знакомство	ваше
‘Ваше новое знакомство — хорошее’					

(29) Панг [Benton 1971c: 264]

Saya	so	abong	da
это	NOM	дом	их
‘Их дом — этот’ / ‘Их дом — (вот) это’			

(30) Панг [Benton 1971a: 90]

Nia	so	kanen	mo
-----	----	-------	----

	здесь	NOM	еда	твой
	'Вот твоя еда' (букв. 'твоя еда здесь')			
(31)	Панг [Benton 1971a: 89]			
	Sikato	-у	inmogip	dia
	он	-NOM	спал	здесь
	'Здесь спал он' (букв. 'тот-кто здесь спал — он')			

2.2. Именные предложения производной структуры.

Рассматриваются предложения (уже отчасти иллюстрировавшиеся выше; см. 10, 11, 27), образованные на основе предложений базовой структуры с глагольным или именным сказуемым, которое в производной структуре становится П, в то время как исходное П становится рематизированным С.

Структуры данного вида высокочастотны в ФЯ. Образование их обеспечивается возможностью релятивизации/номинализации лексем любых классов в позиции подлежащего/темы с помощью единиц дейктического характера — носителей падежного (номинативного) значения. Именно местоименные свойства синтаксических маркеров определяют их сочетаемость с лексемами любых классов.

Заслуживает внимания распространенная в литературе по ФЯ оценка С в таких структурах как эмфатического, как эмфатически выделяющего новую информацию. Такое определение С в производных структурах рассматриваемого вида подтверждает оправданность трактовки структур этого вида (принятую в данной работе) как эксплицирующих тема-рематическую значимость подлежащно-сказуемых структур в ФЯ.

Обратим внимание на то, что именно эти структуры трактуются в некоторых работах по ФЯ как структуры topic-comment, притом что в этих же работах исходные, базовые структуры определяются как подлежащно-сказуемые (subject-predicate; см., например, [Benton 1971a]).

Принципиально важен также тот факт, что во всех ФЯ частные вопросы (с вопросительными местоимениями кто?, что? и некоторыми другими, соотношенными с семантическими актантами) строятся исключительно на основе рассматриваемых производных структур. Вопросительные местоимения всегда занимают в них сказуемую (рематическую) позицию (см. 32–35).

В именных предложениях производной структуры (как и в предложениях базовой структуры) представлены два вида сказуемых — немаркированные (характеризующие/таксономические; см. ниже, 36, 37) и маркированные (идентифицирующие; см. 38, 39).

Примеры:

- (32) Tar
 Ano ang ginawa niya ?

- что NOM сделано им
'Что он сделал?'
- (33) Себ [Wolff 1972]
Kinsa -y mu- uban na- ku ?
кто -NOM ACT- идти со- мной
'Кто пойдет со мной?' (букв. 'кто тот-кто пойдет со мной?')
- (34) Илок [Constantino 1971a: 28]
Sinno ti na- kita -m ?
кто NOM PF.PASS видеть -тобой
'Кого ты видел?' (букв. 'кто тот-кто увиден тобой?')
- (35) Панг [Benton 1971a: 47]
Anto -y a- gawa to ?
что -NOM PF.PASS- делать им
'Что он сделал?'
- (36) Илок [Constantino 1971a: 12]
Ubing ti ag- sangit
ребенок NOM ACT- плакать
'Будет плакать ребенок' (букв. 'тот-кто будет плакать — ребенок')
- (37) Панг [Benton 1971a: 129]
Tuka so angilutu -an to -y sira
уксус NOM PF.готовить -PASS им ACC рыба
'Он приготовил рыбу в уксусе' (букв. 'то-в-чем он приготовил рыбу — уксус')
- (38) Илок [Constantino 1971a: 12]
Diay ubing ti ag- sangit
DET.NOM ребенок NOM ACT- плакать
'Плакать будет ребенок (определенный)'
- (39) Панг [Benton 1971c: 264]
Saya so masarag ko -n gawa -en
DEM NOM мочь мной -LNK делать -PASS
'Это я могу сделать' (букв. 'то-что может быть-сделано мной — вот это')

3. Глагольное предложение

3.1. Категория залога

Основные особенности организации глагольного предложения в ФЯ согласуются с общей характеристикой синтаксиса ФЯ, а именно с его прагматической ориентированностью. Воплощением именно этой особенности синтаксиса ФЯ является развитая категория залога (тракуемая также как категория фокуса (см. п. II); о некоторых других ее трактовках см., например, [Шкарбан 1995:103–107]).

Яркая особенность рассматриваемой категории, известная из описаний ФЯ, — разнообразие залоговых конструкций, прежде всего — неагенсных/неакторных, или «пассивных». «Пассивы» морфологически и синтаксически противопоставлены активному залогу с соответствием «П — агент/актор». Во всех рассматриваемых языках «пассивные» залог демонстрируют такие, например, соответствия между синтаксической функцией П и семантическими ролями (актантами)

как «П — пациенс», «П — адресат», «П — инструмент», «П — бенефициант», «П — место совершения действия; пункт отправления/прибытия» и некоторые другие.

Развитость категории залога полностью соответствует той повышенной семантической и коммуникативной значимости П–С структуры, которая обусловлена ее близостью к тема-рематической структуре. Поддерживая и усиливая семантическую и прагматическую значимость П–С структуры, развитая категория залога в ФЯ сама является производным от действия некоторых менее заметных факторов, организующих соотношение групп П и С. Все они связаны со свойствами ПП, с различиями и частичными сходствами между ПП NOM и косвенными ПП, маркирующими зависимые ИГ в составе предикативной глагольной группы. Укажем релевантные параметры ПП.

3.1.1. Референциальные свойства ПП.

Только ПП NOM специализируется на определенно-референтном статусе маркируемой ИГ (только подлежащей или также и сказуемой при предикатах тождества; см. 2.1.2.).

Косвенные ПП допускают любой референциальный статус маркируемой ИГ. Это наблюдается при всех семантических ролях, кодируемых ИГ, кроме пациенса (см. выше, 1–5).

3.1.2. Семантические (ролевые) свойства ПП.

ПП NOM характеризуется абсолютным ролевым асемантизмом (свойственным каноническому именительному падежу). Косвенные ПП характеризуются обширной ролевой полисемией. Например, в языке себуано (согласно [Shibatani 1988: 87]) косвенному ПП *sa* могут быть поставлены в соответствие следующие семантические роли: агенс/актор, пациенс, реципиент/адресат, инструмент, направление/местонахождение, в именной группе — посессор. Близок к этому и список ролей у тагальского ПП генитива/эргатива/инструменталиса/аккузатива, редко — локатива-маркера *nang*.

Размытость ролевой семантики косвенных ПП отчасти сближает их с ПП NOM, поскольку делает их зависимыми от элементов лексико-грамматического контекста, снимающих их полисемию. В этой ситуации разнообразные залоговые показатели в глагольном предикате выступают как основное средство маркирования ситуационных ролей, кодируемых ИГ. Это касается прежде всего ИГ, выдвигаемых в П-позицию, но также, косвенно, и ИГ, находящихся в составе предикативной глагольной группы.

Можно предположить, что ролевой асемантизм NOM-групп в сочетании с их презумптивной (по П.Шахтеру) референтностью и соответственно с их предрасположенностью к тематическому статусу имплицитует такую характерную черту ФЯ, как развитость категории залога, что обеспечивает указание практически на любую ситуационную роль,

выдвигаемую, в силу ее тематичности, в высшую именную позицию (маркируемую ПП NOM). Вспомним в этой связи упоминавшееся выше (п. II) определение залога в ФЯ как прагматического, предложенное В. Плунгяном, а также мнение М. Сибатани о связи между залогом в ФЯ и топикализацией.

- (40) Себ [Shibatani 1988: 88]
 Ni- hatag si Juan sa libro sa bata
 ACT- дать NOM ACC книга DAT ребенок
 'Хуан дал ребенку книгу'
- (41) Себ [Shibatani 1988: 88]
 Gi- hatag ni Juan ang libro sa bata
 PASS- дать ERG NOM книга DAT ребенок
 'Книга была дана мальчику Хуаном'
- (42) Себ [Shibatani 1988: 89]
 Gi- hatag -an ang bata ni Juan
 PASS- дать -PASS NOM ребенок ERG
 sa libro
 ACC книга
 'Мальчик был тем, кому Хуан дал книгу'
- (43) Себ [Shibatani 1988: 89]
 I- hiwa ang kutsilyo sa mangga ni Juan
 PASS- резать NOM нож ACC манго ERG
 'Нож был тем, чем Хуан резал манго'
- (44) Илок [Constantino 1971a: 20]
 Basa -en na ta libro
 читать -PASS им DEM.NOM книга
 'Будет прочтена им та книга'
- (45) Илок [Constantino 1971a: 20]
 Dawat -an na ti kwarta diay padi
 просить -PASS им ACC деньги DET.NOM священник
 'Священник будет тем, у кого он попросит деньги'
- (46) Илок [Constantino 1971a: 20]
 I- gatang -an na ti mangga diay
 PASS- купить -PASS им ACC манго DET.NOM
 balasang
 девушка
 'Девушка будет той, для кого он купит манго'
- (47) Илок [Constantino 1971a: 20]
 Pag- puted na ti kawayan diay buneng
 PASS- резать им ACC бамбук DET.NOM нож
 ko
 мой
 'Мой нож будет тем, чем он будет резать бамбук'
- (48) Панг [Benton 1971c: 145]
 Man- tanem si Juan na ponti

- ACT- сажать NOM ACC банан
 'Хуан посадит банан'
- (49) Панг [Benton 1971a: 48]
 I- tanem nep Juan imay ponti
 PASS- сажать ERG DET.NOM банан
 'Был посажен Хуаном банан'
- (50) Панг [Benton 1971a: 48]
 I- tanem -an ko -y Juan na ponti
 PASS- сажать -PASS мной -NOM ACC банан
 'Хуан будет тем, для кого я посажу банан'
- (51) Кап [Mirikitani 1972: 170]
 Mig- aral yang Ingles i Nena
 ACT.PF- изучать ACC английский NOM
 'Нена изучала английский язык'
- (52) Кап [Mirikitani 1972: 171]
 Pig- aral -an neng Nena ing Ingles
 PASS- изучать -PASS ERG NOM английский
 'Английский язык был изучаем Неной'
- (53) Кап [Forman 1971a: 117]
 I- sali me -ng baru i Kristi
 PASS- купить тобой ACC платье NOM
 'Купи платье для Кристи'
- (54) Хилич [Wolfenden 1971: 13]
 L -um- uto sia sang linapuhon
 -ACT- готовить он ACC овощи
 'Он приготовит овощи'
- (55) Хилич [Wolfenden 1971: 108]
 Lutu -on ko ang pangkaon
 готовить -PASS мной NOM еда
 'Мной будет приготовлена еда'
- (56) Хилич [Wolfenden 1971: 110]
 Lutu -an ko sang pangkaon ang kusina
 готовить -PASS мной ACC еда NOM кухня
 'Кухня будет местом, где я приготовлю еду'
- (57) Хилич [Wolfenden 1971: 110]
 Basah -an ko sang libro ang bata niya
 читать -PASS мной ACC книга NOM ребенок ее
 'Ее ребенок будет тем, кому я прочитаю книгу'
- (58) Хилич [Wolfenden 1971: 110]
 I- surat mo sa pisara ang chalk
 PASS- писать тобой на доска NOM мел
 'Мел будет тем, чем ты будешь писать на доске'

V. Заключение

Суммируем некоторые результаты данного этапа рассмотрения синтаксиса ФЯ в рамках интегрально-типологического подхода к сопоставлению целостных языковых систем — этапа, отраженного в данной работе.

Ориентиром для настоящего исследования послужила идея имплицативного отношения между слабой различимостью частей речи, известной чертой лексикона ФЯ, с одной стороны, и неотчетливой сформированностью собственно синтаксических структур в условиях доминанции над ними прагматически обусловленных коммуникативных структур — с другой. Эта идея подсказана результатами предшествующего системно-типологического обследования грамматического строя тагальского языка [Шкарбан 1995].

Предметом рассмотрения на данном этапе стала слабая отграниченность грамматических, подлежащно-сказуемых структур от коммуникативных, тема-рематических структур. Это явление в рабочем порядке было определено нами как прагматическая ориентированность синтаксиса ФЯ.

В данной работе рассматривались те синтаксические структуры, кодирующие средства которых исключительно или преимущественно ориентированы на прагматически обусловленные, коммуникативные установки говорящего. Это именные предложения базовой и производной структур с двумя видами предикатов каждая — характеризующим/таксономическим или идентифицирующим, а также глагольные предложения, представленные разнообразными залоговыми конструкциями.

Рассматриваемые ФЯ обнаруживают принципиальную общность в том, что касается близости их синтаксических служебных средств (прежде всего аналитических падежных показателей) к дейктической сфере и соответственно их роли в сближении собственно синтаксических (П–С) структур и коммуникативных (Т–Р) структур.

Основное различие, обнаруживаемое между ФЯ, касается инвентаря единиц дейктического характера (указательных местоимений и артиклей), участвующих в формировании оппозиции П и С как единиц, близких к теме и реме. Так, в северных ФЯ (особенно отчетливо — в языке пангасинан) инвентарь указательных местоимений богаче и функционально более дифференцирован, чем в центральнофилиппинских языках (прежде всего в тагальском и биколь). Особенно существенна тенденция в языке пангасинан специализации указательных местоимений на маркировании/замещении либо группы подлежащего, либо группы сказуемого. Эта тенденция дополняется в северных ФЯ важной ролью артиклей (детерминативов) в повышении формальной противопоставленности П и С (потенциально Т и Р). Артикли в центральных ФЯ отсутствуют.

Во всех рассматриваемых ФЯ именные предложения производной структуры и залоговые конструкции глагольных предложений наглядно свидетельствуют о запрограммированности формальных средств П–С структур на кодирование Т–Р отношения.

Проведенный анализ позволяет определить дальнейшие шаги в изучении прагматической ориентированности синтаксиса ФЯ. При последующем, более детальном анализе глагольного предложения особого внимания заслуживают способы кодирования пациенса. Эти морфосинтаксические процессы ярко свидетельствуют о прагматической ориентированности синтаксиса ФЯ и одновременно колеблют именно эту глобальную его характеристику, заключая в себе предпосылки для эволюционных сдвигов в синтаксисе ФЯ.

Условные обозначения

Бик	— биколь	ACC	— аккузатив
Илок	— илокано	ACT	— активный залог
Кап	— капампанган	DAT	— датив
Панг	— пангасинан	DEM	— демонстратив
Себ	— себуано	DIR	— дирекционалис
Таг	— тагальский	ERG	— эргатив
Хилиг	— хилигайнон	GEN	— генитив
ФЯ	— филиппинские языки	IMPF	— имперфектив
ИГ	— именная группа	INSTR	— инструменталис
П	— подлежащее	LNK	— атрибутивная связка
ПП	— падежный показатель	NOM	— номинатив
Р	— рема	PASS	— пассивный залог
С	— сказуемое	PL	— множественное число
Т	— тема	PF	— перфектив
		PRON	— местоимение

Литература

- Мельчук И.А., Холодович А.А. (1970) К теории грамматического залога (Определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. № 4.
- Плунгян В.А. (2000) Общая морфология: Введение в проблематику. М.
- Тестелец Я.Г. (2001) Введение в общий синтаксис. М.
- Шахтер П. (1982) Ролевые и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М.
- Шкарбан Л.И. (1995) Грамматический строй тагальского языка. М.
- Шкарбан Л.И. (2002) О соотношении морфемы и слога в филиппинских языках в контексте интегральной лингвистической типологии.// Нусантара. Юго-Восточная Азия. Сборник материалов. Вып. 3. СПб.
- Benton R.A. (1971a) Pangasinan Reference Grammar. Honolulu.

- Benton R.A.* (1971b) *Pangasinan Dictionary*. Honolulu.
- Benton R.A.* (1971c) *Spoken Pangasinan*. Honolulu.
- Bernabe E., Lapid V., Sibayan B.* (1971) *Ilokano Lessons*. Honolulu.
- Blake F.* (1925) *A Grammar of the Tagalog Language*. New Haven.
- Brandstetter R.* (1916) *An Introduction to Indonesian Linguistics*. London.
- Bunye M.V.R., Yap E.P.* (1971) *Cebuano Grammar Notes*. Honolulu.
- Comrie B.* (1987) *Holistic Versus Partial Typologies* // Preprints of the Plenary Session Papers. XIV International Congress of Linguistics. Berlin.
- Constantino E.* (1971a) *Ilokano Reference Grammar*. Honolulu.
- Constantino E.* (1971b) *Ilokano Dictionary*. Honolulu.
- Cooreman A., Fox B., Givon T.* (1984) *The Discourse Definition of Ergativity*. // *Studies in Language*. Vol. 8.
- DeWolf Ch.M.* (1988) *Voice in Austronesian Languages of Philippine Type: Passive, Ergative or Neither?* // M.Shibatani (ed.) *Passive and Voice*. Amsterdam–Philadelphia.
- Forman M.L.* (1971a) *Kapampangan Grammar Notes*. Honolulu.
- Forman M.L.* (1971b) *Kapampangan Dictionary*. Honolulu.
- Klimov G.A.* (1987) *Integral Typology Versus Partial Typology* // Preprints of the Plenary Session Papers. XIV International Congress of Linguistics. Berlin.
- Kroeger P.R.* (1991) *Phrase Structure and Grammatical Relations in Tagalog*. PhD. Dissertation. Stanford University.
- McFarland C.D.* (1976) *A Provisional Classification of Tagalog Verbs* // *Study of Languages and Cultures of Asia and Africa*. Monograph Series. № 8.
- McKaughan H.P.* (1973) *Subject versus Topic* // Parangal kay Cecilio Lopez. *Philippine Journal of Linguistics*. Special Monograph Series. № 4.
- Mintz M.W.* (1971a) *Bikol Grammar Notes*. Honolulu.
- Mintz M.W.* (1971b) *Bikol Dictionary*. Honolulu.
- Mintz M.W.* (1971c) *Bikol Texts*. Honolulu.
- Mirikitani L.T.* (1972) *Kapampangan Syntax*. Honolulu.
- Motus C.L.* (1971a) *Hiligaynon Dictionary*. Honolulu.
- Motus C.L.* (1971b) *Hiligaynon Lessons*. Honolulu.
- Naylor P.B.* (1986) *On the Pragmatics of Focus*. — FOCAL I // *Pacific Linguistics*. Series C. № 93.
- Pascual M.S.* (1957) *Ang sining ng Maikling Kuwento*. Manila.
- Santos V.C.* (1983) *Vicassan's Pilipino-English Dictionary*. Manila.
- Schachter P.* (1987) *Tagalog* // B.Comrie (ed.) *The World's Major Languages*. London–Sydney.
- Schachter P., Otanez Fe.* (1972) *Tagalog Reference Grammar*. Berkeley–Los Angeles.
- Shibatani M.* (1988) *Voice in Philippine Languages* // M.Shibatani (ed.) *Passive and Voice*. Amsterdam–Philadelphia.
- Thomas D.D.* (1958) *Mansaka Sentence and Subsentence Structures* // *Philippine Social Sciences and Humanities Review*. Vol. XXIII, № 2–4, June–Dec.
- Wolfenden E.P.* (1971) *Hiligaynon Reference Grammar*. Honolulu.
- Wolff J.U.* (1972) *A Dictionary of Cebuano Visayan*. Honolulu.
- Yap E.P., Bunye M.V.R.* (1971) *Cebuano-Visayan Dictionary*. Honolulu.

Содержание

<i>А.И.Арсланбеков. Слово о юбиляре.....</i>	3
<i>Г.А.Восканян. Ю.А.Рубинчик — видный ученый-иранист.....</i>	16
<i>Биобиблиографическая справка.....</i>	21
<i>В.М.Алпатов. Какие наклонения существуют в японском языке?</i>	24
<i>Н.Ф.Алиева. Типологическое сравнение островных и полуостровных языков Юго-Восточной Азии. Проблемы структуры слова</i>	38
<i>М.С.Андронов. К этимологии слова рис.....</i>	49
<i>А.Г.Белова. Ключ закрывающий и ключ открывающий.....</i>	54
<i>С.А.Быкова. Фразеология японского языка и диалекты</i>	60
<i>А.А.Веретенников. Об обучении идиомам персидского языка</i>	67
<i>К.Т.Гадила. Статус препозитивных и постпозитивных элементов категории определенности vs. неопределенности в современных иранских языках</i>	76
<i>В.Г.Гак. Специфика фразеологических единиц и принципы отбора их для фразеологического словаря</i>	84
<i>Е.Л.Гладкова. К вопросу об образовании новых общественно-политических терминов в современном персидском языке.....</i>	93
<i>Дж.Х.Дорри. Связь современной персидской прозы с литературой Запада.....</i>	101
<i>В.Б.Иванов. Существуют ли артиклевые словосочетания в персидском языке?</i>	109
<i>М.И.Исаев. Русский язык в становлении общего лексико-терминологического фонда языков народов России</i>	125
<i>И.Д.Кленин. Опыт составления специального словаря</i>	134
<i>Г.А.Коган. О грамматических категориях фразеологизмов</i>	144
<i>Л.Р.Концевич. «Новая романизация» корейского языка: ожидания и реалии.....</i>	152
<i>К.А.Лебедев. Предлоги и послелогов в современном литературном языке пушту</i>	162
<i>В.П.Липеровский. Контур грамматического строя языка хинди.....</i>	167
<i>Т.И.Маркина. Некоторые конструкции с аористом в народном дастане «Дараб-наме» М.Бигами (XV–XVI вв.)</i>	178

<i>В.И. Миколайчик. Этапы анализа полифункциональной грамматической формы глагола (на материале языка дари).....</i>	183
<i>Е.К. Молчанова. Наблюдения над персидской и русской фразеологией</i>	193
<i>Л.Н. Морев. Типологический портрет тайских языков.....</i>	202
<i>В.С. Морозова. Фразеологизмы с компонентом-антропонимом «Адам» в современном арабском языке.....</i>	207
<i>И.Ю. Новгородова. О новом учебнике «Вводный курс языка пушту».....</i>	214
<i>М.Н. Орловская. Наречия и их синкретические формы в монгольских языках</i>	219
<i>Б.Я. Островский. О семантике пассивных форм глагола языка дари</i>	226
<i>Т.Г. Погибенко. Именная группа в кхмерском: число и референция</i>	233
<i>К.И. Поляков. Сложные речевые единицы персидского языка как объект системного анализа</i>	247
<i>Ю.А. Рубинчик. Проблемы дальнейшего изучения персидского языка</i>	255
<i>А.Л. Семенов. Новые слова в китайской лексике.....</i>	266
<i>Н.В. Солнцева. Подклассы глаголов в языках Юго-Восточной Азии</i>	276
<i>С.Э. Талыбова. Свободные копулятивные словосочетания в современном персидском языке.....</i>	282
<i>Е.Г. Титов. О работе над вторым изданием «Грамматики амхарского языка»</i>	290
<i>К.Н. Хитрик. Ситуация эндогенной диглоссии в персоязычной культуре</i>	297
<i>В.Э. Шагаль. Религия, общество и язык</i>	302
<i>Г.Ш. Шарбатов. Роль вторичного корнеобразования в развитии словарного состава арабских обиходно-разговорных языков.....</i>	315
<i>Л.И. Шкарбан. О некоторых параметрах описания синтаксиса филиппинских языков в контексте интегральной лингвистической типологии.....</i>	322

Научное издание

**Восточное
языкознание**

К 80-летию Ю.А.Рубинчика

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *Е.А.Мамиконян*
Компьютерная верстка *Н.А.Важенкова*

Подписано к печати 25.07.03
Формат 60×90¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. п. л. 21,5
Усл. кр.-отт. 21,7. Уч.-изд. л. 23,2
Тираж 500 экз. Изд. № 8090
Зак. № 8378

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018377-6

9 785020 183773 >

